

**СБОРНИК СООБЩЕНИЙ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОМИССИИ
О ЗЛОДЕЯНИЯХ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ**

СБОРНИК СООБЩЕНИЙ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОМИССИИ
О ЗЛОДЕЯНИЯХ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
И ИХ СООБЩНИКОВ

СБОРНИК СООБЩЕНИЙ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОМИССИИ
О ЗЛОДЕЯНИЯХ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1946

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЕ ЗАХВАТЧИКИ — УБИЙЦЫ, НАСИЛЬНИКИ, ДУШИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ, ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОГРЕССА

Вероломно напав на Советский Союз, немецко-фашистские захватчики и их сообщники совершали на советской территории, временно подвергавшейся оккупации, чудовищные преступления. Они истязали и убивали мирных жителей — мужчин, женщин, детей и стариков, угоняли в рабство миллионы советских граждан; грабили городское и сельское население, вывозили в Германию личное имущество советских граждан, колхозов, государственных предприятий и учреждений, уничтожали или разрушали предприятия, колхозы, учреждения науки, памятники искусства и культуры народов Советского Союза, расхищали художественные и исторические ценности.

Чрезвычайная Государственная Комиссия произвела расследование и установила чудовищные злодеяния гитлеровских преступников, совершённые ими над мирными гражданами и военнопленными, и определила материальный ущерб, причинённый ими советским

гражданам, колхозам, общественным организациям и государственным предприятиям в результате оккупации советских территорий армиями гитлеровской Германии и её сообщников.

Чрезвычайная Государственная Комиссия имеет в своём распоряжении огромное количество документов о преступлениях немецко-фашистских захватчиков и их пособников.

На Кавказе и в Донбассе, на Украине и в Белоруссии, в Крыму и в Карелии, в Прибалтике и Молдавии,— всюду, где только побывали гитлеровские орды, они оставляли после себя руины сёл и городов, страшные могилы с трупами убитых и замученных женщин, детей, стариков, военнопленных, пепел сожжённых людей, и везде причиняли безграничные страдания мирному населению.

Чрезвычайная Государственная Комиссия расследовала факты преступлений, совершённых немецкими преступниками, произвела осмотр и исследование могил и трупов, собрала многочисленные показания свидетелей и освобождённых узников немецких тюрем и концентрационных лагерей, допросила пленных солдат и офицеров вражеских армий, изучила захваченные вражеские документы, фотоснимки и другие улики чудовищных преступлений, совершённых гитлеровцами и их сообщниками.

В городах и сёлах, на предприятиях и в колхозах специальные комиссии с участием специалистов определяли ущерб, нанесённый захватчиками народному хозяйству СССР и имуществу советских граждан.

Акты, показания, заявления, заключения экспертов, фотоснимки, трофейные документы являются грозным обвинительным материалом против немецких убийц, душителей культуры, цивилизации и прогресса. Всё это делали немцы и их сообщники—больших и малых рангов. Их имена известны Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Расследованиями, произведёнными Чрезвычайной Государственной Комиссией, неопровержимо доказано, что зверства и злодеяния, грабёж, разрушения, бандитизм были тщательно разработанной, продуманной программой немецко-фашистского государства, стремившегося уничтожить Советское государство и истребить советских людей.

На оккупированной ими территории СССР гитлеровцы создавали целый аппарат всяких «оперативных команд», «зондеркоманд», проводили специальные «филтрации», «эзекуции», «ликвидации», организовывали «лагери уничтожения», сооружали и применяли специальные крематории, «бани особого назначения», «газовые автомобили» и другие орудия уничтожения советских людей.

Страшная программа действий на оккупированных территориях Советского Союза преподавалась германским правительством и военным командованием каждому солдату германской армии, каждому чиновнику вражеских оккупационных властей.

У убитого немецкого лейтенанта Густава Цигеля и других немецких солдат была найдена «Памятка немецкого солдата», излагающая эту кровавую программу гитлеровцев:

«Помни и выполняй:

1) ...Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа. После войны ты обретёшь новую душу, ясное сердце — для детей твоих, для жены, для великой Германии, а сейчас действуй решительно, без колебаний...

2) ...У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек.

3) Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Гер-

манец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — германец; как подобает германцу, уничтожай всё живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай всегда о возвышенном — о фюрере, и ты победишь. Тебя не возьмёт ни пуля, ни штык. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».

Командующий 6-й германской армией генерал-фельдмаршал фон-Рейхенау в своём приказе от 10 октября 1941 года (лично одобренном самим Гитлером) требовал от немецких солдат выполнить двоякую задачу:

«1) Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооружённой силы.

2) Беспощадное искоренение вражеского коварства и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооружённых сил Германии в России.

Только таким путём мы можем выполнить свою историческую миссию».

В Нотах товарища Молотова о разрушениях и зверствах, совершённых немецкими захватчиками на советской территории, и об угоне советских граждан в германское рабство, а также в Сообщениях Чрезвычайной Государственной Комиссии приводились многочисленные приказы немецких властей и военного командования, характеризующие продуманную систему уничтожения Советского государства, истребления и увода в рабство советского населения.

Гитлер в своей речи 30 января 1942 года цинично хвастался перед немецким народом уничтожением советских городов и населённых пунктов. Он говорил: «Там, где русским удалось прорваться и где они думали, что вновь заняли населённые пункты, этих пунктов уже нет: там одни развалины.»

В Советском Союзе немецко-фашистские негодяи сожгли десятки тысяч деревень, сёл и городов, замучили, расстреляли, повесили, отравили, закопали живыми в

землю миллионы ни в чём не повинных мирных жителей — мужчин, женщин, стариков, детей и военнопленных. Гитлеровские палачи угнали в германское рабство миллионы советских женщин, девушек, юношей, подростков.

На основании многочисленных документов и вещественных доказательств фашистских преступлений и неопровержимых данных расследования, Чрезвычайная Государственная Комиссия опубликовала за время своей работы 27 сообщений, помещённых в настоящем сборнике, о злодеяниях гитлеровцев, совершённых ими на советской территории, а также на территории Польши.

Эти сообщения показали советскому народу и всему миру звериное лицо фашизма, показали, с каким страшным врагом человечества Советский Союз, Соединённые Штаты Америки, Великобритания и другие демократические государства бились за свободу и независимость, за жизнь и честь мирных людей, за их достоинство, за прогресс, цивилизацию и культуру.

Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии описывают лишь часть немецких преступлений, совершённых гитлеровцами на советской земле.

Чрезвычайной Государственной Комиссией рассмотрено около четырёх миллионов актов об ущербе, причинённом немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками советским гражданам, колхозам и государству за время оккупации советских территорий. Этот ущерб исчислен и в натуральном и в денежном выражениях, причём только прямой ущерб выражается в 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941 года.

Чрезвычайной Государственной Комиссией рассмотрено и изучено 54 тысячи актов и свыше 250 тысяч протоколов опросов свидетелей и заявлений о злодеяниях фашистов. По этим данным, только на территории Советского Союза фашистскими палачами убиты и замучены за время оккупации миллионы мирных советских граждан и военнопленных.

Много тысяч советских людей уничтожено немцами в «лагерях смерти» на территории Польши, Германии, Австрии и других государств, куда гитлеровцы свозили для умерщвления граждан оккупированных ими стран.

На основании материалов расследования Чрезвычайной Государственной Комиссией составлены списки руководителей и непосредственных исполнителей преступлений немецких армий, а также немецких рабовладельцев, терзавших и зверски эксплуатировавших советских людей, угнанных в немецкое рабство.

Все эти документы и списки являются обвинительным материалом для суда над гитлеровскими убийцами, насильниками и погромщиками и для предъявления счёта германскому государству за причинённый ущерб.

Товарищ Сталин в докладе о 26-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции сказал: «Наш народ не простит этих преступлений немецким извергам. Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния».

Час суровой расплаты настал. Фашистские армии Германии и Японии—агрессоров второй мировой войны—разгромлены. Война завершилась полной победой стран демократии над странами фашизма.

Перед судом Международного Военного Трибунала сидят на скамье подсудимых главные немецкие преступники, вдохновители и организаторы бесчеловечных преступлений, совершённых фашистскими злодеями на территории временно захваченных ими европейских стран.

Суд народов вынесет всем им достойный приговор.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДАХ ВЯЗЬМЕ, ГЖАТСКЕ И СЫЧЕВКЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И В ГОР. РЖЕВЕ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Отступая под ударами Красной Армии, немецко-фашистская армия беспощадно уничтожает советские города и сёла, применяя насилие, пытки, истязания и совершая убийства мирных граждан, а также советских военнопленных.

История ещё не знает такого массового истребления людей, какое учиняют немецко-фашистские захватчики. Чувства жалости и милосердия им неизвестны. С чудовищной жестокостью они глумятся над беспомощными стариками. Их не останавливают ни слёзы матерей, ни протянутые с мольбой о помощи детские руки. Воспитанная Гитлером немецкая армия истязает и умерщвляет всех, кто немцам не нужен, а тех, кто на них может работать, они увозят, как скот, в Германию, на рынки рабов.

Председатель Чрезвычайной Государственной Комиссии Н. М. Шверник и член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай, Митрополит Киевский и Галицкий, лично установили в Вяземском, Гжатском, Сычевском и Ржевском районах факты чудовищных злодеяний немецких оккупантов, истязания, пытки, убийства, увод советских граждан в немецкое рабство, разрушение городов, сёл и деревень.

Злодеяния немецких фашистов и их сообщников подтверждены показаниями советских граждан, проживавших во время оккупации в этих районах, а также актами, составленными комиссиями из представителей советских, хозяйственных, кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций и рабочих, служащих, колхозников, городской и сельской интеллигенции и военнослужащих.

Убийства и истязания советских граждан

Поставив своей целью уничтожить Советское Государство, лишить советских людей крова и национальной культуры и превратить их в немецких рабов, германское военное командование приказало своим воинским частям беспощадно расправляться не только с военнопленными, но и с мирным населением сёл и городов Советского Союза.

В районах Вязьмы и Гжатска, Ржева и Сычевки командующие 4-й германской армией генерал-полковник Хейнриц и 9-й германской армией генерал-полковник Модель, не считаясь ни с какими законами человеческой морали, глумились, истязали и убивали мирных ни в чём не повинных советских граждан. По их приказанию офицеры и солдаты германских воинских частей пытали, выкалывали глаза, отрезали ноги, руки, уши, убивали женщин, детей и стариков.

Части жандармского корпуса генерала Шимана, бургомистр Арнольд Штаммп и начальник гестапо барон

Адлер замучили и убили в городе Вязьме тысячи мирных граждан.

10 декабря 1942 г. они вывезли на машинах за город 34 человека мужчин и женщин советских граждан, заставили их вырыть себе могилы и расстреляли их.

25 февраля 1942 г. фашисты расстреляли хирурга Вяземской городской больницы Бирштейна М. Д. 65 лет, врача-окулиста Лопырева А. Я. 62 лет и его 16-летнего сына.

Бессмысленному издевательствам и зверствам подвергся В. И. Мурашевский 74-х лет. Он нёс к себе домой ведро воды из уличного колодца. Немецкий солдат, проживавший с ним по соседству, позвал его к себе в дом и там зверски убил его. При осмотре трупа Мурашевского установлено, что правая щека у него разрезана и вывернута к правому уху, правое ухо оторвано, левый глаз выколот, веко вырезано треугольником, верхняя губа отрезана, на виске вырезан треугольник, кожа на затылке срезана бритвой.

Немецко-фашистские захватчики заставили женщин-врачей работать в госпиталях санитарками. Ефрейтор Рихтер — комендант инфекционного отделения госпиталя, за малейшую провинность избивал до потери сознания санитарок и медсестер. Русские врачи и медсёстры не могли пользоваться уборными, на дверях которых висела надпись: «Русским вход запрещён, за нарушение расстрел».

В Сычевке беспощадно расправлялся с женщинами, детьми и стариками комендант города обер-лейтенант Кислер.

7 января 1943 г. он согнал около 100 евреев — женщин, стариков и детей, сначала избил их, потом вывел на окраину города и расстрелял.

28 февраля 1943 г. немецко-фашистские изверги согнали в дом 57 по Набережной улице больных тифом жителей Сычевки, якобы, для оказания медицинской помощи, заперли их там и дом подожгли. Усилиями мед-

сестры Поповой и других медработников часть больных во время пожара была всё же спасена.

Около деревни Холмец Сычевского района понадобилось разминировать участок дороги. По распоряжению командира 102 германской пехотной дивизии генерал-майора Физлер фашисты согнали жителей деревни Холмец и погнали их по минированной дороге. Все эти люди погибли на взорвавшихся минах.

Фашистские власти заподозрили жителей деревни Корбутовки в связи с партизанами и сожгли деревню дотла. Колхознице Барановой, протестовавшей против такого разорения, немцы разрезали живот, изрезали лицо ножом, а детям её вывернули руки и проломили черепа.

В деревне Зайчики гестаповцы согнали в один дом Заикова Михаила, 61 года, Белякова Никифора, 69 лет, Бегорову Екатерину, 70 лет, Голубеву Екатерину, 70 лет, Дадонова Егора, 5 лет, Зернову Миру, 7 лет, и других, всего 23 человека, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нём.

В деревне Клины немцы бросили в костёр ребёнка колхозницы Богдановой, а затем сожгли и её.

В деревне Васильевке немецкие палачи повесили железным крюком за челюсть председателя колхоза Тарбина и кладовщика Ермолинского. Виселица с их трупами долго стояла на улице.

При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 года помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей из деревень Драчево, Злобино, Астахово, Мишино, закрыл двери и поджёг дом, в котором сгорели все 200 человек. Среди них были старики, женщины и дети: Платонов М. П. 63 лет; Платонова П. Л. 59 лет; Платонов Василий 35 лет и его дети Вячеслав 5 лет, Александр 3 лет; Васильева П. И. 42 лет, её дочери Мария 11 лет, Анна 9 лет и сын Аркадий 5 лет; мать Васильева М. С. 72 лет; Чистя-

кова К. Г. 64 лет; её сын Иван 13 лет и внук Юрий 4 лет; Смирнов М. И. 63 лет и его жена Смирнова Е. М. 58 лет, их дочь А. М. 27 лет с детьми 3 лет и 1,5 года, дочь М. М. Смирнова 15 лет и другие.

В деревне Степаники, Гжатского района, немецкие захватчики посадили в баню Елену Фёдоровну Ильину 35 лет и 7 дней мучили её, истязали плетью, палками, обливали холодной водой.

8 января 1943 года они согнали всех жителей деревни Степаники присутствовать при казни и повесили Ильину на дереве.

В деревнях Куликово и Колесники, Гжатского района, фашисты сожгли в избе всех жителей от мала до велика.

В городе Ржеве на центральной площади, где раньше был памятник Ленину, по приказу командующего 27 германским армейским корпусом генерал-майора Вейс, комендант города майор Куртфельд установил виселицу, на которой повесил десятки мирных граждан: Александра Дроздова, Анну Пожарскую, Медоциева и других. Несколько тысяч человек были расстреляны.

20 марта 1943 года в доме № 47 Палова по улице Воровского были обнаружены убитые фашистами три женщины и трое маленьких детей. Имущество разграблено.

В соседнем доме обнаружена замученная немецкими солдатами семья Садова: отец и мать расстреляны, дочь Рая 12 лет заколота штыком, сын Валентин 15 лет убит выстрелом в правый глаз, дочь Зина 18 лет изнасилована и задушена, дочь Катя 5 месяцев застрелена в висок.

В одном из дворов квартала № 116, на огороде, обнаружено в яме 8 трупов советских граждан, обезображенных до неузнаваемости: Соловьёвой И. В. 30 лет, у которой отрезаны губы, Андреевой А. К. 28 лет — исколота штыком и другие.

Злодеяния над советскими военнопленными

Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские военные власти обрекают красноармейцев на вымирание от голода, тифа и дизентерии. Военнопленным не оказывают медицинской помощи.

В Вязьме имелся госпиталь для военнопленных в неотапливаемом каменном сарае. Лечения и ухода за больными никакого не было. Ежедневно умирало от 20 до 30 человек. Больным выдавали в день полкотелка супа без хлеба. По данным врача Михеева Е. А., в один из дней в этом госпитале умерло от истощения и болезни 247 человек. Кроме того, немецкие солдаты избрали в виде мишени для стрельбы больных пленных красноармейцев, когда они проходили по двору госпиталя.

Хирургу Раздершину В. Н. вместе с группой врачей пришлось провести в помещении лагеря для военнопленных одну ночь. Врачи рассказывают, что всю ночь из разных помещений лагеря доносились крики истязуемых: «спасите», «помогите», «за что бьёте», «ох, умираю».

Днём, во время раздачи еды, военнопленные столпились у кухни. Для наведения порядка немецкий охранник снял с ремня гранату и бросил её в толпу. Несколько человек было убито и много ранено.

В феврале 1943 года, перед отступлением из Вязьмы, фашисты привезли группу арестованных советских граждан и пленных красноармейцев на станцию Новоторжская, что около Вязьмы. Пока истощённых голодом людей переводили от Новоторжской до лагеря, многие из них падали от изнеможения. Немецкие конвоиры таких пристреливали. От Новоторжской до Вязьмы было пристрелено 43 человека.

Нечеловеческим истязаниям и казням подвергал советских военнопленных комендант лагеря № 2, старший унтер-офицер Рауутенберг.

После освобождения г. Сычевки от немецких оккупантов, там, в лагере, в огромном рву, было обнаруже-

но свыше 3.000 трупов пленных красноармейцев и советских граждан. Осмотр трупов свидетельствует о зверских истязаниях: у многих перебиты руки, ноги, проломлены черепа, отрезаны носы, уши, выколоты глаза, отрезаны половые органы.

В деревне Харино в январе 1943 года фашисты согнали на скотный двор 79 военнопленных красноармейцев и сожгли их живыми.

В деревне Корытовка в ноябре 1941 г. немецкие солдаты тренировались в стрельбе по красноармейцам, убив таким образом 14 человек.

В июне 1942 г. по приказанию начальника жандармерии капитана Шульца из Вяземского лагеря военнопленных были выведены 5 красноармейцев, конвоиры велели им бежать и стали в них стрелять — трое были убиты сразу, а двоих раненых они добили прикладами.

В Вязьме, на Комсомольской улице один из красноармейцев отошёл от группы других пленных, чтобы напиться из ручья, текущего с края тротуара, немец-конвоир избил красноармейца прикладом, затем отвёл в сторону и застрелил.

Около станции Вязьма пленный красноармеец зашёл в столовую для рабочих и попросил тарелку супа. За ним вошёл конвоир и потребовал, чтобы красноармеец немедленно вышел из столовой. Пленный попросил разрешения доест суп. Конвоир вытащил красноармейца из столовой на улицу и тут же у дверей застрелил его.

В декабре 1942 года немец-конвоир застрелил двух пленных красноармейцев на улице Софьи Перовской. Трупы их валялись на улице несколько дней.

Увод советских граждан в немецкое рабство

По далеко не полным данным, фашисты, за время оккупации, угнали на каторжные работы в Германию из Вязьмы около 5.000 человек, из Сычевки — 1.500 человек, из Гжатска и Ржева — около 10.000 человек.

2 марта 1943 г. угнали в Германию двух дочерей гражданина города Вязьмы Виноградова — Веру 20 лет и Надежду 16 лет. В ответ на просьбу Виноградова пощадить его дочерей и не угонять их фашисты сожгли его дом.

Из деревень Куликово и Ивановской немцы отобрали 31 человека и угнали в Германию. Остальных жителей уничтожили, а деревни сожгли.

Из деревни Андреевское и Дятлово немецкие власти угнали в Германию 43 человека: Никонова Василия 40 лет, Малинину Раису 15 лет, Родионову Марию 40 лет, Чистова Василия 18 лет, Воронова Николая 33 лет, Халдееву Татьяну 48 лет, Сафонова Николая 41 года, Колосову Марию 45 лет, Фетисову Анну 16 лет, Веткина Егора 17 лет, Веткинину Валентину 15 лет и других.

В списках граждан, которых немцы угоняют на каторжные работы в Германию, нет людей старше 50 лет и моложе 15 лет. Всех, кто старше и моложе, немцы истребляют беспощадно.

Разрушение городов, жилищ, культурных учреждений и церквей

Немецкие военные части грабят и разрушают жилые здания, культурные учреждения, предприятия и церкви. Причём всё это представляет собой не какие-то отдельные акты, совершаемые недисциплинированными воинскими частями, а определённую систему, заранее предусмотренную высшим военным командованием.

Разрушения городов и сёл, ограбление мирного населения, а также культурных учреждений и церквей в Ржевском, Сычевском и Гжатском районах произвели воинские части: 87 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Штудниц, 129 пехотной дивизии генерал-майора Брауна, 72 пехотной дивизии генерал-майора Мюллера, 14 мотодивизии генерал-майора Эвердина, 337 пехотной дивизии генерал-майора Шонемана, 268 пехотной дивизии генерала Грейнера.

В Вязьме и Гжатске командиры: 35 пехотной дивизии генерал-майора Меркер, 252 пехотной дивизии генерал-майора Шефер, 7 пехотной дивизии генерал-майора Ропперт выделили специальные отряды факельщиков и минёров, которые поджигали и взрывали жилые дома, школы, театры, клубы, музеи, библиотеки, больницы, церкви, магазины, заводы, оставляя по пути своего отступления лишь пепел и развалины.

В Вязьме из 5.500 зданий уцелел лишь 51 деревянный дом. Здесь с 20 февраля по 6 марта 1943 г. немцы произвели 476 взрывов, которыми уничтожены: 2 больницы, родильный дом, женская и детская консультации, туберкулёзный диспансер, туберкулёзный санаторий, 2 поликлиники и городская аптека, 15 школ, учительский институт, 2 медицинские школы, городской театр, кинотеатр, центральная публичная библиотека, дом пионеров, 4 рабочих клуба, детский дом, 5 детских яслей и 4 детских сада, дом учителя, дом Красной Армии, летний театр, дом колхозника, здания Госбанка, сберкасс, Горсовета, райисполкома, Горторготдела, Райсоюза, Нарсуда и Прокуратуры; здания городской бани и хлебозавода.

Вырублено 2 городских парка. При отступлении из Вязьмы немцы отравили цианистой солью большинство колодцев, взорвали Духовскую и Троицкую церкви, взорвали Егорьевский, Зуевский, Фроловский, Сусленков и Смоленский мосты.

В Гжатске из 1.600 зданий уцелело только 300 домов. Взорваны и сожжены: городская электростанция, водопровод, больница, сельскохозяйственный техникум, 2 общежития техникума, дом учителя, детские ясли, детский дом им. Ленина, кинотеатр, городской клуб, клуб Красной Армии, пекарня, баня, завод промысловой кооперации «Металлист», дом инвалидов, районная ветлечебница, здание райвоенкомата и другие государственные предприятия и учреждения.

Церкви в Гжатске превращены были в конюшни и склады. В Благовещенской церкви немцы устроили бой-

ню для рогатого скота. Предтеченская церковь и Казанский собор взорваны. Колодцы в городе отравлены и заминированы.

В Сычевке из 1.030 жилых домов взорвано и сожжено 770 зданий. Сожжён музей, в котором погибло свыше 5.000 картин, среди них были полотна Репина, Левитана, Перова, Айвазовского, Коровина и других, скульптуры Антокольского, золотые, серебряные и бронзовые вещи работы мастеров XVII, XVIII, XIX веков.

В Историко-краеведческом отделе музея погибла ценная коллекция орудий доисторического человека.

Взорваны и сожжены 3 средних и 2 начальных школы, школы ФЗО, колхозный техникум, дом учителя, дом пионеров, библиотека, больница, столовая, 2 детских дома, водонапорная башня, городская амбулатория, телеграф, радиоузел и другие здания.

В ночь с 5 на 6 марта, накануне отступления из Сычевки, немецкие оккупанты взорвали все 7 церквей, в том числе: старинную Старообрядческую и Кладбищенскую церкви, собор и монастырь.

Фашисты глумятся над религиозными чувствами русских людей. В Сычевке они разрешили открыть для богослужения кладбищенскую церковь. Верующие пришли в церковь в праздничной одежде, тогда немцы окружили церковь, вывели из неё верующих и ограбили их.

В Сычевском районе из 248 деревень немецкие оккупанты сожгли дотла 137 деревень.

Старинный русский город — Ржев превращён немецкими оккупантами в груды развалин. Из 5.443 зданий осталось только 495 более или менее сохранившихся домов. Так, фашисты разрушили и сожгли драматический театр, кинотеатр, краеведческий музей, дворец пионеров, центральную библиотеку с 60.000 книг, 3 клуба, 22 начальных и средних школы, 21 детский сад, учительский институт, планово-экономический и сельскохозяйственный техникумы, фельдшерско-акушерскую школу, поликлинику, женскую консультацию, амбулаторию,

больничный городок, баню, электростанцию и другие учреждения. Приведено в негодность железнодорожное хозяйство и подвижной состав. Оборудование промышленных предприятий вывезено в Германию.

Сожжены и разрушены корпуса заводов: № 307, спиртозавода, маслозавода, механического завода, лесозавода и фабрик шёлко-крутильной, пуговичной и других. Немцы взорвали железнодорожный мост через Волгу и 5 мостов через реку Холынку.

В Ржеве фашисты вырубili все сады и парки до последнего дерева. Разрушены: Успенский собор, Варваринская, Единоверческая, Екатерининская, Рождественская, Ильинская, Смоленская, Казанская, Вторая Покровская Старообрядческая, Третья Покровская Старообрядческая, Предтеченская, Владимирская, Спасская, Благословленная Старообрядческая церкви и польский костёл.

Покровскую церковь немцы разграбили и увезли все ценности. В церкви они устроили казармы для солдат. Священника Андрея Попова расстреляли. Перед отступлением фашисты заминировали Покровскую церковь и согнали в неё около 200 мирных жителей. Тех, кто отказывался идти, или не мог дойти до церкви — мужчин, женщин и детей, фашисты расстреливали «за неповиновение немецким властям». Согнав жителей в церковь, они наглухо закрыли двери, но церковь взорвать не успели, — ворвавшиеся в город части Красной Армии помешали им осуществить это преступление.

Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР считает ответственными за истязание и истребление мирных граждан и военнопленных, за увод советских людей в немецкое рабство, за произведённое разрушение городов Вязьмы и Гжатска, Сычевки и Ржева,

а также сёл и деревень, командующего 4-й германской армией генерал-полковника Хейнриц и командиров 7, 35, 98, 252, 268 пехотных дивизий и жандармского корпуса, входящих в эту армию: генерал-майора Ропперт, генерал-майора Меркер, генерал-майора Гараис, генерал-майора Шефера, генерала Грейнер, командира жандармского корпуса генерала Шимана; командующего 9-й германской армией генерал-полковника Модель, командира 27 армейского корпуса генерал-майора Вейс, командиров 6, 72, 87, 102, 129, 337 пехотных дивизий, входящих в эту армию: генерал-лейтенанта Гросман, генерал-майора Мюллер, генерал-лейтенанта Штудниц, генерал-майора Физлер, генерал-майора Браун, генерал-майора Шонеман, генерал-майора Эвердин; бургомистра города Вязьмы Арнольда Штаммп, начальника гестапо барона Адлер; коменданта города Сычевки обер-лейтенанта Кислера, начальников лагерей для военнопленных, старших унтер-офицеров Фокс и Рауутенберг; военного коменданта города Ржева майора Куртфельд, коменданта города Гжатска обер-лейтенанта Лейман. Они должны понести суровую ответственность и заслуженное наказание за все их неслыханные злодеяния и преступления, совершённые против народов СССР.

Опубликовано в газете «Известия» № 80
от 6 апреля 1943 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 5 апреля 1943 года, Протокол № 2.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В РОСТОВСКОЙ И КУРСКОЙ ОБЛАСТЯХ

В Чрезвычайную Государственную Комиссию продолжают поступать акты, заявления потерпевших, показания очевидцев о злодеяниях, совершаемых немецкими властями в советских районах, временно попавших под фашистское иго.

1. Немецкие оккупанты уничтожают памятники старины, расхищают сокровищницы культуры народов Советского Союза, грабят научные учреждения, музеи и библиотеки.

По приказанию немецкого верховного командования и «имперского министра по делам оккупированных восточных областей» Альфреда Розенберга из СССР вывозятся в Германию книги XIV, XV и XVI веков, оригинальные произведения живописи, графики, скульптуры русских и западно-европейских мастеров.

В январе 1943 года командующий 1-й танковой армией генерал кавалерии Макензен, в присутствии начальника отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллера,

взял из Ростовского музея Изобразительных искусств, эвакуированного в гор. Пятигорск и находившегося в помещении Лермонтовского музея, наиболее ценные полотна Рибейра, Рубенса, Мурильо, Иорданса, Верещагина, Коровина, Крамского, Поленова, Репина, Лагорио, Айвазовского, Шишкина; скульптуры — Донателло и другие экспонаты.

Ниже публикуется акт о вывозе немецкими властями ценностей Ростовского музея Изобразительных искусств.

«А К Т

Мы, нижеподписавшиеся, председатель Культсекции консультационно-технического бюро Пятигорского горсовета Виктор Иванович Буланин, хранитель ценностей Ростовского музея Изобразительных искусств Мытников Александр Абрамович и директор Литературного музея «Домик Лермонтова» Яковкина Елизавета Ивановна, составили настоящий акт в нижеследующем:

Ценности Ростовского музея Изобразительных искусств были эвакуированы в Пятигорск, где и хранились с 4/1 1942 г. в помещении Литературного музея «Домик Лермонтова» до 7 января 1943 года, когда значительная часть музея была вывезена немецкими оккупационными властями.

Ценности Ростовского музея Изобразительных искусств, эвакуированные из г. Ростова-на-Дону и заключающиеся в оригинальных произведениях живописи, графики и скульптуры русских и западно-европейских мастеров, а также ценного фарфора русских и заграничных фабрик, упакованные в специальных ящиках, несмотря на принятые меры, вывезти из Пятигорска не удалось, и поэтому во время германской оккупации они находились на складах Лермонтовского музея.

Первое время ценности Ростовского музея скрывались от германских оккупационных властей работниками Лермонтовского музея, 7 сентября представители Берлин-

ской комиссии Розенберга явились к директору Лермонтовского музея и, заявив, что им сообщили в Ростове о наличии ценностей Ростовского музея на складах Лермонтовского музея, — предложили открыть склады и ознакомить их с содержанием ценностей Ростовского музея. После этого склады были опечатаны германскими властями.

В течение времени с 7 сентября 1942 года по 7 января 1943 года представители отдела пропаганды германской армии генерала Макензена неоднократно вскрывали ящики. При этих вскрытиях происходили изъятия наиболее ценных экспонатов, причём это изъятие производилось иногда в присутствии самого генерала Макензена.

7 января 1943 года, по личному распоряжению начальника отдела пропаганды Миллера, в его присутствии и в присутствии представителя генерала Макензена, ценности 14 ящиков за №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 16, 20, 22, переупакованные в 12 ящиков, были увезены на пятигорский вокзал, погружены в железнодорожные вагоны и в ночь на 9 января 1943 года вывезены из г. Пятигорска.

Акт подписали:

Председатель культсекции консультационного технического бюро Пятигорского Горсовета *Буланин*, хранитель ценностей Ростовского музея Изобразительных искусств *Мытников*, директор Литературного музея «Домик Лермонтова» *Яковкина*.

24 февраля.

гор. Пятигорск».

Факт ограбления немецко-фашистскими захватчиками Ростовского музея Изобразительных искусств свидетельствует о том, что гитлеровское правительство и немецкие военные власти являются вдохновителями и организаторами грабежей в оккупированных районах. Неопровержимо установлено, что немецкие генералы принимают

личное участие в грабежах культурных ценностей, принадлежащих народам Советского Союза.

2. В селе Сапогово, Курской области, немецкие оккупанты отравили около 1 000 больных, находившихся на излечении в психиатрической больнице. Об этом чудовищном злодеянии свидетельствует следующий публикуемый ниже документ:

«А К Т

28 февраля 1943 года, нижеподписавшиеся, в лице представителя Курского областного Исполнительного комитета депутатов трудящихся Мальцева, судебно-медицинского эксперта военного врача III ранга Шварца, старшей медсестры названной больницы Арепьевой Екатерины Ивановны, а также медсестры больницы Ткаченко Ирины Семёновны, в селе Сапогово Курской области, составили настоящий акт в следующем:

В декабре 1941 года, вскоре после оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Курска и районов Курской области, в Сапоговской областной психиатрической больнице немецкими военными властями было организовано массовое умерщвление больных, находившихся в указанной больнице на излечении.

Путём опроса сотрудников больницы и местных жителей Комиссия установила, что массовое умерщвление больных производилось путём их отравления 70% раствором хлоралгидрата, который в принудительном порядке давался больным во внутрь.

В общей сложности было умерщвлено около 1.000 человек больных, находившихся к тому времени на излечении в больнице.

Отравленные и умерщвлённые больные были по приказанию немецких властей похоронены в щелях-бомбоубежищах, расположенных на территории больницы.

При разрытии двух таких щелей-бомбоубежищ, расположенных против 7 и 9 отделений больницы, было обнаружено массовое похоронение умерщвлённых. Только

из двух этих щелей было извлечено около 300 человеческих останков.

Для организации массового умерщвления больных в начале 1942 года в село Сапогово специально приезжал старший врач немецкого гарнизона города Курска Керн, который непосредственно проинструктировал назначенного немцами директора больницы Краснопольского, каким путём производить отравление больных.

По словам очевидцев этого кошмарного злодеяния Босенко Пелагеи Ивановны, Машкиной Валентины Васильевны, коменданта больницы, Филист Константина Никитовича, Гречухиной Екатерины Тимофеевны и многих других, умерщвление больных психиатрической больницы путём их отравления было произведено в течение 3—4 дней. При чём некоторые больные, несмотря на своё душевное заболевание, поняли, что их хотят отравить, оказывали сопротивление и отказывались принимать яд. В таких случаях им производилось насильственное введение яда.

При массовом похоронении отравленных имели место случаи, когда в щели сбрасывали ещё живых людей, а в 2—3 случаях сброшенные туда больные даже выбирались из щелей и возвращались в больницу. После чего им была дана повторная доза яда.

Так как похоронение в некоторых щелях произведено небрежно и не глубоко, то были случаи, когда собаки растаскивали по территории больницы куски человеческих трупов.

О чём и составлен настоящий акт.

Акт подписали:

Мальцев, Шварц, Ареньева и Ткаченко.

Село Сапогово, Курской области».

3. После изгнания немцев из города Купянска, Харьковской области, населением было обнаружено 8 ям, в которых были свалены 248 зверски замученных и расстрелянных советских людей. Раскопка ям была произ-

ведена комиссией в составе украинского писателя К. Гордиенко, священника Николаевской церкви протоиерея Иоанна Протопопова, домохозяйки Белоцерковской, врачей: П. Гогина, В. Кощеева, Р. Гарницына и председателя Горсовета Тугай.

«АКТ

Граждане города Купянска сообщили о том, что немецкие оккупанты расстреляли большую группу мирных жителей города Купянска и Купянского района. Комиссия в составе представителей советских и общественных организаций, а также населения, церковной общины и врачебно-медицинских работников 17 мая 1943 года произвела осмотр в яру у подножья Меловой горы города Купянска ямы, о чём и составлен настоящий акт.

При раскопке ямы, на глубине одного метра был обнаружен 71 труп расстрелянных жителей города Купянска и Купянского района. Среди них было 62 мужских трупа, 8 женских и трупик грудного ребенка. Все расстрелянные были без обуви, а некоторые и без одежды.

Врачебно-медицинской частью комиссии констатированы следы диких пыток и увечий на теле расстрелянных. У некоторых были связаны руки железной проволокой. У ребёнка была размозжена голова выстрелом на близком расстоянии.

Комиссия отмечает, что у многих раны не были смертельными и очевидно, что этих людей сбрасывали в яму и закапывали живыми. Это также подтверждается гражданами, проходившими вблизи ямы, вскоре после расстрелов, видевшими, как над ямой ворошилась земля и был слышен глухой стон из могилы.

Среди расстрелянных многие были опознаны родственниками и присутствовавшими при раскопке гражданами.

Так были опознаны: Байдак Илларион Яковлевич — 37 лет, председатель Гусинского сельсовета, Купянского района; Старикова Елизавета Ивановна — работница Ку-

пьянского кустшвейпрома; Берестовая Ольга Никифоровна — работница сахарного завода, председатель Заоскольского сельсовета; Ткаченко Сергей Арсентьевич — мастер-портной Купянского кустшвейпрома; Карайбога Пётр Григорьевич — механик мельницы; Садовский Артём Петрович — рабочий-железнодорожник; Садовский Иван Маркович, счетовод колхоза «Стахановец» Куриловского сельсовета; Садовский Михаил Иванович — председатель колхоза «Стахановец» Куриловского сельсовета; Бутивещенко Иван Трофимович — колхозник из хутора Пристень; Харченко Василий Григорьевич — колхозник из хутора Пристень; Сухомлин Никита — колхозник из хутора Пристень; Болдырь Михаил Ильич — колхозник хутора Кругляковки; Сулига Иван Павлович — колхозник хутора Кругляковки; Погуляй Иван Лаврентьевич — председатель Петровского сельсовета; Мойсов Иван Кириллович — работник кооперации; Ковшарь Кирилл Андреевич — бригадир колхоза «Червона зирка», Куриловского сельсовета, в последнее время работал председателем этого колхоза; Буймер Даниил Иванович — директор Купянского маслозавода; Сморшко Иван Герасимович — колхозник села Николаевки; Кравченко Пётр Кириллович — колхозник села Куриловки.

Комиссия отмечает, что многие убитые настолько изуродованы, что их невозможно опознать.

Акт подписали:

Председатель комиссии украинский писатель *К. Гордиенко*, члены комиссии — председатель горсовета *Тугай*, настоятель Николаевской церкви города Купянска *Иоанн Протопопов*, домохозяйка *Белоцерковская*, врачи *П. Гогин, В. Кошечев, Р. Гарницына*.

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила следующие факты:

1) Ростовский музей Изобразительных искусств ограблен и вывезен в Германию командующим 1-й танковой армии генералом кавалерии Макензеном и

начальником отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллером.

2) Больные, находившиеся в Сапоговской психиатрической больнице в Курской области, отравлены по приказу немецкого коменданта Фляха и врача Керна, причём наблюдение за выполнением приказа Фляха осуществлял посредник — переводчик немецкой комендатуры Вегеманн.

3) Истязание и расстрел мирного населения в городе Купянске произведены по приказу начальника немецкой тайной полевой полиции Каргана и его заместителя Швайцэ.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за ограбление, истязание и массовые убийства мирных советских людей, произведённые в Пятигорске, Курске и Купянске, — командующего 1-й танковой армией генерала кавалерии Макензена, начальника отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллера, коменданта Фляха, врача Керна, посредника переводчика Вегеманна, начальника тайной полевой полиции Каргана и его заместителя Швайцэ.

Опубликовано в газете «Известия» № 148
от 25 июня 1943 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 24 июня 1943 года, Протокол № 5.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДЕ КРАСНОДАРЕ И КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Вскоре после освобождения города Краснодара от немецко-фашистских захватчиков в Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников стали поступать материалы о том, что в период оккупации города Краснодара и Краснодарского края германское командование и гестаповцы в лице командующего 17 немецко-фашистской армии генерал-полковника Руоф, начальника карательных органов в городе Краснодаре полковника Кристмана, его заместителя и начальника тюрьмы гестапо — капитана Раббе, офицеров — Пашена, Винца, Ган, штурмшарфюрера Сальге, Сарго, Мюнстера, Мейера, Эрих, тюремных врачей гестапо Герца и Шустера, переводчиков Эйкс Якоба и Шертерлана, совместно с предателями Тищенко В. П., Пушкарёвым Н. С., Речкаловым И. А., Мисан Г. Н. и Ластовиным М. П., зверски истребили посредством отравляю-

щих газов — окиси углерода — свыше 6 700 человек советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей, находившихся на излечении в больницах, диспансерах гор. Краснодара, а также арестованных, содержавшихся в тюрьме гестапо.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии местными советскими органами была произведена проверка некоторых поступивших материалов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и было установлено, что на окраине города Краснодара, в районе завода измерительных приборов, в большом противотанковом рву было закопано несколько тысяч трупов советских граждан, отравленных газами и сброшенных туда гестаповцами. Многие трупы советских граждан, обнаруженные в этом рву, были опознаны родственниками — местными жителями города, как находившиеся на излечении в больницах или как арестованные гестапо.

Медицинской экспертизой в составе врачей Чёрной, Баранова, Кушкова, Кособьяна и Хабахпашева, в результате осмотра и вскрытия значительного количества трупов советских граждан, обнаруженных в разных местах противотанкового рва, установлено, что все эти граждане немецко-фашистскими палачами были умерщвлены посредством отравления окисью углерода.

Чрезвычайная Государственная Комиссия все поступившие к ней материалы о чудовищных зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Краснодаре и Краснодарском крае направила Прокурору Союза ССР для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности.

Опубликовано в газете «Правда» № 175
от 14 июля 1943 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 13 июля 1943 года, Протокол № 6.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Преступные действия немецких оккупантов в Ставрополе, Георгиевске, Кисловодске, Ессентуках, Минеральных Водах, Железноводске и в Теберде засвидетельствованы актами комиссий, заявлениями потерпевших, показаниями свидетелей, заключениями медицинских экспертов, документальными материалами, а также подтверждаются членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Алексеем Толстым, лично посетившим эти города и районы Ставропольского края и установившим факты чудовищных злодеяний и массового истребления мирных советских граждан.

Установлено, что перед отступлением из города Георгиевска 9 и 10 января с. г., по приказу начальника немецких лазаретов шеф-врача барона фон Гайман, с целью отравления советских людей, немецкие солдаты продали на городском рынке спирт и питьевую соду, причём спирт оказался метиловым, а «сода» — щавелевой

кислотой. Произошло массовое отравление жителей города. Из 714 случаев были отравлены метиловым спиртом 214 человек и 50 человек совершенно потеряли зрение—ослепли.

Тяжёлое отравление многие жители получили от так называемой «соды», которую они примешивали в тесто для выпечки хлеба.

Установлено массовое истребление немцами мирного советского населения путём отравления окисью углерода в специально оборудованных автомашинах-«душегубках». Военнопленный Фенихель Е. М. сообщил:

«Работая автомехаником, я имел возможность детально ознакомиться с устройством автомашин, специально приспособленных для удушения — уничтожения людей отработанным газом. Таких машин в городе Ставрополе при гестапо было несколько.

Устройство её было таково: кузов длиной, примерно, 5 метров, шириной два с половиной метра, высота кузова также, примерно, два с половиной метра. Кузов имел форму вагона, без окон, внутри обит оцинкованным железом, на полу, тоже обитом железом, лежали деревянные решётки: дверь кузова обита резиной, с помощью автоматического замка плотно закрывалась. На полу автомашины, под решёткой, находились две металлические трубы диаметром, примерно, 1,5 дюйма и длиной два с половиной метра. Трубы эти между собой были соединены поперечной такого же диаметра трубой (расположенные в форме буквы «Н»). Эти трубы имели частые полусантиметровые отверстия; от поперечной трубы вниз, через отверстие оцинкованного пола выходит резиновый шланг, на конце которого шестигранная гайка с резьбой, соответствующая резьбе на конечности выхлопной трубы мотора. Этот шланг навинчивается на выхлопную трубу, и при работе мотора весь отработанный газ идёт во внутрь кузова этой герметически закрытой машины. В результате скопления газов находящийся в кузове человек через непродолжительное время умирал. Кузов ма-

шины может вместить 70—80 человек. Мотор на этой автомашине установлен марки «Зауэр». Кузов изготовлен в Берлине и имеет на левой стороне, вблизи мотора, металлическую дощечку с надписью: «Завод строительства автокузовов акционерного общества в Берлине».

Для расправы над советскими гражданами при гестапо существовала специальная команда численностью в 25 человек. Возглавлял эту команду немец обер-лейтенант Кацендорф и его помощник обер-лейтенант Бенцель, а впоследствии эту команду возглавлял начальник «СД-12» обер-лейтенант Клейбер и его заместитель офицер гестапо Кнор. Начальником тюрьмы гестапо был немецкий офицер обершарфюрер Вильгельм Шмидт и его заместитель и переводчик венгерец Энгель Николай».

В Ставропольском крае в таких автомашинах немцы умертвили тысячи ни в чём не повинных советских людей.

Установлено, что в декабре 1942 г., по приказу начальника гестапо города Микоян-Шахар обер-лейтенанта Отто Вебера, было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление больных костным туберкулёзом советских детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда. Очевидцы этого злодеяния сотрудники детских санаториев, медицинская сестра Иванова С. Е. и санитарка Полупанова М. И. сообщили:

«22 декабря 1942 г. к подъезду санатория первого отделения подъехала немецкая автомашина. Прибывшие с этой автомашиной семь немецких солдат вытащили из санатория 54 тяжело больных ребёнка в возрасте от трёх лет, уложили их штабелями в несколько ярусов в машине, затем захлопнули дверь, впустили газ (окись углерода) и выехали из санатория. Через час автомашина вернулась в посёлок Теберда. Все дети погибли, они были умерщвлены немцами и сброшены в Тебердское ущелье близ Гуначгира».

Установлено, что с 5 по 10 августа 1942 г. немецкие солдаты из комендатуры «СС» во главе с обер-фельдфебелем Герингом и фельдфебелем Шмитцем вывезли из Ставропольской психиатрической больницы и умертвили окисью углерода в автомашинах 660 человек больных.

Для того чтобы скрыть следы своих кровавых преступлений от населения города, фашистские изверги объявили главному врачу больницы доктору Гамбарову Д. С. и медицинскому персоналу, что они всех больных переводят из города Ставрополя в больницы сёл Донское и Пролетарское, где подготовлено всё необходимое для приёма — специальное оборудование и квалифицированный немецкий медицинский персонал, а в действительности всех больных умертвили.

Установлено, что с начала оккупации города Кисловодска санаторий Наркомнефти, оборудованный и оснащённый по последнему слову медицинской науки и техники, был занят под немецкий лазарет № 31136. Начальником этого лазарета был немец обер-артц Геллер. Бесчеловечное, зверское отношение к советским гражданам началось с первых же дней. Пощёчины, порки, розги, угрозы, напоминания о расстрелах и репрессиях были обычным явлением жизни немецкого лазарета. Советские люди жили в вечном страхе и угнетении. Немцы использовали лучших советских врачей, медицинских сестёр и другой медицинский персонал на чёрной работе — уборке мусорных ям, уборных и грязных патрульных помещений. На такую работу были поставлены: врач-терапевт Анищик М. И., старшие медицинские сёстры: Баташёва М. Е., Киселёва А. Н. и Козлова Е. В. Особыми зверствами отличалась немецкая медсестра Минна, которая избивала старшую операционную медицинскую сестру Буримову Ф. А., санитарок Коломийцеву Н. Е., Галенину Е. П. и Фицкую Е. И. Эта Минна в своей ненависти к советским людям доходила до иступления; она беспощадно избивала, кусала и щипала свои жертвы. За избиениями следовали порки розгами до потери сознания.

Так, старший фельдфебель Ромакау и фельдфебель Райф, по приказу обер-артца Геллера, зверски избивали советских людей. Мигаль И. Т. — столяр 58 лет был засечён резиновыми розгами на-смерть; Мидулин А. Я. — повар 50 лет, получил 35 двойных плетей и был засечён до потери сознания; Мирошниченко В. Г. — сторож 45 лет, получил 10 плетей; Федоровский В. Н. — истопник 56 лет, получил 15 плетей.

9 сентября 1942 г. из санатория Наркомнефти, по приказу военного коменданта города Кисловодска Поль и начальника гестапо Вельбена, обманным путём, под предлогом отправки в малонаселённые районы Украины, были вывезены и расстреляны в противотанковом рву, в районе Минеральных Вод, лучшие советские врачи, медицинские сёстры и обслуживающий персонал санатория, с семьями, включая грудных и малолетних детей, инвалидов и стариков — всего 46 человек.

Установлено, что в городе Кисловодске, в школе № 16, в августе 1942 г., гестаповцы организовали застенок, где зверски истязали советских граждан. В этот застенок они привезли из Бугурстана и Бекешевки 150 человек арестованных, эвакуированных из Крыма и со станции Кавказской. 6 сентября 1942 г. здание школы № 16, где помещались арестованные, оцепили немецкие солдаты. Затем подъехали четыре машины, в которые немцы стали грузить арестованных. Сначала погрузили в них первую партию арестованных — одних только мужчин и увезли. Через некоторое время эти же машины вернулись и погрузили оставшихся женщин и детей. Свои жертвы гестаповцы свозили за реку Подкумок и там в овраге расстреливали из автоматов. Среди расстрелянных погибло 47 человек детей от грудного и до 15-летнего возраста.

Расстрел 150 советских граждан, содержащихся в застенке гестапо в помещении школы № 16, был произведён по приказу коменданта города майора Лидтке.

22 июня 1943 года, под городом Кисловодском, после сильного дождя, возле горы Кольцо, в районе колхоза

им. Кирова, жителями были найдены 26 трупов расстрелянных советских граждан.

При осмотре и судебно-медицинском освидетельствовании трупов было установлено среди них: 2 мужских, 15 женских и 9 детских трупов в возрасте от 2 до 12 лет. На всех 26 трупах были обнаружены следы насилий, истязаний: переломы конечностей и разможжённые черепа.

При осмотре другого оврага, расположенного недалеко от горы Кольцо, на расстоянии 250 метров от дороги, идущей из Кисловодска в Первомайский аул, была обнаружена размытая насыпь глубиной в 10 метров, из которой были видны отдельные части человеческих трупов.

В этом месте с 26 по 29 июля 1943 г. были произведены раскопки, в результате которых извлечено 130 трупов. Судебно-медицинским осмотром было установлено: труп 4-месячной девочки насильственных признаков смерти не имел, ребёнок был брошен в овраг живым и погиб от удушения; труп мужчины в одежде красноармейца с перевязанной правой рукой и левой ногой, рядом с этим трупом обнаружены костыли. При осмотре трупов младенцев медицинская экспертиза установила, что все они были заживо брошены в овраг вместе с расстрелянными матерями. На всех остальных трупах обнаружены следы пыток и истязаний: оторванные нижние челюсти, переломанные конечности, вывихи и изувеченные лица.

В результате произведённых раскопок в районе горы Кольцо за время с 26 июня по 7 июля 1943 г. было извлечено 322 трупа советских граждан, расстрелянных и зверски замученных по приказам военного коменданта города Кисловодска Поль, второго коменданта майора Лидтке, начальника гестапо Вельбена, помощника начальника гестапо Вебера, при участии исполнителей их приказов первого следователя гестапо Геринга, второго следователя Циже, заместителя коменданта гестапо Келлера, начальника хозяйственной части гестапо Хаусмана и второго начальника хозяйственной части Хуше.

Среди погибших были опознаны трупы советских граждан врача Горбер, Кушнарченко И. А., инженера Архиповой З. И., Шипшиной Е. С., а также были обнаружены следующие документы: паспорт серии II-ЭЕ № 509311, выданный Павлоградской милицией на имя Овсеевич Ф. Х. 1900 года рождения, эвакуированной из Краснодарского края; паспорт серии УЛ № 550776 на имя Гуральник М. Л. 1886 года рождения, уроженца Белой Церкви; паспорт серии II-ЭЕ № 680361, выданный Днепропетровской милицией на имя Стискина Е. М. 1896 года рождения, уроженца Черниговской области; паспорт серии I-ЭЕ № 520536, выданный Павлоградской милицией 21.IV—1941 года на имя Вагнер А. Г. 1901 года рождения, уроженца города Павлограда, Днепропетровской области, и другие паспорта и документы, удостоверяющие личности расстрелянных.

Установлено, что за время оккупации города Пятигорска немецкими властями был совершён ряд чудовищных злодеяний над мирными советскими гражданами. Главными организаторами и непосредственными участниками злодеяний над советскими гражданами в городе Пятигорске были: капитан Винц — начальник гестапо «СД-12», бывший работник германского посольства в СССР; обер-лейтенант Фишер, заместитель начальника гестапо «СД-12» по следственной работе, и полковник Монц — начальник полевой жандармерии.

Исключительные по своей жестокости пытки и истязания советских граждан производились в помещении гестапо. Так, например, гражданина Ковальчук Филиппа Акимовича 1891 года рождения, проживающего в городе Пятигорске, арестовали 27 октября 1942 г. у себя на квартире, избили до потери сознания, затем отвели в гестапо и бросили в одну из камер. Через сутки гестаповцы приступили к его истязаниям и пыткам. Допрашивали и избивали его только ночью. Для допросов вызывали в отдельную камеру, где были специальные при-

способления для пыток: цепи с поручнями для закрепления рук и ног. Эти цепи были прикреплены к цементному полу камеры. Арестованных предварительно раздевали наголо, клали на пол, затем руки и ноги заковывали в цепи. Таким пыткам и подвергали гр. Ковальчук. Находясь закованным в цепях, он совершенно не мог двигаться и лежал вверх спиной, в таком положении избивали его резиновыми палками в течение 16 дней.

Кроме таких нечеловеческих пыток, гестаповцы применяли и следующие. Закованным в цепи на спину клали широкую доску и сверху по этой доске тяжёлыми гириями наносили резкие удары, вследствие чего у заключённого лилась кровь изо рта, носа и ушей и он терял сознание.

Камера пыток в гестапо была устроена таким образом, что когда одного арестованного пытали, то остальные арестованные, сидящие в соседней камере и ожидавшие предстоящей расправы, наблюдали за пытками и истязаниями.

После пыток заключённого, потерявшего сознание, бросали в сторону, и следующую свою жертву гестаповцы силой волокли из соседней камеры, вновь заковывали в цепи и таким же путём продолжали пытать. Камеры пыток всегда были в крови. Доска, которую накладывали на спину, также была вся в крови, резиновые палки, которыми избивали арестованных, от крови были красные.

Арестованных советских людей, обречённых на расстрел, после невероятных пыток и истязаний загоняли в машину, увозили за город и расстреливали.

Освобождённая Красной Армией из застенка гестапо Супрун Анастасия Иосифовна, 1908 года рождения, проживающая в городе Пятигорске, по улице Власова, № 3, была арестована и заключена в одну из камер гестапо; вскоре к ней в камеру для допроса явился заместитель начальника гестапо обер-лейтенант Фишер с переводчиком. Переводчик предложил ей раздеться и лечь вниз

лицом на скамейку. После того, как она легла на скамейку, палач Фишер сам лично избил её деревянной палкой до потери сознания.

Не добившись вынужденных показаний, переводчик предупредил Супрун, что в дальнейшем за «неискренние» показания на допросе она будет получать по 25 палок и будет забита на-смерть. В дальнейшем при допросах её также до потери сознания избивал этот же офицер гестапо.

Чайка Варвара Ивановна, 1912 года рождения, проживающая по улице Дзержинского, 31, кв. 3, во время пребывания в заключении гестапо подвергалась со стороны начальника гестапо капитана Винц невероятно жестоким пыткам. Вот что сообщает об этом Чайка В. И.:

«Я была подвергнута издевательствам и пыткам со стороны начальника гестапо немца капитана Винц. Однажды он меня вызвал на допрос в камеру пыток. В этой камере было четыре стола, на полу деревянные решётки и два таза с водой, в которых лежали кожаные плётки. На потолке — два кольца с продетыми в них верёвками, на которые подвешивали арестованных во время пыток. По команде капитана Винц гестаповцы положили меня на стол, сняли с меня всю одежду и сильно избивали плетьюми. Избиениям я подвергалась дважды. Всего мне нанесли 75 ударов плетьюми, отбили почки и выбили 8 зубов».

В городе Пятигорске немецкие власти производили массовое истребление советских граждан.

Вблизи памятника места дуэли Лермонтова, на горе Машук, были отрыты пять могил, в которых обнаружены 75 трупов.

На Комсомольской поляне, в шести километрах от города Пятигорска, у подножья горы Машук, в восьми могилах обнаружены 125 трупов зверски замученных, расстрелянных советских граждан.

В районе Белой Ромашки, на Кузнечной улице, против конюшен, обнаружено шесть трупов красноармейцев, расстрелянных немцами 10 августа 1942 г. В этом же

районе около первой городской больницы были отрыты трупы 16 курсантов танкового училища. Установлено, что немцы добились раненых курсантов.

Всего в засыпанных ямах в районе Пятигорска обнаружено 356 трупов замученных и расстрелянных советских граждан, в числе которых мужчин — 283, женщин и детей 66. Это не полные данные. Много могил ещё не обнаружено.

Из Пятигорска в октябре месяце 1942 г., по приказу начальника так называемой пятигорской «биржи труда», офицера Ланке, было насильственно угнано в рабство в Германию на каторжные работы 800 человек советских граждан. Насильственная отправка советских граждан в Германию сопровождалась издевательствами, избиениями и угрозами расстрела.

Исключительную жестокость в обращении с советскими гражданами при угоне их в Германию проявил начальник пятигорской «биржи труда» офицер Ланке.

Установлено, что немецкие оккупанты с невероятной звериной ненавистью учинили кровавую бойню над еврейским населением г. Кисловодска. 16 августа 1942 г. на второй день оккупации города немецкое командование, в лице военного коменданта города Кисловодска Поль и начальника гестапо Вельбена, обязало еврейское население города немедленно сдать немецкому командованию ценности: золото, бриллианты, серебро, ковры, костюмы, бельё, обувь и сто тысяч рублей наличными деньгами.

18 августа 1942 г. военным комендантом Поль была объявлена регистрация всего еврейского населения, независимо от пола и возраста. После регистрации всем лицам еврейской национальности, под угрозой расстрела, было приказано носить на правой стороне груди отличный знак — шестиконечную звезду.

7 сентября 1942 г. последовало предписание от немецкой комендатуры № 12, в котором евреям было предложено явиться 9 сентября на товарную станцию Кисловодска, взяв с собой багаж весом не больше 20 кило-

граммов, наиболее ценные вещи и двухдневный запас продуктов для отправки, якобы, в малонаселённые пункты Украины. Ключи от квартиры было предложено сдать в комендатуру № 12, с указанием на особой записке адресов квартир.

9 сентября 1942 г. на товарную станцию Кисловодска собралось около 2 000 человек евреев, — среди них были старики, женщины и дети, которых погрузили в эшелон, состоящий из 18 открытых платформ и двух крытых вагонов, и под усиленным конвоем отправили на ст. Минеральные Воды.

На основании показаний жителей города Минеральные Воды, очевидцев фашистских злодеяний: Лисипина Ф. М., Михеева Н. В., Белоусовой Е. Е., Розанова А. Н. и других, а также машинистов паровозного депо Минеральные Воды — Павлова А. М. и Сапунова А. В., сопровождавших со станции Кисловодск эшелон с еврейским населением в составе 18 платформ и двух вагонов, установлено, что прибывшие 9 сентября 1942 г. в эшелоне со станции Кисловодск около 2 000 советских граждан, по национальности евреи, были, по приказу коменданта города Кисловодска Поль, начальника гестапо города Кисловодска Вельбен, его помощника Вебер и коменданта города Минеральные Воды майора Барт расстреляны в противотанковом рву против стекольного завода, в двух с половиной километрах от г. Минеральные Воды. Здесь же были расстреляны тысячи евреев с их семьями, вывезенные из Ессентуков и Пятигорска.

10 июля 1943 г. членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Алексеем Толстым была произведена раскопка этого противотанкового рва на протяжении 551 метра. Комиссия установила, что в этом противотанковом рву находится не менее 6 300 зверски расстрелянных советских граждан.

Установлено, что организаторами истязаний и расстрелов советских граждан в г. Минеральные Воды были немецкий военный комендант города майор Барт и началь-

ник полевой жандармерии штаб-фельдфебель Ройтгард, по приказу которых расстреляны железнодорожники, рабочие и служащие советских учреждений.

При вскрытии того же противотанкового рва были опознаны трупы граждан Минеральные Воды — кондуктора Табурченко И. К., его сына учителя Табурченко В. И., кондуктора Кукса П. П., токаря паровозного депо Захарова М. И., машиниста депо Советова И. А. и других.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за совершённые злодеяния в городах Ставрополе, Георгиевске, Кисловодске, Ессентуках, Минеральных Водах, курорте Теберда и других районах Ставропольского края — за массовые убийства многих тысяч невинных мирных жителей, за убийства и истязания раненых и больных военнопленных, за нечеловеческие пытки в застенках гестапо, за ограбление и увод в немецкое рабство советских граждан, организованные по прямым приказам гитлеровского военного командования: командующего первой танковой армии генерала кавалерии Макензена, начальника тыла танковой армии генерала Штубенрауха, начальника пропаганды танковой армии зондерфюрера доктора Витте, начальника полевой жандармерии полковника Монца, а также непосредственных исполнителей указанных зверских преступлений:

1) По городу Ставрополю — начальника гестапо Майера, начальника команды «СД-12» обер-лейтенанта Кацендорфа, начальника «СД-12» обер-лейтенанта Клейбера, его заместителя офицера гестапо Кнора, обер-лейтенанта гестапо Венцеля, начальника тюрьмы гестапо обер-лейтенанта Шмидта, его заместителя венгерца Энгель Николая, офицеров гестапо Шульца, Фреймана, Штунфа, Байера, следователя гестапо Горинтропа, обер-лейтенанта войск «СС» Ферникса, офицеров врачей «СД-12» Рауша и Шредера, доктора Шульца, шефа по вопросам сельского хозяйства Клейна, обер-фельдфебеля команды «СД-12» Геринга, фельдфебеля команды

«СД-12» Шмитца, ефрейтора команды «СД-12» Чич-Адольфа и начальника ГФП (тайной полевой полиции) лейтенанта Ноя.

2) По городу Кисловодску — комендантов Поль и майора Лидтке, начальника гестапо Вельбена, помощника начальника гестапо Вебера, первого следователя гестапо Геринга, второго следователя Циже, заместителя коменданта гестапо Келлера, начальника хозяйственной части Хаумана, второго начальника хозяйственной части Хуш, начальника немецкого лазарета № 31136 обер-артца Геллера, старшего фельдфебеля Ромакау, фельдфебеля Райфа и старшую медицинскую сестру этого лазарета Минну.

3) По городу Пятигорску — начальника гестапо «СД-12» капитана Винца, заместителя начальника гестапо «СД-12» обер-лейтенанта Фишера, начальника биржи труда полковника Аншпона, второго начальника биржи труда офицера Ланке.

4) По городу Ессентуки — коменданта обер-лейтенанта фон Бека, обер-лейтенанта фон Пфейфер.

5) По городу Минеральные Воды — коменданта майора Барта, начальника полевой жандармерии штаб-фельдфебеля Ройтгарда.

6) По городу Георгиевску — начальника немецких лазаретов шеф-врача барона фон Гаймана.

7) По курорту Теберда — коменданта города Микоян-Шахара обер-лейтенанта Отто-Вебера.

8) По городу Железноводску — комендантов капитанов Вульфа и Кофмана, офицера гестапо Франка.

Опубликовано в газете «Известия» № 183
от 5 августа 1943 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 4 августа 1943 года, Протокол № 8.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДЕ ОРЛЕ И ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Оккупировав в 1941 году Орёл и часть Орловской области, немецко-фашистские захватчики, попирая международные законы и обычаи войны, установили здесь режим насилия, кровавого террора, грабежа, рабско-крепостнического труда и повели планомерное разрушение городов и сёл Орловской области и уничтожение культурно-исторических памятников русского народа.

Эти преступления оккупантов подтверждаются многочисленными актами о разрушениях и зверствах, показаниями потерпевших и свидетелей, заключениями судебно-медицинских экспертов, документами самих оккупантов, захваченными Красной Армией, и расследованием, произведённым членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Н. Н. Бурденко.

Уничтожение городов и сёл и ограбление мирного населения

Немецко-фашистские захватчики разграбили и разрушили старинный русский город Орёл. Заводы, фабрики, больницы, санатории, учебные заведения, музеи и театры гитлеровцы превратили в развалины. Они почти полностью разрушили культурные учреждения, жилые дома, здания и оборудование промышленных и коммунальных предприятий, сооружения и путевое хозяйство железнодорожного узла и трамвая. Из 36 учебных заведений города, в которых обучалось 18 тысяч детей, юношей и девушек, осталось годных к восстановлению всего лишь 6 зданий. В городе остался один музей, одна библиотека, но и они подверглись частичному разрушению и разграблению. От благоустроенной больницы на 600 коек имени МОПР'а остались лишь груды щебня и куски железа. Так же варварски гитлеровцы поступили с городской больницей имени Семашко. Они уничтожили каменные здания: родильного дома, детской поликлиники, детской больницы, женской консультации, детского санатория и других лечебно-профилактических учреждений.

С первых же дней своего прихода в Орёл гитлеровцы превратили областную библиотеку имени Крупской в казарму для своих солдат. Они отправили в Германию всю ценную литературу, все карты и все атласы. В детской центральной библиотеке немецкие солдаты разграбили и уничтожили 20 тысяч книг, в библиотеке имени Пушкина — 25 тысяч, в библиотеке имени Тургенева — 22 тысячи. Немцы увезли в Германию 15 тысяч книг из железнодорожной технической библиотеки.

Так же хозяйничали фашистские захватчики и в районах Орловской области. Ими разрушены города: Мценск, Волхов, Кромы и другие. По неполным данным, в 19 районах Орловской области они уничтожили и разрушили 583 здания государственных учреждений, 317 зданий промышленных предприятий, 316 зданий дорожного хо-

зайства, 881 здание учебных заведений и культурных учреждений, 181 здание лечебно-санитарных учреждений, 284 коммунальных здания, 493 здания торговых предприятий, 56.866 сельскохозяйственных построек. Там, где до прихода варваров — немецких оккупантов были благоустроенные города и цветущие колхозы, остались лишь груды развалин и пепелища.

Врываясь в города и сёла Орловской области, немецкие офицеры и солдаты, по прямым указаниям военного командования и гражданских оккупационных властей, грабили имущество и продовольствие мирных граждан и при малейшем сопротивлении сжигали их дома и применяли кровавые расправы. Они отобрали у населения и колхозов: 11.986 лошадей, 17.161 голову крупного рогатого скота, 38.004 головы овец и коз, 10.994 головы свиней, 334.415 голов птицы, 82.054 тонны зерна и продуктов. Они забирали всё, что им попадалось на глаза: продукты питания, одежду, обувь, постельные принадлежности, мебель, посуду и даже детские игрушки.

В бешеной злобе против советского народа, вызванной поражением на фронте, командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Шмидт и командовавший Орловским административным округом военный комендант города генерал-майор Гаманн создали специальные отряды подрывников для разрушения городов, сёл и колхозов Орловской области. Эти команды громил и поджигателей уничтожали всё на пути своего отступления. Они разрушали памятники культуры и искусства русского народа, жгли города, сёла и деревни.

Массовое истребление мирного советского населения и военнопленных

В Орловской городской тюрьме немецко-фашистские оккупанты организовали лагерь для военнопленных и гражданского населения. Показаниями освобождённых военнопленных, в частности т. т. Толубеева, Равкина, Кабалдина, Жильцова и других установлено, что в Орлов-

ском лагере гитлеровцы истребляли советских граждан. Питание военнопленных не обеспечивало даже голодного существования. Пленным в день давали по 200 грамм хлеба с примесью древесных опилок и по литру супа из гнилой сои и прелой муки.

Начальник лагеря майор Гофман избивал военнопленных и заставлял истощённых от голода выполнять тяжёлые физические работы в каменных карьерах и по разгрузке снарядов. У военнопленных были отобраны сапоги и ботинки и выданы деревянные колодки. В зимнее время колодки делались скользкими и при ходьбе, в особенности при подъёме на второй или третий этажи, пленные падали на лестницах и получали увечья.

Врач Цветков Х. И., находившийся в лагере военнопленных дал следующее показание:

«За время своего пребывания в Орловском лагере отношение к военнопленным со стороны немецкого командования могу охарактеризовать, как сознательное истребление живой силы в лице военнопленных. Питание, содержащее максимум 700 калорий, при тяжёлой непосильной работе приводило к полному истощению организма (кахексии) и вело к смерти, при явлении голодных отёков и необратимых кишечных расстройств. Немецкие врачи лагеря Купер и Бекель, несмотря на наши категорические протесты и борьбу с этим массовым убийством советских людей, утверждали, что питание вполне удовлетворительно. Мало того, они отрицали происхождение отёков у пленных на почве голода и с полнейшим хладнокровием относили их за счёт сердечных или почечных явлений. В диагнозах запрещалось отмечать: «голодный отёк». В лагере была массовая смертность. Из общего числа умерщвлённых 3000 человек погибли в результате голодания и осложнений на почве недоедания. Военнопленные жили в ужасных, не поддающихся описанию, условиях: полное отсутствие топлива, воды, огромная вшивость, невероятная скученность в камерах тюрьмы — в помещении площадью 15—20 квадратных метров разме-

щалось от 50 до 80 человек. Военнопленные умирали по 5—6 человек в камере и живые спали на мёртвых».

Непокорных военнопленных и активистов из гражданского населения, независимо от пола и возраста, помощник начальника лагеря капитан Матерн помещал в первый корпус. Заключённые называли его «блоком смерти». Здесь их морили голодом и расстреливали группами по 5—6 человек, по расписанию, по вторникам и пятницам.

«Обречённых, — показали военнопленные т.т. Леви́тин и Широков, — гестаповцы выводили к месту расстрела группами и заставляли ложиться на землю лицом вниз или ставили лицом к стене. Расстреливали военнопленных и мирных граждан в затылок в присутствии немецкого врача Купера и обер-ефрейтора Диля».

10 марта 1942 года военнопленный Леви́тин наблюдал из окна тюрьмы расстрел советских граждан. «Расстрел, — говорит он, — производился около 10 часов 30 минут утра, на обычном месте у стенки тюремного двора. Из первого блока были выведены шесть девушек, одна женщина и одиннадцать мужчин, группами по четыре человека. Последующие группы расстреливались, когда застреленные ещё бились в предсмертной агонии. Расстреливали гитлеровцы заключённых из пистолетов в затылок».

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н. Н. Бурденко лично установил систематическое истребление военнопленных в лагере и в «лазарете»-тюрьме, где содержались раненые красноармейцы.

«Картины, — сообщает академик Н. Н. Бурденко, — которые мне пришлось видеть, превосходят всякое воображение. Радость при виде освобождённых людей омрачалась тем, что на их лицах было оцепенение. Это обстоятельство заставило задуматься, — в чём тут дело? Очевидно, пережитые страдания поставили знак разенства между жизнью и смертью. Я наблюдал три дня этих людей, перевязывал их, эвакуировал — психический ступор не менялся. Нечто подобное в первые дни лежало и

на лицах врачей. Гибли в лагере от болезней, от голода, от побоев, гибли в «лазарете»-тюрьме от заражения ран, от сепсиса, от голода.

Гибли гражданские люди от расстрелов, которые производились в тюремном дворе с немецкой точностью, по расписанию — по вторникам и пятницам, группами по 5—6 человек. Немцы вывозили осуждённых также в отдалённые места, где были траншеи, сделанные русскими войсками перед оставлением города, и там расстреливали. Расстрелянных в городе свозили и бросали в траншеи, преимущественно в лесистой местности. Казни в тюрьме совершались так: мужчины ставились лицом к стене, жандарм производил выстрел из револьвера в затылочную область. Этим выстрелом повреждались жизненные центры и смерть наступала мгновенно. В большинстве случаев женщины ложились лицом вниз на землю и жандарм стрелял в затылочную область. Второй способ: группу людей загоняли в траншею и, обернув их лицом в одну сторону, расстреливали из автоматов, направляя выстрел в ту же затылочную область. В траншеях обнаружены трупы детей, которых, по свидетельству очевидцев, закапывали живыми».

По показаниям очевидцев и свидетелей, на кладбище около городской тюрьмы, за время оккупации немцами города Орла, было похоронено не менее 5000 военнопленных и мирных советских граждан. Таких могил жертв немецко-фашистских оккупантов в Орле и Орловской области десятки.

Жители Лошаковского сельсовета, Орловского района, Н. П. Филатов, П. М. Облепов, И. В. Кузьмин, О. М. Бывшева и П. К. Филатов показали: «Недалеко от деревни Некрасово находился детский городок. Заняв эту местность, гитлеровцы организовали в городке концентрационный лагерь для гражданского населения. От непосильного труда и голода в лагере ежедневно умирало много заключённых, в том числе детей и подростков. Немецкие фельдфебели Винклер, Штрикке и Шольц издевались над

советскими людьми. В августе 1942 года был такой случай: четырёх заключённых немцы заставили копать могилу. У этой могилы они расстреляли 8 цыган, расстреляли и тех четырёх, которые копали могилу».

Главный врач психиатрической больницы Кишкинка А. Х. Беляев, завхоз З. С. Конокотин, рабочие И. Н. Дронов, В. А. Ларионова, Н. А. Пучкова и М. П. Романчук сообщили:

«26 июля 1942 года гестаповцы, в сопровождении немецкого врача Ширмана, пришли в психиатрическую больницу и заявили, что больница закрывается, а больные вывозятся в тыл, в Белоруссию. Заявление Ширмана подтвердил гарнизонный немецкий врач Эрлих. Всех больных немцы силой посадили в автомашины, уложили больничное бельё, посуду, продукты питания и отправили в сторону деревни Некрасово и там больных расстреляли».

Немцам понадобилось произвести испытание противоядия ипритного препарата. Воспользовавшись тем, что орловской кустарной мастерской жестяных изделий нужна была серная кислота, начальник немецкой хозяйственной комендатуры Шмидт предложил руководителю мастерской взять серную кислоту со склада хозяйственной комендатуры. Когда «кислоту» доставили в мастерскую, у многих рабочих и, в частности, у Ноздрунова и Черенкова началась рвота. Утром же 9 сентября все рабочие мастерской потеряли зрение и были отправлены в городскую больницу. Там врачи определили у больных тяжёлое отравление ипритом, но принять каких-либо мер лечения они не могли, так как немецкие власти предложили всех больных, отравленных ипритом, поместить в немецкий лазарет. Там, в лазарете, немцы подвергли отравленных тщательному клиническому лабораторному исследованию, неоднократно фотографировали их и демонстрировали больных немецким врачам, приезжавшим из Киева, Харькова и Одессы.

Медицинская экспертная комиссия в составе: члена

Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Н. Н. Бурденко, главного судебно-медицинского эксперта фронта, полковника медицинской службы И. Ф. Огаркова, врачей орловской больницы В. И. Бикенева, В. Н. Преображенского, Н. А. Марченко, Н. Я. Сабурова, Б. Н. Гусева и С. П. Протопопова, на основании показаний и результатов освидетельствования пострадавших Ноздрунова, Хархардиной и Нестерова, установила, что немецкие оккупанты отравили ипритом рабочих мастерской преднамеренно.

Медицинско-экспертная комиссия в составе: члена Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Н. Н. Бурденко, Главного судебно-медицинского эксперта фронта полковника И. Ф. Огаркова, Главного патолога фронта, профессора Д. Н. Выропаева, армейского патолога, доцента Н. В. Константиновича, армейского судебно-медицинского эксперта, капитана В. А. Дробышевского и врача патолога анатомической лаборатории, старшего лейтенанта И. И. Дорохова, вскрыла и исследовала 932 трупа, извлечённых из могил у городской тюрьмы, кирпичного завода, в овраге деревни Некрасово, на территории бывшего детского городка, в Медведевском лесу и в лесу у деревни Малая Гать.

Комиссия установила, что это трупы советских граждан, расстрелянных год — полтора тому назад. Расстрел производился на близком расстоянии огнестрельным оружием в затылочную часть черепа. В частности, у деревни Некрасово, в могилах на дне оврага, были обнаружены лежавшие в беспорядке 72 трупа. На трупах подростков и женщин обнаружены полотняные белые и серые рубашки с клеймом «Областная психиатрическая больница». Приглашённые на место раскопок: бывший главный врач психиатрической больницы Беляев, заведующий одним из отделений той же больницы Рябцев и старшая медсестра Елисеева опознали одежду на трупах и подтвердили принадлежность её психиатрической больнице. По одежде они опознали также трупы многих больных.

Установление крепостнического режима и увод советских граждан в немецкое рабство

Заняв город Орёл, немецко-фашистские оккупанты сразу же приступили к насильственному угону советских людей в рабство в Германию. Угон в рабство осуществлялся специально созданной «Биржей труда», которую возглавлял Леве. Его заместителем был Фохт и ассистентами Мутце и Плац. При «Бирже труда» был организован лагерь, возглавлял который Лох.

5 декабря 1941 года, в первом номере газеты «Речь», было опубликовано объявление, за подписью командующего Орловским административным округом генерал-майора Гаманн о том, что население города Орла обязано явиться на регистрацию на «Биржу труда». Немецко-фашистские поработители заставляли советских граждан подписывать «трудовые обязательства».

Гражданка А. М. Сысоева, проживающая в городе Орле, по улице Сакко-Ванцетти, дом № 48, сообщила: «За отказ подписать «трудовое обязательство» о «добровольной» поездке в Германию военная комендатура арестовывала советских граждан и держала в подвале по 3—5 суток, принуждая подписывать «трудовые обязательства».

За весь период немецкого хозяйничания в городе Орле было угнано в рабство только одних девушек и женщин свыше 20.000 человек.

Ужас германского рабства толкал советских граждан на причинение себе тяжёлых увечий. Многие девушки и женщины, не желавшие превратиться в рабынь, сознательно увечили себя, лишь бы не попасть на фашистскую каторгу. Например, гражданки Сысоева Александра и Ковалёва Александра с этой целью обожгли себе руки серной кислотой и стали инвалидами. Таких случаев было немало.

Только ценой жестоких страданий и мучений советские люди добывали возможность не быть угнанными в

немецкое рабство или посланными на принудительные работы. Уклонявшиеся от работы на немцев арестовывались, направлялись в концентрационные лагеря, где и расстреливались. Так, например, 15 января 1942 года, в Первомайском сквере, трое молодых людей в возрасте от 18 до 21 года были повешены только за то, что они не захотели выполнить работу на ненавистных врагов.

16 января 1942 года газета «Речь» по этому поводу опубликовала следующее сообщение:

«За невыполнение приказа местного коменданта по ежедневной явке на работу, что является саботажем, безработные Матвеев Алексей, Кочергин Иван и Ключников Дмитрий повешены 15 января 1942 года, как саботажники.

Местный комендант».

Перед отступлением немецко-фашистских войск из города Орла военный комендант палач Гаманн опубликовал объявление, в котором сказано: «Орёл объявляется боевой зоной. Гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покиданию города в другом направлении будет воспрепятствовано силой оружия. Мужчины в возрасте от 15 до 55 лет, способные носить оружие, будут, как и раньше, задерживаться. Они избегут задержания только тогда, если немедленно явятся в лагерь военнопленных на Казарменной улице. Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречено на улице, будет расстреляно. Военный комендант Гаманн генерал-майор».

Немецкие захватчики объявили всех мужчин жителей города Орла военнопленными и предложили им эвакуироваться в тыл. Но советские патриоты, не желая отправляться на фашистскую каторгу, скрывались и прятались где только возможно. Гитлеровцы искали скрывающихся по домам и всех, кто им попадался, от-

правляли под конвоем в тыл. Как хищные звери, рыскали немецко-фашистские мерзавцы в поисках своей добычи. Жители Пятницкой слободы города Орла прятались в пещерах, образовавшихся в каменоломнях под обрывом правого берега реки Оки.

В районе Пятницкой слободы таких пещер четыре. Длина каждой из них достигает до 400—500 метров. В глубине этих пещер спасались мужчины, женщины и дети Пятницкой слободы и других районов города.

Жители этой слободы Навозин В. А., Логвинов М. А., Чепелевич М. А., Кудрина М. А., Поспешинская Е. А., Перелыгина В. А., Боев Г. Н., Ключкова Е. А., Кожин А. А., Гаврилов И., Казначеева А. Н. и Семёнов Н. Д. рассказали: «Узнав, где скрывается население, фашистские жандармы, 2 августа 1943 года, явились к пещерам. Они потребовали, чтобы скрывающиеся вышли, угрожая в противном случае взорвать пещеры. Женщины и дети подчинились этому требованию, а мужчины отказались. Тогда фашисты в каждую пещеру заложили взрывчатые вещества, намереваясь завалить входы. Советские патриоты задыхались от газов, образовавшихся вследствие взрывов, но не вышли, предпочитая лучше погибнуть, чем отдаться в руки гитлеровских палачей. Не добившись успеха, фашисты уехали и на другой день, т. е. 3 августа 1943 года, опять приехали к пещерам на автомашинах, нагружённых взрывчатым веществом. С собою они привезли несколько пленных советских военнослужащих и под угрозой расстрела заставили их закладывать авиабомбы и ящики с аммоналом у входа каждой пещеры. Ни слёзы детей, ни просьбы женщин, ничто не остановило гитлеровцев. Они взрывом завалили входы в пещеры, но убить им советских патриотов не удалось. Женщины и дети раскопали завалы и освободили измученных советских людей».

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за совершённые злодеяния в городе Орле и Орловской области, за массовые убийства не-

винных мирных жителей; за убийства и истязания раненых и больных военнопленных; за ограбление и увод в немецкое рабство советских граждан; за разрушение колхозов, деревень, сёл и городов; за расхищение имущества государственных, кооперативных и общественных учреждений: командующего 2-й немецкой танковой армией генерала Шмидта, командующего Орловским административным округом, военного коменданта города, генерал-майора Гаманна, а также непосредственных исполнителей чудовищных преступлений: начальника Орловского лагеря военнопленных майора Гофмана, помощника начальника Орловского лагеря военнопленных капитана Матерна, гарнизонного врача Эрлиха, немецкого врача Ширмана, немецкого врача лагеря военнопленных Купера, начальника Биржи труда Лева, заместителя начальника Биржи труда Фохта, начальника хозяйственной комендатуры Шмидта, ассистентов Мутце и Плац, заведующего лагерем Биржи труда Лоха, фельдфебелей Винклера, Штрикке и Шольца, обер-ефрейтора Диля. Все они должны понести суровое наказание за свои чудовищные злодеяния, совершённые против советского народа в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками освобождённых ныне Красной Армией города Орла и Орловской области.

Опубликовано в газете «Известия» № 211
от 7 сентября 1943 года на основании
Постановления Чрезвычайной Государственной
Комиссии от 6 сентября 1943 года, Протокол № 13.

О РАЗРУШЕНИИ ГОР. СМОЛЕНСКА И ЗЛОДЕЯНИЯХ, СОВЕРШЁННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ НАД СОВЕТСКИМИ ГРАЖДАНАМИ

Древнейший русский город Смоленск, богатый событиями в своём развитии, из века в век отражал в истории нашей Родины рост её могущества и славы. Небывалого расцвета достиг он за годы Советской власти. С необычайной быстротой увеличивалось количество промышленных предприятий, культурно-просветительных учреждений.

15 июля 1941 года в Смоленск ворвались гитлеровские орды. 26 месяцев и 10 дней длилось их кошмарное хозяйничанье, сопровождавшееся неслыханными злодеяниями и насилиями. С чудовищной жестокостью и коварством изо дня в день разрушали они фабрики и заводы, больницы и поликлиники, институты и техникумы, школы и музеи, парки и сады — весь древнейший город, превращая его в пепел и развалины.

После освобождения города лишь за 10 дней минёрами было извлечено из различных зданий более 100 тысяч килограммов авиабомб и мин замедленного действия.

На основании актов, составленных представителями государственных предприятий и учреждений, общественных организаций, показаний очевидцев и свидетелей, а также на основании произведённого членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Н. Н. Бурденко расследования фактов разрушений и злодеяний, учинённых в г. Смоленске немецко-фашистскими варварами, установлено:

Разрушение коммунального хозяйства

Специальные команды поджигателей взрывали и сжигали новые большие дома, целые кварталы и улицы. В каменных зданиях автогенном вырезали железные балки и увозили в Германию. Из 8.000 домов с полезной площадью более 650 тыс. кв. метров разрушено и сожжено 7.300 домов. Разрушены: железобетонный 3-пролётный арочный мост с двухколейными трамвайными путями, выстроенный в 1930—1931 году, соединявший Заднепровье с центром города; 3-пролётный железный мост с каменными, облицованными гранитом быками, два виадука через полотно железной дороги у станции Смоленск; все помещения бань и подсобные предприятия банно-прачечного комбината.

Немецкими оккупантами приведено в негодность всё трамвайное хозяйство, состоявшее из 27 километров пути, воздушной линии и трамвайного парка. Выведен из строя водопровод. Население города осталось без воды. Взорваны и сожжены: водонапорные башни с железобетонными баками, главная насосная станция с оборудованием, насосами, моторами, камерой управления и трубопроводом, насосная станция с подсобными сооружениями, станции 1-го и 3-го подъёма с железобетонными резервуарами и камерой управления; разрушены оборудование и строения над шахтами артезианских скважин.

При отступлении из Смоленска немецкие мерзавцы разрушили электрическую станцию и город оставили

без света и электроэнергии. Турбины, котлы и трансформаторы привели в негодность: уничтожили 67 трансформаторных киосков, сняли около 90 километров воздушной сети высокого и низкого напряжения; контрольно-измерительные приборы вывезли в Германию. Фашистские захватчики полностью разрушили и сожгли в Смоленске 170 магазинов, 260 ларьков, 85 столовых и ресторанов, 2 фабрики-кухни и другие подсобные постройки торговых организаций.

Большой ущерб немецко-фашистские захватчики нанесли хозяйству Управления связи. Они уничтожили здание телеграфа, автоматической телефонной станции, почтамта, радиостанций, радиоприёмного пункта. Привели в негодность и уничтожили оборудование телеграфа и блок-станции, автоматической телефонной станции, междугородной телефонной станции. Имущество, материалы и хозяйственный инвентарь Управления связи вывезли в Германию.

По далеко не полным данным, общий ущерб, причинённый немецко-фашистскими захватчиками коммунальному хозяйству, связи и торговле, составляет свыше 700 миллионов рублей.

Разрушение промышленности

Немецкие захватчики уничтожили в Смоленске все 96 фабрик и заводов. Они разрушили Смоленский льнокомбинат имени А. А. Андреева, пущенный в эксплуатацию в 1937 году, а оставшиеся станки, котлы, рельсы и различное оборудование увезли в Германию. Завод «Метиз», музыкальную фабрику, завод № 35, механический завод, 30 предприятий промысловой кооперации, трикотажную фабрику, завод им. Калинина, выпускавший дорожные машины, битумные котлы и цистерны, гитлеровцы разрушили до основания. На фабрике «Красный швейник» оккупанты взорвали и уничтожили производственный корпус, здание школы ФЗУ и складские помещения.

В последние дни перед бегством немецких оккупантов из Смоленска подверглись разрушениям предприятия и жилые помещения Областного Управления промышленности стройматериалов.

На кирпичном заводе № 1 они взорвали и разрушили обжигательную печь, здания двух формовочных цехов, механическую мастерскую, электроподстанцию, на втором кирпичном заводе взорвали и сожгли все производственные здания и сооружения и вывезли в Германию трансформаторные подстанции и моторы; 8,5 километра узкоколейных путей; полностью сожгли жилые дома и постройки рабочего посёлка. От кирпичного завода № 5 остались лишь груды развалин. Керамический завод разрушен, а оборудование вывезено в Германию. Оборудование и инструмент механического завода немецко-фашистские захватчики вывезли в Германию, здание частично разрушили; 4-этажное здание Смоленской контрольной научно-исследовательской станции стройматериалов сожгли.

Общий размер ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками промышленным предприятиям, исчисляется более чем в 300 миллионов рублей.

Разрушение железнодорожного узла

Смоленский железнодорожный узел, связывающий столицу Советского Союза с важнейшими экономическими и промышленными центрами страны, через который ежедневно проходили десятки товарных и пассажирских поездов на Москву, Минск, Брянск, Витебск, Сухиничи, оккупантами разрушен полностью. Паровозное и вагонное хозяйство, оборудование мастерских, силовых станций, аппаратура связи и автоблокировки, в том числе и подвижной состав, увезены в Германию.

При своём отступлении из Смоленска немецкие оккупанты взорвали 194 километра железнодорожных станционных путей, 700 стрелочных переводов, 5 депо,

3 поворотных круга, 7 пунктов набора воды; уничтожили 3 тысячи погонных метров погрузочно-разгрузочных площадок, 18.300 кв. метров служебных зданий, 9 бань; разрушили и сожгли 228 жилых зданий общей площадью 38 тысяч кв. метров.

Размер ущерба по железнодорожному узлу исчисляется в 60,5 миллиона рублей.

Разрушение учреждений здравоохранения

Ворвавшись в город, немецкие захватчики разрушили большинство лечебных учреждений; больных, находившихся в больницах, выбросили на улицу, а ценное медицинское оборудование вывезли в Германию. Жители города были лишены медицинской помощи.

Отступая от Смоленска, гитлеровские мерзавцы сожгли и взорвали здания лечебных учреждений. Они разрушили терапевтическое, хирургическое, инфекционное, гинекологическое и родильное отделения 1-й советской клинической больницы, размещавшейся в 20 корпусах. Полностью уничтожили рабочую поликлинику, третью, четвёртую и пятую амбулатории и шестую амбулаторию при льнокомбинате, три тубдиспансера, пункт скорой помощи, три женско-детских консультации, санаторий для подростков, 25 детских яслей на 1.800 мест, дезостанцию, молочно-контрольную станцию, санитарно-бактериологическую лабораторию, акушерскую клинику, инфекционную больницу, дом ребёнка, детскую и зубоврачебную поликлиники; разграбили кожно-венерический диспансер, институт физических методов лечения, детскую больницу, детскую физио-терапевтическую больницу, зубоврачебную школу, дом санитарного просвещения и др.

Ущерб, причинённый немецко-фашистскими оккупантами лечебным учреждениям города Смоленска, исчисляется более чем в 70 миллионов рублей.

Разрушение учебных заведений, культурно-просветительных учреждений, музеев и памятников старины

Немецко-фашистские захватчики уничтожили в Смоленске институты, техникумы, школы; разграбили ценнейшие коллекции музеев, осквернили и сожгли памятники старины. Учебники и литературу, наглядные пособия и приборы, экспонаты и музейные коллекции, представлявшие огромную ценность, фашисты вывезли в Германию. Богатейшая библиотека педагогического института, насчитывавшая сотни тысяч книг, была замурована в подвале для сохранения от пожара во время бомбардировок. Немецкие выродки разыскали эту библиотеку и все книги сожгли. Ценную литературу, учебники, приборы и инструменты медицинского института и института иностранных языков вывезли в Германию.

В апреле 1943 года немецко-фашистским мерзавцам понадобился щебень. Они взорвали для этой цели среднюю школу № 23 и добытый таким путём щебень использовали на исправление дороги.

При отступлении из Смоленска немецко-фашистские захватчики разрушили почти все учебные заведения. Они сожгли здания педагогического, стоматологического и сельскохозяйственного институтов; разрушили финансовый, кооперативный, железнодорожный техникумы и электротехникум связи; сожгли и взорвали 22 школы, восемь детских садов, областную центральную, детскую городскую, Заднепровскую библиотеки, библиотеку им. Горького и Рачевскую библиотеку им. Первого мая. В этих библиотеках погибло 646 тысяч книг.

Ущерб, нанесённый немецко-фашистскими оккупантами школам и учреждениям Смоленского городского отдела народного образования, исчисляется в 74 миллиона рублей.

В 1939 году в Смоленске был открыт драматический театр в новом, прекрасно оборудованном здании. Немец-

кие захватчики разграбили костюмерную театра, насчитывавшую до 5.000 предметов. Электрооборудование привели в негодность; осветительную аппаратуру и антикварную мебель вывезли в Германию, декорации уничтожили. Они сожгли Государственный цирк на 2.500 мест со всем оборудованием, здания—филармонии и музыкальной школы им. Глинки. Немецкие оккупанты разрушили кинотеатры им. «Пятнадцать лет Октября» на 1.000 мест, «Палас» на 700 мест, «Деткино» и др.

Древнейший город Смоленск сохранял ценнейшие памятники истории и культурного прошлого. В нём имелись храмы начального периода каменного строительства XII века, Кремль, представляющий одно из крупнейших в мире крепостных сооружений, а также и ряд других памятников, характеризующих дальнейшее развитие русской национальной культуры и искусства вплоть до нашего времени.

В Смоленске до немецкой оккупации было 4 музея, располагавших ценными коллекциями.

Художественный музей, собиравшийся с 1898 года, имел богатейшие собрания преимущественно русских историко-художественных, историко-бытовых, этнографических и других ценностей: картин, икон, бронзы, фарфора, литья, тканей. Эти собрания представляли мировую ценность — экспонировались на выставке во Франции. Оккупанты разрушили музей, ценнейшие экспонаты вывезли в Германию. В музее сохранились только бронзовая скульптура Никиты Панина и большой гипсовый барельеф. Вне музея, на Соборной горе, в одной из комнат бывшего архиерейского дома, обнаружено небольшое количество беспорядочно сваленного поломанного и побитого имущества.

Исторический музей, помещавшийся в здании Богословской церкви XII века, полностью разграблен, помещение музея частично взорвано. В музее хранились подлинные экспонаты, характеризующие историю города, и

как единственное в этом отношении собрание оно являлось исключительно ценным.

Музей природы в Громовой башне Кремля состоял из собрания, характеризовавшего природу Смоленской области. Музейные ценности фашистские мерзавцы разрушили, а здание приспособили под казарму.

В Петропавловской церкви, построенной в 1146 году, с пристройками XVII и XVIII веков, они сожгли междуэтажные перекрытия и все деревянные части здания. Архангельская (Свирская) церковь постройки 1194 года сожжена фашистами 28 июня 1942 года. Сгорели полностью покрытия главы колокольни и вся внутренность постройки 1833 года. Во время оккупации Смоленска немецкие военные власти использовали здание церкви под склад. Ивано-Богословская церковь 1180 года с пристройкой 1770 года взорвана при отступлении из Смоленска.

В крепостных башнях и стенах Кремля постройки 1567—1602 годов произведены разрушения. Немецко-фашистские захватчики сняли кровлю с 9 башен Кремля: Волкова, Веселухи, Роговки, Орла, Авраамиевской, Заалтарной, Воронина, Долгочевской и Зимбулки; сожгли Днепровские ворота с надвратной церковью; разобрали междуэтажные перекрытия башни Бублейки. В Гуркиной башне они устроили склад взрывчатых веществ. В восточной стене Кремля сделали несколько проломов.

Немецкие оккупанты сожгли Троицкий монастырь. В соборе монастыря постройки 1674 года сгорели крыши над всеми зданиями. В колокольне XVII века сгорела глава, в церкви Зачатья постройки 1767 г. сгорела крыша, перекрытия и все деревянные части здания. Деревянный дом наместника архиепископа постройки XVII века уничтожен пожаром. Сохранились только каменные сводчатые подвалы.

Немецкие захватчики полностью сожгли церкви: Спасскую постройки XVIII века, Духовскую—XVIII ве-

ка, Покровскую—XIX века. Сожгли все деревянные части в церквях: Нижне-Никольской за Днепром постройки XVIII века, Георгиевской—начала XVIII века, Нижне-Благовещенской—1779 года, в Богоявленском соборе—1781 года взорвали Верхне-Никольскую церковь и Введенскую церковь Авраамиева монастыря; увезли в Германию бронзовый памятник Кутузову и пушки с памятника 1812 года.

Главный штаб Розенберга по изъятию и вывозу ценностей из оккупированных районов Востока имел в Смоленске специальное отделение, возглавляемое доктором Нерлингом, организатором разграбления музеев и исторических памятников.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает приведённые данные об ущербе, причинённом немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям города Смоленска, только предварительными. Точные размеры ущерба будут установлены после окончательной расчистки территории города и тщательной экспертизы разрушения жилых зданий, фабрик, заводов, культурно-просветительных учреждений, музеев, исторических памятников и других сооружений.

Массовое истребление военнопленных и мирных советских граждан

Чрезвычайная Государственная Комиссия на основании заявлений советских граждан, показаний свидетелей, актов и специального расследования установила, что немецко-фашистские захватчики в городе Смоленске и его окрестностях истязали и истребляли мирных советских граждан и военнопленных.

24 апреля 1942 года, близ деревни Александровка, карательный отряд гестапо в 400 человек зверски расстрелял 176 советских граждан. В районе посёлка Геденовка, близ разрушенного здания радиостанции, они расстреляли не менее 5.000 советских граждан. На

опушке Вязовеньской лесной рощи, в одном километре от деревни Магаленщина, в июле месяце 1942 года немецкие власти расстреляли три с половиной тысячи советских граждан. Чрезвычайной Государственной Комиссией установлены личности 1.327 расстрелянных. Свидетели по делу зверского истребления советских граждан в Вязовеньской роще — Варфоломеев И. Е., Покладова В. К., Субботина А. В., Новожилов А. С. и другие показали:

«В июле месяце 1942 года немецкие захватчики в одном километре от нашей деревни Магаленщина, на опушке Вязовеньской лесной рощи, в течение целого дня расстреливали население города Смоленска, которое до этого было согнано в лагерь, располагавшийся в посёлке «Садки». В этот день было расстреляно более 2.000 человек — стариков, женщин и детей».

Немецко-фашистские захватчики планомерно истребляли раненых и военнопленных советских граждан. Врачи Смирнов А. Н., Лазунов А. Н., Демидов А. М., Погребнов А. С. и другие, бывшие в лагере военнопленных, сообщили, что по дороге от Вязьмы в Смоленск гитлеровцы расстреляли несколько тысяч человек.

Осенью 1941 года оккупанты пригнали из Вязьмы в Смоленск партию военнопленных. Многие из них от побоев и истощения не в состоянии были держаться на ногах. При попытке населения дать кому-либо из пленных кусок хлеба немецкие солдаты отгоняли советских людей, били их палками, прикладами и расстреливали. На Большой Советской улице, Рославльском и Киевском шоссе фашистские мерзавцы открыли беспорядочную стрельбу в колонну военнопленных. Пленные пытались бежать, но солдаты настигали их и пристреливали. Так было расстреляно около 5.000 советских граждан. Трупы расстрелянных несколько дней валялись на улицах.

Это подтверждают жители города Смоленска — Соловьёва П. С., Егоров В. М., Егорова Г. Н., Лунченко Ф. Т., Агафонова П. Л. и другие.

Немецкие военные власти истязали военнопленных. По пути в Смоленск, и особенно в лагере, военнопленные погибали десятками и сотнями. В лагере военнопленных № 126 советские люди подвергались истязаниям, больных посылали на тяжёлые работы, не оказывали медицинской помощи. Пленные в лагере подвергались истязаниям, посылались на непосильную работу, расстреливались. От истощения на почве голода, от эпидемий тифа и дизентерии, замерзания, изнурительных работ и кровавого террора ежедневно погибали 150—200 человек. Немецко-фашистские захватчики истребили в лагере свыше 60 тысяч мирных граждан и военнопленных. Факты истребления пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также мирных граждан подтверждены показаниями пленных врачей, содержавшихся в этом лагере: Смирнова А. Н., Хмырова В. А., Погребнова А. С., Ерпылова П. П., Демидова А. М., медицинскими сёстрами Шубиной Т. С., Ленковской А. Г., а также красноармейцами и жителями города Смоленска.

Под руководством зондер-фюрера Эдуарда Гисс в лагере были расстреляны тысячи военнопленных.

Унтер-офицер Гатлин зверски расправлялся с пленными. Зная об этом, они старались не попадаться ему на глаза. Гатлин же переодевался в костюм красноармейца, замешивался в толпу и, избрав себе жертву, избивал её до полусмерти.

Рядовой Рудольф Радтке, бывший борец одного из цирков Германии, специально изготовил себе плётку из алюминиевой проволоки, которой избивал содержащихся в лагере. По воскресным дням он приходил в лагерь пьяным, набрасывался на первого попавшегося пленного, мучил его и убивал.

На Смоленской городской электростанции фашисты заставляли работать истощённых и выбившихся из сил, больных советских людей. Нередко наблюдались случаи, когда пленные, изнурённые голодом, падали от непосильной работы и тут же расстреливались зондер-

фюрером Сцепальским, зондер-фюрером Брам, Гофманом Маузером, зондер-фюрером Вагнером.

В Смоленске существовал госпиталь для военнопленных; советские врачи, работавшие в этом госпитале, сообщили: «До июля 1942 года больные лежали на полу, без перевязок. Одежда и подстилка у них была покрыта не только грязью, но и гноем. Помещение не отапливалось, в коридорах пол покрывался ледяной коркой».

Отношение к раненым точно соответствовало программе поголовного истребления русского народа. Никаких ни общечеловеческих, ни юридических норм не признавалось. Раненые военнопленные подвергались мучениям и физическим и моральным.

В своё время в печати сообщалось, как гитлеровские палачи инсценировали «обследование» своей же кровавой расправы над польскими офицерами в Катынском лесу (в районе Смоленска), чтобы мошеннически выдать это злодеяние за «преступление большевиков». Эти гнусные измышления матёрых фальсификаторов ещё характернее выступают теперь в свете новых чудовищных преступлений, совершённых ими в гор. Смоленске.

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в городе Смоленске и его окрестностях немецко-фашистские изверги расстреляли и замучили свыше 135 тысяч мирных советских граждан и военнопленных.

Чрезвычайная Государственная Комиссия поручила специальной судебно-медицинской экспертной комиссии произвести исследование трупов расстрелянных и замученных советских граждан в Смоленске.

Ниже публикуется акт судебно-медицинской экспертизы:

«А К Т

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Согласно указанию Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, общественным

организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР — от 28-го сентября 1943 года, Судебно-медицинская Экспертная Комиссия в составе:

Члена Чрезвычайной Государственной Комиссии, академика Н. Н. Бурденко;

главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, доктора В. И. Прозоровского;

профессора кафедры судебной медицины 2-го Московского Медицинского института, доктора медицинских наук В. М. Смольянинова;

старшего научного сотрудника танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора П. С. Семеновского;

старшего научного сотрудника судебно-химического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента М. Д. Швайковой — в период с 1-го по 16-е октября 1943 года произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов в местах погребения в гор. Смоленске и его окрестностях для:

- 1) установления личности покойных,
- 2) диагностики причины смерти,
- 3) определения количества погребённых и срока давности погребения.

Обстоятельства дела изложены в документах следствия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебно-медицинская комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских, судебно-химических и спектроскопических исследований, а также на изучении следственных документов, приходит к заключению:

Материалы следствия, количественная характеристика трупов в раскрытых ямах-могилах и изучение участков территории массовых погребений — делают возможным вывод, что в обследованных пунктах гор. Смоленска и его окрестностей количество трупов советских гра-

ждан, умерщвлённых и погибших в период временной оккупации немцами, превышает 135.000, распределяясь следующим образом:

1.	На территории бывш. Смоленской радиостанции у сел. Гедечозка	до 5 000 трупов
2.	» » селений Магаленщина-Вязовенька »	3 500 »
3.	» » плодово-овощного хозяйства у сел. Реадовка	» 3 000 »
4.	» » Пионерского (соснового) сада	» 500 »
5.	» » Дома Красной Армии	» 1 500 »
6.	» » большого концентрационного лагеря № 126	» 45 000 »
7.	» » малого концентрационного лагеря № 126	» 15 000 »
8.	» » Медгородка Западной железной дороги	» 1 500 »
9.	» » деревни Ясенная	» 1 000 »
10.	» » бывш. немецкого госпиталя для военнопленных и общежития студентов Мединститута по Рославльскому шоссе	» 30 000 »
11.	» » Лесопильного и Ликёро-водочного заводов	» 500 »
12.	» » концентрационного лагеря у дер. Печорской	» 16 000 »
13.	» » селения Ракитня	» 2 500 »
14.	» » авиазавода № 35 в районе станции Красный Бор, совхоза Пасово, дер. Александровской, ГЭС, пос. Себрянка и Дубровенька	» 12 000 »

В период с 1-го по 16-е октября 1943 года на территории гор. Смоленска и его окрестностей были произведены эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов в следующих пунктах:

1. На территории бывш. Смоленской радиостанции;
2. » » селений Магаленщина-Вязовенька;
3. » » Пионерского сада;
4. » » плодово-овощного хозяйства (у дер. Реадовка);
5. » » большого концентрационного лагеря (№ 126);
6. » » малого концентрационного лагеря (№ 126);
7. » » Железнодорожной больницы (Медгородок, Западной железной дороги);
8. » » дер. Ясенная;
9. » » Дома Красной Армии;
10. » » Авиазавода № 35;
11. » » бывш. немецкого госпиталя для военнопленных и общежития студентов Медицинского института по Рославльскому шоссе;
12. » » Лесопильного и Ликёро-водочного заводов;
13. » » концентрационного лагеря у дер. Печорская;
14. » » дер. Ракитня.

В указанных пунктах было раскрыто 87 мест захоронений (ям и могил), эксгумировано и исследовано 1.173 трупа, из которых было 1.033 трупа мужчин, 122 женщин и 18 детей и подростков.

При исследовании трупов было констатировано наличие:

18 детей и подростков в возрасте до 16 лет,

835 мужчин в возрасте от 20 до 40 лет,

103 женщины в возрасте от 20 до 40 лет,

217 мужчин и женщин в возрасте свыше 40 лет.

В процессе раскрытия могил-ям установлено, что в них не производилось погребения трупов в обычном смысле слова, а имело место хаотическое сбрасывание и закапывание трупов мужчин, женщин и детей, в некоторых случаях вместе с частями трупов животных (собака, лошадь), при этом закапывание трупов совершалось на различной глубине от 0,3 метра до 3,0 метров. Трупы в ямах большею частью были или вовсе без одежды, или в поношенном нижнем белье, в меньшей же части — трупы обнаружены в одежде или воинском обмундировании. На нижнем белье некоторой части трупов, эксгумированных из могил на территории большого и малого концентрационных лагерей, отмечается множество мёртвых вшей.

Вместе с трупами в ямах или в карманах одежды находились различные предметы бытового обихода: плетёные и клеёнчатые сумки с картофелем или кусками хлеба, эмалированные кружки и фляги, бритвы и перочинные ножи, почтовые карточки, карандаши, зеркальца, мундштуки, мелкие деньги и проч. Документы, удостоверяющие личность, были найдены лишь в 16 случаях (три паспорта, одна красноармейская книжка и 12 воинских медальонов). В некоторых случаях в качестве материала для опознавания личности покойного могли быть использованы только частично сохранившиеся предметы одежды и татуировки.

Давность погребения эксгумированных трупов, судя

по результатам судебно-медицинских исследований, должна быть отнесена, преимущественно, ко второй половине 1941 года, 1942 году и только в 4-х местах захоронения — к 1943 году.

При судебно-медицинском исследовании в отношении 567 трупов получены данные, свидетельствующие о том, что причиной смерти были: огнестрельные ранения головы и грудной клетки — 538 случаев; множественные переломы костей черепа от удара тупым, твёрдым предметом — 29 случаев.

Огнестрельные ранения были констатированы у 431 мужчины, 100 женщин и у 7 детей и подростков. Входные отверстия ранения, как правило, располагались в затылочной области головы или на задней поверхности шеи; в некоторых отдельных случаях — в теменных, височных и лобной областях, а также на передней поверхности грудной клетки и на спине. Повреждения головы тупым, твёрдым, тяжёлым предметом были у 24 мужчин, 4-х женщин и 1 подростка.

При исследовании 606 трупов не обнаружено причин смерти травматического характера, при этом в одной части случаев, основываясь на судебно-медицинских данных, следует считать, что причиной смерти послужило голодание или острые инфекционные болезни. В отношении другой части трупов далеко зашедшие гнилостные изменения лишают возможности с определенностью судить о причине смерти.

Экспумация и исследование трупов показали, что в могилах на территории бывш. Смоленской радиостанции, Пионерского сада, Железнодорожной больницы, деревни Ясенной и Дома Красной Армии находятся лишь трупы, имеющие огнестрельные ранения с ясно выраженными их признаками. В могилах на территории у селений Магаленщина-Вязовенька и плодово-овощного хозяйства у деревни Реадовка обнаружены трупы, имеющие огнестрельные ранения, повреждения тупыми, твёрдыми, тяжёлыми предметами, а также трупы без следов механи-

ческой травмы. В отношении этой части трупов, принимая во внимание показания ряда свидетелей и другие данные, можно утверждать, что причиной смерти могло явиться отравление окисью углерода в специальных автомашинах.

Исследование трупов, извлечённых из могил на территории большого и малого концентрационных лагерей, завода № 35, бывшего немецкого госпиталя для военнопленных, лесопильного завода, концентрационного лагеря у деревни Печорская и деревни Ракитня, показало, что в подавляющем большинстве случаев в качестве причины смерти, при учёте следственных данных, могут быть признаны голодание или острые инфекционные болезни. Объективным доказательством смерти от голодания является, помимо установленного при исследовании трупов полного отсутствия подкожно-жировой клетчатки, обнаружение в ряде случаев в полости желудка травянистых масс, кусков грубых листьев и стеблей растений.

Материалы экспертизы, при учёте показаний многочисленных свидетелей, дают судебно-медицинской экспертной комиссии основание прийти к следующему заключению.

Расположение мест погребения показывает, что захоронение трупов умерщвлённых или погибших советских граждан происходило в одних случаях в специально для этого избранных немцами окрестностях города Смоленска (у бывшей радиостанции, сел. Реадовка, сел. Магаленщина-Вязовенька), в других — в непосредственной близости от мест гибели (территории концентрационных лагерей), в третьих — на месте умерщвления в центре города Смоленска (у Дома Красной Армии, в Пионерском саду).

Значительное количество раскрытых ям-могил (87) с массами трупов в них, при учёте установления разновременности погребения, относящегося ко 2-й половине 1941 года, 1942 году и 1943 году, свидетельствует о систематическом уничтожении советских граждан.

Этому уничтожению подвергались в подавляющем большинстве случаев мужчины и, главным образом, в наиболее цветущем возрасте — от 20 до 40 лет. Это не представляет случайности, так как максимальное число умерщвлённых (расстрелянных) женщин также падает на возраст от 20 до 40 лет.

Обращает на себя особое внимание регулярно отмечаемое обстоятельство, что на эксгумированных трупах обувь отсутствует (за крайне редкими исключениями), одежда также, как правило, отсутствует или состоит из поношенного нижнего белья или из отдельных предметов ветхого верхнего платья. Отсюда естественным является вывод, что снятие обуви и одежды, представляющей ценность, постоянно, в обязательном, узаконенном порядке предшествовало уничтожению советского населения. В тех случаях, когда на трупах была одежда, документов, удостоверяющих личность покойного, в карманах одежды, за весьма редким исключением, не обнаруживалось. Это говорит о намеренном обезличении убиваемых и погибших для сокрытия совершённых злодеяний.

Экспертными данными и свидетельскими показаниями с бесспорностью констатируются широко практиковавшиеся немецким командованием следующие способы истребления мирного советского населения и военнопленных в городе Смоленске:

а) массовые расстрелы, а также раздробление костей черепа тупым, твёрдым предметом у мужчин, женщин, подростков и детей;

б) в качестве другой формы насильственного умерщвления, применённой в отношении военнопленных и арестованных, содержавшихся в концентрационных лагерях, следует признать установленным такой режим питания, который вызывал голодание и в кратчайший срок приводил к смерти от истощения;

в) недопустимая антисанитарная обстановка и намеренное создание огромной скученности в лагерных помещениях, при фактическом отсутствии медицинской по-

мощи — приводили к возникновению эпидемий, инфекционных болезней с неизбежным смертельным исходом. Это должно быть расценено как специально организованное мероприятие по уничтожению военнопленных и арестованных советских людей.

Указываемые свидетелями иные способы умерщвления советских граждан, практиковавшиеся в городе Смоленске, как то: отравление окисью углерода в специально приспособленных для убийства советских людей автомашинах, содержание военнопленных и арестованных при низкой температуре в неотапливаемых помещениях — имеют своё полное обоснование в сообщаемых свидетелями фактических данных.

Вся совокупность применявшихся способов умерщвления, его систематичность и массовость доказывают, что в городе Смоленске немецко-фашистскими властями в течение всего периода оккупации проводилось планомерно организованное истребление мирного советского населения и военнопленных.

22 октября 1943 года».

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что за разрушение города Смоленска, за массовое истязание и убийство мирных советских граждан и военнопленных ответственны германское правительство и следующие непосредственные исполнители злодеяний: генерал-майор Науман, шеф гестапо обер-лейтенант Торман, руководитель полиции обер-лейтенант Шит, старший следователь гестапо капитан Майер, зондерфюрер гестапо при лагере военнопленных № 126 Эдуард Гисс, военный комендант гор. Смоленска фон Швец, унтер-офицер Гатлин, рядовой Рудольф Радтке, шеф комендатуры по медицинским учреждениям Гампель, шеф жандармерии № 907 лейтенант Кельм, руководитель полиции по линии жандармерии лейтенант Опец, дежурный начальник тюрьмы штабс-фельдфебель Лемхен,

дежурный начальник тюрьмы обер-фельдфебель Немке, шеф штаба Розенберга доктор Нерлинг, начальник отдела пропаганды капитан доктор Думф, заместитель начальника отдела пропаганды Миллер и профессор Еше.

Все они должны понести суровую ответственность за злодейские преступления, совершённые против советского народа..

Опубликовано в газете*«Известия» № 263
от 6 ноября 1943 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 6 ноября 1943 года, Протокол № 19.

О РАЗРУШЕНИЯХ, ПРИЧИНЁННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ГОРОДСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сталинская область является важнейшим угольно-металлургическим центром СССР. В 152 шахтах комбината «Сталинуголь» ежедневно добывалось свыше 140.000 тонн высокосортного угля. Мощные электрические станции производили до 3 миллиардов квтч. электроэнергии для предприятий Донбасса и Запорожья.

Коксо-химические комбинаты выпускали со своих 78 коксовых батарей 8,5 млн. тонн первоклассного кокса в год и перерабатывали донецкий уголь в химическую продукцию.

На металлургических заводах 22 доменные печи давали ежегодно 5 млн. тонн чугуна, 43 мартеновских печи — свыше 4 млн. тонн стали, 3 блюминга и 34 прокатных стана — свыше 3 млн. тонн прокатного металла.

В Сталинской области было широко развито производство высокосортного цемента, стекла, технического фарфора, керамики, красного кирпича, добывались алебастр, известь, огнеупорные глины, гранитный камень.

Пятнадцать институтов и техникумов горной, металлургической, химической специальностей готовили высококвалифицированные кадры.

За годы сталинских пятилеток города: Сталино, Горловка, Енакиево, Константиновка, Краматорск, Макеевка, Мариуполь и другие стали крупными культурно-промышленными центрами.

Немецко-фашистские захватчики и их сообщники, действуя по плану германского верховного командования, разрушили угольные шахты, электростанции, металлургические, химические, машиностроительные заводы, культурные учреждения, школы, больницы, театры, музеи и коммунальное хозяйство городов и посёлков Донбасса.

В звериной ненависти к советским людям фашистские мерзавцы истязали и убивали мирное население, угоняли советских людей в немецкое рабство.

Секретной инструкцией хозяйственного руководителя группы южных армий от 2 сентября 1943 года № 1/313/43 г. предписывалось армейским руководителям и руководителям хозяйственных команд проводить полное разрушение промышленных предприятий, шахт, электростанций, заводских сооружений Донбасса, а также вывозить всё ценное имущество и оборудование в Германию.

Этой инструкцией, изданной в то время, когда советские войска прорвали немецкий фронт на реке Миус и приступили к освобождению Донбасса от фашистских захватчиков, предписывалось:

«Весь Донецкий бассейн восточнее позиции «Черепахи» должен быть эвакуирован в хозяйственном отношении и полностью разрушен».

«...Всё, что не может быть эвакуировано, подлежит разрушению, в особенности: водонапорные и электрические станции, шахты, заводские сооружения, средства производства всех видов, урожай, который не может быть вывезен, деревни и дома».

«...Разрушения следует произвести не в последний момент, когда войска будут уже вести бой или отступать, а своевременно».

«...Все хозяйственные органы и хозяйственные подразделения, Общество по эксплуатации Востока (Остгезель-

шафт) и филиалы частных фирм (Патернфирмен) обязаны выделять всех подходящих людей для работы по эвакуации и разрушению».

«...Армейские хозяйственные руководители должны доносить каждый вечер сводные данные в штаб хозяйственного руководителя группы армий Юга. КП в Сталино передаёт каждый вечер короткий обзор о положении в Донбассе в штаб № 1 майору Паульсу».

Подписано: «Южная группа армии по поручению: Хозяйственный руководитель группы армий *Нагель*». На основании документальных материалов, заявлений потерпевших, показаний свидетелей, заключений технических и медицинских экспертов, а также путём выезда в города и в районы, подвергавшиеся оккупации, специальной комиссии в составе: председателя Сталинской областной комиссии тов. Дрожжина М. И., председателя Сталинского Облисполкома тов. Решетняк Ф. Н., члена Облисполкома тов. Чечкова А. Т., представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии тов. Кудрявцева Д. И., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила факты варварского разрушения промышленности, городского хозяйства, жилищ, школ, больниц, культурно-просветительных учреждений и чудовищных злодеяний, совершённых немецко-фашистскими захватчиками.

Разрушение угольной промышленности

За время оккупации и при своём отступлении немецко-фашистские захватчики почти полностью разрушили угольную промышленность Сталинской области, а наиболее ценное оборудование вывезли в Германию.

Фашистские мерзавцы вывели из строя и разрушили 140 шахт; уцелело только 12 мелких шахт с общей суточной добычей в 500 тонн угля.

Немецкие захватчики взорвали и уничтожили 154 шахтных ствола протяжением 15.517 метров, 192 копра,

292 подъёмных машины, 189 вентиляторов. Из 526 паровых котлов выведено из строя 393 котла с поверхностью нагрева в 37.615 кв. метров. Из 268 надшахтных зданий взорвано и сожжено 241 здание объёмом в 385.430 куб. метров. Оккупанты разрушили 266 машинных зданий в 260.067 куб. метров, 183 здания трансформаторных подстанций в 80.328 куб. метров, 161 эстокаду протяжением в 17.571 метр. Они разрушили компрессоры, сортировки, материальные склады, механические мастерские. Перед отступлением они уничтожили и затопили в шахтах: 1.900 врубовых машин, 1.209 конвейерных установок, 802 электровоза, 1.651 электросверло, 760 насосов, 1.065 скреперных лебёдок и 4.155 отбойных молотков.

Не ограничиваясь уничтожением шахт, производственных зданий и оборудования, немецкие захватчики уничтожали и жгли жилые дома рабочих, клубы, детские сады, детские ясли, столовые, школы, больницы, магазины, парки культуры и отдыха.

Только по комбинату «Сталинуголь» уничтожено 1.126.900 квадратных метров жилой площади.

Комиссия установила, что виновниками всех этих разрушений, совершённых по директивам немецкого военного командования и горно-металлургического акционерного общества «Восток», являются: технический руководитель шеф-генерал Винаккер, начальник отдела геологии и маркшейдерии капитан Релесман, начальник отдела горного хозяйства обер-лейтенант Крюммер, начальник финансового отдела и сбыта капитан Шунт, управляющий дирекцией Якоб Кун, руководители: Сталинской группы шахт обер-лейтенант Бранс, Чистяковской группы Фульд, Горловской группы фон Фельзен; по тресту «Сталинуголь» управляющий Клебер; по тресту «Макеевуголь» директор обер-лейтенант Штеф и его заместитель лейтенант Тебель; по тресту «Будёновуголь» управляющий зондер-фюрер Офферман; по тресту «Куйбышевуголь» управляющий зондер-фюрер Ройтеч, технический директор Флойтер; по тресту «Советскуголь» зондер-фю-

рер Ляшнер, по Никитовской группе шахт директор Шуберт.

Ущерб, причинённый немецко-фашистскими захватчиками угольной промышленности Сталинской области, по предварительным данным, определяется в два миллиарда рублей.

Разрушения по городу Сталино

Немецкие оккупанты разрушили промышленный и культурный центр Донбасса — Сталино. В Сталино уничтожены крупнейшие предприятия, культурные учреждения, жилища.

Сталинский металлургический завод своей продукцией снабжал советское машиностроение, судостроительную и автотракторную промышленность. На заводе работало более 12,5 тыс. рабочих. Доменный цех завода имел 3 разливочных машины по 1.000 тонн, газовоздуховную и мокрую газоочистительную станции. Мартеновский цех имел восемь печей, из них одну качающуюся печь, 16 разливочно-уборочных и завалочных кранов. Прокатный цех имел мощное газовое хозяйство, турбогенератор в 10.000 киловатт. Гитлеровцы превратили этот завод в груд развалин. При отступлении они взорвали доменный, мартеновский, прокатный, инструментальный цехи, компрессорную станцию, заводскую лабораторию, главную контору; привели в негодность доменные печи, грейферные котловые краны, разливочные машины, турбогенератор. Они разрушили дворец культуры, клуб инженерно-технических работников, здание ФЗО, детские ясли, материальные склады.

Немецко-фашистские оккупанты взорвали завод металлоконструкций, выпускавший оборудование для железнодорожных мостов, доменных печей, плотин и шлюзов. По указаниям представителя фирмы «Дортмундер Унион» Вилли Маника, директора завода той же фирмы Брюкенбау-Беккера, главного инженера Альтфельда и начальников производства Смида и Кемпера специаль-

ные команды сапёров-подрывников взорвали завод. Взрывами уничтожены двое гильотинных ножниц для резки листового железа, два кромкострогальных станка, паровой молот, сверильные станки, четыре путевых крана.

Разрушению подверглись также Сталинский, Смоляниновский, Мушкетовский, Рутченковский коксохимические заводы, «Донэнерго», азотный, машиностроительный, ремонтный и другие заводы.

Огромные разрушения немецкие захватчики причинили городскому хозяйству гор. Сталино. Они сожгли трамвайный парк, 89 вагонов, 4 электровоза, уничтожили 35 километров трамвайного пути, 35 километров контактной сети и 10 новых троллейбусов. По указанию и под наблюдением капитана Шенка, зондер-фюреров Гебхарта и Гусса, капитана Кауэркмана и фельдфебеля Филлера разрушили городской водопровод и под руководством шефа энергогруппы доктора Бутлера—электрохозяйство города. При отступлении из Сталино гитлеровцы полностью разрушили 3.761 дом с жилой площадью в 1.207.470 квадратных метров, 113 школ, 62 детских сада, 390 магазинов, зимний и летний театры на 1.100 мест, Дворец пионеров, Радиотеатр, Музей Революции, Картинную галерею, клуб имени Дзержинского и другие лучшие здания города.

Специальные отряды сапёров объезжали школы, обливали их горючей жидкостью и поджигали. Советских людей, пытавшихся тушить пожары, фашистские мерзавцы расстреливали на месте.

Военнопленный ефрейтор 597 пехотного полка 306 дивизии германской армии Фергольц Герман показал: «В составе команды подрывников я принимал участие в поджоге и взрыве государственных учреждений и жилых домов на 1 линии, главной улице города Сталино. Лично я закладывал взрывчатые вещества, которые затем я поджигал и таким путём взрывал здания. Всего с моим участием было взорвано пять больших домов и несколько подожжено».

Другой военнопленный, ефрейтор 574 пехотного полка 304 дивизии Гольд Иоган сообщил: «В городе Сталино я лично сам сжёг один дом и взорвал два других больших здания. В двух зданиях помещалось мирное население, а в третьем был склад зерна. Перед взрывом я жителей об этом не предупреждал и предупреждать не считал нужным, так как нам было приказано не заниматься никакими разговорами, а взрывать и сжигать независимо от того, есть ли в домах жители или нет. Сейчас же после взрыва одного из домов я слышал крик и плач женщин и детей и видел среди них убитых и раненых, придавленных камнями и балками, но на это я не обращал никакого внимания. Я выполнял приказы моих начальников».

Фашистские захватчики разграбили ценное имущество и оборудование Дворца пионеров, Детской сельскохозяйственной станции, Экскурсионного бюро. Исключительно большой ущерб причинили оккупанты медицинским учреждениям города.

Они сожгли и полностью разрушили Детскую больницу на 2000 коек, Клиническую больницу имени Ворошилова на 1000 коек, 12 лечебных учреждений на 2000 коек и 5 поликлиник. Ценную аппаратуру, оборудование и инвентарь больниц немецкие оккупанты разграбили. Разрушение больниц совершено по указанию и при участии главного врача военного лазарета Троммера и заместителя коменданта города военного советника Нарущата. По приказу обер-фельдарцта Ролля, главного врача госпиталя Белиндорфа, главного врача Кухендорфа был разгромлен Медицинский институт, представлявший собой образцовое научное учреждение, в котором обучалось 2000 студентов.

По распоряжению директора горно-металлургического акционерного общества «Восток» шеф-генерала Винакера, его заместителя доктора Бранса, зондер-фюрера Стельмана, обер-лейтенанта Бурхарта и непосредственного исполнителя зондер-фюрера Фогеля сожжены все

здания Индустриального института имени тов. Хрущёва, в котором обучалось до 15 тыс. студентов. Вместе с институтом они сожгли студенческую поликлинику, общежитие и подсобные помещения. Из 600 тыс. томов книжного фонда научной и художественной литературы гитлеровцы сожгли 530 тыс. томов книг.

Варварское разрушение города Сталино производилось по указаниям и приказам коменданта города полковника Петерса, а затем сменившего его подполковника Ленца, заместителя коменданта военного советника Нарушата, начальника гестапо оберштурмфюрера Моора, а затем сменившего его оберштурмфюрера Леунштейна, капитана Трома, полевого инспектора юстиции Штеккера, обер-инспектора Крютнера, старшего лейтенанта Лея, доктора Гайда, бургомистра Эйхмана.

Разрушения в городе Краматорске

Немецко-фашистские захватчики разрушили всю промышленность гор. Краматорска, в том числе один из лучших заводов машиностроения — Ново-Краматорский завод имени Сталина, Старо-Краматорский машиностроительный завод имени Орджоникидзе, металлургический завод имени Куйбышева, завод тяжёлого станкостроения, цементный, коксохимический, этернитовый и другие заводы.

Ново-Краматорский машиностроительный завод имени Сталина выпускал оборудование для доменных, мартеновских, коксовых печей, прокатных станков и угольных шахт. Завод занимал территорию в 200 гектаров и состоял из 20 основных и 10 вспомогательных производственных цехов. Только основные цехи завода занимали площадь в 183.045 квадратных метров. Мартеновский цех отливал болванки весом до 20 тонн из высоколегированной стали. Балансовая стоимость всех заводских зданий, оборудования, транспорта и энергохозяйства составляла 900 миллионов рублей. На заводе работало 20 тысяч рабочих, инженеров, техников и служащих.

Немецкие оккупанты привели в негодность на этом заводе 1.113 станков, разрезали автогенном станину 800-тонного пресса; вывезли в Германию оборудование прессового цеха, моторы и вентиляторы, ковочные прессы и оборудование насосных станций; взорвали гидравлический 300-тонный горизонтальный пресс; разрушили мартеновские печи; вывезли паровые котлы станции холодного газа. Гитлеровцы уничтожили энергетическое хозяйство завода, все котлы ТЭЦ, силовое оборудование, более 100 километров кабеля. Они разрушили и уничтожили заводские больницы, клубы, детские ясли, школы, летний театр на 1.200 мест, три кинотеатра. Из 247 многоэтажных домов завода сожжено 204.

В городе Краматорске оккупанты сожгли и взорвали Дворец культуры, театр им. Пушкина, клуб «Штурм», разрушили стадион, сожгли более 1.300 лучших домов. Из 18 школ в городе остались только три. Сожжены 3 больницы, две поликлиники, детская больница, родильный дом.

Все эти разрушения города производились под руководством коменданта города лейтенанта Мойшке и бургомистра Шопена.

Разрушения в городе Манеевке

Макеевский металлургический завод имени Кирова являлся одним из самых крупных металлургических заводов Советского Союза. До войны на заводе работало 20.000 рабочих, инженеров, техников и служащих. За время оккупации и при своём отступлении гитлеровцы превратили завод в груду развалин.

На заводе взорваны и сожжены: доменный цех с 4 доменными печами, машинный цех со всем энергетическим хозяйством, прокатный, два мартеновских цеха с 14 мартеновскими печами, фасонно-литейный, модельный, механический и электроремонтные цехи; лаборатории: химическая, механическая, рентгено-графическая, 6 элек-

троподстанций, связь, сигнализация и автоблокировка. Разрушено 57 километров железнодорожных путей, 248 комплектов стрелочных переводов.

Немецкие оккупанты вывезли с завода в Германию часть оборудования электроподстанций, разливочные машины, два паровых молота, станки и электрооборудование механического цеха. Они взорвали и сожгли заводскую школу, три здания детских ясель, гостиницу, театр, 186 жилых домов. Всего на заводе захватчиками взорвано, сожжено и разрушено 2.867.000 куб. метров производственных, бытовых и вспомогательных помещений и зданий.

На Старо-Макеевском коксо-химическом заводе хозяйничали: сначала акционерное общество «Восток», потом немецкая фирма «Колин», и наконец, в последнее время — фирма «Отто». Немецкие захватчики вывезли с этого завода часть оборудования и при своём отступлении сожгли и взорвали: дробильное и дозировочное отделения, машинный зал, 6 транспортёров, 6 отсадочных машин, 89 коксовых печей; в химическом цехе взорвали машинный зал, газопроводы 12 газовых холодильников, аммиачное и бензольное отделения, химические лаборатории; в паро-котельном цехе—4 котла, насосную водоочистку, вентиляционное отделение.

Разрушение Старо-Макеевского завода производилось по указаниям и под руководством представителей: акционерного общества «Восток»—офицера Руфуса, фирмы «Колин»—шеф-директора Якобса, фирмы «Отто»—директора завода Ренкгофа.

Немецко-фашистские захватчики разрушили в гор. Макеевке трамвай, осветительную сеть, водопровод, взорвали и сожгли здание Городского Совета, гостиницу, дом инженеров и техников, городской театр на 1.000 мест, цирк на 1.500 мест, 49 школ, 20 детских ясель, 44 детских сада. По распоряжению коменданта города Фоглера были сожжены на костре 35 тыс. книг центральной библиотеки им. Горького.

Разрушение и ограбление города Макеевки производилось под руководством и по приказам коменданта города майора Фукса, его помощника капитана Мюллера, начальника охранной полиции капитана Розенталя.

Разрушения в городе Горловке

За годы сталинских пятилеток гор. Горловка вырос в крупный угольно-индустриальный центр Донбасса с мощными промышленными предприятиями, с многочисленными культурными учреждениями. На территории Горловского района работала 21 крупнейшая шахта с суточной добычей в 15.000 тонн угля. В Горловке находились 13 крупных заводов и фабрик, в том числе известные во всём Советском Союзе: Азотно-туковый завод имени Орджоникидзе, Коксо-химический завод, Машиностроительный завод имени Кирова и другие.

Немецко-фашистские захватчики за время своего хозяйничания и при отступлении взорвали и затопили все шахты вместе с оборудованием и механизмами, разрушили и сожгли заводы, электростанции и другие сооружения города. Полностью разрушили Азотно-туковый завод им. Орджоникидзе. На этом заводе они взорвали и сожгли 9 производственных корпусов, служебные помещения, подсобные предприятия, жилые дома, вывезли в Германию большое количество разных материалов. Ущерб, причинённый немецкими оккупантами Азотно-туковому заводу, по предварительным данным выражается в сумме 243,3 миллиона рублей.

На Коксо-химическом заводе немецкие оккупанты взорвали и сожгли все 25 промышленных зданий с объёмом в 310.400 куб. метров.

В Горловском районе оккупанты разрушили заводы: Машиностроительный имени Кирова, производивший оборудование для всей каменноугольной промышленности Донбасса, Никитовский ртутный, Горловский трубный, предприятия «Подземгаза», Доломитный комбинат, три механизированных хлебозавода, крупнейший Горловский

мясокомбинат и многие предприятия местной промышленности. Фашистские мерзавцы разрушили центральную электростанцию с двумя турбогенераторами, силовую электросеть протяжением в 248 километров и 516 километров световой электросети, 3 мощных водокачки, 632 жилых здания, оставив население Горловки без света, воды и жилищ. Они уничтожили в городе 32 школы, в которых обучалось 21.649 детей, сожгли городскую больницу, пять поликлиник, церковь, здания Дома Советов, «Донэнерго» и Дворец культуры.

Разрушения в Горловке производились по указаниям и под руководством представителя Акционерного общества «Восток» фон-Фельзена, директора треста «Ар-тёмуголь» Миллера и его заместителя Горшца.

Разрушения в городе Енакиево

В Енакиево оккупанты разрушили и вывели из строя металлургический завод, оборудованный и оснащённый передовой техникой. До войны на нём работало 14,5 тысячи рабочих. Немецкие захватчики разрушили и подорвали: основные конструкции здания конверторного цеха, гидравлическое оборудование бессемеровского цеха, мартеновские печи, крановое оборудование, нагревательные печи, новую машину стана Блюминг, центральную насосную станцию; сожгли центральную и химическую лаборатории, 148 жилых домов; вывезли с завода в Германию свыше 60.000 тонн металла и металлоизделий, а также большое количество оборудования и станков, демонтировали стан Блюминг и вывезли основные его детали.

Разрушением и разграблением завода руководили гитлеровцы: директор завода Штрекенбах, главный инженер Геншайдт, коммерческий директор Форм, начальник доменного и коксовых цехов Беке.

В Енакиево немецко-фашистские мерзавцы полностью разрушили Ново-Енакиевский, Старо-Енакиевский коксо-химические, цементные и другие заводы; разрушили

трамваи, рельсы вывезли в Германию; взорвали и сожгли 505 жилых домов, Дворец пионеров, здание Горсовета, кинотеатр на 1000 мест, первую, вторую и туберкулёзную больницы, костно-туберкулёзный санаторий, две городские поликлиники и другие лечебные учреждения. Лучшие магазины города во время оккупации были использованы под гаражи и конюшни, а при отступлении немецкой армии сожжены. Разрушением и поджогами в городе Енакиеве руководили комендант лейтенант жандармерии Фишер и старший лейтенант жандармерии Шоинг.

Разрушения в городе Константиновке

В Константиновке было 13 крупных заводов. Немецко-фашистские бандиты полностью разрушили: завод «Автостекло», коксо-химический, металлургический, химический, цинковый, стекольный, бутылочный, производства огнеупоров, «Красный Октябрь» и другие заводы.

Завод «Автостекло» был оборудован новейшими станками для обработки зеркальных отражателей, все цеха завода были механизированы. До войны на заводе работало 4500 рабочих и служащих. Оккупанты сожгли и взорвали все цеха завода, уничтожили оборудование, механизмы, сожгли культурно-бытовые здания, клуб, библиотеку, амбулаторию, стадион. Из 22 тыс. квадратных метров жилой площади они сожгли и уничтожили 17 тыс. квадратных метров.

На Константиновском стекольном заводе, являвшемся одним из крупнейших специализированных стекольных заводов в СССР, оккупанты сожгли и разрушили: газо-генераторную станцию, две электроподстанции, цех триплекс-стекла, керамический, составной, ремонтно-строительный цехи; взорвали здание машино-ванного цеха со стеклоплавильными печами и машинами Фурко; здание паро-котельных установок; сожгли рабочий и деловой клубы, детский сад, детские ясли, санаторий. Фашистские грабители вывезли с завода в Германию три

трансформатора, 50 электромоторов, 20 редукторов, 10 машин Фурко и много другого оборудования и станков.

Разрушения на заводе производили сапёрно-подрывные команды под руководством начальников Лечерта и Гернера.

Оккупанты взорвали и сожгли в Константиновке городскую электростанцию и водопровод, 226 домов, все 25 городских школ, два кинотеатра, центральную городскую библиотеку с 35 тыс. томов книг, пионерский клуб, детскую техническую станцию, городскую больницу, детские ясли; взорвали Дом Советов, почтамт и другие учреждения.

Разрушения в городе Мариуполе

Город Мариуполь являлся крупнейшим индустриальным центром Советского Юга, в нём было 47 промышленных предприятий: металлургический завод имени Ильича, завод «Азовсталь» имени Орджоникидзе, коксо-химический, трубный имени Куйбышева, металло-конструкций, радиаторный, рыбо-консервный, ультрамариновый, графитный и другие заводы.

Первоклассный Мариупольский металлургический завод имени Ильича немецкие оккупанты превратили в развалины. Они разрушили доменный цех, взорвали мартеновские цехи, разливочные и завалочные краны. В листопрокатном и сортопрокатном цехах взорвали три паровых машины; вывели из строя всё энергетическое хозяйство. Гитлеровцы взорвали здания электростанций, турбогенераторы, паровые котлы, силовые трансформаторы, здания газогенераторной станции с 20 генераторами системы Керпели, Сартанской водокачки и насосной станции второго подъёма.

Модельный цех вместе со складским хозяйством, ремонтно-механические и строительные цехи, центральную инструментальную мастерскую, электро-ремонтную мастерскую гитлеровцы взорвали.

На заводе «Азовсталь» оккупанты полностью разрушили доменный цех с 4 печами, 3 газоочистки, мартеновский цех с 6-ю качающимися 400-тонными печами, компрессорное здание со всем оборудованием, 8 электростанций, систему водоснабжения с оборудованием, инструментальную мастерскую, лаборатории, заводскую столовую, здание заводууправления. Из 2-х установок кислородных станций они одну уничтожили, а другую вывезли в Германию. Вывезена также часть моторов и паровых машин.

Разрушение заводов и фабрик в гор. Мариуполе производилось по приказу и под руководством фельдкоменданта генерала Гофмана, коменданта города' Михаэля, его заместителя обер-лейтенанта Хука и руководителя команды «С. Д.-6» обер-лейтенанта Вульфа. Перед отступлением из Мариуполя немецкие оккупационные власти сожгли 1593 дома с жилой площадью в 37.000 квадратных метров, все 68 школ, 17 детских садов, 101 библиотеку, Дворец пионеров; вывели из строя трамвай и электросеть.

Истребление мирного населения и угон советских граждан в немецкое рабство

Во время оккупации Сталинской области немецко-фашистские захватчики установили для населения рабско-крепостнический режим. Трудоспособное население угонялось в немецкую каторгу. Они повсеместно широко применяли возмутительные насилия, грабежи и истребление советских граждан. Тысячи советских людей были замучены и расстреляны.

Неслыханные преступления фашистских мерзавцев установлены многочисленными свидетелями и документами, актами комиссий и судебной экспертизы, находящимися в распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Комиссия в составе: члена исполкома Сталинского областного Совета депутатов трудящихся Дубровой Ф. Г., председателя Артёмовского горисполкома Баландина С. А., настоятеля Всехсвятской церкви священника Крещановского И. К., граждан города Артёмовска — Пруденко С. П. и Орадовского М. С., при участии судебно-медицинских экспертов: профессора, доктора медицинских наук Войнара А. И., профессора, доктора медицинских наук Чаругина А. И. и майора медицинской службы Абрамова А. А. в присутствии представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Кудрявцева Д. И., установила, что по приказу немецкого коменданта гор. Артёмовска майора фон Цобеля было расстреляно и замуровано более 3.000 советских граждан — женщин, детей и стариков. Трупы советских граждан были замурованы в туннеле карьеров Алебастрового завода. Комиссия установила:

«В двух километрах к востоку от города Артёмовска в туннеле карьеров Алебастрового завода на расстоянии 400 метров от входа имеется небольшое отверстие, замурованное кирпичами. После вскрытия этого отверстия обнаружено продолжение туннеля, заканчивающегося широкой, овальной пещерой. Вся пещера заполнена трупами людей, лишь небольшое пространство у входа и узкая полоса в центре её свободны от трупов. Все трупы тесно прижаты один к другому и обращены спинами к входному отверстию пещеры. Трупы настолько близко соприкасаются, что на первый взгляд представляют собой сплошную массу тел».

Чудовищные злодеяния совершены немецкими захватчиками в городе Краматорске. 25 сентября 1943 года комиссия в составе: представителя командования гвардейской армии подполковника Шапошникова, священника Покровской церкви Стрижко Д., учительницы Анищенко, представителя военной прокуратуры 3-й гвардейской армии майора юстиции Айзенварта Д. И., при

участии главного судебно-медицинского эксперта Юго-Западного фронта капитана медицинской службы Шингановича А. В., главного патолога-анатома Юго-Западного фронта полковника медицинской службы Шур Б. Ю., армейского судебно-медицинского эксперта капитана медицинской службы Поташина произвела на северной окраине города Краматорска на старом глиняно-меловом карьере раскопки 3 ям.

«При снятии верхних слоёв породы на глубине от 20 сантиметров до одного метра, — говорится в акте комиссии, — обнаружены трупы советских граждан, лежащие рядами лицом вниз. Из этих 3-х ям извлечено 812 трупов. При обследовании оказалось 740 мужских трупов, 50 женских и 22 детских. 126 трупов были опознаны, среди них мастер завода им. Куйбышева Соломко Н. И., счетовод Давиденко Н. И., инженер Греков Е. С., домашняя хозяйка Солод М. И. и другие.

Судебно-медицинской экспертизой установлено, что у 761 трупа имеются сквозные пулевые отверстия черепа, у 40 трупов сквозные пулевые ранения шейного отдела позвоночника. Из подвергнутых экспертизе трупов во всех 812 случаях смерть наступила в результате выстрела из ручного огнестрельного оружия в затылок, на близком расстоянии, почти в упор».

Расстрелы мирных граждан в городе Краматорске осуществлялись по приказу немецкого коменданта города лейтенанта Мойшке.

В километре от города Сталино немецко-фашистские мерзавцы замучили и расстреляли десятки тысяч мирных советских граждан и сбросили их в ствол Калиновской шахты 4—4 Бис. Чтобы скрыть следы своих кровавых преступлений, гитлеровцы подорвали шахтный копёр и завалили таким образом ствол шахты. Областная Комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов производит раскопки и извлечение трупов.

В гор. Сталино немецкие захватчики согнали жителей Дома профессуры в сарай, завалили вход в него, сарай облили горючим веществом и подожгли. Все находившиеся в сарае люди, за исключением двух случайно спасшихся девочек, сгорели. 11 сентября 1943 года комиссия в составе: заместителя председателя исполкома Сталинского областного Совета депутатов трудящихся Кремнева Я. Е., священника настоятеля Преображенской церкви города Сталино Одринского, председателя политотдела части № 05830 старшего лейтенанта Зинковского, при участии судебно-медицинских экспертов профессоров — Войнара А. И. и Чаругина А. И. и врачей Михалёвой и Ермолаевой, произвела раскопки сгоревшего сарая. При раскопках пепелища комиссия обнаружила 41 обгоревший человеческий труп.

В городе Сталино на территории клуба имени Ленина и в здании центральной поликлиники находился лагерь для военнопленных и мирных советских граждан. Бежавшие из этого лагеря красноармейцы Плахов И. В. и Шацкий К. С. сообщили:

«В лагере нас морили голодом. Помещения, в которых мы содержались, не были застеклены; были случаи массового обмороживания. В жаркие летние месяцы страдавшие от жары военнопленные по 3—5 суток не получали питьевой воды. По всякому незначительному поводу нас избивали. В результате такого режима смертность среди военнопленных доходила до 200 человек в день».

Комиссия в составе: председателя Сталинозаводского райисполкома депутатов трудящихся Яковлева Н. П., протоиерея Чернявского, директора центральной поликлиники Ильинского А. А., при участии судебно-медицинских экспертов профессора Афанасьева Н. К. и городского судебного врача Михалёвой установила, что на территории лагеря при клубе имени Ленина и центральной поликлиники похоронено не менее 25 тысяч советских граждан. Истребление советских людей и издеватель-

ства над ними производились по указанию и при непосредственном участии начальника лагеря немецкого офицера Гафбеля.

14 сентября 1943 года комиссия в составе военного прокурора города Артёмовска Мусатина И. В., врача города Артёмовска Леонидова В. П., представителя пограничной части лейтенанта Бородина В. К., священника Покровской церкви Зумина А. И. и представителя дистанции пути Обухова обнаружила на территории военного городка за северным вокзалом города Артёмовска 25 могил. Комиссия установила: «что в 25 могилах на территории военного городка города Артёмовска похоронено до 3.000 трупов советских граждан, содержащихся в лагере, расположенном на территории военного городка».

За время оккупации Сталинской области немецко-фашистские власти насильно, под угрозой расстрела, угнали в Германию более 125 тысяч советских граждан.

* * *

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что ответственность за все эти зверские преступления наряду с гитлеровским правительством несут следующие немецко-фашистские офицеры и другие лица: хозяйственный руководитель группы армий Нагель, бывшие коменданты города Сталино полковник Петерс и подполковник Ленц, заместитель коменданта военный советник Нарушат, начальники гестапо обер-штурмфюреры Моор и Леунштейн, руководитель концлагерей обер-штурмфюрер Домник и капитан Тром, технический руководитель акционерного общества «Восток» шеф-генерал Бинаккер, его заместитель доктор Бранс; комендант города Краматорска лейтенант Мойшке, бургомистр Шопен, коменданты города Макеевка Фоглер, майор Фукс, помощник коменданта капитан Мюллер, нач. охранной полиции капитан Розенталь; комендант гор. Енакиево лейтенант жандармерии Фишер, старший лейте-

нант жандармерии Шоинг, директор Штрекенбах, главный инженер Берншайдт; коменданты гор. Мариуполя — фельдкомендант генерал Гофман, комендант Михаэль, его заместитель обер-лейтенант Хук, руководитель команды «СД-6» обер-лейтенант Вульф, руководитель шуполиции обер-лейтенант Шалерт; комендант города Артёмовска фон-Цобель, советник Шмок Герд, капитан Гергардт.

Кроме того, ответственность за все указанные выше преступления несут также следующие лица: полевой инспектор юстиции Штеккер, бургомистр Эйхман, старшие инспектора — старшие лейтенанты Лей и Момсен, полевой инспектор юстиции Штольц, обер-инспектор Крютнер, капитан Брандт, советник доктор Меер, лейтенант Баас, капитан-доктор Гайде, военный инспектор доктор Франк, капитаны Майлинк и Шнайдер, главные врачи Белиндорф и Кухендорф, обер-фельдарт Ролль, главный врач лазарета Троммер, представитель фирмы «Дортмундер Унион» Вилли Маник, директор завода той же фирмы Брюкенбау-Беккер, главный инженер Альтфельдт, начальники производства Смид и Кемпер, капитан Шенк, зондер-фюреры Гебхарт и Гусс, капитан Кауэрман, шеф энергогруппы доктор Бутлер, зондер-фюрер Стельман, обер-лейтенант Бурхарт, зондер-фюрер Фогель, начальники отделов общества «Восток» капитан Релесман, обер-лейтенант Крюммер, капитан Шунт, управляющий дирекцией Якоб Кун, бывшие руководители шахт: обер-лейтенант Бранс, зондер-фюрер Фульд, фон-Фельзен, управляющий дирекцией Клебер, директор обер-лейтенант Штеф и его заместитель лейтенант Тебель, управляющий дирекциями Офферман и Ройтеч, технический директор Флойтер, зондер-фюрер Лашнер, директор Шуберт; представители: акционерного общества «Восток» — Руфус, фирмы «Колин» — шеф-директор Якобс, фирмы «Отто» — директор завода Ренкгоф; коммерческий директор Форм, начальник доменного и коксовых цехов Беке, фельдфебель Пекерс; директор треста

«Артёмуголь» Миллер, его заместитель Горшц; ефрейторы Иоган Гольд, Герман Фергольц, фельдфебель Филлер. Все эти преступники должны понести суровую кару за свои чудовищные злодеяния, совершённые против советского народа.

Опубликовано в газете «Известия» № 268
от 13 ноября 1943 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 12 ноября 1943 года, Протокол № 21.

О ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОР. ХАРЬКОВЕ И ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

После изгнания немецко-фашистских захватчиков из города Харькова и Харьковской области в Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников стали поступать материалы о том, что в период оккупации города Харькова и Харьковской области германское командование и гестаповцы в лице: командира дивизии СС «Адольф Гитлер», обергруппенфюрера Дитрих, командира дивизии СС «Мёртвая голова» — генерал-лейтенанта Симон, начальника харьковской зондеркоманды СД штурмбанфюрера Ханебиттер, начальника группы тайной полевой полиции города Харькова — комиссара полиции Кархан, начальника 560 группы тайной полевой полиции — комиссара полиции Мериц, заместителя начальника группы германской тайной полевой полиции г. Харькова — секретаря полиции Вульф, чиновника группы тайной полевой полиции в г. Харькове — Рецлав Рейнгарда, офицера контр-разведки германской армии Лангхельд Вильгельма, заместителя командира роты СС Риц Ганса, при участии

предателя — шофёра харьковской зондеркоманды СД Буланова М., зверски истребили посредством отравления окисью углерода в «душегубках», расстрелов и повешений десятки тысяч советских граждан, в том числе женщин, стариков, детей и раненых красноармейцев, находившихся на излечении в госпиталях города Харькова, а также арестованных, содержащихся в тюрьмах гестапо.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии советскими органами Харькова и Харьковской области была произведена проверка поступивших материалов о зверствах немецко-фашистских захватчиков, в результате чего было установлено, что в различных местах города Харькова и Харьковской области закопаны десятки тысяч трупов советских граждан, отравленных окисью углерода в «душегубках», расстрелянных и брошенных в ямы гестаповцами.

Медицинскими экспертами — кандидатом медицинских наук Прозоровским, профессором Смольяниновым, старшим научным сотрудником Семеновским и военврачами Притворовым, Городниченко и Якуша, в результате осмотра и вскрытия значительного количества трупов советских граждан, обнаруженных в различных местах города Харькова и Харьковской области, а также изучением материалов, поступивших в Чрезвычайную Государственную Комиссию о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, установлено, что все они немецко-фашистскими палачами были умерщвлены посредством отравления окисью углерода в «душегубках» или расстреляны.

Чрезвычайной Государственной Комиссией все поступившие к ней в различное время материалы о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области были в течение ноября с. г. переданы Прокурору Союза ССР для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности.

СООБЩЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦКО- ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В КА- ТЫНСКОМ ЛЕСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬ- СКИХ ОФИЦЕРОВ

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н. Н. Бурденко (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Алексей Толстой, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит Николай, председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант Гундоров А. С., председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесников С. А., Народный Комиссар просвещения РСФСР академик Потёмкин В. П., начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник Смирнов Е. И., председатель Смоленского облисполкома Мельников Р. Е.

Для выполнения поставленной перед нею задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР директора Научно-Исследовательского института судебной медицины Прозоровского В. И., заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктора медицинских наук Смольянинова В. М., ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР Семеновского П. С., ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента Швайкову М. Д., гл. патолога фронта майора медицинской службы профессора Выропаева Д. Н.

В распоряжении Специальной Комиссии находился обширный материал, представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Н. Н. Бурденко, его сотрудниками и судебно-медицинскими экспертами, которые прибыли в гор. Смоленск 26 сентября 1943 года, немедленно после его освобождения и провели предварительное изучение и расследование обстоятельств всех учинённых немцами злодеяний.

Специальная Комиссия проверила и установила на месте, что на 15-ом километре от гор. Смоленска по Витебскому шоссе в районе Катynского леса, именуемом «Козьи Горы», в 200-х метрах от шоссе на юго-запад по направлению к Днепру, находятся могилы, в которых зарыты военнопленные поляки, расстрелянные немецкими оккупантами.

По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по подсчёту судебно-медицинских экспертов достигает 11 тысяч.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлечённых трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершённых немецкими оккупантами.

Из показаний свидетелей выясняется следующее:

Катынский лес

Издавна Катынский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катынском лесу и заготавливало для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало.

Такое положение в Катынском лесу существовало до самой войны. Ещё летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Промстрахкасы, который был свёрнут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катынского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также территория на берегу Днепра, где, на расстоянии 700 метров от обнаруженных могил польских военнопленных, находилась дача — дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче расположилось немецкое учреждение, именовавшееся: «Штаб 537-го строительного батальона».

Военнопленные поляки в районе Смоленска

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трёх лагерях особого назначения, именовавшихся: лагери № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 км на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагеря не могли быть своевременно эвакуированы, и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Допрошенный Специальной Комиссией быв. нач. лагеря № 1-ОН майор государственной безопасности Ветошников В. М. показал:

«...Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряжённое положение. Я обратился к нач. движения Смоленского участка Западной ж. д. т. Иванову с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но т. Иванов ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной — я не знаю».

Замещавший в июле 1941 г. начальника движения Смоленского участка Западной ж. д. инженер Иванов С. В. показал Специальной Комиссии:

«Ко мне в отделение обращалась администрация лагерей для польских военнопленных, чтобы получить вагоны для отправки поляков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того, подать вагоны на трассу Гусино, где было больше всего военнопленных поляков, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом. Поэтому мы не могли выполнить просьб администрации лагерей. Таким образом, военнопленные поляки остались в Смоленской области».

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница Сашнева Мария Александровна, учительница начальной школы дер. Зеньково, рассказала Специальной Комиссии о том, что в августе месяце 1941 года она приютила у себя в доме в дер. Зеньково бежавшего из лагеря военнопленного поляка.

«...Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала, так как в течение 1940—41 г.г. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нём жёсткий режим. Немцы не считали

поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры...»

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую Сашнева записала в книге. В представленной Сашневой Специальной Комиссии книге «Практические занятия по естествознанию» Ягодовского на последней странице имеется запись:

«Лоек Юзеф и Софья. Город Замостье улица Огородная дом № 25».

В опубликованных немцами списках под № 3796 Лоек Юзеф, лейтенант, значится, как расстрелянный на «Козьих Горах» в Катынском лесу весной 1940 г.

Таким образом, по немецкому сообщению получается, что Лоек Юзеф был расстрелян за год до того, как его видела свидетельница Сашнева.

Свидетель Даниленков Н. В., крестьянин колхоза «Красная Заря» Катынского сельсовета, показал:

«В 1941 г. в августе — сентябре месяце, когда пришли немцы, я встречал поляков, работающих на шоссе группами по 15—20 чел.».

Такие же показания дали свидетели: Солдатенков — быв. староста дер. Борок, Колачев А. С. — врач Смоленска, Оглоблин А. П. — священник, Сергеев Т. И. — дорожный мастер, Смирягин П. А. — инженер, Московская А. М. — жительница Смоленска, Алексеев А. М. — председатель колхоза дер. Борок, Куцев И. В. — водопроводный техник, Городецкий В. П. — священник, Базекина А. Т. — бухгалтер, Ветрова Е. Н. — учительница, Савватеев И. В. — дежурный по ст. Гнездово и другие.

Облавы на польских военнопленных

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в районах Смоленска подтверждается также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Свидетель Картошкин И. М., плотник, показал:

«Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в лесах, но и привлекалась полиция для ночных обысков в деревнях».

Быв. староста дер. Новые Батеки Захаров М. Д. показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «прочёсывали» деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель Даниленков Н. В., крестьянин колхоза «Красная Заря», показал:

«У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моём доме. После одного обыска я спросил старосту Сергеева Константина — кого ищут в нашей деревне. Сергеев сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведён обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились».

Свидетель Фатьков Т. Е., колхозник, показал:

«Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе — сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

Расстрелы военнопленных поляков

Упомянутый выше «Штаб 537 строительного батальона», помещавшийся на даче в «Козьих Горах», не производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно конспирирована.

Чем на самом деле занимался этот «штаб», показали многие свидетели, в том числе свидетельницы: Алексеева А. М., Михайлова О. А. и Конаховская З. П. — жительницы дер. Борок Катынского с/с.

По распоряжению немецкого коменданта посёлка Катынь они были направлены старостой деревни Борок — Солдатенковым В. И. для работы по обслуживанию личного состава «штаба» на упомянутой даче.

По прибытии в «Козьи Горы» им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определённым пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано Алексеевой, Михайловой и Конаховской через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, оберст-лейтенантом Арнесом, который для этой цели поодиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе «штаба» Алексеева А. М. показала:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант Арнес, его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Грневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из Немцев-Поволжья, имя его кажется Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны».

Вскоре после своего поступления на работу Алексеева, Михайлова и Конаховская стали замечать, что на даче совершаются «какие-то тёмные дела».

Алексеева А. М. показала:

«...Переводчик Иоганн, от имени Арнеса, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держат язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то тёмные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьи Горы» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на просёлочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество

обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Конаховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей — двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землёй, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид».

На вопрос Специальной Комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, Алексеева ответила, что расстреливались военнопленные поляки, и в подтверждение своих слов рассказала следующее:

«Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда

слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был ещё такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. Михайлова и Конаховская уже ушли. Я ещё не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришёл солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение Розе. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150—200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что ещё до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырёхугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в «Козьи Горы».

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы.

Тогда мне стало всё ясно, и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днём, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно ещё и потому, что я вспомнила случай, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в «Козьи Горы» мы догадывались по напряжённой обстановке, которая царилa в это время на даче...

Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр беспрерывно проверял посты по телефону...»

Михайлова О. А. показала:

«В сентябре месяце 1941 года в лесу «Козьи Горы» очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зелёный цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шофёрами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче.

Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира».

Михайлова О. А. и Конаховская З. П. один раз лично видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно бежавшие от немцев и затем пойманные.

Михайлова об этом показала:

«Однажды, как обычно, я и Конаховская работали на кухне и слышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окружённых немецкими солдатами, что-то разъяснявшими унтер-офицеру Розе, затем к ним подошёл оберст-лейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались в сто-

рону, так как боялись, что за проявленное любопытство Розе нас избыёт. Но нас всё-таки заметили, и механик Глиневский, по знаку Розе, загнал нас на кухню, а поляков повёл в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер Розе оживлённо разговаривали. Я и Конаховская, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант Арнеса по-немецки что-то спросил Розе, на что последний также по-немецки ответил: «Всё в порядке». Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также Конаховская З. П.

Напуганные тем, что происходило на даче, Алексеева, Михайлова и Конаховская решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им «зарплаты» с 9 марок до 3-х марок в месяц в начале января 1942 г., по предложению Михайловой, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную — Михайлову на 8 суток, а Алексееву и Конаховскую на 3-е суток.

После того, как они отсидели этот срок, их всех уволили.

За время своей работы на даче Алексеева, Михайлова и Конаховская боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всём том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе от 24 декабря 1943 года показала:

«Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала всё, что знала, но

оказалось, что и Конаховская и Алексеева также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в «Козьих Горах» расстреливали именно польских военнопленных, так как Алексеева рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес «Козьи Горы» большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу».

Аналогичные показания об этом дали также Алексеева и Конаховская.

Сопоставив свои наблюдения, Алексеева, Михайлова и Конаховская пришли к твёрдому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в «Козьих Горах» немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания Алексеевой подтверждаются показаниями её отца — Алексеева Михаила, которому она ещё в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

«Она мне долго ничего не говорила», — показал Алексеев Михаил, — «только приходя домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я её спрашивал, почему ей страшно; она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу «Козьи Горы» немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я её очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья».

Показания о приводе на «Козьи Горы» военнопленных поляков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат, дали и другие свидетели, допрошенные Специальной Комиссией: Киселёв П. Г. —

крестьянин хутора «Козьи Горы», Кривозерцев М. Г. — плотник станции Красный Бор в Катынском лесу, Иванов С. В. — быв. нач. ст. Гнездово в районе Катынского леса, Савватеев И. В. — дежурный по той же станции, Алексеев М. А. — председатель колхоза дер. Борок, Оглоблин А. П. — священник Купринской церкви и др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на «Козьих Горах».

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — Базилевского Б. В.

Профессор Базилевский в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими зам. начальника города (бургомистра), а начальником города был назначен немцами адвокат Меньшагин Б. Г., впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у коменданта Смоленска фон-Швеца.

В начале сентября 1941 г. Базилевский обратился с просьбой к Меньшагину ходатайствовать перед комендантом фон-Швец об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога Жиглинского. Выполняя эту просьбу, Меньшагин обратился к фон-Швецу и, затем, передал Базилевскому, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон-Швеца «получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жестокий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«Я невольно возразил, — показал свидетель Базилевский, — «что же может быть жёстче существующего в лагере режима?» Меньшагин странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать,

а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить».

«Как так? Как это понимать?» — воскликнул я.

«Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина», — ответил Меньшагин и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить...»

Недели через две после описанного выше разговора с Меньшагиным я, будучи снова у него на приёме, не удержался и спросил: «Что слышно о поляках?» Меньшагин помедлил, а потом всё же ответил: «С ними уже покончено. Фон-Швец сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

«Видя мою растерянность, Меньшагин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал «объяснять» мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора».

Базилевский также рассказал Специальной Комиссии о своей беседе с зондер-фюрером 7-го отдела немецкой комендатуры Гиршфельдом — прибалтийским немцем, хорошо говорящим по-русски:

«Гиршфельд с циничной откровенностью заявил мне, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии». В этой связи Гиршфельд с бахвальством рассказал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагеря».

Показания Базилевского подтверждены опрошенным Специальной Комиссией свидетелем — профессором фи-

зики Ефимовым И. Е., которому Базилевский тогда же осенью 1941 г. рассказал о своём разговоре с Меньшагиным.

Документальным подтверждением показаний Базилевского и Ефимова являются собственноручные записи Меньшагина, сделанные им в своём блокноте.

Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского Управления Смоленска после его освобождения Красной Армией.

Принадлежность указанного блокнота Меньшагину и его почерк удостоверены как показаниями Базилевского, хорошо знающего почерк Меньшагина, так и графологической экспертизой.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 г. до ноября того же года.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электроэнергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных Меньшагиным, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры Смоленска.

Из этих записей достаточно чётко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

На первых трёх страницах блокнота подробно изложены порядок организации еврейского «гетто» и система репрессий, которые должны к евреям применяться.

На странице 10-ой, помеченной 15 августа 1941 года, значится:

«Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру».

На странице 15-ой (без даты) записано:

«Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. Гор. (Умнову)».

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 года военнопленные поляки ещё находились в

районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершённом им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указания о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации.

Возникновение немецкой провокации

Зимой 1942—43 гг. общая военная обстановка резко изменилась не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза всё усиливалась, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, использовав для этой цели злодеяния, совершённые ими в Катынском лесу, и приписав их органам Советской власти. Этим они рассчитывали поссорить русских с поляками и замести следы своего преступления.

Священник села Куприно Смоленского р-на А. П. Оглоблин показал:

«...После сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что «немцы свои дела поправляют».

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать нужные немцам показания.

Внимание немцев привлёк проживавший на своём хуторе ближе всех к даче в «Козьих Горах» крестьянин Киселёв Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселёва вызвали в гестапо ещё в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымы-

шленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в «Козьих Горах» расстреляли военнопленных поляков.

Об этом Киселёв показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошёл в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашёл, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково моё материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своём хозяйстве. О своём материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему, офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слышал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало всё население близлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я всё же должен дать такие показания, так как это, якобы, имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в

нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания.

После первого разговора, о котором я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведённого, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нём было сказано, что я, Киселёв, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор», сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится.

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными «делегациями», Киселёва заставили выступить перед прибывшей «польской делегацией».

Киселёв, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало Киселёва и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на «публичные выступления».

Об этом Киселёв показал:

«В действительности получилось не так.

Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе «Козьих Гор» обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришёл переводчик гестапо и повёл меня в лес в район «Козьих Гор».

Когда мы вышли из дома и остались вдвоём, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям всё в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские делегаты», прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам, «делегаты» на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл всё, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от «делегации» и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увёз в Смоленскую тюрьму...

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвёл, и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобождён из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем

говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избивали.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, Киселёв, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезём в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своём. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобождён из тюрьмы с условием — по первому требованию немцев выступать перед «делегациями» в Катынском лесу...

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть всё, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: «Я живу на хуторе в районе «Козьих Гор» недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали». И обязательно нужно было дословно заявить, что «это дело рук НКВД».

После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять всё это в присутствии прибыв-

ших «делегаций». Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками». Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т. е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня всё время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток».

Показания Киселёва П. Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях подтверждаются проживающими вместе с ним его женой Киселёвой Аксиной, 1870 года рождения, его сыном Киселёвым Василием, 1911 года рождения, и невесткой Киселёвой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселёва на хуторе комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причинённые Киселёву в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

В поисках «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от «Козьих Гор».

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово — Иванов С. В., дежурный по станции Савватеев И. В. и другие.

Об обстоятельствах своего вызова в гестапо Иванов С. В., 1882 года рождения, показал:

«...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимал на станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 гг., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. «Поэтому», продолжал офицер, «вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являлись очевидцем этого».

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово,

которую я занимал при Советской власти, и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжёлое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твёрдо стоял на своём.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения...»

Савватеев И. В., 1880 года рождения, показал:

«...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст. Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда — мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва — Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками, и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и уговаривания офицер посоветовался о чём-то с переводчиком на немецком языке, и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убираться вон. Я помедлил минуту, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал подсунутый мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют...»

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области Игнатюк Е. Л., немцы упорно путём угроз и избиений добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофёром и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу Игнатюк Е. Л., 1903 года рождения, показал:

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции Алферчика, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. Алферчик на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофёром.

Алферчик, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражён и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жорж, завязали мне голову и рот

какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и Алферчик требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чём мне, якобы, как шофёру, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моём согласии дать такие показания, Алферчик обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют...

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь Александров, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и Алферчик, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо...

...В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чём мне, как шофёру, якобы, известно».

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по «Катынскому делу», кроме упомянутого выше Киселёва П. Г., были названы в качестве «свидетелей» Годезов (он же Годунов), 1877 года рождения, Сильверстов Григорий, 1891 года рождения, Андреев Иван, 1917 года рождения, Жигулёв Михаил, 1915 года рождения, Кривозерцев Иван, 1915 года рождения, и Захаров Матвей, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше (Годезов и Сильверстов) умерли в 1943 году до освобождения Смоленской области Красной

Армией; следующие трое (Андреев, Жигулёв и Кривозерцев) ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно, а последний — Захаров Матвей — бывший сцепщик на станции Смоленск, работавший при немцах старостой в дер. Новые Батеки, был разыскан и допрошен Специальной Комиссией.

Захаров рассказал, каким способом немцы получили у него нужные им ложные показания по «Катынскому делу»:

«В начале марта 1943 года, — показал Захаров, — ко мне на квартиру пришёл сотрудник Гнездовского гестапо, фамилии его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришёл в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали сцепщиком на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего поляки были расстреляны в лесу у «Козьих Гор».

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения — я не знаю...

Офицер сказал мне, что если я по-хорошему не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку, и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т. к. вскоре потерял сознание.

Когда я пришёл в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, смалодушничав, под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен...

Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришёл переводчик и сказал, что я должен пойти к немецкому генералу и подтвердить там свои показания.

Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня — подтверждаю ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т. к. ещё в пути был предупреждён переводчиком, что если я откажусь подтвердить показания, то испытаю ещё гораздо худшее, чем испытал в первый раз в гестапо.

Боясь повторения пыток, я ответил, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал мне, что я принял присягу и могу идти домой».

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя уговоры, угрозы и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы Каверзнева Н. С., бывшего работника той же тюрьмы Ковалёва В. Г. и других.

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцы расклеили в городе Смоленске и окрестных деревнях следующую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

«ОБРАЩЕНИЕ К НАСЕЛЕНИЮ

Кто может дать данные про массовое убийство, совершённое большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи горы около шоссе Гнездово — Катынь?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в Козьи горы или кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс

3 май 1943 года

лейтенант полевой полиции»

Такое же объявление было помещено в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый Путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по «Катынскому делу», заявили опрошенные Специальной Комиссией свидетели — жители гор. Смоленска: Соколова О. Е., Пущина Е. А., Бычков И. И., Бондарёв Г. Т., Устинов Е. П. и многие другие.

Обработка катынских могил

Наряду с поисками «свидетелей», немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками; к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные числом до 500 человек, специально отобранные из лагеря военнопленных № 126.

Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями по этому вопросу.

Из них особого внимания заслуживают показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач Чижов А. Т., работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

«...Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий, общим количеством до 500 человек, для направления, якобы, на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся».

Врач Хмыров В. А., также работавший при немцах в том же лагере, показал:

«Мне известно, что примерно во второй половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на окопные работы, почему и отбирались физически полноценные люди...»

Тожественные показания дали: медсестра Ленковская О. Г., медсестра Тимофеева А. И., свидетельницы Орлова П. М., Добросердова Е. Г. и свидетель Кочетков В. С.

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетельницы Московской А. М.

Гр-ка Московская Александра Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать её для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в апреле месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нём неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, показала:

«...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия Егоров, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он всё время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Катынский лес. Там их, в том числе и Егорова, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточ-

ки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезённых с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись...

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать...

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. Егоров заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

Военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. Егоров воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне Егорова стало очень

жаль и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберётся сил. Но Егоров не согласился... Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдёт и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии.

Но в этот вечер Егоров не ушёл. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошёл шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он ещё день — два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть. Накормив Егорова, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки — Баранова Мария Ивановна и Кабановская Екатерина Викторовна сообщили мне, что днём во время облавы немецкими полицейскими в моём сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой».

В связи с обнаружением в сарае Московской военнопленного Егорова она вызывалась в гестапо, где её обвиняли в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от Московской, а также и потому, что военнопленный Егоров, видимо, Московскую не выдал, она была выпущена из гестапо.

Тот же Егоров рассказал Московской, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу, помимо выкапывания трупов, занималась привозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезённые трупы сваливались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Факт доставки в катынские могилы в большом количестве трупов расстрелянных немцами в других местах

подтверждается также показаниями инженера-механика Сухачёва П. Ф.

Сухачёв П. Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росглавхлеб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван Специальной Комиссией, он показал:

«...Как-то раз на мельнице во второй половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофёром, немного владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везёт муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофёр согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск — Витебск. Нас в машине было двое — я и немец-шофёр. Ночь была светлая, лунная, однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофёра, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофёр встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошёл скользкий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор. Наша машина осталась на колёсах. Я и шофёр немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся ма-

шине. Меня поразил сильный трупный запах, очевидно, идущий от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым верёвками. От удара верёвки лопнули, и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один немец-шофёр, два вооружённых автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофёра, затем предприняли попытки поставить машину на колёса. Минуты через две к месту аварии подъехали ещё две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот также тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес».

Свалившаяся машина ещё не была поднята, как ко мне и моему шофёру подошёл немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьёзных повреждений не было, то шофёр, отведя её немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах».

Показания Сухачёва подтверждаются показаниями Егорова Владимира Афанасьевича, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрёстке шоссе́йных дорог Москва — Минск и Смоленск — Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шёл сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по нескольку человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами.

О своих наблюдениях Егоров доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка Головневу Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держатъ язык за зубами» и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катынский лес, дал также показания Яковлев-Соколов Флор Максимович, 1896 года рождения, бывш. агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катынского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катынский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашины, в которых сидело несколько человек, вооружённых автоматами и винтовками. От этих машин шёл резкий трупный запах.

Из приведённых свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреливали поляков и в других местах. Свозя их трупы в Катынский лес, они преследовали троякую цель: во-первых, уничтожить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на Советскую власть; в-третьих, увеличить количество «большевистских жертв» в могилах Катынского леса.

«Экскурсии» на катынские могилы

В апреле месяце 1943 года, закончив все подготовительные работы на могилах в Катынском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и

по радио, пытаясь приписать Советской власти зверства, совершённые ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации немцы организовали посещения катынских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также и «делегациями» из стран, оккупированных немецкими захватчиками, или находящихся в вассальной зависимости от них.

Специальная Комиссия опросила ряд свидетелей, участвовавших в «экскурсиях» на катынские могилы.

Свидетель Зубков К. П., врач патолого-анатом, работавший в качестве судебно-медицинского эксперта в Смоленске, показал Специальной Комиссии:

«...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды — пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла. Доступные осмотру ткани тела трупов — лица, шеи, руки имели преимущественно грязный зеленоватый цвет, в отдельных случаях грязнокоричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных случаях были видны обнажённые сухожилия белесоватого цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались, или чтобы отрывались у них отдельные части.

Учитывая всё вышеизложенное, я пришёл к выводу, что давность пребывания трупов в земле — не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение трупов протекает быстрее, чем в одиночных, и тем более без гробов, я пришёл к вы-

воду, что массовый расстрел поляков был произведён около полутора лет тому назад и может относиться к осени 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок, я твёрдо убедился, что совершённое чудовищное злодеяние — дело рук немцев».

Показания о том, что одежда трупов, её металлические части, обувь, а также сами трупы хорошо сохранились, дали допрошенные Специальной Комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в «экскурсиях» на катынские могилы, в том числе: заведующий Смоленской водопроводной сетью Куцев И. З., учительница катынской школы Ветрова Е. Н., телефонистка Смоленского отделения связи Щедрова Н. Г., житель дер. Борок Алексеев М. А., житель дер. Новые Батеки Кривозерцев Н. Г., дежурный по ст. Гнездово Савватеев И. В., гражданка Смоленска Пущина Е. А., врач 2-й Смоленской больницы Сидорук Т. А., врач той же больницы Кесарев П. М., и др.

Попытки немцев замести следы своих злодеяний

Организованные немцами «экскурсии» не достигали своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед ними налицо самая грубая и явная немецко-фашистская провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающихся молчать.

Специальная Комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти тех, кто сомневался, или не верил в провокацию. Их увольняли со службы, арестовывали, угрожали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неумение «держат язык на привязи»: такая расправа была учинена над бывшим немецким полицейским Загайновым и над Егоровым А. М., работавшим на раскопках могил в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выразивших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщица аптеки № 1 Смоленска Зубарёва М. С., помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела Смоленска Козлова В. Ф. и другие.

Быв. нач. полиции катынского участка Яковлев-Соколов Ф. М. показал:

«Создалась обстановка, вызывавшая серьёзную тревогу в немецкой комендатуре, и на места полицейским аппаратам срочно были даны указания во что бы то ни стало пресечь все вредные разговоры и арестовать всех лиц, высказывающих неверие в «катынское дело».

Мне лично, как нач. участковой полиции, такие указания дали: в конце мая 1943 г. немецкий комендант с. Катынь обер-лейтенант Браунг и в начале июня — нач. Смоленской районной полиции Каменецкий.

Я созвал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле большевиками польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что «катынское дело» — немецкая провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на «экскурсии» в Катынском лесу».

Видя, что «экскурсии» местного населения на катынские могилы не достигают цели, немецкие оккупационные власти летом 1943 г. распорядились зарыть эти могилы.

Перед своим отступлением из Смоленска немецкие оккупационные власти стали наспех заматывать следы своих злодеяний. Дача, которую занимал «штаб 537 строительного батальона», была сожжена дотла. Трёх девушек — Алексееву, Михайлову и Конаховскую немцы разыскивали в дер. Борок, чтобы увезти с собой, а может быть, и уничтожить. Разыскивали немцы и своего главного

«свидетеля» — Киселёва П. Г., но тот вместе со своей семьёй успел скрыться. Немцы сожгли его дом.

Немцы старались схватить и других «свидетелей» — б. начальника станции Гнездово Иванова С. В. и б. дежурного по этой станции Савватеева И. В., а также б. сцепщика ст. Смоленск Захарова М. Д.

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров Базилевского и Ефимова. Обоим удалось избежать увода или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако, замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчикам не удалось.

Произведённая' судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с неопровержимой ясностью доказывает, что расстрел военнопленных поляков был произведён самими немцами.

Ниже приводится акт судебно-медицинской экспертизы.

А К Т СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

По указанию Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ гор. Смоленска) военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — В. И. Прозоровского;

Профессора судебной медицины 2-го Московского Государственного медицинского института, доктора медицинских наук — В. М. Смольянинова;

Профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук — Д. Н. Выропаева;

Старшего научного сотрудника танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского

института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора П. С. Семеновского;

Старшего научного сотрудника судебно-химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента М. Д. Швайковой;

при участии:

Главного судебно-медицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы Никольского;

Судебно-медицинского эксперта Н... армии, капитана медицинской службы Бусоедова;

Начальника патолого-анатомической лаборатории 92, майора медицинской службы — Субботина;

Майора медицинской службы Оглоблина;

Врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы Садыкова;

Старшего лейтенанта медицинской службы Пушкарёвой,

в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребённых в могилах на территории «Козьи Горы» в Катынском лесу, в 15-ти километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около $60 \times 60 \times 3$ метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около $7 \times 6 \times 3,5$ метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

- а) личности покойных;
- б) причины смерти;
- в) давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной Комиссии.

Объективные данные: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебно-медицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению:

По раскрытии могил и извлечении трупов из них установлено:

а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 на 925 извлечённых трупов); на трупах были надеты ботинки военного образца;

б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому составу польской армии;

в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, вывороченные карманы и разрывы их показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.), как правило, носит на себе следы обыска, произведённого на трупах;

г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целостность карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах, под подкладкой мундиров, в поясах брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бумага, носовые платки и др.;

д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г.;

е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась и с очень большим трудом поддаётся разрыву руками;

ж) у очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетёных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застёгнуты; сапоги или ботинки надеты; шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристёгнуты, рубашки заправлены в брюки — свидетельствует, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов ранее не производилось.

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие на них, а также на покровах груди и живота (кроме трёх случаев из 925) каких бы то ни было надрезов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным судебно-медицинской экспертной комиссией трупам.

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов дают основания утверждать наличие огнестрельных ранений головы и шеи, в четырёх случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твёрдым, тяжёлым предметом. Кроме того, в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже — двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на его краю. В небольшом числе случаев входные огнестрельные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже — в теменных и височных областях, а также на лице и шее. В 27 случаях огнестрельные ранения оказались слепыми (без выходных отверстий) и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабдеформированные и вовсе недеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев — менее 8 мм, т. е. 7,65 мм и менее; в меньшем числе — свыше 8 мм, т. е. 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклонённой вперёд голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них и разрушение ткани мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым, твёрдым, тяжёлым предметом сопутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведённые в период с 16 по 23 января 1944 г. свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности — в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлечённых со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию, в целом ряде случаев мышца сердца на разрезах имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчётливо

выраженной границей серого и белого вещества. Кроме макроскопического исследования тканей и органов трупа, судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытии могил и изъятии трупов и пребывании их на воздухе они подвергались действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 г. Это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степень обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории «Козьи Горы» с состоянием трупов в других местах захоронения в г. Смоленске и его ближайших окрестностях — в Гедеоновке, Магаленщине, Реадовке, лагере № 126, Красном бору и т. д. (см. акт суд.-мед. экспертизы от 22-го октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории «Козьи Горы» произведено около 2-х лет тому назад. Это находит своё полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключающих более ранние сроки погребения (см. пункт «д» ст. 36 и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований —

считает установленным акт умерщвления путём расстрела военнопленных и офицерского и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т. е. между сентябрём — декабрём 1941 г.;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссии в одежде трупов ценностей и

документов, имеющих дату 1941 г. — доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 г. обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведён после июня 1941 г.;

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрелов мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах — Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины

Наркомздрава СССР — *В. И. Прозоровский.*

Профессор судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института,

доктор медицинских наук — *В. М. Смольянинов*

Профессор патологической анатомии,
доктор медицинских наук — *Д. Н. Выропаев.*

Старший научный сотрудник танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР,

доктор — *П. С. Семеновский.*

Старший научный сотрудник судебно-химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР,

доцент — *М. Д. Швайкова.*

Смоленск. 24 января 1944 г.

Документы, найденные на трупах

Кроме данных, зафиксированных в акте судебно-медицинской экспертизы, время расстрела немцами военнопленных польских офицеров (осень 1941 г., а не весна 1940 г., как утверждают немцы) устанавливается также и обнаруженными при вскрытии могил документами, относящимися не только ко второй половине 1940 г., но и к весне и лету (март — июнь) 1941 г.

Из обнаруженных судебно-медицинскими экспертами документов заслуживает особого внимания следующие:

1. На трупе № 92:

Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в Центральное Бюро военнопленных—Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом письме Софья Зигонь просит сообщить местопребывание её мужа Томаша Зигоня. Письмо датировано 12.IX—40 г. На конверте имеется немецкий почтовый штамп — «Варшава, IX—40» и штамп — «Москва, почтамт 9 экспедиция, 28.IX—40 года» и резолюция красными чернилами на русском языке: «Уч. установить лагерь и направить для вручения. 15.XI—40 г.» (подпись неразборчива).

2. На трупе № 4:

Почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем «Тарнополь 12.XI—40 г.»

Рукописный текст и адрес обесцвечены.

3. На трупе № 101:

Квитанция № 10293 от 19.XII—1939 г., выданная Козельским лагерем о приёме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись от 14 марта 1941 г. о продаже этих часов Ювелирторгу.

4. На трупе № 46.

Квитанция (№ неразборчив), выданная 16.XII—1939 г. Старобельским лагерем о приёме от Арашкевича Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте квитан-

ции имеется отметка от 25 марта 1941 г. о том, что часы проданы Ювелирторгу.

5. На трупе № 71:

Бумажная иконка с изображением Христа, обнаруженная между 144 и 145 страницами католического молитвенника. На обороте иконки имеется надпись, из которой разборчива подпись — «Ядвиня» и дата «4 апреля 1941 г.»

6. На трупе № 46:

Квитанция от 6 апреля 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приёме от Арашкевича денег в сумме 225 рублей.

7. На том же трупе № 46:

Квитанция от 5 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приёме от Арашкевича денег в сумме 102 рубля.

8. На трупе № 101:

Квитанция от 18 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приёме от Левандовского Э. денег в сумме 175 рублей.

9. На трупе 53:

Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Багателя 15 кв. 47 Ирене Кучинской. Датирована 20 июня 1941 г. Отправитель Станислав Кучинский.

Общие выводы

Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше 100 опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлечённых из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают нижеследующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трёх лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строи-

тельных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 г. включительно;

2. В Катынском лесу осенью 1941 г. производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей;

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537 строительного батальона», во главе которого стояли оберст-лейтенант Арнес и его сотрудники — обер-лейтенант Рекс, лейтенант Хотт;

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам Советской власти в расчёте поссорить русских с поляками;

5. В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики, путём уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний, старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами Советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчётом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число «жертв большевистских зверств» в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела — осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа pistolетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлечёнными из катынских могил;

8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов.

Председатель Специальной Комиссии, член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик *Н. Н. Бурденко*.

Члены: Член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик *Алексей Толстой*.

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии —
Митрополит Николай.

Председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант *А. С. Гундоров*.

Председатель Исполкома Союза Обществ «Красного Креста» и «Красного Полумесяца» *С. А. Колесников*.

Народный Комиссар Просвещения РСФСР, академик
В. П. Потёмкин.

Начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии, генерал-полковник *Е. И. Смирнов*.

Председатель Смоленского облисполкома

Р. Е. Мельников.
Гор. Смоленск. 24 января 1944 года.

Опубликовано в газете «Известия» № 21 от 26 января 1944 года. На основании постановления Чрезвычайной Государственной Комиссии от 12 января 1943 года, Протокол № 23.

О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ, СОЗЕРШЁННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОРОДЕ КИЕВЕ

Немецкие захватчики, вступив на территорию Украины, прежде всего приступили к разграблению народного достояния и имущества мирных жителей.

Гитлеровский ставленник на Украине — рейхскомиссар Эрих Кох писал: «Речь идёт прежде всего о том, чтобы поддержать и обеспечить для немецкого военного хозяйства и немецкого командования чрезвычайно большие источники сырья и пищевых продуктов этой страны для того, чтобы Германия и Европа могли вести войну любой продолжительности».

Для проведения этих грабительских планов немцы пытались установить рабско-крепостнический режим на Украине.

В секретном циркуляре командующего германскими тыловыми войсками на Украине генерала авиации Китцингера от 18 июля 1942 года за № 1571/564/42 подчёркивалось: «Украинец был и останется для нас чуждым. Каждое простое, доверчивое проявление интереса к украинцам и их культурному существованию идёт во вред и ослабляет те существенные черты, которым Германия обязана своей мощью и величием».

В Киеве орудовала шайка кровавых фашистских бандитов. Эту шайку возглавляли генерал-комиссар Магуния, комендант города генерал Эбергардт, высший руководитель СС и полицейфюрер Гальтерман, генерал полиции

порядка Шеер, оберштурмбанфюрер Эрлингер, штатт-комиссар СА — бригаденфюрер Квитцрау. Под руководством этих бандитов, наряду с грабежами, разрушениями и систематическим истреблением населения Киева, проводилась политика онемечивания украинского народа. Украинская культура всячески подавлялась и уничтожалась, советские люди обрекались на голод и смерть. На стенах многочисленных магазинов, ресторанов появились вывески: «Только для немцев». Украинский оперный театр имени Шевченко, стадион и другие общественные учреждения были объявлены доступными только для немцев. Приказом за № 184 от 6 августа 1942 года комендант города, генерал-майор Ремер запретил немцам приглашать «туземцев» (украинцев) на стадионы и в рестораны. Историческое место Киева — Аскольдову могилу оккупанты превратили в немецкое кладбище.

Разрушение промышленности, транспорта и коммунального хозяйства города и ограбление населения

Немецкие оккупанты в городе Киеве разграбили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий, а здания взорвали и сожгли. Гитлеровцы разрушили машиностроительные и металлообрабатывающие заводы «Большевик», «Красный экскаватор», которые снабжали промышленность, транспорт и сельское хозяйство машинами, инвентарём и запасными частями; взорвали, сожгли и разрушили всё путевое хозяйство крупнейшего железнодорожного узла Киев — Дарница: все станционные здания, депо на станции Киев 1-й, паровозо-вагоноремонтный завод; они взорвали железнодорожные мосты через Днепр и железнодорожные виадуки в городе; взорвали и сожгли построенные за годы Советской власти крупные фабрики — текстильные, прядильно-трикотажную, швейную им. Горького, первую, четвёртую, восьмую обувные и другие.

Фашисты взорвали, сожгли и разрушили электростанции и электросеть, трамвайный и троллейбусный парки, водопровод и канализацию, а также хлебозаводы и другие предприятия, лишив население крупнейшего города — воды, хлеба, отопления, освещения и средств передвижения.

Немецко-фашистские варвары за время своего хозяйничанья в Киеве взрывами и поджогами совершенно уничтожили главную улицу — Крещатик, а также лучшие здания на прилегающих улицах: Прорезной, Институтской, Большой Васильковской. Они разрушили 940 зданий государственных и общественных учреждений с площадью около 1 млн. кв. метров, в том числе здания — Верховного Совета УССР, Главного почтамта, гостиницы Континенталь и др., 1 742 коммунальных дома с жилой площадью более 1 млн. кв. метров, 3 600 домов частных владельцев с жилой площадью около 500 тыс. кв. метров. В результате этих злодеяний больше 200 тысяч жителей Киева лишились крова.

6 октября 1942 года СС оберштурмбанфюрер Шпатель опубликовал распоряжение: «12 августа 1942 года имперский руководитель дал указание, на основании которого всё золото, серебро и другие благородные металлы и все ценные вещи без исключения должны быть изъяты и направлены обергруппенфюреру Польш».

Гитлеровцы объявляли целые районы города «боевой зоной». Насильственное переселение жителей из этой «зоны» было лишь поводом для разнузданного грабежа.

«Изгнание жителей из «боевых зон», — сообщил наместник Киево-Печерской лавры архимандрит Валерий, — сопровождалось избиением. Вышвыривали из квартир стариков и старух, не могущих ходить... Имущество изгнанных жильцов было разграблено. Мы видели эти злодеяния, ужасались и не могли понять, в чём их смысл, какая их цель. Не видя, трудно было поверить, на что способны гитлеровские изверги. Но мы видели всё это своими глазами, пережили и уже не забудем никогда».

Заводы и фабрики почти не работали, культурные и научные учреждения были разгромлены. Многих деятелей науки немцы под угрозой угона в Германию заставляли работать сторожами, кассирами. Профессор математики Круковский работал кассиром на водной станции, доцент химии Страшкевич — заведующим прачечной, доцент Печук — сторожем.

Насильственный угон мирного населения на каторгу в Германию принял самые широкие размеры.

Комендант города Киева генерал-майор Ремер после многократного насильственного угона советских людей в немецкое рабство вновь писал 9 октября 1942 года:

«Город Киев обязан в ближайшие дни вновь предоставить для Германии минимум 7 000 рабочих. Командиры частей и руководители учреждений уже сейчас должны составить списки, каких рабочих (девушек и бездетных женщин) в возрасте от 16 до 45 лет они могут отпустить... *Серьёзность положения с рабочими на родине требует, чтобы все учреждения и т. д. ограничились небольшим количеством туземных рабочих*».

Фашистские рабовладельцы угнали сотни тысяч советских граждан на немецкую каторгу. «Благодаря труду немецких руководителей, — писал рейхскомиссар Украины Эрих Кох, — нам удалось послать сотни тысяч украинских рабочих для работы в Германию и, прежде всего, на предприятия военной промышленности».

Два года немецко-фашистской оккупации были полны сплошными издевательствами над человеческим достоинством советских людей; это было время голода и разорения, время полного бесправия и беззащитности.

Разрушение и разграбление культурных и исторических ценностей города Киева

Гитлеровцы с первых же дней вторжения на Украину приступили к планомерному уничтожению школ, высших учебных заведений, музеев, библиотек, клубов, театров, больниц и детских садов.

В Киеве, до вторжения немцев, было 150 средних и начальных школ. Из них 77 школ оккупанты заняли под казармы, 9—приспособили под склады и мастерские, в двух разместили воинские штабы и 8 школ использовали под конюшни. При отступлении из Киева немецкие варвары разрушили 140 школ.

Фашисты закрыли все детские сады, имущество их разграбили, часть зданий использовали под квартиры. Детские сады №№ 14, 107 и 217 приспособили под конюшни, 27 детских садов сожгли и 51 детский сад разрушили. Они разрушили также 13 детских домов, 4 дворца культуры, дом учителя, клуб профсоюза политпросветработников.

Немецкие оккупанты расхитили из книжных фондов киевских библиотек свыше четырёх миллионов книг. Из одной только библиотеки Академии наук УССР гитлеровцы вывезли в Германию более 320 тысяч различных ценных и уникальных книг, журналов и рукописей. Старший лейтенант Шмиц и доктор Паульсен, служившие в частях СС, вывезли в Германию из университетской библиотеки карты, атласы, книги по географии, статистике и экономике.

5 сентября 1943 года немцы сожгли и взорвали один из старейших центров Украинской культуры Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, основанный в 1834 году и построенный по проекту архитектора Беретти старшего. В огне погибли величайшие культурные ценности, служившие на протяжении столетий основой научно-учебной работы университета; погибли материалы исторического архива древних актов, представлявших исключительную ценность; погибла библиотека с фондом свыше 1 300 тысяч книг; зоологический музей университета, имевший свыше 2 миллионов экземпляров экспонатов, и целый ряд других музеев, как, например, зооанатомический, анатомический, ботанический, общей биологии, минералогии, палеонтологии, петрографии; погибли 20 университетских лабораторий,

18 специальных кабинетов и мастерских. В сентябре 1943 года немецкий руководитель архивного дела—доктор Винтер вывез в Каменец-Подольск самые древние документы, хранившиеся в библиотеке университета.

Немецкие оккупанты разрушили также и другие высшие учебные заведения Киева: индустриальный, лесохозяйственный, педагогический им. Горького и другие институты.

За время оккупации города фашистские варвары разрушили, сожгли и разграбили большинство медицинских учреждений. Они сожгли коклюшную больницу, детскую инфекционную больницу на Кловском спуске, больницы в Дарнице и Слободке; разрушили детскую больницу на Дегтяревской улице; взорвали и разрушили 3 родильных дома, 4 женских и детских консультации, молочную кухню, 17 детских яслей, 4 поликлиники; разграбили имущество Железнодорожной, Октябрьской и других больниц. Все эти разрушения и грабежи произведены при непосредственном участии руководителя здравоохранения при генерал-комиссариате города Киева доктора Гросскопф.

Фашистские варвары сожгли в Киеве здание драматического театра Красной Армии на 1 000 мест, театральный институт, консерваторию, в которой сгорели инструменты, богатейшая библиотека и всё оборудование; взорвали прекрасное здание цирка на 2 500 мест; сожгли со всем оборудованием Театр юного зрителя имени М. Горького; уничтожили Еврейский театр. По распоряжению интенданта Брюкнера разграблены все склады и костюмерная театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко.

Немецко-фашистские оккупанты, под руководством доктора Винтер, его заместителя доктора Бенцинг, доктора Розкампф и художника Клейн, разрушили музеи и вывезли в Германию все находившиеся в них экспонаты.

В музее западно-европейского и восточного искусств осталось лишь несколько больших полотен, которые грабители не успели снять с высоких стен лестничной клетки,

Из музея русского искусства гитлеровцы вместе со всеми экспонатами вывезли ценнейшую коллекцию русских икон. Они разграбили музей украинского искусства: из 41 тысячи экспонатов отдела народного искусства этого музея осталось только 1 900. Гитлеровцы вывезли из Киева украинскую посуду XVIII, XIX и начала XX столетий, в том числе образцы работ крупнейших мастеров Ф. Лавренюка, А. Гончара с Подолии, И. Панасюка и других. Они вывезли изразцы работы гончара Бахметюка, разграбили богатейшую коллекцию вышивок XVIII, XIX и XX столетий, вывезли коллекцию народной одежды и богатейшую коллекцию писанок, вывезли 11 420 предметов из художественно-промышленного отдела, в том числе коллекцию фаянса Киево-Межигорской фабрики 1780—1798 гг., 5 384 предмета живописи, графики, скульптуры художников А. Мурашко, И. Мурашко, Бурачека, Пимоненко, Яровского, Святославского, Светлицкого, Жемчужникова, Ижакевича, Левченко, Яремича и др. Ценную музейную мебель немцы вывезли в Германию. Доктор Ласке, «работавший» в архивном управлении, вывез, например, гарнитур красного дерева первой половины XIX века, обитый французским гобеленом; доктор Винтер вывез из музея золочёные стулья, обитые серебряной парчой с вышивкой.

Гитлеровцы разграбили музей имени Т. Г. Шевченко и исторический музей. Они разграбили величайший памятник славянских народов — Софийский собор, из которого вывезли 14 фресок XII века, в том числе 4 фрески со стен Михайловского Златоверхого монастыря, драгоценную утварь и предметы культа.

По приказу немецкого командования воинские части ограбили, взорвали и разрушили древнейший памятник культуры — Киево-Печерскую лавру. Рано утром 3 ноября 1941 года немецкие жандармы выселили из лавры всех жителей и в 2 часа дня взорвали Успенский собор.

Комиссия в составе: Наместника Киево-Печерской лавры архимандрита Валерия Устименко, проживающего

в ней с 1891 года, схимника Киево-Печерской лавры Пимена Иванова, директора Управления Киево-Печерской лавры В. М. Тверского, педагога 75-й средней школы города Киева П. Д. Рудич, проживающего в лавре с 1912 года, старшего инспектора комиссии по охране памятников Комитета по делам искусств при СНК СССР П. Д. Барановского — обследовала состояние Киево-Печерской лавры после двухгодичного хозяйничанья немецких оккупантов и установила:

«Успенский собор, построенный в 1075—1089 годах Великим князем Святославом и расписанный внутри в 1897 году известным художником В. В. Верещагиным, 3-го ноября 1941 года взорван немцами. В результате взрыва памятник сильно разрушен. Основная центральная часть постройки XI века вместе с куполом, сводами, западной и северной стенами и алтарными абсидами превращена в груды обломков и щебня. После взрыва вокруг бывшего собора образовались четыре огромных провала в земле, угрожающих сохранности остатков памятника».

В октябре — декабре 1941 года немцы вывезли из лавры ценнейшие экспонаты исторического музея, в том числе весь отдел оружия, насчитывавший около 4 000 предметов, среди них были уникальные вещи, как, например, сабля Стефана Батория, витрина запорожского оружия и другие; разграбили ценнейшие экспонаты отдела истории Украины XV—XIX столетий: грамоты, нумизматику, печати, стекло, фарфор, ткани; вывезли из архива музея акты XV—XVIII столетий и рукописи научных трудов. Часть экспонатов немецкие солдаты и офицеры брали себе «на память». Так, например, немецкий начальник исторического музея Штампфусс преподнёс генерал-комиссару Магуния нитку древних бус, украденных из фондов музея. Штампфусс украл также несколько картин из собрания музея украинского искусства.

В Успенском соборе Киево-Печерской лавры находилось больше 20 серебряных риз на иконах, серебряные царские врата, серебряные массивные доски на алтаре и

жертвеннике, несколько евангелий в серебряных оправах, три серебряных гробницы, собрание тканей и парчи Киево-Печерской лавры, насчитывавшие более 2 000 редких и ценных образцов с дарственными записями царей и гетманов. Все эти ценности немецкие варвары разграбили и вывезли в Германию.

В сентябре—октябре 1943 года были вывезены в Германию материалы раскопок в Пушкарях, Мезыне, Кирилловской стоянке в Киеве, раскопок Трипольской культуры на Коломыйщине, в Халепье и целый ряд уникальных коллекций.

Из отдела Скифии Исторического музея гитлеровские грабители вывезли уникальные бронзовые фигурки зверей, наконечники значков и знамён, оружие, керамику, бытовые вещи; из отдела греческих причерноморских колоний—кипрскую керамику—около 5 000 предметов, керамику из Ольвии; вывезли материалы отдела «Киевская Русь», в числе их такие уникальные вещи, как запрестольный крест X столетия Десятинной церкви, изразцы с гербом Рюриковичей и другие ценные экспонаты.

«Нельзя без скорби смотреть, — сообщает член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай Митрополит Киевский и Галицкий, — на груды развалин Успенского собора, созданного в XI-м веке гением бессмертных строителей. От взрыва образовалось несколько огромных провалов в земле на окружающей собор территории, и, глядя на них, кажется, что даже земля содрогнулась при виде злодеяний тех, кто не имеет права на человеческое имя. Точно страшный ураган пронёсся по лавре, всё опрокинул вверх дном, рассыпал и разбросал могучие лаврские здания. Два с лишним года Киев был закован в немецкие кандалы. Гитлеровские палачи принесли с собою в Киев смерть, руины, голод и казнь. Всё это со временем отойдёт от близкого прошлого в отдалённое, но никогда не забудут этого злодеяния не только украинский и русский народы, но и всё честное человечество во всём мире».

Массовое истребление мирных граждан и советских военнопленных

Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое истребление населения путём истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в «душегубках». Людей хватали прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивались объявления о расстрелах: «В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением. Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа. Киев, 22.X—1941 года. Комендант города». Или: «Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам. Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева. Киев, 2 ноября 1941 года. Эбергардт, генерал-майор и комендант города».

Фашисты массами убивали мужчин, женщин, детей, стариков и больных. Так, 14 октября 1941 года в психиатрическую больницу во главе с немецким гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды несколько дней, а затем расстреляли в овраге Кирилловской рощи. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 года.

Вот что сообщили об этой кровавой расправе профессор Е. А. Копыстынский, врачи А. Г. Дзевалтовская, Т. К. Пенская, И. М. Фарбер, А. И. Евстафьева и медсестра Е. Ф. Троепольская: «В больницу прибыли автомашины. В эти машины-«душегубки» начали вталкивать больных, приблизительно по 60 — 70 человек в каждую, тут же их умерщвляли и трупы выбрасывались у здания больницы. Зверства эти продолжались несколько дней,

в течение которых было уничтожено 800 больных». Организаторами этих убийств были: немецкий руководитель здравоохранения при генеральном комиссариате — Гросскопф и врач военного лазарета — Больм.

Убийствам часто предшествовали садистские истязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до полусмерти избивали больных и слабых людей, поливали их на морозе водой и, наконец, пристреливали в немецком полицейском застенке, находившемся в Киево-Печерской лавре.

Убивали мирных граждан якобы за принадлежность к советско-партийному активу, за связь с партизанами, убивали и без всяких мотивов.

Зверствовали немецкие бандиты и в Дарницком и в Сырецком лагерях. Мирных советских граждан и военнопленных заставляли выполнять тяжёлые изнурительные работы, подвергали неслыханным издевательствам и убивали. В Сырецком лагере орудовал пьяница, садист штурмбанфюрер Радомский и его помощник Ридер.

Радомский и Ридер всячески ухищрялись в истреблении советских людей. Они, например, «изобрели» следующий способ убийства: одних советских людей заставляли влезать на дерево, а других подпиливать его. Люди падали вместе с деревом и разбивались. Или: Радомский собирал всех заключённых, проходил по строю, отбирал человек 25, выводил их из строя и тут же расстреливал.

Гитлеровские бандиты согнали 29 сентября 1941 года на угол улиц Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживающие вблизи Бабьего Яра граждане Н. Ф. Петренко и Н. Т. Горбачёва рассказали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями. «Было заметно, как слой земли шевелился от движения ещё живых людей».

В 1943 году, чувствуя непрочность своего положения в Киеве, оккупанты, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работы по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключённых из Сырецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС — Топайде, сотрудники жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и командир взвода СС — Рэвер.

Свидетели Л. К. Островский, С. Б. Берлянт, В. Ю. Давыдов, Я. А. Стеюк, И. М. Бродский, бежавшие от расстрела в Бабьем Яру 29 сентября 1943 года, показали: «В качестве военнопленных мы находились в Сырецком концлагере, на окраине Киева. 18 августа нас в количестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас закопали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали площадки, на которые клали рельсы, а на рельсы укладывали, как колосники, железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, а на дрова — слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались по несколько рядов и поджигались. В каждой такой печи помещалось до 2 500 — 3 000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того, как все трупы сгорали, закладывались новые печи и т. д. Кости трамбовками разбивали на мелкие части. Пепел заставляли рассеивать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов. Так мы работали по 12 — 15 часов в сутки. Для ускорения работы немцы применили экскаватор. За время с 18 августа по день нашего побега — 29 сентября было сожжено, примерно, семьдесят тысяч трупов. Здесь же сжигались и вновь привозимые трупы мужчин, женщин и детей, убитых в газовых автомашинах».

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии, после освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков были произведены раскопки в местах массовых истреблений советских людей в Сырецком лагере, в Бабьем Яру, в Дарнице и других местах. В раскопках приняли участие немецкие военнопленные. После окончания раскопок немецкие военнопленные подали следующее заявление:

«Нам, 850 немецким военнопленным в лагере военнопленных Киева, советскими властями была предоставлена возможность убедиться в зверствах, совершённых над русским населением во время оккупации Киева немцами. 160 избранных нами доверенных лиц произвели раскопки пяти из многочисленных ям. Только в двух местах нами были обнаружены 150 убитых русских граждан. В других местах мы натолкнулись на бесчисленные остатки сожжённых тел, одежды и костей. Мы утверждаем: здесь, в Киеве, были произведены массовые убийства, невероятных размеров, русского гражданского населения, жертвы которых доходят до несколько десятков тысяч мужчин, женщин и детей. Кто это делал — известно. Это немецкие оккупационные войска, преимущественно соединений СС, СД и полевой жандармерии». Следуют подписи, среди них: майор-интендант 208 — Лау, штабной врач 246 полка — доктор Гелленбрандт; врач-ассистент 3-го батальона 76-го полка — доктор Беккер; военный священник евангелистской церкви 208 Круммахер; лейтенант 208 Юнге; лейтенант 215 батальона Гергард и другие.

Специальная Комиссия в составе: председателя Н. С. Хрущёва, членов Комиссии: Наркомпроса УССР академика — П. Тычина, секретаря Союза советских писателей УССР академика М. Рыльского, кандидата биологических наук Академии наук УССР — Д. Марковского, с участием медицинских экспертов: профессоров Я. И. Пивовонского, Ю. Ю. Крамаренко, А. М. Зюкова

и судебно-медицинского эксперта, профессора Н. А. Шепелевского, в присутствии представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии В. Д. Шевцова, установила, что, по неполным данным, в Киеве замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.

2. В Дарнице — свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.

3. В противотанковом рву, у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря — свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.

4. На территории Кирилловской больницы — 800 душевнобольных.

5. На территории Киево-Печерской лавры — около 500 мирных граждан.

6. На Лукьяновском кладбище — 400 мирных граждан.

На основании заявлений советских граждан, протоколов опроса, свидетельских показаний, материалов Специальной Комиссии, заключений Судебно-Медицинской экспертизы и личным расследованием, произведённым членами Чрезвычайной Государственной Комиссии — Николаем Митрополитом Киевским и Галицким и академиком И. П. Трайниным, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что разрушения в городе Киеве, поголовное ограбление населения, массовые истязания и убийства мирных советских граждан и военнопленных произвели по указаниям германского правительства и верховного командования: рейхскомиссар Украины Эрих Кох, заместитель рейхскомиссара фон Ведельштедт, главнокомандующий армейской группой «Юг» генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал авиации Китцингер, генерал-лейтенант войск СС Ютнер, генерал-комиссар генеральной области Киева Магуния, руководитель СС и полицейфюрер Гальтерман, генерал полиции

порядка Шеер, оберштурмбанфюрер Эрлингер, СА бригаденфюрер Квитцрау, коменданты города Киева— генерал-майор Эбергардт и генерал-майор фон Ремер, генерал-майор Виров, начальник бригады СС генерал-майор Лернер, СС штандартенфюрер Нордман, СС обер-фюрер Гофман, генерал полиции Прюцман, СС оберштурмбанфюрер Шпацель, командующий войсками СС на юге России и на Украине генерал-майор Троенфельд, начальник военно-воздушных сил Киевского гарнизона полковник Альтерман, руководитель оборонного участка «С» полковник фон Вессель, командир 304 полицейского батальона майор Бекерт, коменданты гарнизона в Дарнице капитан Прицковский и обер-лейтенант Кваст, СС штурмбанфюрер Гумперт, штурмбанфюрер Радомский, его помощник Ридер, штатткомиссар Рогауш, начальник бюро набора, доктор Яницкий, руководитель киевского бюро гитлеровской молодёжи Брейер, штатткомиссар Берндт, шеф управления архивами, библиотеками и музеями при рейхскомиссариате Украины доктор Винтер, его заместитель доктор Бенцинг, начальник исторического музея Штампфусс, врач военного лазарета Больм, сотрудник штаба Розенберга доктор Розкамф, сотрудник архивного управления доктор Ласке, старший лейтенант частей СС Шмиц, военнослужащий частей СС, доктор Паульсен, руководитель здравоохранения при генералкомиссариате, доктор Гросскопф, офицер СС Топайде, сотрудники жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и Рэвер, интендант Брюкнер, шеф клайнкунсттеатра Телин, шеф фронтового театра Бекерс.

Все они должны понести суровую ответственность за чудовищные злодеяния, совершённые перед советским народом.

Опубликовано в газете «Известия» № 50
от 29 февраля 1944 года на основании
Постановления Чрезвычайной Государственной
Комиссии от 28 февраля 1944 года, Протокол № 26.

ДИРЕКТИВЫ И ПРИКАЗЫ ГИТЛЕРОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ГЕРМАНСКОГО ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И МИРНЫХ ГРАЖДАН

1. Гитлеровские секретные директивы об истреблении советских людей

Преступное гитлеровское правительство и верховное командование германской армии ещё до вероломного нападения на Советский Союз тщательно разработали планы чудовищного истребления передовой части советского народа и ссылки на каторгу в Германию миллионов советских людей.

Опубликованные в своё время Чрезвычайной Государственной Комиссией сообщения о немецко-фашистских злодеяниях в городах Краснодаре, Ставрополе, Орле, Сталино, Смоленске и Киеве, а также специальные расследования, произведённые членами Чрезвычайной Государственной Комиссии путём выезда на места, установили существование продуманной системы преднамеренного массового истребления немецкими оккупантами военнопленных и мирных советских граждан.

Только по предварительным данным, зарегистрированным Чрезвычайной Государственной Комиссией, немецко-фашистские оккупанты убили, отравили в «дугубках» и замучили в оккупированных ими советских районах около 2 миллионов человек, — стариков, жен-

щин и детей, мирных советских граждан, а также много военнопленных—бойцов и офицеров Красной Армии.

В настоящее время в распоряжение Чрезвычайной Государственной Комиссии поступили захваченные в гор. Киеве органами Советской власти немецкие документы, обнаруженные в несгораемом шкафу в помещении, где в период немецкой оккупации находилось гестапо. Эти документы содержат оперативные приказы верховного командования германской армии, имперского министра оккупированных восточных областей, начальника полиции безопасности и СД и другие документы, в которых излагается порядок «очистки» лагерей для советских военнопленных и мирных граждан от «подозрительных лиц». Из этих документов видно, что в качестве единственной меры «очистки» немецко-фашистскими властями в чудовищных масштабах практиковалось применение убийств, которые фигурируют в документах под терминами: «экзекуции», «особый режим», «ликвидация», «особые меры», «очистительные мероприятия». Эти документы относятся к первым месяцам вторжения немецких захватчиков в СССР, к периоду июль — декабрь 1941 года. Важность обнаруженных документов характеризуется тем, что на всех их имеется гриф: «Секретно, государственной важности», «Секретно, командный документ».

В целях предотвращения опасности захвата Красной Армией этих документов, раскрывающих преступления немецко-фашистских палачей и их кровавые планы физического уничтожения русского населения, в оперативном приказе № 14 начальника немецкой полиции говорилось:

«Особо вменяю в обязанность, чтобы оперативные приказы №№ 8 и 14, а также относящиеся к ним дополнительные указы, в случае опасности, немедленно уничтожались».

В приказе ставки верховного командования германской армии № 11, 7 октября 41 года, подчёркивается:

«Письменное (даже в виде выдержек) распространение этого приказа воспрещается. Ознакомление окружающих комендантов по делам военнопленных и комендантов пересыльных лагерей производится устно».

2. Подготовка к массовому истреблению советских военнопленных и мирных граждан

Из обнаруженных документов видно, что гитлеровские палачи ещё до своего нападения на СССР составляли списки, розыскные книги и собирали необходимые сведения о руководящих советских работниках, которые, по их кровавым планам, подлежали уничтожению. Так были подготовлены «Особая розыскная книга СССР», «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания» и другие подобного рода «розыскные книги и списки», которые гитлеровским убийцам должны были облегчить истребление передовой части населения СССР.

В документе, именуемом: «Приложение № 2 к оперативному приказу № 8 начальника полиции безопасности и СД», датированном — «Берлин, 17 июля 1941 года» и подписанном Гейдрихом, исполнявшим в то время обязанности заместителя Гиммлера, указывается, однако, на недостаточность списков и розыскных книг и на необходимость не стеснять инициативу исполнителей убийств.

В документе говорится:

«Для осуществления ваших задач нет возможности предоставить в распоряжение команд пособия. «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания», «Особая розыскная книга СССР» окажутся полезными лишь в небольшом количестве случаев. «Особая розыскная книга СССР» поэтому недостаточна, так как в неё занесена лишь незначительная часть советских русских, которых следует считать опасными». (См. фотокопию № 5).

ФОТОКОПИИ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОДЛИННЫХ ДОКУМЕНТОВ,
ПРИВЕДЁННЫХ В ТЕКСТЕ
СООБЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

№ 1

Der Chef der Sape und des SD
B.Nr. 21 B/41 g Bb - IV A 1 c

Berlin, den 29. Oktober 1941

Geheime Reichssache!

Schnellbrief

Einsatzbefehl Nr. 14.

Betr.: Richtlinien für die in die Stalags und Dulags
abzustellenden Kommandos des Chefs der Sape
und des SD.

Vork.: Erlasse vom 17.7., 12.9.1941¹
B.Nr. 21 B/41 g Bb vom 26.9.41 B.Nr. 539/B/41 g
und vom 10.10.41 B.Nr. 815 B/41 g - IV A 1 c

Anlg.: Anlage 1 und 2.

In der Anlage übersende ich die Richtlinien für die
Säuberung der mit sowjetischen Kriegs- und Zivilgefangenen
belegten Kriegsgefangenen und Durchgangslager im rückwärtigen
Heeresgebiet zur gefl. Kenntnisnahme und Beachtung
(s. Anlage 1)

Diese Richtlinien sind im Einvernehmen mit dem OKH.
ausgearbeitet worden. Das OKH. hat die Befehlshaber des
rückwärtigen Heeresgebietes sowie die Bezirkskommandanten
der Kriegsgefangenen und die Kommandanten der Dulags ver-
ständigt (s. Anlage 2).

Die Einsatzgruppen stellen sofort, je nach Größe der
in ihrem Einsatzbereich befindlichen Lager Sonderkommandos
in ausreichender Stärke unter Leitung eines H-Mührers ab

Die

Die Kommandos haben ihre Tätigkeit in den Lagern sofort aufzunehmen. Enge Zusammenarbeit mit der Lagerkommandanten und Abwehroffizieren wird zur Pflicht gemacht. Auftretende Schwierigkeiten sind durch persönliche Verhandlungen mit den in Frage kommenden Stellen der Wehrmacht zu bereinigen.

Die in der Anlage 2 zum Einsatzbefehl Nr. 2 gegebenen Richtlinien sowie die hierzu ergangenen Ergänzungen und Nachtragserlasse sind eintreffend anzuwenden.

Insbesondere mache ich zur Pflicht, daß die Einsatzbefehle Nr. 3 und 14 sowie die hierzu ergangenen Nachtragserlasse bei Gefahr im Verzuge sofort zu vernichten sind. Hierzu ist mir gegebenenfalls Bericht zu erstatten.

Verteiler:

Einsatzgruppe A Karsnowsdeisk

Einsatzkdo. 1a
" 1b
" 2
" 3

Einsatzgruppe B Smolensk

Einsatzkdo. 7a
" 7b
" 8
" 9

Sonderkommando Moskau

Einsatzgruppe C Kiew

Sonderkdo. 4a
" 4b
" 5
Einsatzkdo. 6

Einsatzgruppe D Nikolsiew

Sonderkdo. 10a
" 10b
Einsatzkdo. 11a
" 11b
" 12

Nachrichtlich

Nachrichtlich:

dem Höheren H- und Polizeiführer Nord (101)	R. 1. 3. 3
dem " Mitto (102)	M. 6. 2. 1. 3. 3
dem " S. H. d. (103)	Kriminal-Bez.
dem " z. b. V.	

dem Reichsführer-H und Chef der Deutschen Polizei
dem Chef der Sipo und des SD
dem Chef der Ordnungspolizei
den Amtschefs der Ämter I, II, III, IV, V, VI u. VII
dem Referat IV D 2, IV D 3
" IV D - ausl. Arbeiter
den Gruppenleiter IV D

gez. H e y d r i c h .



С разбойничьим вторжением в СССР и оккупацией ряда советских районов гитлеровцы повели систематическое истребление советского населения, в особенности его передовых и наиболее активных слоёв, независимо от имевшихся в их руках списков.

Для выполнения своих преступных планов немецкие оккупанты в стационарных и пересыльных лагерях для военнопленных, устроенных в то время на германской территории, в так называемом польском «генерал-губернаторстве» и на оккупированной советской территории, создали «зондеркоманды» (особые команды).

В оперативном приказе № 8 начальника полиции безопасности и СД, датированном «Берлин, 17 июля 1941 года, Б. № 21 Б/41, г. Рс IV А 1 ц», подписанном Гейдрихом, говорится:

«Предлагаю немедленно выделить для находящихся на той территории лагерей военнопленных команду в составе одного СС фюрера и 4—6 рядовых. В случае, если для выполнения поставленных задач потребуются дополнительные силы, об этом необходимо немедленно сообщить мне...

...Для облегчения проведения чистки должны быть выделены в распоряжение начальника лагерей военнопленных в 1-м военном округе, Восточной Пруссии — генерал-майора фон Гинденбурга и начальника лагерей военнопленных в генерал-губернаторстве — генерал-лейтенанта Геррготт, в Кельцах — по одному руководителю (führer'y) связи...

В качестве руководителей связи должны быть немедленно откомандированы:

а) криминальрат Шиффер, отдел государственной полиции Штетина, — в распоряжение генерал-майора фон Гинденбурга, в Кенигсберг (Пруссия);

б) криминалькомиссар Рашвитц при начальнике полиции безопасности и СД в Кракове — в распоряжение генерал-лейтенанта Геррготт в Кельцах...

...В задачи этих руководителей связи входит, особенно к моменту начала операций, направлять в соответствии с настоящими директивами деятельность команд, а также обеспечивать нормальные отношения с военными органами».

В приложении № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД (Секретно. Государственной важности, экземпляр 15-й), датированном — «Берлин, 29 октября 1941 года», указывается порядок формирования «зондеркоманд»:

«Формирование зондеркоманд, полиции безопасности и СД производится по договорённости между начальником полиции безопасности и СД и верховным командованием вооружённых сил от 7.X — 1941 года.

Команды работают на основе особых полномочий и, согласно данным им общим директивам, в рамках лагерного распорядка, самостоятельно. Само собой разумеется, что команды поддерживают тесный контакт с комендантами лагерей и офицерами контрразведки». (См. фотокопию № 2).

Это было вторичным разъяснением ещё ранее изданной директивы от 17 июля 1941 г. (См. начало фотокопии № 5).

В свою очередь и верховное командование германской армии в приложении № 2 к приказу от 7.X—1941 г. указало:

«1. ...в пересыльных лагерях армейского тыла зондеркоманды полиции безопасности и СД по выявлению неблагонадёжных элементов действуют под собственную ответственность в соответствии с прилагаемыми директивами.

2. По согласованию с начальником полиции безопасности и СД, деятельность предусмотренных зондеркоманд регулируется следующим образом: а) предусмотренные для выполнения этих задач зондеркоманды подчиняются уполномоченному начальнику полиции безопасности и СД при командующих армейским тылом,

согласно пересланному с отношением «а» соглашению от 28.IV—1941 года ...д) В тех лагерях армейского тыла, в которых нет возможности произвести фильтрацию при помощи зондеркоманд, под личную ответственность коменданта остаются в силе существовавшие до сих пор положения. С появлением зондеркоманд выявление неблагонадёжных элементов является исключительно их задачей».

Приказ начальника полиции безопасности и СД от 29 октября 1941 г. об организации зондеркоманд был разослан оперативным группам в Красногвардейск, Смоленск, Киев, Николаев и «информационно» в Ригу, Могилёв, Кривой Рог.

Нужно также отметить, что гитлеровцы во время своего наступления на Москву создали в Смоленске специальную «зондеркоманду Москва», задачей которой должны были явиться массовые убийства москвичей. (См. фотокопию № 1).

О задачах, возложенных на «зондеркоманды», говорят оперативные директивы, приложенные к приказу начальника полиции безопасности и СД № 8, датированному — «Берлин, 17 июля 1941 года», который под видом «фильтрации гражданских лиц и подозрительных военнопленных, захваченных в восточном походе», указывает, что

«особая обстановка восточного похода требует особых мер, которые должны проводиться под собственную ответственность, вне каких-либо бюрократических и административных влияний».

Как документально установлено, на «зондеркоманды» возлагалась обязанность «фильтрации», т. е. выявления «неблагонадёжных», подлежащих в дальнейшем уничтожению.

В связи с этим, в приложении к оперативному приказу Гейдриха № 8 от 17.VII—1941 г. указывается, что «Заключённые лагерей для русских должны поэтому быть разделены внутри лагеря по следующим признакам:

- 1) Гражданские лица.
- 2) Солдаты (в том числе и такие, которые явно передеты в гражданское платье).
- 3) Политически вредные элементы из числа лиц 1 и 2 категорий...
- 4) Лица 1 и 2 категорий, достойные доверия, а потому пригодные для использования при восстановлении оккупированных районов.
- 5) Национальные группы среди военнопленных и гражданских лиц».

3. Планы истребления советских деятелей и советской интеллигенции

Гражданское население временно захваченных немецко-фашистскими оккупантами районов СССР, как это неоднократно сообщалось, заключалось в лагеря наряду с военнопленными, вопреки всем существующим законам и обычаям ведения войны. Бесчеловечный режим, созданный гитлеровскими палачами для военнопленных, был распространён также и на мирных советских граждан. В этом отношении нужно отметить так называемые «экзекуции».

Гитлеровцы с самого начала установили широкий круг «подозрительных», подлежащих «экзекуции». К этому кругу гитлеровцы раньше всего относили руководящую и активную группу советских работников. В приложении № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности от 29 октября 1941 г., подписанному Гейдрихом, по этому поводу говорится:

«Прежде всего необходимо выявить:

- 1) всех выдающихся государственных и партийных должностных лиц, в особенности профессиональных революционеров,
- 2) деятелей Коминтерна,
- 3) всех влиятельных деятелей коммунистической партии Советского Союза и примыкающих к ней органи-

**ФОТОКОПИИ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОДЛИННЫХ ДОКУМЕНТОВ,
ПРИВЕДЕННЫХ В ТЕКСТЕ
СООБЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ**

№ 2

Анлаге: 1

Richtlinien für die Aussonderung
verdächtiger sowjetrussischer Kriegs-
und Zivilgefangener des Ostfeldzugs
in den Kriegsgefangenen- und Durch-
gangslagern im rückwärtigen Heeresgebiet.

Die Abstellung der Sonderkommandos der Sicherheits-
polizei und des SD erfolgt nach Vereinbarung zwischen dem
Chef der Sicherheitspolizei und des SD mit dem OXH v.
7.10.41 (s. Anlage 2).

Die Kommandos arbeiten auf Grund besonderer Br-
mäntigung und gemäß den ihnen erteilten allgemeinen
Richtlinien im Rahmen der Lagerordnung in eigener Verant-
wortlichkeit selbstständig. Es ist selbstverständlich, daß
die Kommandos mit den Lagerkommandanten und Abwehroffizie-
ren engste Fühlung halten,

№ 3

Dadurch hat

der bolschewistische Soldat jeden Anspruch auf Behandlung
als ehrenhafter Soldat und nach dem Genfer Abkommen ver-
loren.

№ 4

Vor allem sind ausfindig zu machen:

- 1) Alle bedeutenden Funktionäre des Staates
und der Partei, insbesondere Berufs-
revolutionäre,
- 2) Funktionäre der Femintern,
- 3) alle maßgebenden Parteifunktionäre der
KPd SU und ihrer Nebenorganisationen in
den Zentralkomitees, den Gau- und Gebiets-
komitees,
- 4) alle Volkskommissare und ihre Stell-
vertreter,
- 5) alle ehem. Polit. Kommissare der
Roten Armee,
- 6) die leitenden Persönlichkeiten der
Zentral- und Mittelinstanzen bei den
Staatl. Behörden,
- 7) die führenden Persönlichkeiten des
Wirtschaftslebens,
- 8) die sowjetrussischen Intelligenzler
und Juden, soweit es sich um Berufs-
revolutionäre oder Politiker, Schrift-
steller, Redakteure, Korrespondenten-Ange-
stellte usw. handelt.

заций в Центральном Комитете, в районных и областных организациях,

- 4) всех Народных Комиссаров и их заместителей,
- 5) всех бывших политкомиссаров Красной Армии,
- 6) руководящих лиц государственных учреждений центрального и среднего звеньев,
- 7) руководящих лиц в хозяйственной жизни,
- 8) советско-русских интеллигентов и евреев, поскольку это касается профессиональных революционеров или политических деятелей, писателей, редакторов, работников Коминтерна и др.» (См. фотокопию № 4).

В «дополнении к директивам для команд полиции безопасности и СД», подписанном Гейдрихом, датированном: «Берлин, 17 июля 1941 года», прямо указывается на необходимость применять аналогичные меры не только к русскому народу, но и к украинцам, белорусам, азербайджанцам, армянам, грузинам, тюркским народностям и др.

Следует отметить, что кровавые расправы проводились гитлеровцами и над теми украинцами-националистами, которых Гитлер использовал вначале для борьбы против Советского Союза, а затем разделался с ними самым гнусным и коварным образом, под предлогом якобы того, что бандеровцы «готовили восстание». В директиве оперативной команды Ц/5 полиции безопасности и СД за № 12/41 от 25 ноября 1941 г. с грифом «секретно, государственной важности» в отношении, например, украинских националистов, возглавлявшихся Бандерой, говорится:

«Все активисты бандеровского движения должны немедленно арестовываться и после тщательного допроса должны быть без шума ликвидированы под видом грабителей...

Этот документ, после ознакомления с ним, должен быть немедленно уничтожен начальством команды» (подчёркнуто в подлиннике). (См. фотокопию № 7).

Правящая гитлеровская клика систематически проверяла выполнение своих директив в отношении выявления «подозрительных», требовала строгого и полного их учёта. В приложении № 2 к оперативному приказу № 8 начальника полиции безопасности и СД строго предписывается:

«Каждую неделю начальник оперативной команды представляет в Главное управление имперской безопасности краткое донесение по телеграфу или срочным письмом. В этом донесении должны быть изложены: 1) краткое описание деятельности за прошедшую неделю; 2) число лиц, которые должны окончательно считаться подозрительными (достаточно указать цифру)...»

Из документов видно, что эти «экзекуции» являлись не чем иным, как истреблением советских людей, которые массами подвергались казням, творимым немецко-фашистскими палачами.

4. Попытки немецко-фашистских убийц скрыть свои преступления

Жестоко и бесчеловечно расправляясь с советскими людьми, попавшими в руки фашистско-немецкого зверья, германские власти тщательно старались скрыть свои преступления, пытаясь окутать эти злодеяния густым покровом тайны. Об этом также свидетельствуют многочисленные приказы немецкого военного командования и немецкой полиции.

В оперативном приказе начальника полиции безопасности и СД № 8 от 17 июля 1941 года по этому поводу указывается:

«Экзекуции должны проводиться не в самом лагере и не в непосредственной близости от него, они негласны и должны производиться, по возможности, незаметно».

Далее в приложении № 2 к этому же приказу говорится:

«Экзекуции не должны производиться в лагере или в непосредственном соседстве с лагерем. Если лагеря генерал-губернаторства находятся в непосредственной близости от границы, то пленных для специальной обработки следует, по возможности, отвозить в бывшие советские районы. Если экзекуции потребуются вследствие нарушения лагерной дисциплины, то в этом случае начальник оперативной команды должен обратиться к коменданту лагеря». (См. фотокопию № 6).

В приложении № 2 к приказу ставки верховного командования германской армии № 11, датированному 7/X—1941 года, говорится:

«б) Деятельность зондеркоманд с санкции командующих армейским тылом (районных комендантов по делам военнопленных) должна проходить так, чтобы фильтрация проводилась, по возможности, незаметно, а ликвидация без промедления и на таком расстоянии от самих пересыльных лагерей и населённых пунктов, чтобы это не было известно остальным военнопленным и населению».

В приложении № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД, датированному «Берлин, 29 октября 1941 года, № 21 Б/41 г. Рс—IV А 1ц, секретно, государственной важности», рекомендуется следующий «порядок» проведения «экзекуций»:

«Начальники оперативных групп под свою ответственность решают вопросы об экзекуции и дают соответствующие указания зондеркомандам.

Для проведения установленных данными директивами мер командам надлежит требовать от руководства лагерей выдачи им пленных. Верховным командованием армии дано указание комендатурам об удовлетворении подобных требований.

Экзекуции должны производиться незаметно, в удобных местах и, во всяком случае, не в самом лагере или в непосредственной близости от него. Необходимо

следить за немедленным и правильным погребением трупов».

В дополнении к директивам для командированных в лагери военнопленных команд полиции безопасности и СД, подписанном Гейдрихом, ещё раз указывается:

«Наконец, я вновь указываю на то, что экзекуции ни в коем случае не должны совершаться ни в самом лагере, ни в непосредственной близости от него».

«Экзекуции» приняты с течением времени столь широкие размеры, что гитлеровцы, как это известно из предыдущих сообщений Чрезвычайной Комиссии, стали их проводить и в самих лагерях или вблизи лагерей.

Впоследствии, когда Красная Армия стала очищать от немецко-фашистских полчищ временно оккупированные ими территории Советского Союза и когда советские власти стали раскрывать чудовищные преступления фашистских извергов, обнаруживая многочисленные могилы замученных фашистами советских граждан, бойцов и офицеров, германское командование приняло срочные меры к тому, чтобы скрыть и уничтожить следы своих преступлений. В этих целях немецкое командование организовало повсеместные раскопки могил и сжигание находившихся в этих могилах трупов. Особым приказом оберштурмфюрера, датированным «Ровно, 3 августа 1943 г. IV А 1—№ 35/43сс», адресованным областному руководителю жандармерии в Камень-Каширске, предписывалось «немедленно сообщить о местонахождении и количестве могил (общих) особо-репрессированных» по данной области.

Среди документов, обнаруженных в здании гестапо в Ровенской области, найдены донесения об исполнении указанного выше приказа с перечнем около 200 пунктов, где были зарегистрированы такие могилы. Из этого списка видно, что немецко-фашистские палачи выбирали для могил, в которые закапывали свои жертвы, преимущественно глухие и малодоступные для посторонних лиц места. Вот часть таких мест:

ФОТОКОПИИ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОДЛИННЫХ ДОКУМЕНТОВ,
ПРИВЕДЁННЫХ В ТЕКСТЕ
СООБЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

№ 5

А н л а ж к а 2:

А н т и в

Berlin, den 17. Juli 1941

R i c h t l i n i e n

für die in die Stalags abzustellenden Kommandos
des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD.

- - -

Die Abstellung der Kommandos erfolgt nach der Vereinbarung zwischen dem Chef der Sicherheitspolizei und des SD und dem OKW. vom 16.7.41 (siehe Anlage 1).

Die Kommandos arbeiten aufgrund besonderer Ermächtigung und gemäß der ihnen erteilten allgemeinen Richtlinien im Rahmen der Lagerordnung selbständig. Es ist selbstverständlich, daß die Kommandos mit dem Lagerkommandanten und dem ihm zugeteilter Abwehroffizier engste Fühlung halten.

Für die Durchführung ihrer Aufgabe können den Kommandos Hilfsmittel nicht zur Verfügung gestellt werden. Das "Deutsche Fahndungsbuch", die "Aufenthaltsermittlungsliste" und das "Sonderfahndungsbuch "UdSSR" werden sich in den wenigsten Fällen als verwertbar erweisen; das "Sonderfahndungsbuch "UdSSR" ist deshalb nicht anzureichen, weil nur ein geringer Teil der als gefährlich zu bezeichnenden Sowjetrassen darin aufgeführt ist.

№ 6

Exekutionen dürfen nicht im Lager oder in unmittelbarer Umgebung des Lagers durchgeführt werden. Befinden sich die Lager im Generalgouvernement in unmittelbarer Nähe der Grenze, so sind die Gefangenen zur Sonderbehandlung möglichst auf ehemals sowjetrussisches Gebiet zu verbringen.

Sollten aus Gründen der Lagerdisziplin Exekutionen erforderlich sein, so hat sich diesbezüglich der Leiter des EK. an den Lagerkommandanten zu wenden.

Über die durchgeführten Sonderbehandlungen haben die Kommandos Listen zu führen;

78. Шепетовка, в лесу — 3 могилы.

79. Славута, в разработках гравия — 1 могила.

80. Славута, в лесу — 1 могила.

121. Горохов, в 1 км. южнее Горохова, в 100 м. от дороги на Дрешкополь — 1 могила.

Городское кладбище, в западном углу, справа — 1 могила.

В карьере кирпичной глины южнее Горохова — 1 могила.

123. Берестечко, во дворе жандармских казарм, примерно в 500 м. севернее совхоза Наренчин — 1 могила.

124. Локачи, в 1 км. южнее города (в карьере кирпичной глины) — 1 могила.

125. Кизелин, примерно в 1 км. северо-западнее Кизелина, около развалин здания — 1 могила.

140. Ковель, Нагорная ул., в песчаном карьере, в 400 м. за сев. казармами — 1 могила.

Нагорная ул., северо-вост. от города, в песчаном карьере, справа от дороги — 1 могила.

Владимирская ул., ок. еврейского кладбища — 1 могила.

В тюремном саду — 1 могила.

Площадная ул., ок. старого кладбища — 1 могила.

142. Ратно, в 3 км. восточнее города, ок. ветряной мельницы — 1 могила.

143. Крымно, в 2 км. северо-западнее ок. озера — 1 могила.

144. Мацеев, Меловой карьер, в 200 м. за казармами охр. полиции — 1 могила.

145. Голобы, в лесу 4 км. сев.-зап. от города — 1 могила.

146. Мельницы, в 2 км. западнее Мельницы, ок. песчаного карьера — 1 могила.

147. Маневичи, 2,5 км, зап. от города в песчаной горе — 1 могила.

149. Осерани, в 5 км. сев.-зап. от деревни, в песчаном карьере — 1 могила.

В конце списка говорится: «В списке предусмотрены все могилы, включая и могилы команд, работавших здесь раньше».

Десятками тысяч сжигались трупы расстрелянных и замученных немецкими палачами военнопленных и мирных советских граждан в Харькове, Киеве, Ровно и в ряде других городов и районов по пути отступления гитлеровской армии.

С целью проверки точного выполнения своих директив о массовом истреблении советских военнопленных и мирных граждан гитлеровская правящая клика требовала представления отчётности от непосредственных исполнителей «экзекуций».

Начальник полиции безопасности и СД в приложении № 2 к своему оперативному приказу № 8 требовал от начальников зондеркоманд:

«В отношении применённых репрессий команды должны вести списки, в которых должны содержаться следующие сведения: номера по порядку, фамилии и имена, время и место рождения, воинское звание, профессия, последнее местожительство, основания для репрессии, время и место репрессии».

Далее в приказе говорилось, что

«Подобные сообщения должны, как правило, в информационном порядке передаваться в 1 отдел IV Управления Главного управления имперской безопасности (IV A 1)».

В развитие этой директивы оперативная команда Ц 5 полиции безопасности и СД уточняет:

«В конце каждого месяца необходимо представлять сюда отчёт о деятельности команд СД в стационарных лагерях военнопленных. Необходимо указывать количество ликвидаций по национальностям, в соответствии с изложенными в инструкциях директивами».

О том, как все вышеуказанные директивы выполнялись, говорит донесение оперативной команды 7 (оберштурмбанфюрера Липера бригадфюреру «доктору» То-

масу) в Виннице от 4 декабря 1941 года. В этом донесении указывается, что в лагере в Виннице, после так называемой «фильтрации» лагеря, осталось всего 25 человек, которые могли быть отнесены к категории «подозрительных».

«Это ограниченное количество, — говорится в донесении, — объясняется тем, что местные органы повседневно предпринимали необходимые мероприятия по линии полиции безопасности против отрицательных элементов в стационарных лагерях военнопленных в контакте с комендантами или соответствующими офицерами контрразведки».

Таким образом, помимо массовых казней, проводившихся специально созданными для этого «зондер-командами», широко практиковалось систематическое истребление советских людей комендантами и находящимися в их подчинении командами лагерей для советских военнопленных.

5. Гитлеровцы преступно попирают нормы международного права, законы и обычаи ведения войны

Формально гитлеровские бандиты никогда не объявляли о том, что они отказываются от международных правил ведения войны, которые зафиксированы в различных международных конвенциях и требуют гуманного обращения с военнопленными. Больше того, гитлеровское правительство в 1934 году даже ратифицировало Женевскую конвенцию 1929 года «О содержании военнопленных».

Но это присоединение гитлеровского правительства к международным конвенциям о военнопленных было рассчитано на обман мирового общественного мнения, что получило своё подтверждение с начала этой войны и особенно со времени подлого нападения гитлеровской Германии на СССР.

В приложении № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД цинично заявляется, что

«большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с честным солдатом и в соответствии с Женевской конвенцией». (См. фотокопию № 3).

Свои чудовищные преступления против советских военнопленных гитлеровские бандиты пытаются, таким образом, прикрыть циничными ссылками на якобы неприменимость общепринятых правил обращения с военнопленными к советским людям.

Документально также установлено, что в преступные планы немецко-фашистского командования и полиции входило применение «экзекуций» и «очистительных мер», т. е. массового истребления и в отношении польской интеллигенции. В этом не оставляет никакого сомнения оперативный приказ № 2 начальника полиции безопасности и СД, помеченный: «Берлин, 1 июля 1941 года», в котором говорится следующее:

«Поляки, проживающие во вновь оккупированных областях, особенно на территории бывшей Польши, будут проявлять себя на основе их опыта как антикоммунистически, так и антисемитски».

«Поэтому, само собою разумеется, что настроенных таким образом поляков на *первых порах* (подчёркнуто Чрезвычайной Комиссией) не следует подвергать очистительным мероприятиям.

В отношении польской интеллигенции и т. д., поскольку в каждом отдельном случае обстоятельства не потребуют принятия немедленных мер, решение может быть принято позднее».

Как уже было установлено, такие решения неоднократно принимались. Такие «очистительные мероприятия» были действительно, как известно, проведены немецкими убийцами в отношении польских офицеров в Катынском лесу.

ФОТОКОПИИ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОДЛИННЫХ ДОКУМЕНТОВ,
ПРИВЕДЁННЫХ В ТЕКСТЕ
СООБЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

№ 7

Einatzkommando C/5
der Sicherheitspolizei u. d. SD
- Kdo - Tgbf. Nr. 72432/41.

O.U., den 25. November 1941.

S.R.S.

12

An die
Ausseeposten

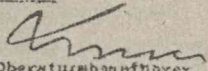
Kiew
Dojeproptrowek
Nikolajew
Rowno
Shtomir
Winniza.

Betr.: OUN (Bandera-Bewegung)

Es wurde einwandfrei festgestellt, dass die Bandera-Bewegung einen Aufstand im Reichskommissariat vorbereitet mit dem Ziel, eine unabhängige Ukraine zu schaffen. Alle Funktionäre der Bandera-Bewegung sind sofort festzunehmen und nach einer eingehenden Vernehmung als Plünderer in aller Stille zu liquidieren.

Die Vernehmungsprotokolle sind dem Einsatzkommando C/5 zu übersenden.

Dieses Schreiben ist nach Kenntnisnahme durch den Kommandoführer sofort zu vernichten.


H-Obersturmbannführer.

6. К суровому ответу гитлеровское правительство и германское военное командование — организаторов чудовищных преступлений!

Все приведённые выше тайные приказы и инструкции германского военного командования и полиции со всей убедительностью говорят о тщательно разработанной гитлеровцами системе массового истребления советских людей в виде особо организованного для этих чудовищно преступных целей аппарата, всяких «оперативных команд», «зондеркоманд», специальных «фильтраций», «экзекуций», «ликвидаций», являвшихся не чем иным, как массовым убийством советских военнопленных и мирных советских граждан.

Эти приказы и инструкции говорят о том, что:

1) немецко-фашистские захватчики уже в первые же месяцы войны с СССР приступили к массовому истреблению как гражданского населения СССР, так бойцов и командиров Красной Армии, попавших в плен;

2) массовое истребление населения и военнопленных было предписано и проводилось по согласованию между органами полиции безопасности и СД и верховным командованием германских вооружённых сил;

3) для физического выполнения «экзекуций» составлялись «оперативные» и «особые команды» (зондеркоманды), имевшие право самостоятельно решать вопрос о применении расстрелов;

4) расстрелы военнопленных и гражданского населения немцы старались проводить тайно, чтобы остальные военнопленные и гражданское население ничего об этом не знало;

5) в отдельных случаях предписывалось специально привозить советских военнопленных для расстрела на оккупированную немцами территорию Советского Союза.

Публикуемые документы указывают, таким образом, на то, что директивы о преднамеренном истреблении военнопленных и мирных советских людей шли из Бер-

лина, от германского правительства и верховного германского командования, от имперского министра оккупированных восточных областей, начальника безопасности и СД и других членов гитлеровской шайки преступников.

* * *

Чрезвычайная Государственная Комиссия на основании материалов, публикуемых в настоящем сообщении, а также на основании документальных материалов, ранее опубликованных Комиссией по результатам расследования злодеяний, совершённых немецко-фашистскими захватчиками в освобождённых от немецкой оккупации советских районах, — установила, что:

1) Непосредственными организаторами и руководителями массового уничтожения советских военнопленных и мирных советских людей являются: начальник лагерей военнопленных 1-го Военного округа Восточной Пруссии генерал-майор фон Гинденбург, начальник лагерей военнопленных «генерал-губернаторства» генерал-лейтенант Геррготт, офицеры связи криминальрат Шиффер, криминалькомиссар Рашвиц.

2) Непосредственными исполнителями этого чудовищного истребления советских людей являются личный состав зондеркоманд, оперативных команд, коменданты и персонал комендатур лагерей, а также их пособники.

Все они должны понести суровую кару за свои преступления, совершённые против советского народа.

Опубликовано в газете «Известия» № 60
от 11 марта 1944 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 10 марта 1944 года, Протокол № 27.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПУТЁМ ЗАРАЖЕНИЯ СЫПНЫМ ТИФОМ

Чрезвычайная Государственная Комиссия в своих предыдущих сообщениях опубликовала ряд документов, изобличающих гитлеровское правительство и верховное командование германской армии в массовом истреблении мирного советского населения. С особой жестокостью немецкие оккупанты и их сообщники проводили истязания, пытки и массовые убийства советских людей в концентрационных лагерях, организуемых в тылу германской армии. Не только военные, но и все другие оккупационные власти прикрывали создание этих лагерей потребностями эвакуации советского населения из прифронтовой полосы.

«Лагери смерти» для советских людей у переднего края немецкой обороны

В настоящее время установлено, что немецко-фашистские мерзавцы, в связи с поражениями германской армии на советско-германском фронте и с изменившейся обстановкой, начали широко практиковать новые зверские способы истребления советских людей. Одним из

таких способов является распространение эпидемии сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, для чего гитлеровцы, как это выяснилось, организуют у переднего края своей обороны специальные концентрационные лагеря.

19 марта 1944 года наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи, Полесской области, Белорусской ССР, обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков. Эти лагеря размещались: первый—на болоте у посёлка Дерт; второй—в 2 километрах северо-западнее местечка Озаричи; третий—на болоте в 2 километрах западнее деревни Подосинник.

Специальная комиссия в составе: Председателя Совнаркома Белорусской ССР Пономаренко П. К., депутата Верховного Совета Белорусской ССР Грековой Н. Г., действительного члена Белорусской Академии Наук Якуба Коласа, депутата Верховного Совета СССР Гришко Г. Е., генерал-майора интендантской службы Саковича А. Н., начальника санитарной службы армии подполковника Колодкина В. Н. с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Кудрявцева Д. И.—расследовала обстоятельства, связанные с созданием этих лагерей.

Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесённую колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже лёгкого типа, на территории лагерей не было. Заключённые размещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заключённым было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей

там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощённым и нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР. Среди освобождённых из лагерей детей до 13-летнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин — 13 072 и стариков — 4 448. Расследованием установлено, что фашистские мерзавцы сгоняли всё мирное советское население в пересылочные лагеря под видом эвакуации населения из прифронтовых районов.

В городе Жлобин немецкая комендатура объявила по радио следующее воззвание к населению: «Граждане города Жлобин, германское командование направляет вас в глубокий тыл, так как красноармейцы вас будут обстреливать из артиллерии и миномётов. Желая спасти вас от большевистских зверств, мы эвакуируем вас в глубокий тыл. Берите с собой все вещи, лошадей, телеги, скот. Берите с собой котелки и ложки, так как по дороге вы будете обеспечены горячей пищей. Слушайте немецкого солдата, не скрывайтесь и не убегайте. Весь город оцеплен немецкими войсками. Всякий, пытающийся скрыться или бежать, будет застрелен. Выходите на улицу и двигайтесь, куда вам укажут немецкие солдаты».

По заранее разработанному плану немецко-фашистские власти организовали пересылочные пункты, в которые сгоняли всё мирное население. В них немцы предварительно отбирали трудоспособных мужчин, женщин и детей свыше 13-летнего возраста и отправляли на каторжные работы в Германию, остальных детей и нетрудоспособных взрослых направляли в концентрационные лагеря у переднего края обороны.

В период с 9 по 13 марта 1944 года гитлеровцы под усиленным конвоем СС и охранный полиции согнали в лагери в районе местечка Озаричи десятки тысяч советских людей из пересылочных пунктов, расположенных в районах станций Рудобелка, Рабкор, Старушка, Красный Берег и населённых пунктов Микуль-Городок, Порослище, Медведевка.

«12 марта 1944 года на рассвете, — сообщила учительница Е. Маз, — нас, жителей города Жлобин, немцы согнали за линию железной дороги, к зданию школы. Здесь они отобрали всех трудоспособных, а оставшихся стариков, детей и женщин погрузили в эшелон по 60—70 человек в холодные, неотапливаемые вагоны. В исключительно тяжёлых антисанитарных условиях, в холоде и грязи нас довезли до станции Рабкор и погнали в лагерь, расположенный в 3 километрах от станции. От холода и голода много детей замёрзло и умерло в вагонах, много погибло стариков, женщин и детей по дороге в лагерь».

Освобождённая из лагеря Л. Пекарская сообщила комиссии: «12 марта 1944 года под вечер нас, жителей города Жлобин, заставили собраться в течение получаса на станции Жлобин-Южная. Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали, но все предчувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колено в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идёт женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое её детей в ужасе оборачиваются, солдаты-звери поочерёдно стреляют и в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребёнок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но

ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба — немцы застрелили их».

Лисовая А. И. из села Малецкая Рудня сообщила: «В пути следования в лагерь группа усталых советских людей присела отдохнуть. Гестаповец, конвоировавший нас, натравил собак, которые сильно искусили Квитковскую и других».

«На моих глазах, — сообщил житель совхоза «Авангард» Буслов М. П., — была убита в лагере немцами гражданка Крек из деревни Михайловская — мать троих детей за то, что вышла на несколько шагов за колючую проволоку, чтобы собрать сучья для костра».

Жительница деревни Ковальки Манько Х. О. показала: «Рядом с проволокой, которой был обнесён лагерь, были вырыты канавы, заполненные грязной болотной водой. В канавах валялось много разложившихся трупов. Воды для питья нам немцы не давали, и мы вынуждены были брать её из этих канав».

Житель села Гадуни Безнивец П. Н., содержавшийся в лагере, сообщил: «Лагерь, в котором я находился, был обнесён колючей проволокой и заминирован. Заключённые, пытавшиеся выйти за пределы лагеря за водой или дровами, избивались и расстреливались. Так была убита мать 4 детей Мокряк П. А. из села Слобода, Домановичского района».

У заключённых в лагерях советских граждан немецко-фашистские захватчики отбирали носильные вещи и сохранившиеся ценности.

Щуляренко Л. Д. из деревни Давидовичи показала: «В лагерь пришли 50 человек немецких солдат. В руках у них были палки. Они осматривали заключённых, у кого находили хорошую одежду или обувь, отбирали её. Кто сопротивлялся, того избивали палками. Я сама видела, как немецкие солдаты стаскивали с женщин платки, пальто и обувь».

Умышленное распространение немецко-фашистскими палачами эпидемии сыпного тифа среди советского населения

На основании материалов указанной выше комиссии членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайниным И. П. и судебно-медицинской экспертной комиссией было произведено дополнительное расследование, которым было установлено, что немецкие военные власти преднамеренно, с целью распространения сыпного тифа, размещали сыпнотифозных больных вместе со здоровым населением, заключённым в концентрационные лагеря у переднего края немецкой обороны. Сыпнотифозные больные свозились немцами в эти лагеря из населённых пунктов Полесской, Минской, Гомельской и других областей Белорусской ССР.

Жительница деревни Заболотье Лабезникова М. Б., содержащаяся в лагере, сообщила комиссии: «К нам в дом пришли немцы. Узнав, что я больна тифом, они в тот же день прислали двух солдат и на лошади отвезли меня в лагерь».

Шептунова О. А. из деревни Солоновое рассказала: «Всё население нашей деревни немцы согнали в деревню Воротынь, где было много больных сыпным тифом. Потом всех жителей деревни Воротынь вместе с больными отправили в концентрационный лагерь; находившийся в районе местечка Озаричи».

Освобождённая из лагеря Митрахович П. С., жительница села Ново-Белица, показала: «Нас, больных сыпным тифом, повезли в район деревни Микуль-Городок, в лагерь, огороженный колючей проволокой».

Жительница местечка Новогрудок Гаврильчик З. П. сообщила: «В течение 3 суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые, заключённые в лагере, заболели. В ночь с 15 на 16 марта умерло от сыпного тифа очень много заключённых».

Жительница деревни Пганцы Е. Душевская показала: «Нас, больных сыпным тифом, немцы перевезли в лагерь из деревни Ковчицы, Паричского района. Мы знали, что можем заразить здоровых, просили немцев отделить нас от здоровых, но они не обратили никакого внимания».

Фашисты размещали в лагерях у переднего края обороны не только здоровых и больных, переведённых из пересылочных пунктов, но и специально завозили в них советских граждан, больных сыпным тифом, из больниц и лазаретов.

Больная Третьякова Н. П. из деревни Замошаны сообщила: «Я заболела в середине февраля месяца, после чего была помещена в больницу деревни Лески. В больнице лежала на полу, не раздевалась. Никакого лечения не было. Потом меня из больницы немцы направили в концентрационный лагерь около деревни Дерт».

Широков Г. С., житель города Жлобин, показал: «12 марта из Жлобинской больницы вывезли 200 человек больных сыпным тифом. Все больные были посланы в лагерь».

Романенко И. О. сообщил комиссии: «Находясь в заключении в концлагере, я видел большую группу жителей города Жлобин, больных тифом. Они лежали на мокрой земле, в грязи. Среди них были мёртвые. Несколько человек, будучи в бреду, ползали по грязи. Врачей не было. Среди больных я видел граждан города Жлобина Щуклина и Гурскую. Они сообщили мне, что их, больных тифом, вывезли в лагерь из городской больницы».

Аналогичные показания дали комиссии бывшие заключённые концентрационных лагерей, советские граждане: Жданович Д. Г., Зайцева О. А., Русинович Х. Т., Решотко Т. И., Анисимова М. Т., Дрөбеза И. Р., Новик Л. К., Верос П. Я., Коваленко А. Е., Бондаренко В. Ф., Давыденко М. В. и многие другие.

Таким образом, преднамеренный вывоз немцами тифозных больных в лагерь, с целью распространения сыпнотифозной эпидемии среди советского населения, неопровержимо доказан многочисленными показаниями советских граждан, которые были принудительно отправлены немецкими властями в концентрационные лагеря на 5, 7, 8, 9 день заболевания тифом.

Вот ряд документально установленных случаев такого рода, составляющих, однако, ничтожную часть всех зарегистрированных многочисленных фактов:

Болейко Е. П. из села Барбару была направлена в лагерь на седьмой день заболевания тифом, причём её четверо детей: Николай 11 лет, Нина 9 лет, Любовь 7 лет, Василий 5 лет заболели уже по пути в лагерь. На 5—9 день болезни тифом в лагерь были отправлены Крек из с. Слобода, Новик Л. К. из с. Юрки, Коваленко А. Е. из с. Ломовичи, Пархоменко А. из д. Замощаны, Решетко М. М. из с. Хомичи, Получн Н. Е. из д. Детбин, Голубь М. И. из с. Подветки, Крук Т. П. из с. Годуни, Евстратовская из с. Ковальки и многие другие.

В концентрационных лагерях заболели тифом: Земжецкая М. Д. из с. Буда, Романов И. из д. Белица, Венцов И. из с. Заполье, Белько П. из д. Волосовичи, Пощен М. З. из дер. Порослище, Дроздова В. С. из д. Комаровка, Ящур А. М. из д. Иванище, Пацай М. И. из д. Гар, Дайнеко Ф. Д. из д. Пружилище, Козлова Т. из д. Новосёлки, Шкутова Ф. С. из д. Годиновичи, Грыжкова А. С. из д. Радужа, Антоник Е. из д. Трельцы, Удот А. из д. Закеричи и многие другие.

Командование германской армии специально посылало в лагеря у переднего края обороны своих агентов, которым было вменено в обязанность следить за распространением эпидемии сыпного тифа среди населения, а также среди частей Красной Армии.

Задержанный немецкий агент разведывательной группы 308 Расторгуев Ф. показал: «11 марта 1944 года я в сопровождении обер-лейтенанта немецкой армии —

начальника группы 308 Керст был доставлен на автомашине на железнодорожную станцию, расположенную в 40—45 километрах южнее города Глуск. Вечером он сказал мне, что я на некоторое время посылаюсь в лагерь для гражданского населения, расположенный в 30 километрах от этой станции. Керст объяснил мне, что в этом лагере находится до 40 тысяч мирных советских граждан, из которых до 7 тысяч больных сыпным тифом, что в ближайшие 3—4 дня в этот лагерь будет брошено ещё до 20 тысяч лиц гражданского населения. Здесь же мне сделали противотифозную прививку.

Задание, данное мне начальником группы 308, заключалось в следующем: прибыть в лагерь, находящийся западнее деревни Озаричи, и быть там, оставаясь незамеченным в массе. Мне надо было установить, что будут делать части Красной Армии с гражданским населением, когда лагеря окажутся в расположении частей Красной Армии, куда направят женщин и детей, как поступят с больными. После того, как я выполню данное мне задание, я должен буду возвратиться на сторону немцев и сообщить о собранных мною сведениях».

Заключение судебно-медицинской экспертизы

Преднамеренное распространение эпидемии сыпного тифа среди мирного советского населения, заключённого германскими войсками в концентрационные лагеря у переднего края обороны, подтверждается также данными судебно-медицинской экспертизы.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе армейского эпидемиолога подполковника Юлаева С. М., армейского судебно-медицинского эксперта майора Алексеева Н. Н. и начальника армейской патолого-анатомической лаборатории майора Бутянина В. М. установила, что в целях заражения советских людей сыпным тифом:

«а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных совет-

ских граждан (эпиданамнезы №№ 158, 180, 161, 164, 178, 183 и др.);

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие (данные эпиданамнеза, клиники и серологических исследований за №№ 2, 8, 10, 15, 16, 17 и другие);

в) в случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагери, немецкие власти применяли насилие (протоколы опроса за №№ 269, 270, 271, 272);

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях. Это подтверждается эпиданамнезами за №№ 138, 139, 149, 166, 175, 180, 40, 49, 50 и протоколом опроса № 273;

д) заражение советского населения сыпным тифом было произведено в период 2-й половины февраля и первой половины марта».

После освобождения района местечка Озаричи Полесской области от немецких оккупантов, с 19 по 31 марта 1944 года командование частей Красной Армии госпитализировало 4 052 советских гражданина, из них детей в возрасте до 13 лет 2 370 человек.

На основании расследования специальной комиссии, заключения судебно-медицинской экспертизы, документальных материалов, а также на основании произведённого расследования членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайниным И. П., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что созданием концентрационных лагерей у переднего края обороны с размещением в них здоровых и сыпнотифозных больных немецкие власти пытались преднамеренно распространить эпидемию сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, что является грубейшим нарушением законов и обычаев ведения войны, признанных цивилизованными народами.

К ответу немецко-фашистских палачей!

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает виновниками всех этих преступлений гитлеровское правительство, верховное командование германской армии, а также командующего 9-й армией генерала танковых войск Харпе, командира 35 армейского корпуса генерала пехоты Визе, командира 41 танкового корпуса генерал-лейтенанта Вейдман, командира 6 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гроссман, командира 31 пехотной дивизии генерал-майора Экснер, командира 296 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Кульмер, командира 110 пехотной дивизии генерал-майора Вайсгаупт, командира 35 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Рихард, командира 34 пехотного полка полковника фон Капф, командира 109 пехотного полка майора Рогилайн, начальника «Абвертрупп 308» обер-лейтенанта Керст.

Все они должны понести суровую ответственность за преступления, совершённые против советского народа.

Опубликовано в газете «Известия» № 103
от 30 апреля 1944 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 29 апреля 1944 года, Протокол № 29.

О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗЛОДЕЯНИЯХ, ПРОИЗВЕДЁННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОРОДЕ НОВГОРОДЕ И В НОВГОРОДСКОМ РАЙОНЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Древний русский город Новгород немецко-фашистские захватчики превратили в груду развалин. Они разрушили исторические памятники, а часть из них разобрали на постройку оборонительных сооружений.

На основании документальных материалов, свидетельских показаний, заключения технической экспертизы специальная комиссия в составе: председателя тов. Штыкова Т. Ф., членов комиссии — депутата Верховного Совета РСФСР Белокуровой К. Д., председателя Исполкома Новгородского Городского Совета депутатов трудящихся Юдина М. В., члена правления Союза советских писателей Груздева И. А., представителя Митрополита Ленинградского и Новгородского — благочинного церквей Ленинградской области протоиерея Ломакина Н. И., заведующего отделом древне-русского искусства Государственного музея Дмитриева Ю. Н., начальника государственной инспекции по охране памятников — архитектора Давыдова С. Н. — установила факты разрушения города Новгорода и уничтожения его мировых художественных сокровищ немецко-фашистскими оккупантами, а также совершённых ими злодеяний над мирными советскими гражданами и захваченными ими в плен офицерами и бойцами Красной Армии.

Разрушение города Новгорода

До Отечественной войны Новгород являлся крупным научным и культурным центром. В нём сохранялись исторические памятники русского искусства и культуры. Здесь находились филиал Института истории Академии Наук СССР, музей, учительский институт, медицинский и автодорожный техникумы, педагогическое училище, фельдшерско-акушерская и фармацевтическая школы.

Немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили древний русский город Новгород. Из 2 346 жилых домов в городе сохранилось только 40. Фашисты разрушили в Новгороде мясокомбинат, хлебокомбинат, обувную и мебельную фабрики, литейный, механический, судоремонтный, лесопильный, два кирпичных и черепичный заводы, судовой верфь, фабрику школьных принадлежностей, железнодорожное депо, ремонтные мастерские НКПС; вывели из строя водопровод, водонапорную и водонасосную станции; разрушили всё электрохозяйство, городскую телефонную станцию, почту, телеграф, радиоузел.

При своём отступлении фашисты расхитили в музее ценнейшие коллекции по археологии, истории и искусству, а здание музея и его художественную галерею разрушили; они разграбили научную библиотеку, редчайшую фототеку и библиографическую картотеку филиала Института истории Академии Наук СССР; разрушили и сожгли учительский институт, техникумы, педагогическое училище, медицинские школы, 5 клубов, 2 кинотеатра, дом Красной Армии, городской театр на 1 040 мест, 3 больницы, 5 амбулаторий, родильный дом, детскую поликлинику, 5 детских яслей, главный корпус психиатрической больницы.

Все разрушения в Новгороде произведены немецко-фашистскими оккупантами преднамеренно и по определённом плану, что подтверждается многочисленными показаниями свидетелей.

Немецкий военнопленный, старший ефрейтор 9-й роты 3-го батальона 1-й авиаполевой дивизии Шмидт Пауль показал: «До начала сентября 1943 года по правому берегу реки Волхов от Новгорода на Хутынь производилось строительство новой шоссейной дороги. Строительный материал подвозился на автомашинах из Новгорода, для чего специально подрывались аммоном городские здания и сооружения».

Из показаний Дерюгиной Пелагеи Николаевны видно, что немецкое командование преднамеренно разрушало лучшие здания города: «В августе 1941 года немцы заставляли советских пленных разбирать кирпичные дома, а кирпич увозили по железной дороге, причём разбирали не разрушенные дома, а именно хорошие».

Разрушения не ограничивались только зданиями. Немцы разрушали и расхищали и другое ценное имущество, вплоть до различных подземных сооружений. Немецкий военнопленный солдат 5-й роты 2-го батальона авиаполевой дивизии Кулик Вальтер показал: «В конце ноября 1943 года я видел, как по дороге из Новгорода на Деревеницы, в районе Погорелиц, солдаты армейской связи выкапывали подземный кабель. По словам этих солдат, медный кабель отправлялся в Германию. В ноябре ими было извлечено до 25 километров такого кабеля».

Разрушение исторических памятников Новгорода

Немецко-фашистские вандалы разрушили и уничтожили в Новгороде величайшие памятники древнего русского искусства. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря, построенном в начале XII века, фашисты разрушили своды и стены башни собора с фресками XII века.

Софийский собор, построенный в XI веке, являлся одним из древнейших памятников русского зодчества, выдающимся памятником мирового искусства. Благодаря фрескам XII века, иконам XII—XVII веков, древним

иконостасам и другому внутреннему убранству, собор представлял собой сокровищницу древне-русского искусства. Здание собора немцы разрушили. Разрушение средней главы собора привело к полному уничтожению фресок; в северо-западной главе разрушены купол и часть стены. Во многих местах пробиты стены, разрушены несколько сводов и верхняя часть северного портала. Гитлеровцы полностью разграбили внутреннее убранство собора, увезли все иконы с иконостатов, древние паникадила, в том числе паникадило, принадлежавшее Борису Годунову.

Установлено, что ограблением Софийского собора непосредственно руководил командир 1-й немецкой авиаполевой дивизии, генерал-майор Вильке.

Немецкий военнопленный, старший ефрейтор 5-й роты 2-го батальона Кулик Вальтер показал: «13 мая 1943 года я проходил через Кремль и видел, как немецкие солдаты снимали с купола церкви позолоченные листы. На земле валялись листы размером не менее одного квадратного метра и толщиной 2—3 миллиметра. Сам генерал-майор Вильке стоял у подножья собора и наблюдал эту картину. Шофёр генерал-майора Вильке рассказывал мне, что Вильке приказал казначею батальона Штинцгофу изготовить для него из золочёных листов блюда, бокалы и чайный сервиз».

Церковь Благовещения на Аркаже XII века с фресками, выполненными в том же веке, была обращена фашистами в дот и казарменное помещение. В окнах алтаря устроены амбразуры, в южном полукружии сооружено деревянное перекрытие на балках, врубленных в стены с древней росписью. В южной стене пробита амбразура. Фрески южного полукружия на значительном участке стены сбиты.

Церковь Успенья на Волотовом поле, памятник новгородской архитектуры XIV—XV веков, немцами превращена в груду камней и кирпича, из-под которых выступают остатки стен; роспись этого храма, выполненная

в XIV веке, являлась одним из лучших произведений монументальной живописи и пользовалась широкой известностью.

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице — один из лучших образцов новгородской архитектуры XIV века, особенно известная своей росписью, выполненной в это же время великим византийским мастером Феофаном Греком. В барабане главы церкви и в верхней части восточной стены оккупанты пробили широкие амбразуры, западную часть здания разрушили, уничтожили средний западный свод, пробили верхние угловые своды. В результате разрушений юго-западный угол отделился от здания широкими трещинами. Значительная часть фресок погибла, а уцелевшие испорчены гитлеровскими солдатами.

Фашисты варварски разрушили знаменитый памятник древнерусского и мирового искусства XII века — церковь Спаса-Нередицы, расписанную внутри всемирно известными фресками. Церковь представляла собой уникальный памятник византийской и русской живописи XII века. Здание церкви немцами превращено в развалины. Гибель памятника является огромной утратой для русской и мировой культуры.

Более чем двухгодичное хозяйничание гитлеровцев в Новгороде привело к разрушению целого ряда и других замечательных памятников древне-русского зодчества. В числе последних особенно пострадали древние башни Кремля: разрушена верхняя часть северо-восточного угла башни Кокуй, нижний свод Спасской башни; на 5 башнях уничтожены покрытия; во Владимирской башне немцы пробили свод. Немецко-фашистскими захватчиками были также разгромлены древние здания в Кремле, относящиеся к XV—XVII векам. Здесь были размещены казармы, солдатские клубы, оружейные мастерские, склады и т. п.

По приказу командующего 18 германской армии, генерал-полковника Линдемана, немецкие варвары разо-

брали и подготовили для отправки в Германию памятник 1000-летия России. Этот памятник был воздвигнут на Кремлёвской площади в 1862 году по проекту известного русского скульптора академика Микешина и запечатлевал в художественных образах основные этапы развития нашей Родины до 60-х годов XIX столетия. Композицию памятника составляли бронзовые фигуры виднейших русских государственных, общественных и военных деятелей, а также выдающихся деятелей науки и искусства, являющихся лучшими представителями величия культуры и творческого развития русского народа. Гитлеровские варвары разобрали памятник на части, разбили скульптурные изображения. Но отправить памятник, как металлический лом на сплав, фашистам не удалось. Советские воины выбили их из Новгорода.

Немецкий военнопленный, старшина 10-й роты 49-го егерского полка 28-й лёгкой пехотной дивизии штабс-фельдфебель Иоган Поде показал: «В начале января 1944 года я видел, что памятник был разобран по частям, каждая часть была занумерована. Я слышал из разговоров солдат, что генерал-полковник Линдемман приказал разобрать памятник и перевезти его в Германию». Другой военнопленный, солдат 1-й роты 1-го батальона 1-й авиаполевой дивизии Вальтер показал: «8 января 1944 года я видел, как солдаты снимали фигуры с находящегося в Кремле памятника. Я слышал, что памятник разбирается для отправки в Германию».

Таких показаний, уличающих немецко-фашистскую солдатчину в грабеже и вандализме, имеется немало.

Истребление мирных советских граждан и военнопленных

Специальная комиссия установила многочисленные факты планомерного истребления немецкими оккупантами мирных советских граждан и военнопленных. В Колмовской психиатрической больнице находилось на

излечении 800 человек больных. В ноябре — декабре 1941 года все эти больные были гитлеровцами умерщвлены. В октябре 1941 года фашистские изверги замучили и убили 250 человек больных Хутынской больницы. В деревнях Кшентицы и Заолешье гитлеровцы уничтожили 30 человек жителей, среди них были женщины, старики и даже 2 грудных ребёнка. Зарегистрированы многочисленные факты истребления также и вообще мирного советского населения. Так, в совхозе «Заверяжские Покосы» весной 1942 года немцы расстреляли жителя города Новгорода Масальского Семёна Васильевича вместе с его семьёй и родными. В этом же совхозе немцы расстреляли ещё 25 человек, в большинстве женщин и детей. В деревне Жестяная Горка немецкий карательный отряд истребил свыше 2 000 мирных жителей.

В Новгородском районе немцами было организовано в бараках и сараях 10 лагерей для советских военнопленных. Эти лагеря были расположены на территории совхозов «Заверяжские Покосы», «Чайка», на черепичном заводе, в деревнях Вяжище, Люболяды, Григорово и в других. Военнопленные содержались здесь в тяжёлых антисанитарных условиях, подвергались побоям и истязаниям. В результате голода, непосильного труда, расстрелов только в 6 лагерях Новгородского района из 5 000 человек военнопленных к концу 1943 года уцелело 336 человек.

Немецко-фашистские изверги подвергали советских людей и особенно попавших к немцам в руки советских военнослужащих жестоким пыткам и истязаниям. В деревне Осия комиссия обнаружила 30 трупов советских военнопленных, на телах которых имелись следы пыток. Из них опознаны: лейтенант Калмыков А. Ф., ефрейтор Попов М. Г., боец Ситник М. И. и другие.

Гражданин Кузнецов Даниил Фёдорович, житель деревни Малое Подосенье, сообщил комиссии, что «военнопленные работали на дороге, они были голодные, распухшие; каждую ночь из лагеря выносили мертвецов, и

я видел, как люди умирали на работе». Немецкие конвоиры всегда носили, кроме оружия, дубинки. Избиение советских людей у них было системой. Жительница совхоза «Заверяжские Покосы» сообщила: «Я сама лично видела, как падавших с ног советских военнопленных немецкие солдаты тут же на работе или на дороге расстреливали».

Пленный унтер-офицер полевой жандармерии Ионда сообщил комиссии: «Мне известно, что немцы широко практиковали расстрелы советских военнопленных. Расстреливали больных, слабосильных и тех, кто не был в состоянии двигаться».

Угон советских граждан в немецкое рабство

По приказу командующего 1-й германской авиаполевой дивизией генерал-майора Вильке, немецкий комендант города капитан Руф в сентябре — ноябре 1943 года организовал насильственный угон в Германию тысяч мирных советских граждан.

Немецкий военнопленный, старший ефрейтор штаба 2-го батальона Хенген Роберт по поводу насильственного угона советских людей в Германию сообщил следующее: «В сентябре 1943 года комендант города капитан Руф, используя солдат дивизионного обоза, произвёл выселение всего русского населения из Новгорода и его района. Русским жителям был дан срок 3 часа для того, чтобы они упаковали и забрали свои вещи. Солдаты нашего батальона, сопровождавшие выселяемых, рассказывали, что им жутко было наблюдать, как плакали русские женщины и дети, вынужденные оставлять свои родные селения».

За отказ выехать на работу в Германию фашисты подвергали советских людей избиениям и расстрелам.

В результате насильственного угона населения в немецкое рабство при освобождении Новгорода от

фашистских оккупантов в нём осталось только 30 жителей, а в Новгородском районе из 80 тысяч граждан после освобождения района от немецко-фашистских захватчиков зарегистрировано только 900 человек.

Разрушение государственных предприятий и колхозов Новгородского района

Новгородский район имел развитое сельское хозяйство, лесную, торфяную промышленность. За время оккупации гитлеровцы сожгли и разрушили 96 сёл и деревень. Из 8 849 жилых домов оккупанты уничтожили 5 630 и частично разрушили 1 705; из 76 школ сожгли 75, в том числе: 3 средних, 13 неполных средних и 59 начальных школ, в которых обучалось свыше 15 тысяч человек; сожгли 3 больницы, 10 фельдшерско-акушерских пунктов, 7 сельских зоопунктов, контрольно-семенную и ветеринарную лаборатории, инкубаторную и метеорологическую станции, 165 магазинов и ларьков; разрушили десятки культурно-просветительных учреждений — клубов, изб-читален, сельских библиотек и т. д.; были также разрушены немцами все кирпичные и лесопильные заводы и торфяные предприятия.

Гитлеровцы причинили колхозам, предприятиям, учреждениям и населению Новгородского района огромный ущерб. Они угнали из района свыше 2 000 лошадей, 10 000 коров, 18 000 голов мелкого рогатого скота; вывезли сельскохозяйственные продукты, имущество и весь сельскохозяйственный инвентарь, вплоть до деревянных лопат и граблей; полностью уничтожили все жилые и хозяйственные постройки в Шолоховском, Никольском, Хутынском, Дубровском, Любецком и Котовицком сельских советах.

* * *

На основании документальных материалов расследования, произведённого специальной комиссией, свидетельских показаний и заявлений потерпевших, Чрезвы-

чайная Государственная Комиссия установила, что преднамеренное разрушение древнего русского города Новгорода, с его памятниками выдающегося мирового искусства, массовое истребление мирных советских людей и военнопленных, а также угон советских граждан на каторгу в Германию произведены офицерами и солдатами немецкой армии по приказам гитлеровского правительства и под руководством: командующего 18 германской армией генерал-полковника Линдемана Георга, командира 250 испанской «голубой дивизии» генерал-майора Муньос Гранде, командира 1 немецкой авиаполевой дивизии генерал-майора Вильке, командира 1 немецкой авиаполевой дивизии генерал-майора Петраушке, занявшего этот пост в декабре месяце 1943 года, коменданта города Новгорода—капитана Руф.

Все они должны понести суровую кару за свои злодейские, кровавые преступления.

Опубликовано в газете «Известия» № 108
от 5 мая 1944 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 4 мая 1944 года, Протокол № 30.

О РАЗРУШЕНИЯХ, ГРАБЕЖАХ И ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ В ГОРОДЕ РОВНО И РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Обнаруженные в г. Ровно — резиденции бывш. рейхс-комиссара Украины Эриха Коха документы и многочисленные свидетельские показания, данные комиссии в составе генерал-майора Бегма В. А., председателя Ровенского облисполкома депутатов трудящихся Васильковского П. И., учителя Новак Т. Ф., депутата Верховного Совета СССР Ефимчук-Дьячук У. В., протоиерея Владимира Пижицкого, ксёндза Феликса Савицкого и представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Готцева Б. Т., расследовавшей преступления немецко-фашистских захватчиков в Ровно и Ровенской области, ещё раз подтверждают, что гитлеровские бандиты стремились создать на захваченной ими территории Украины рабско-крепостнический режим и искоренить украинскую государственность и культуру.

Потеряв надежду на сохранение Украины, как своей колонии, немецко-фашистские бандиты стали, по заранее обдуманному плану, опустошать украинскую землю, разрушать государственные, общественные и частные здания и сооружения, в особенности украинские

культурно-просветительные учреждения, и грабить всё, что попадало им под руку. Не довольствуясь этим, озверевшие гитлеровские палачи с безудержной жестокостью истребляли мирное украинское население.

1. Расчленение Украины и установление рабско-крепостнического режима

С целью уничтожения государственного единства Украины указом Гитлера от 1 августа 1941 г. украинская территория была расчленена: часть Западной Украины — Львовская, Дрогобычская, Станиславская и Тернопольская области — была включена в состав «польского генерал-губернаторства». Южная часть Украины — от Николаева и далее на север по реке Буг до линии Бершадь — Могилёв-Подольский — была передана Румынии. Остальная часть Украины была включена в рейхскомиссариат под управлением рейхскомиссара Эриха Коха.

По распоряжению министра Розенберга от 19 ноября 1941 г. местным жителям запрещалось переезжать и переходить из одной части Украины в другую.

Во многих случаях установленные между частями Украины границы проходили так, что земли крестьян, живших в одном губернаторстве, оказывались в другом губернаторстве и обработка их была сопряжена с трудностями и даже риском для жизни. Заместитель генерал-комиссара Волыни и Подолии Швайгер приказом от 26 июня 1942 года разрешил жителям «переходить границу для проведения хозяйственных работ на принадлежащих им за границей землях только в определённые часы и в определённых местах».

Немецко-фашистские оккупанты ввели на территории Украины рабско-крепостнический режим. Советские граждане на захваченной немецкими фашистами территории были поставлены в положение бесправных париев.

Все приказы и распоряжения Гитлера, Розенберга, Коха и представителей немецкой власти на оккупированной территории содержат в себе угрозы советским гражданам разного рода наказаниями и более всего смертной казнью. Особенно характерно в этом отношении распоряжение Розенберга от 17 февраля 1942 года о введении для советских граждан особых уголовных законов.

По этим законам советскому гражданину угрожала смертная казнь за оскорбление «чести» немецкой армии, немецкой полиции, национал-социалистской немецкой партии и даже за антинемецкие настроения или поведение, «понижающее уважение к немецкому государству или немецкому народу».

Смертная казнь угрожала каждому советскому гражданину, если он не доносил гестапо и другим немецким властям об антинемецких настроениях или действиях.

По распоряжению Розенберга от 27 августа 1942 года, «все жители занятых восточных областей, независимо от возраста», привлекались к обязательной трудовой повинности.

2. Разгром гитлеровцами украинской культуры и уничтожение украинской интеллигенции

Немецко-фашистские оккупационные власти принимали все меры к тому, чтобы искоренить украинскую культуру и уничтожить украинскую интеллигенцию.

Имеющиеся в распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии многочисленные материалы, основанные на документах, показаниях свидетелей и личном осмотре членами Комиссии и ознакомлении их с состоянием различных культурно-просветительных учреждений на территории Украины, освобождённой Красной Армией, не оставляют никакого сомнения в том, что немецко-фашистские варвары имели своей задачей уничтожить украинскую культуру, истребить лучших представителей

украинского искусства и науки, попавших в их руки. Школы, высшие учебные заведения, клубы, библиотеки, музеи, театры, созданные украинским народом на протяжении почти четверти века Советской власти, гитлеровцы безжалостно уничтожали. Об этом свидетельствуют, в частности, факты, установленные Чрезвычайной Государственной Комиссией в гор. Ровно и Ровенской области. Немецко-фашистские захватчики закрыли в Ровно почти все культурно-просветительные учреждения. 30 ноября 1941 года в газете «Волинь» было официально объявлено о закрытии школ в генерал-комиссариате Волини и Подолии.

Городской театр обслуживал только немцев. Местным жителям разрешалось смотреть в нём спектакли и слушать концерты один раз в неделю. Из репертуара театра гитлеровцы изъяли произведения украинских классиков. Большинство украинских артистов вынуждено было уйти из театра, и многих из них гитлеровцы убили. Так, летом 1943 года были расстреляны артист Долгопольский, артистка Ирина Янковская, артист Борис Курганов и ряд других.

В тяжёлом положении оказались работники школ, библиотек и других культурных учреждений. «Все школы города, — сообщил учитель В. Кобалевский, — немцы превратили в казармы. В казармы они превратили прекрасное здание пединститута. Учителя, которым удалось избежать физического уничтожения, принуждены были стать чернорабочими, деквалифицироваться и владеть жалкое существование. Мне лично пришлось пойти на работу в слесарную мастерскую, хозяином которой был немец Эдуард Нейман. Как и другие рабочие мастерской, я на себе испытал всю тяжесть немецкой эксплуатации».

Таких фактов имеется много. Но этим дело не ограничилось. Отступая под ударами Красной Армии, гитлеровцы жгли, взрывали и уничтожали и школы, и музеи, и другие культурно-просветительные учреждения. Так,

оставляя Ровно, они уничтожили институт усовершенствования учителей, серьёзно повредили Краеведческий музей и сотни школ, библиотек, больниц, клубов и т. д.

3. Разрушения в городе Ровно и Ровенской области

Как и всюду, откуда их выгоняла Красная Армия, гитлеровцы перед своим уходом из Ровно и Ровенской области разрушили всё, что не успели разрушить до прихода советских войск. В городе Ровно гитлеровцы полностью уничтожили 845 строений, 2 гостиницы, 24 столовых и ресторана, 83 магазина, 5 хлебопекарен, 5 кирпичных заводов, 2 кондитерских, 2 щёточных, колбасную и макаронную фабрики; причинили серьёзные повреждения 2 больницам, 4 церквям и 2 костёлам. Гитлеровцы привели в негодность 40 километров линии наружного освещения и связи, 2 холодильника, электростанцию, 22 километра водопроводной сети.

В Корецком районе Ровенской области они уничтожили 909 крестьянских хозяйств, разрушили 50 процентов жилых домов в самом районном центре. В Березновском районе они сожгли и взорвали 3 механизированных мельницы, 3 пекарни, 5 медицинских пунктов, 2 кирпичных завода, электростанцию; 6 сёл полностью смели с лица земли. В Александрийском районе ими разрушены электростанция, маслозавод, 2 203 хозяйственных постройки и 1 237 жилых домов.

Таким же разрушениям немецкие захватчики подвергли и другие населённые пункты области. В Гощанском, Межиричском, Острогжском, Ровенском, Рокитновском, Здолбуновском, Клеванском, Клесовском, Костопольском, Людвипольском, Сарненском и Тучинском районах разрушено 286 населённых пунктов.

В отношении разрушений, произведённых гитлеровцами в Ровенской области, немецкий военнопленный, старший сапёр сапёрной роты Франц Ярбот показал:

«Мы 24 января 1944 года уходили из деревни Станы. Командир сапёрной роты обер-лейтенант Кребс выделил группу поджигателей в составе фельдфебеля Опиц, обер-ефрейтора Кристиансен и сапёра Блюм и приказал им сжечь деревню. Приказ обер-лейтенанта был немедленно выполнен. Когда загорелась деревня, Кребс сказал: «Мы не должны оставлять русским ни одного целого дома».

4. Ограбление государственных и общественных учреждений и гражданского населения

В течение всего периода своего пребывания в Ровно и Ровенской области гитлеровские офицеры, солдаты и чиновники безудержно грабили мирных советских граждан и растаскивали имущество культурно-просветительных учреждений. Из областного музея искусств, историко-краеведческого музея, дома народного творчества, филармонии, из библиотек, дворца пионеров и школьников захватчики забрали обстановку, книги, экспонаты, картины, музыкальные инструменты.

Значительную часть награбленных ценностей руководители оккупационных властей присваивали лично себе. В качестве примера такого грабежа можно указать на ограбление Краеведческого музея так называемым немецким окружным комиссаром Беером. По свидетельству директора Краеведческого музея М. Дубовского, окружной комиссар доктор Беер при поездке в Германию захватил с собой более 30 чемоданов с награбленными вещами.

Многочисленные свидетели подтвердили организованный характер грабежей. Так, например, житель села Глинки Ровенского района С. М. Подгаюк показал: «Ранним утром 27 сентября 1943 года немецкие солдаты и офицеры начали обходить дворы нашего села и отбирать хлеб, скот, птицу, лошадей, повозки и другое имущество».

Такие же показания дали и жители других сёл и деревень.

Нет ни одного населённого пункта в Ровенской области, который не ограбили бы немецкие солдаты и офицеры.

В шести районах Ровенской области (Гощанском, Здолбуновском, Корецком, Ровенском, Сарненском и Тучинском) немецко-фашистские грабители похитили у жителей 13 998 лошадей, 19 599 голов крупного и 23 026 голов мелкого скота.

Попытки спасти своё имущество от грабежа влекли за собой зверские пытки и истязания советских граждан. Яков Ушаков сообщил комиссии, что в Ровенской тюрьме вместе с ним сидел гражданин Меленчик, которому «на допросе вырвали волосы с головы и лопатой перебили два ребра за то, что он спрятал один центнер хлеба».

5. Массовое истребление мирных граждан и военнопленных

Осуществляя свой чудовищный план истребления мирного советского населения, гитлеровские палачи в Ровно беспощадно и систематически уничтожали мирных советских граждан. Ровенская тюрьма постоянно была переполнена обречёнными на смерть. Это подтверждается показаниями многочисленных свидетелей и документальными данными. Гражданка В. Байдан сообщила:

«В течение 5 месяцев мне пришлось быть в заключении и испытать все ужасы тюремного режима гитлеровцев. Фашистские разбойники ежедневно избивали десятки мужчин, женщин и подростков. Два раза в месяц они вывозили на расстрел большие партии заключённых. Часто во двор тюрьмы заезжали герметически закрытые машины. Когда в такие машины бросали людей, раздавались душераздирающие крики и вопли».

18 марта 1943 года ровенская газета немецких оккупантов «Волянь» опубликовала следующее извещение: «8 марта 1943 года пытались убежать заключённые Ровенской тюрьмы. При этом они убили одного немецкого тюремного чиновника и одного часового. Энергичным выступлением тюремная стража предотвратила бегство. По распоряжению командующего немецкой полиции безопасности и СД в тот же день были расстреляны все заключённые в тюрьме».

В ноябре 1943 года неизвестным лицом был убит немецкий областной судья. В ответ на это гитлеровцы опять расстреляли свыше 350 заключённых, содержащихся в Ровенской тюрьме.

Работавший в немецком хозяйстве, расположенном недалеко от улицы Белой, Я. Карпук рассказал: «Я не раз видел, как гитлеровцы уничтожали советских граждан—украинцев, русских, поляков, евреев. Происходило это обычно так: немецкие палачи привозили к месту расправы обречённых, заставляли их копать яму, приказывали раздеваться донага и ложиться в яму лицом вниз. По лежащим гитлеровцы стреляли из автоматов в затылок. Потом на трупы расстрелянных таким же образом клали второй слой людей и умерщвляли их, затем третий, до тех пор, пока яма не наполнялась. После этого трупы обливались раствором хлорной извести и засыпались землёй».

Гражданка села Выдумка А. Морозовская показала: «Из своего дома я видела, как немцы расстреливали советских людей в карьерах у нашего села. В июне 1943 года к этим карьерам подъехали 4 машины, из которых гитлеровцы стали выводить мужчин и женщин, одетых в одно нижнее бельё. Вскоре послышалась стрельба. Когда машины уехали, я пошла в карьеры и перед моими глазами раскрылась ужасная картина: трупы людей, слегка засыпанные землёй, и всюду лужи крови. В июле 1943 года в карьеры прибыли 10 машин, наполненных советскими гражданами. Раздалась автоматная стрельба,

крики и стоны, а немного позже к вечеру в карьерах запылал костёр и в воздухе запахло горелым мясом. Трупы горели два дня. Подобные зверства немцев я видел в сентябре и октябре 1943 года и в январе 1944 года».

Таких показаний имеется очень много. Зверства гитлеровцев подтверждаются и многочисленными показаниями попавших в руки Красной Армии германских военнопленных. Так, например, военнопленный Франц Ярбот показал: «В середине ноября 1943 года я в числе 30 солдат из 68 резервного сапёрного батальона прибыл в Ровно. На восточной окраине города мы занялись созданием обороны. Этим были заняты также около 300 мужчин и женщин — жителей Ровенской и Львовской областей, преимущественно украинцы и поляки. Для них был создан каторжный режим труда. Их морили голодом, за невыполнение норм били. 15 декабря утром мы явились на работу и не застали ни одного из этих людей. Мы стали спрашивать солдат из охранного батальона, куда девались рабочие, на что получили следующий ответ: «Уничтожены сегодня ночью при помощи газового автомобиля».

Солдат 4-го эскадрона 17-го кавалерийского полка 8-й кавалерийской дивизии СС, Адольф Матцке сообщил: «Наш эскадрон принимал участие в расстрелах мирных граждан местечка Колки. Я сам участвовал в расстреле 3 граждан. Затем мы сожгли часть местечка. При отступлении, когда мы переправлялись через реку Стирь, мы сожгли первую деревню за рекой. В этой деревне наш 2-й взвод, которым командует унтерштурмфюрер Корн, расстрелял 25 человек. Я лично расстрелял 2 человек. Среди расстрелянных были также женщины. Из нашего взвода особенно активное участие в расстрелах принимали: ротенфюрер Ванек, унтершарфюрер Полин, унтершарфюрер Штайкдель, кавалеристы Ширман и Фаут. Расстрелы производились по приказам командира полка штандартенфюрера Цехендера».

Немецко-фашистские захватчики беспощадно уничтожали попавших в их руки офицеров и бойцов Красной Армии, содержащихся в трёх ровенских лагерях, где для военнопленных были созданы невыносимые условия существования.

Ксёндз города Ровно Феликс Савицкий, лично наблюдавший то, что происходило в этих лагерях, рассказал: «В результате невероятных условий в лагерях и систематического голодания среди военнопленных была высокая смертность. Тысячи людей гибли от сыпного тифа и других эпидемических заболеваний. Но большинство погибало от штыка и приклада, от пули и пыток немецко-фашистских мерзавцев. Почти ежедневно из лагерей выезжали машины, доотказа нагружённые трупами пленных. Многих закапывали живыми».

Массовое истребление военнопленных как путём прямых убийств, так и путём лишения их необходимых средств существования подтверждается и целым рядом других доказательств, отмеченных в соответствующих актах комиссии.

6. Заключение судебно-медицинской экспертизы

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: ровенского областного судебно-медицинского эксперта, майора медицинской службы Рыбаковой Н. В., майора медицинской службы Железновского В. Ф. и военного судебно-медицинского эксперта армии, майора медицинской службы Молчан В. А., с участием капитана юстиции Богопольского Л. С., учителя Новака Т. Ф., протоиерея Владимира Пижицкого и ксёндза Ровенского костёла Феликса Савицкого, а также жителей города Ровно и его окрестностей, с 1-го по 10-е марта 1944 года произвела судебно-медицинскую экспертизу трупов, извлечённых из мест захоронения уничтоженных

немцами мирных советских граждан и военнопленных, и установила:

«1. Во всех исследованных местах захоронения трупов в городе Ровно и его окрестностях обнаружено свыше 102 тысяч расстрелянных и умерщвлённых немцами мирных советских граждан и военнопленных, из них:

а) в городе Розно по Белой улице у дровяного склада	49 000
б) в городе Розно по Белой улице на огороде	32 500
в) в селе Сосенки	17 500
г) в карьерах у села Выдумка	3 000
д) на территории тюрьмы города Розно	500

2. Судя по состоянию трупных изменений и на основании данных вскрытия трупов, необходимо считать, что:

а) массовые расстрелы и захоронение трупов в селе Сосенки производились во второй половине 1941 года;

б) массовые расстрелы по Белой улице около дровяного склада с последующим закапыванием трупов производились в конце 1941 года;

в) массовые расстрелы по Белой улице на огородах относятся к периоду 1942—1943 годов;

г) умерщвление мирных граждан путём отравления угарным газом в «душегубках» и последующее захоронение трупов относится к концу 1943 года;

д) расстрелы и сожжение трупов в селе Выдумка, в карьерах, относятся ко второй половине 1943 года;

е) расстрелы и закапывание трупов на территории тюрьмы произведены в начале 1944 года.

3. Уничтожение мирных граждан и военнопленных в городе Ровно производилось путём массовых расстрелов из автоматов и пулемётов, умерщвлением угарным газом в машинах-«душегубках» и в отдельных случаях люди сбрасывались в могилы и засыпались живыми. Часть расстрелянных людей, в частности в карьерах у села Выдумка, подвергалась сожжению на заранее подготовленных и приспособленных площадках.

4. Во многих случаях (при исследовании трупов в могиле по Белой улице и на территории тюрьмы) обнаружены следы внешнего насилия, свидетельствующие об избиениях незадолго до смерти.

5. Показания свидетелей — граждан города Ровно о массовых зверствах и уничтожении военнопленных и мирного населения в городе Ровно на протяжении 1941—1944 годов полностью подтверждаются данными судебно-медицинской экспертизы».

* * *

То обстоятельство, что все эти преступления совершались в резиденции бывшего рейхскомиссара Украины Эриха Коха, служит ещё одним доказательством того, что все преступления гитлеровских бандитов совершались в осуществление плана истребления советских людей и опустошения временно занятой гитлеровцами советской территории, задуманного и проводившегося в жизнь гитлеровским правительством.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за разрушения, грабежи и злодеяния, совершённые в городе Ровно и Ровенской области,—правительство гитлеровской Германии, рейхсминистра Розенберга, рейхскомиссара Коха, генерального комиссара Волыни и Подолии Шене, его заместителя Швайгера, ровенского окружного комиссара доктора Беера и всех лиц из числа немецко-фашистских захватчиков, упоминаемых в настоящем сообщении.

Недалёк час, когда все они понесут заслуженную кару за совершённые ими злодеяния.

Опубликовано в газете «Известия» № 110
от 7 мая 1944 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 6 мая 1944 года, Протокол № 31.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ, СОВЕРШЁННЫХ НЕМЕЦКО-РУМЫНСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОРОДЕ ОДЕССЕ И РАЙОНАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В награду за поставляемые румынским правительством Германии пушечное мясо, нефть, хлеб, скот и т. п. гитлеровское правительство разрешило клике Антонеску грабить и истреблять население на оккупированной советской территории между Бугом и Днестром, ныне освобождённой Красной Армией. Установив своё «управление» на этой территории, Антонеску объявил её «искони румынской» и назвал «Транснистрией» — частью румынского королевства. Центром «Транснистрии» румыны сделали Одессу, оккупированную немецко-румынскими захватчиками в октябре 1941 года.

В так называемой «Транснистрии» румыны, в полном согласии со своими немецкими хозяевами, установили кровавый произвол и неслыханный национальный гнёт над украинцами, русскими и молдаванами. Они хотели «румынизировать» Одессу — город старинной украинской и русской культуры. Вместе с тем румынские захватчики предавались безудержному грабежу и взяточничеству, разрушили в Одессе ряд зданий и сооружений.

Специальная комиссия в составе: депутата Верховного Совета Союза ССР А. Г. Колыбанова, И. А. Сосновского, депутата Верховного Совета Союза ССР В. Ф. Михайличенко, члена Академии Наук УССР Г. И. Маркелова, протоиерея В. Брага, с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Д. И. Кудрявцева, а также специально командированный член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик И. П. Трайнин произвели расследование преступлений, совершённых немецко-румынскими захватчиками, и установили неопровержимые факты кровавого террора по отношению к мирному населению, варварских разрушений и бесшабашного ограбления как государственных и общественных учреждений и предприятий, так и отдельных граждан.

Румынское «управление» и «юстиция»

«Управление» Транснистрией возглавлялось румынским губернатором Алексиану. Губернаторство делилось на 13 уездов, во главе которых были поставлены румынские префекты. Административный аппарат состоял из специально вывезенных из Румынии чиновников, для которых этот аппарат стал средством грабежа, спекуляции и лёгкой наживы.

В Одессе «управляли»: Одесская городская префектура во главе с префектом Чоновичем, комиссар сигуранцы Никулеску, генеральный примарь (городской голова) Пынтя и его заместители — Видрашку, Нибреску, Синеклиу, Киореску. Все они являлись также участниками целого ряда спекулятивных предприятий.

Административный комиссар «Префектур полиции» города Одессы Санду Габриэль, допрошенный комиссией, сообщил: «Заняв часть территории Советского Союза, присоединив её к Румынии и назвав «Транснистрией», мы грабили этот край и проводили румынизацию». Санду Габриэль в своих показаниях охарактеризовал

румынскую администрацию, как воров, взяточников и грабителей.

«Первая категория,—говорит Санду Габриель в своих показаниях,—это полиция, сигуранца, военный суд. Чиновники этих органов изучали у себя в Румынии криминальное дело и являются «профессионалами без идей»... Они служат тому, кто платит, и, естественно, широко берут взятки. Вторая категория — чиновники губернаторства и прочие. Они — коммерсанты, нажившие здесь крупное состояние. Так, например, заместитель примаря (городского головы) Киореску в Румынии был бедняком, в Одессе же он разбогател и купил в Бухаресте гостиницу за несколько миллионов лей. Заместитель примаря Видрашку имел в Одессе гостиницу «Бухарест» по Дерибасовской улице и дом терпимости. Тудосе до войны проживал в Румынии, в г. Текуч, имел маленькую лавчонку возле аэродрома, в Одессе стал крупным коммерсантом и владельцем гостиницы «Пассаж», кино-театра «Виктория», ресторана «Карпаты», типографии, завода сельтерских вод, нескольких лавок и комиссионных магазинов».

Взяточничество стало неотъемлемой системой «управления», нормой поведения всех румынских чиновников. На всех руководящих должностях в губернаторстве и примарии были только румыны. Делопроизводство велось на румынском языке.

Основным судебным органом в Одессе был румынский военно-полевой суд. Следствие производилось, главным образом, в сигуранцах (охранках). Обыкновенным методом допроса были истязания и пытки. Режиссёр кинохроники Крапивный Павел, подвергавшийся пыткам и истязаниям в сигуранце, рассказал, что в качестве орудий пыток применялись электрический стул, подвешивание за плечи и другие истязания. «Румынские солдаты привязывали к специальному стулу подсудимого и через ручки стула включали электрический ток... Следователь включал стоящий на столе реостат, и когда под-

следственный не так отвечал на вопрос, как того хотел следователь, рукоятка реостата безжалостно шла на напряжение, тело подследственного начинало дрожать, а глаза вылезали из орбит».

Или: «Подследственного со связанными назад руками подвешивали к потолку... и начинали его крутить вокруг собственной оси. Покрутившись таким образом до 200 раз, висящий на верёвке подследственный с бешеной скоростью раскручивался в обратном направлении. В этот момент палачи с двух сторон били его резиновыми палками. Человек терял сознание не только от бешеного вращения, но и от побоев». (Из показаний Крапивного П.).

Аресты, пытки, истязания, произвол сплошь и рядом применялись, как средство вымогательства взяток.

«Взятки,—как показал одесский адвокат Дьяконов,—брали в полиции, в сигуранце, в прокуратуре и суде. Так, например, когда летом 1942 года центральная сигуранца, находившаяся на Пушкинской улице, возбудила против меня дело за укрывательство евреев, ведший моё дело комиссар Ионеску взял взятку за более лёгкие выводы в заключении по моему делу. После этого дело перешло в военный суд и попало к следователю (прокурору) Атанасиу, который арестовал меня и взял взятку у моей семьи за благополучный исход по делу...».

Свидетельница Анжелина Нутис сообщила комиссии:

«Семья, хлопотавшая обо мне, давала взятки—деньгами и вещами—на сумму около трёх тысяч марок. Взятки давались через румынского адвоката Сырбу. Взятки получали: прокурор Атанасиу и шеф полиции VII района Одессы Аврамеску».

Особенно известны своим взяточничеством шефы сигуранцы Розван, Стоврат, комиссар Нагру, генеральный военный прокурор Солтан К., прокуроры Радулеску, Габрилович, Ионеску Ион, шеф полиции 1-го района Никулеску.

Немецко-румынские палачи истребили в Одесской области 200 тысяч советских граждан

Захватив Одессу, немецко-румынские оккупанты, приступили к массовому истреблению советских людей, проводившемуся систематически и самыми зверскими способами.

19-го октября 1941 года они сожгли в помещениях бывших пороховых складов свыше 25 тысяч мирных советских граждан и их детей.

«19 октября 1941 года в помещения пороховых складов, расположенные по Люстдорфскому шоссе, возле моего дома, — сообщила жительница Одессы Бобкова М. И., — румыны начали тысячами сгонять арестованных мирных жителей — мужчин, женщин и детей. Когда они заполнили советскими людьми 9 пустых складских помещений, тогда стали подкатывать к складам бочки с горючим... Я лично видела, как румыны насосами качали горючее из этих бочек и через шланги поливали склады, в которых находились согнанные ими жители города. Когда склады были облиты горючим, румынские солдаты их подожгли. Поднялся страшный крик... Женщины и дети, объятые пламенем, кричали: спасите нас, не убивайте, не сжигайте! Подожжённые румынами склады продолжали гореть несколько дней. Когда пожар прекратился, румыны к месту пожарища пригнали жителей города, которые выкопали большие ямы, длиною метров в 100, шириною в 5—6 метров и глубиною около 3-х метров каждая. Потом появились румынские солдаты, стаскивали обгоревшие трупы в эти вырытые ямы и закапывали».

Аналогичные показания о массовом сожжении заживо советских людей в помещениях пороховых складов дали граждане: Поладийенко Л. М., Неживенко П. П., Склифасовский П. И., Кручкова А. И., Мушек Н. А., Стрельникова А. П. и другие.

Исключительные по своей жестокости злодеяния немецко-румынские захватчики совершили над советскими

людьми в районах Богдановки, Доманевки и др. Они истребили ни в чём не повинных мужчин, женщин и детей, предварительно подвергнув их нечеловеческим пыткам и истязаниям. Убийства мирных жителей они обычно совершали в концентрационных лагерях. В один из таких лагерей в совхозе «Богдановка», Доманевского района, немецко-румынские оккупанты в ноябре 1941 года согнали свыше 55 тысяч советских граждан. Заключённые советские люди содержались под открытым небом и в свинарниках совхоза. Им не давали пищи и воды. Тяжёлые антисанитарные условия стали источником массовых заболеваний. Люди умирали от голода, холода и болезней.

21 декабря 1941 года румынские жандармы приступили к расстрелу заключённых в лагере. Заключённые выводились под охраной к полуразрушенному строению, находящемуся на опушке леса, ставились на колени на краю обрыва и расстреливались. С края обрыва убитые, а часто только раненые, падали на дно оврага, где был сложен гигантский костёр из соломы, камыша и дров. Маленьких детей палачи сбрасывали живыми в пламя этого костра. Сжигание трупов производилось круглые сутки. По ночам жители села Богдановка видели из своих домов большое зарево в районе совхоза. Колхозник Стонога Павел Иванович сообщил комиссии, что в селе Богдановка «целыми днями были слышны выстрелы, а пламя горевшего костра было видно днём и ночью; ветер доносил в село запах человеческого мяса».

Расследованием установлено, что румынские палачи расстреляли в этом лагере около 52 000 мирных советских граждан и свыше 2 000 человек сожгли в бараках. Факты зверского истребления румынами мирных советских людей на территории совхоза Богдановка подтверждены многочисленными показаниями свидетелей и судебно-медицинской экспертной комиссией в составе: действительного члена Академии Наук УССР Г. И. Маркелова, профессора судебной медицины Одесского

Медицинского Института Ф. Н. Жмайлович, доцента А. Н. Целлариус, главного патолого-анатома 3-го Украинского фронта подполковника медицинской службы Р. Д. Штерн.

В том же Доманевском районе румынские оккупационные власти с 19 декабря 1941 года по 15 февраля 1944 года расстреляли свыше 22 тысяч советских граждан на территории села Доманевка, в совхозе им. Энгельса, Карловского сельсовета и в сёлах Мареновка, Маренбург, Новосёловка, Николаевка, Владимировка и Молдавка. Расстрелами советских людей руководили—начальник районной жандармерии старший лейтенант Голиторий и старший лейтенант Шонтя.

В Мостовском районе немецко-румынские захватчики с августа 1941 года по март 1944 года расстреляли свыше 35 тысяч советских граждан. Многочисленные могилы с расстрелянным мирным советским населением обнаружены на территории Голованевского и Веселовского сельсоветов.

По предварительным данным, установленным комиссией, немецко-румынские оккупанты расстреляли, замучили и сожгли в Одессе и Одесской области до 200 тысяч человек.

Среди обнаруженных при расследовании трупов замученных немецко-румынскими извергами советских людей были опознаны: рабочие Одесского порта братья Пётр и Михаил Емельяновы, ученик 98-й школы Гредин Октябрь, рабочие государственной мельницы Колесниковы Георгий и Анна, студент 5-го Медицинского института Горячев Василий Дмитриевич, инженер-механик Сологуп Пётр Степанович, Белоконь Елена, Федоренко Таисия, ученик музыкальной школы Пуговский Владимир, артист Госцирка Пуговский Анатолий, Корованский Григорий, братья Кузнецовы Иван и Пётр, Ануров Анатолий, Мозуркевич Николай, капитан парохода дальнего плавания Ратонос Михаил и многие другие.

Немецко-румынские оккупационные власти разграбили и разрушили культурно-просветительные учреждения и коммунальное хозяйство Одессы

Одесса — крупный индустриальный и первоклассный портовый город, город передовой культуры, город курортов. До захвата его немецко-румынскими оккупантами в нём было 18 вузов, 29 техникумов, 42 научно-исследовательских института, 12 театров, много библиотек, клубов и других культурно-просветительных учреждений.

Германское военное командование ограбило одесские музеи, вывезя из музеев сотни уникальных предметов — 200 картин, 80 предметов фарфора, 60 предметов бронзы, 40 экземпляров старинного оружия, 30 ковров, 10 изделий из слоновой кости и другие музейные ценности.

Румынские оккупанты, по примеру немецких оккупантов, разграбили и уничтожили культурно-просветительные учреждения и разрушили жизненно-важные объекты городского хозяйства.

«Мне известно, — говорит административный комиссар «Префектур полиции» Санду Габриэль, — что чиновники Одесского муниципалитета, от рядового до руководителя, грабили жизненно-важные объекты городского хозяйства Одессы, вывозили всё в Румынию и продавали там в целях личной наживы. В Румынию вывозились: подземный кабель электромагистрали, трамвайные линии, вагоны, станки и машины заводов, дорогостоящая мебель и пианино, антикварные и художественные ценности...

Этим занимались: примарь гор. Одессы Пынтя и его заместители Киореску, Видрашку, Синеклиу... Помимо грабежа, взяточничества и спекуляции, все эти лица занимались своей официальной деятельностью как представители государственных органов Румынии».

Для ограбления культурно-просветительных и научных учреждений румынские оккупационные власти

создали так называемые трофейные комиссии во главе с генералом Василиу.

Трофейная комиссия, возглавлявшаяся румынским профессором Михулом, вывезла в Румынию из Одесского университета ценное оборудование физико-математического факультета, все лаборатории, оборудование географического факультета, уникальные экспонаты геологического и палеонтологического музея. Ограбление ценностей университета производилось при участии румынских профессоров Рантя, Ходарча, Джеордыеску и ассистента Бухарестского университета Поп.

Румынский генеральный секретарь университета Мойсев вывез из Медицинского института ценное оборудование, аппаратуру и инструментарий.

Из Индустриального института трофейная комиссия вывезла в Румынию дорогостоящее оборудование физической лаборатории, 18 станков из лаборатории резания и другое ценное оборудование.

Из Института инженеров водного транспорта румыны вывезли к Констанцу научные пособия и рентгеновскую лабораторию по исследованию металлов.

Директор румынского национального театра Аурель Майкан вывез в Румынию всё театральное имущество Украинского театра.

Трофейная комиссия, возглавлявшаяся секретарём отдела культуры городской управы Клеопатрой Консоларино, ограбила русский драматический театр имени Иванова и вывезла из него все костюмы, обувь и другой реквизит.

По распоряжению румынского представителя дирекции искусств Цикулеску из Одессы вывезено в Румынию более 2 000 роялей и пианино.

Из Одесской Государственной Консерватории вывезены в Румынию все инструменты, ноты, лучшая мебель, ковры, кабинет звукозаписи, оборудованный по последнему слову техники.

Румынские оккупанты вывезли все театральные костюмы, нотный материал 109 опер и 16 балетов, редчайшую библиотеку по истории, музыке и живописи из Одесского театра оперы и балета. Здание театра немецко-румынские захватчики перед своим отступлением заминировали и подготовили к взрыву. Только благодаря быстрому занятию Красной Армией Одессы им не удалось осуществить свой варварский план.

Расследованием, произведённым специальной комиссией, установлено, что из художественных музеев украинско-русского и западного искусств расхищены различными румынскими должностными лицами редчайшие музейные ценности: картины русских и иностранных художников (Репина, Иванова, Куинджи, Маковского, Нестерова, Строцци, Бассолини и др.), старинные художественные гарнитуры мебели высокой ценности, старинный фарфор, статуи, ковры и пр. В частности, по распоряжению начальника отдела искусств губернаторства — Ливио Руссу, были вывезены на дачу Антонеску стильная мебель, фарфор, скульптура, рояль художественной ценности стиля роккоко; картины известных художников — Куинджи, Саврасова и др.

Румынские оккупанты ограбили Одесскую Государственную библиотеку имени Ленина. Они вывезли в Румынию ценные книги по истории, языковедению и литературе.

Румынские оккупанты разграбили также научные учреждения, предприятия и учреждения городского хозяйства. Они вывезли в Бухарест, Констанцу и Яссы 108 моторных трамвайных вагонов, 25 километров трамвайных путей, 10 троллейбусов, разрушили Городскую и Междугородние телефонные станции, Центральный телеграф, радиостанцию, 122 начальных и средних школы, 6 музыкальных школ, театр оперетты на 1 200 мест, Большешонтанский летний театр на 1 000 мест и Областной дом народного творчества; сожгли учебный корпус Института инженеров гражданского и коммунального

строительства; взорвали студенческое общежитие; вывели из строя водопровод и канализацию.

Такая же участь разрушения постигла научные учреждения Одессы: Электротехнический институт инженеров связи, Научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации, Научно-исследовательский институт холодильной промышленности, механический и автомобильный техникумы, Высшее морское училище и другие.

По заранее составленному плану немецко-фашистские захватчики разрушили значительную часть городского хозяйства Одессы. Они взорвали и сожгли 2 290 наиболее крупных, представляющих архитектурно-художественную и историческую ценность зданий, в том числе: Дом Красной Армии, здания—Одесского почтамта, Коммунального банка, домик А. С. Пушкина, Главный пассажирский вокзал, здание Городской больницы, Сабанские казармы, построенные в 1827 году, и другие, представляющие собой ценные памятники материальной культуры начала XIX столетия.

Гитлеровцы разрушили в Одессе курорты и учреждения здравоохранения

Немецко-румынские захватчики разрушили в Одессе: первую инфекционную, вторую окружную, соматическую, психиатрическую и 2 детских больницы, детскую поликлинику, 7 детских консультаций, 55 детских яслей, 2 родильных дома, диспансер, люпазорий, 6 поликлиник и научно-исследовательские институты: Туберкулёзный, Институт курортологии и другие. Они разрушили 29 санаториев, расположенных вблизи Одессы. Ценное оборудование, аппаратуру, инструментарий, медикаменты, а также мягкий инвентарь, принадлежавший лечебным учреждениям и курортам, румынские захватчики вывезли в Румынию.

Немецко-румынские захватчики уничтожили и разграбили промышленные предприятия и сельское хозяйство

За время своего хозяйничания румыны причинили народному хозяйству Одессы большой ущерб. Они полностью разрушили, взорвали и сожгли заводы, фабрики, предприятия промысловой кооперации и кооперации инвалидов. Техническое, энергетическое оборудование, инструменты и материалы вывезли в Румынию. К числу уничтоженных крупных предприятий относятся: судостроительный и судоремонтный завод им. Марти со всеми вспомогательными сооружениями и оборудованием, завод имени Январского восстания, Второй Государственный кожевенный завод, табачная фабрика и др.

Разрушение завода имени Марти произведено румынским инженером Купфер Ромео и его заместителем инженером Олару.

Станкостроительный завод им. XVI Партсъезда, завод сельскохозяйственных машин им. Октябрьской революции, сталепрокатный завод им. Дзержинского, завод «Кинап», джутовая фабрика, суконная фабрика, завод «Красный Профинтерн», трикотажная фабрика им. Н. К. Крупской, мясокомбинат, макаронная фабрика, молочный завод, кофейная фабрика, хлебозаводы, все мельницы, кондитерская фабрика, рафинадный завод и другие предприятия румыны превратили в развалины.

В течение 7—8 апреля 1944 года немецко-румынские захватчики разрушили первоклассный, полностью механизированный Одесский порт; взорвали Воронцовский маяк, холодильник, элеватор, механический амбар, пловучие порталы паровые краны; разрушили причалы, 56 складов; вывели из строя электрохозяйство порта; сожгли жилые дома и служебные помещения.

Ещё в середине марта 1944 года немцы окончательно ликвидировали румынское «управление» в Одессе и

установили свой режим, довершивший разрушение всей промышленности города Одессы. 9 апреля 1944 года, накануне вступления Красной Армии в Одессу, по приказу немецкого командования был разрушен последний крупный промышленный объект — консервный завод имени Ленина.

Лишь стремительное наступление Красной Армии спасло от гибели население ряда кварталов Одессы и его жилища от разрушения.

Военный ефрейтор подрывной команды 420 батальона 203 немецкой дивизии Альбрехт Эмиль показал:

«8 апреля утром мы получили схему от обер-лейтенанта Миллера, на этой схеме были указаны кварталы, которые я и мой товарищ должны были взорвать. 7 апреля 1944 года я должен был выяснить, сколько семейств живёт на Гаванной улице. Зайдя в один из дворов, я узнал, что в нём 40 квартир. Я должен был вернуться и доложить об этом обер-лейтенанту Миллеру, который 8-го утром дал нам распоряжение: в ночь с 8 на 9 по схеме взорвать эти квартиры вместе с населением».

Немецко-румынские захватчики отобрали у колхозов и колхозников и вывезли в Румынию 1 042 013 центнеров зерна, 45 227 лошадей, 87 646 голов крупного рогатого скота, 31 821 свиней, 64 778 овец; 1 741 трактор, 4 860 различных сельскохозяйственных машин, 1 134 комбайна и локомобилия. Они разрушили 3 195 колхозных домов и строений.

* * *

На основании документальных данных, свидетельских показаний, протоколов опроса, заключения судебно-медицинской экспертизы и других материалов специальной комиссии, а также проверкой всех фактов и личным расследованием, произведённым членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком И. П. Трайниным, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что массовое ограбление и истребление мирного населе-

ния, разрушение промышленных предприятий, научных учреждений, школ, больниц и курортов производилось по специальному указанию германского верховного командования, немецкого и румынского правительств.

К ответу немецко-румынских грабителей и палачей!

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что непосредственными виновниками указанных выше преступлений являются следующие немецкие генералы и офицеры: командир 44 армейского корпуса генерал-полковник Д'Ангелис, командир 9 пехотной дивизии генерал-лейтенант Шейденау, командир 36 пехотного полка подполковник Кольб, командир 57 пехотного полка полковник Шенхайг, командир 116 пехотного полка майор Кельнер, командир 9 арtpолка полковник Бальтазар, командир 17 пехотной дивизии полковник Брюккер, командир 21 пехотного полка полковник Прой, командир 55 пехотного полка подполковник Гауль, и. о. командира 95 пехотного полка капитан Шобер, командир 17 арtpолка полковник Бауэр, командир сапёрного батальона капитан Фогель, командир 302 пехотной дивизии генерал-майор Боген, командир 572 пехотного полка полковник Вейс, командир 302 арtpолка полковник Фишер, командир 306 пехотной дивизии генерал-лейтенант Келлер, командир 579 пехотного полка полковник Хольн, командир 580 пехотного полка подполковник Шредер, командир 500 батальона особого назначения капитан Бунцман, командир 304 пехотной дивизии генерал-лейтенант Зиллер, командир 573 пехотного полка полковник фон-дер Гольц.

Такую же ответственность несут следующие представители румынских властей: гражданский губернатор Транснистрии Алексиану, военный губернатор генерал Потопяну, командующий военным округом дивизионный генерал Гуго Шваб, командир 4/24 пехотной румынской

дивизии генерал Наста, командир 21 пехотной румынской дивизии генерал Тринпотанас; генеральный примарь (городской голова) Герман Пынтя, его заместители: Видрашку, Киореску, Нибреску, Синеклиу; директора кабинета губернатора Ротару, Попеску, Фотиаде, Минеску; одесский городской префект Чонович, префект Голтовского уезда подполковник Исопеску, комиссары сигуранцы полковник Никулеску, прокурор Ионеску, полковник жандармерии Гросиу, префект одесской полиции Попович, шефы городской сигуранцы Стоврат, Розван, начальник 1-го района полиции Никулеску, шеф полиции VII района Аврамеску, председатель военного суда полковник Велчау, военный прокурор Атанасиу, Габрилович, Солтан; директор Одесского порта Д. Попеску, Ливио Руссу, генеральный директор музыки Антони Чолан, директор румынского национального театра Аурель Майкан, секретарь отдела культуры городской управы Консоларино, директор детского театра Нани, профессор Штефан, Попеску Г., архитектор губернаторства Ионицу, представитель дирекции искусств Цикулеску, глава трофейной комиссии генерал Василиу, профессор Михул, профессор Рантя, ассистент Бухарестского университета Поп, профессор минералогии Бухарестского университета Ходарча, профессор Джеордысеску, инженер Купфер Ромео, В. Олару, комиссар Негру, прокурор Радулеску, архитектор Тудореску, генеральный секретарь Мойсев, директор завода Т. Салаколу, старшие лейтенанты Голиторий и Шонтя, Санду Габриэль.

Все они должны понести суровую ответственность за свои преступления, совершённые против советского народа.

Опубликовано в газете «Известия» № 140
от 14 июня 1944 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 13 июня 1944 года, Протокол № 33.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В «ГРОСС-ЛАЗАРЕТЕ» СЛАВУТА КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

При освобождении от немцев частями Красной Армии города Славуты на территории бывшего военного городка был обнаружен «лазарет» советских военнопленных. В нём находилось свыше 500 истощённых и тяжело больных людей. Они рассказали об умерщвлении немецкими врачами и охраной «лазарета» десятков тысяч советских военнопленных.

Под председательством Хрущёва Н. С., председателя Совнаркома СССР, специальная следственная комиссия расследовала обстановку и обстоятельства умерщвления гитлеровцами в славутском лазарете офицеров и бойцов Красной Армии, попавших в немецкий плен. Комиссия проверила материал допроса, произведённого старшим советником юстиции Прокуратуры СССР Мальцевым Л. Г., при участии представителей Чрезвычайной Государственной Комиссии Готцева Б. Т. и Кононова В. А., и данные анализа судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР профессора, доктора медицинских наук Сапожникова Ю. С., заведующего патоморфологическим сектором Московского центрального нейро-хирургического института профессора, доктора медицинских наук Смирнова Л. И. и директора Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы НКЮ СССР профессора Бокариус Н. Н.

В результате следствия собрано огромное число показаний свидетелей и пострадавших, распоряжений оккупационных властей и других документов, изображающих гитлеровское правительство и верховное командование германской армии в грубом попрании элементарных правил человечности.

На основании этих материалов Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики оккупировали город Славуту и организовали в нём для раненых и больных офицеров и бойцов Красной Армии «лазарет», наименовав его: «Гросс-лазарет» Славута, цвай лагерь 301». «Лазарет» был расположен в полутора — двух километрах юго-восточнее Славуты и занимал десять трёхэтажных каменных зданий-блоков. Все здания гитлеровцы обнесли густой сетью проволочных заграждений. Вдоль заграждений, через каждые 10 метров были построены вышки, на которых находились пулемёты, прожектора и охрана.

Администрация, немецкие врачи и охрана «Гросс-лазарета» в лице коменданта гауптмана Планк, затем сменившего его майора Павлиски, заместителя коменданта гауптмана Кронсдорфер, гауптмана Ное, штабс-арцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурм, обер-фельдфебеля Ильземан и фельдфебеля Беккер — проводили массовое истребление советских военнопленных путём создания специального режима голода, скученности и антисанитарии, применения пыток и прямых убийств, лишения больных и раненых лечения и принуждения крайне истощённых людей к каторжному труду.

Немецкий «Гросс-лазарет» Славута — лазарет смерти

В «Гросс-лазарете» немецкие власти сосредоточивали 15—18 тысяч тяжело и легко раненых, а также страдающих различными инфекционными и неинфекционными заболеваниями советских военнопленных. На

смену умершим сюда непрерывно направлялись новые партии раненых и больных советских военнопленных. В пути следования военнопленных подвергали истязаниям, морили голодом и убивали. Из каждого эшелона, прибывающего в «лазарет», гитлеровцы выбрасывали сотни трупов. Машинист водонапорной башни, расположенной на территории бывшего военного городка, Данилюк А. И. сообщил следственной комиссии, что он видел, как «из каждого вагона прибывавшего эшелона выбрасывалось по 20—25 трупов и на железнодорожной ветке оставалось до 800—900 трупов».

В пути пешего следования тысячи советских военнопленных погибали от голода, жажды, отсутствия медицинской помощи, дикого произвола немецкого конвоя. Медицинская сестра Славутской больницы Иванова А. Н. показала перед Следственной Комиссией, что в больницу местными жителями часто доставлялись советские военнопленные, брошенные конвоем, с тяжёлыми ранениями, нанесёнными в пути. В числе доставленных в больницу и скончавшихся она назвала техника-интенданта первого ранга Соломай, штабного писаря Пошехонова и рядового бойца Капилес.

Как правило, гитлеровцы ударами прикладов и резиновых дубинок встречали партии военнопленных у ворот «лазарета», затем отбирали у вновь прибывших кожаную обувь, тёплую одежду и личные вещи.

Немецкие врачи преднамеренно распространяли в «лазарете» инфекционные заболевания

В «Гросс-лазарете» немецкие врачи искусственно создавали невероятную скученность. Военнопленные принуждены были стоять, тесно прижавшись друг к другу, изнемогали от усталости и истощения, падали и умирали. Фашисты применяли различные способы «уплотнения» «лазарета». Бывший военнопленный Хуажев И. Я. сообщил, что немцы «выстрелами из автоматов

уплотняли помещения и люди невольно тесно прижимались друг к другу; тогда сюда гитлеровцы вталкивали ещё больных и раненых и двери закрывали».

В «лазарете» немецкие врачи преднамеренно распространяли инфекционные заболевания. Больных сыпным тифом, туберкулёзом, дизентерией, раненых с тяжёлыми и лёгкими повреждениями они размещали в одном блоке и в одной камере. Бывший военнопленный советский врач Крыштоп А. А. показал, что «в одном блоке находились больные сыпным тифом и туберкулёзом, количество больных доходило до 1.800 человек в то время, как в нормальных условиях там можно было разместить не более 400 человек». Уборка камер не производилась. Больные по несколько месяцев оставались в том белье, в котором попадали в плен. Спали они без всякой подстилки. Многие были полураздеты или совершенно голые. Помещения не отапливались, а примитивные печи, сделанные самими военнопленными, разрушались. Элементарная санитарная обработка поступающих в «лазарет» не производилась. Всё это способствовало распространению инфекционных заболеваний. В «лазарете» не было воды для умывания и даже для питья. В результате антисанитарии вшивость в «лазарете» приняла чудовищные размеры.

Немецкие врачи и охрана «Гросс-лазарета» голодом истребляли советских военнопленных

Суточный пищевой рацион советских военнопленных состоял из 250 граммов эрзац-хлеба и 2 литров так называемой «баланды». Эрзац-хлеб выпекался из специальной, присылаемой из Германии муки. В одном из складов «лазарета» обнаружено около 15 тонн этой муки, хранившейся в 40-килограммовых бумажных мешках с фабричными этикетками «Шпельцмель». Судебно-медицинской и химической экспертизой, а также анализом, произведённым Институтом питания Наркомздрава СССР от 21 июня 1944 г., установлено, «что «мука» пред-

ставляет собой мякину с ничтожной примесью крахмала (1,7 процента). Наличие крахмала свидетельствует о содержании в исследуемой массе ничтожного количества муки, повидимому, образовавшейся от случайно попавших в солому зёрен при обмолоте. Питание «хлебом», приготовленным из этой муки, влекло за собой голодание, алиментарную дистрофию, в её кахектической и отёчной (голодный отёк) формах и способствовало распространению среди советских военнопленных тяжёлых кишечечно-желудочных заболеваний, обычно кончавшихся смертью».

Так же пагубно действовала на организм «баланда», изготовлявшаяся из шелухи гречихи и проса, неочищенного и полусгнившего картофеля, всякого рода отбросов, с примесью земли, осколков стекла. Нередко пища приготавливалась из падали, подбираемой по распоряжению коменданта в окрестностях «лазарета».

По заявлению бывших военнопленных Иноземцева И. П., Чигрина Е. И. и Жданова П. Н. в «Гросс-лазарете» периодически отмечались вспышки заболеваний неизвестного характера, называвшиеся немецкими врачами «парохолерой». Заболевание «парохолерой» было плодом варварских экспериментов немецких врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход «парохолеры» в 60—80 процентах случаев был смертельный. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причём русские врачи военнопленные к вскрытию не допускались.

Несмотря на то, что славутский лагерь официально именовался «Гросс-лазаретом» и в его штате числилось значительное количество медицинского персонала, больные и раненые офицеры и бойцы Красной Армии не получали самой элементарной медицинской помощи. Медикаменты для больных и раненых не выдавались. Хирургической обработке раны не подвергались и не перевязывались. Раненые конечности с повреждениями

костей не иммобилизовались. Даже за тяжело больными не был организован уход. Бывшая военнопленная санитарка Молчанова П. А. сообщила, что «больные и раненые в большом количестве, сосредоточенные в соседнем с нами помещении, за дощатой перегородкой, не получали никакой медицинской помощи. Днём и ночью из их палаты доносились непрерывная мольба о помощи, просьба о том, чтобы им дали хоть каплю воды. Сквозь щели между досками проникало тяжёлое зловоние от гноящихся и запущенных ран».

Пытки и расстрелы советских военнопленных

Советских военнопленных в «Гросс-лазарете» подвергали пыткам и истязаниям, били при раздаче пищи, при выводе на работу. Не щадили фашистские палачи даже умирающих. Судебно-медицинская экспертиза при эксгумировании трупов обнаружила в числе других труп военнопленного, которому в агональном состоянии было нанесено колотое ранение ножом в паховую область. С торчащим в ране ножом он был брошен в могилу и ещё живым засыпан землёй.

Одним из видов массовых пыток в «лазарете» было заключение больных и раненых в карцер, который представлял собою холодное помещение с цементным полом. Заключённые в карцер на несколько дней лишались пищи, и многие там умирали. Больных и слабых людей гитлеровцы с целью ещё большего истощения заставляли бегать вокруг зданий «лазарета», а тех, кто не мог бегать, запарывали до полусмерти.

Нередки были случаи убийства военнопленных немецкой охраной ради потехи. Бывший военнопленный Бухтийчук Д. П. сообщил о том, как немцы бросали на проволоочные заграждения внутренности павших лошадей и, когда обезумевшие от голода военнопленные подбегали к заграждениям, охрана открывала по ним

стрельбу из автоматов. Свидетель Кирсанов Л. С. видел, как был заколот штыком один из военнопленных за то, что он поднял с земли клубень картофеля. Бывший военнопленный Шаталов А. Т. «был очевидцем, как конвоир застрелил военнопленного, пытавшегося получить вторую порцию «баланды». В феврале 1942 г. он «видел, как часовой ранил одного из пленных, который искал в мусорной яме объедки, оставшиеся в немецкой кухне обслуживающего персонала, раненый был немедленно уведён к яме, раздет и пристрелен».

Комендатура и охрана лагеря неоднократно применяли изощрённые меры истязаний. Среди вскрытых эксгумированных трупов судебно-медицинская экспертиза обнаружила четыре трупа военнопленных, умерщвлённых холодным оружием, с колотыми головными ранами, проникающими в полость черепа.

Раненых и больных военнопленных, несмотря на крайнюю степень истощения и резкую слабость, гитлеровцы принуждали к непосильному физическому труду. На военнопленных перевозились тяжести, вывозились трупы умерщвлённых советских людей. Изнемогающих и падающих военнопленных конвоиры убивали на месте. Путь на работу и с работы, по заявлению ксёндза города Славуты Милевского, намечен, как вехами, маленькими надмогильными холмиками.

Наиболее ярким свидетельством изуверского отношения немецко-фашистских палачей к советским военнопленным является тот факт, что многих больных и раненых они закапывали в могилы заживо. Бывшему военнопленному Панкину А. М. известен случай, когда в феврале 1943 г. в мертвецкую был вынесен больной, находившийся в забытье. В мертвецкой больной очнулся, о чём было доложено немцу — шефу блока. Но он приказал оставить больного в мертвецкой, и больной был похоронен.

На основании обнаружения в глубоких дыхательных путях четырёх трупов военнопленных вплоть до мельчайших бронхов «большого количества песчинок, которые

могли попасть так глубоко лишь при дыхательных движениях засыпанных песком», судебно-медицинская экспертиза установила, что в «Гросс-лазарете» охрана комендатуры с ведома немецких врачей хоронила советских людей живыми.

Немецкие палачи расстреливали мирных граждан за оказание помощи советским военнопленным

Несмотря на строжайшую охрану и безудержные репрессии, советские военнопленные совершали индивидуальные и групповые побегі из «лазарета», находя приют у местного населения Славуты и окружающих населённых пунктов. В связи с этим 15 января 1942 года Шепетовский гебитскомиссар правительственный советник доктор Ворбс, в округ которого входил город Славута, специальным распоряжением предупредил население, что «за оказание «посторонним лицам», т. е. бежавшим военнопленным, какой бы то ни было помощи, виновные будут расстреляны. Если же непосредственные виновники не найдутся, то в каждом случае будет расстреляно 10 заложников». Районная управа города Славуты, в свою очередь, объявила, что «все военнопленные, самовольно покинувшие лазарет, объявляются вне закона и подлежат расстрелу в любом месте их обнаружения».

Бежавших и задержанных военнопленных, а также граждан, оказывавших им помощь, гитлеровцы арестовывали, подвергали избиениям и расстреливали. Священнику Журковскому известен факт об аресте и расстреле 26-ти мирных граждан, оказавших помощь военнопленным. Свидетель Фригауф Я. А. сообщил, что за помощь военнопленным были арестованы доктор местной больницы Махнилов, дочь доктора Вайцешука, медсестра Нионила.

Особую активность в расправах с задержанными военнопленными и мирными гражданами проявлял шеф славутской жандармерии обервахмайстер Роберт Готовиц и его заместитель вахмайстер Лор. Расстрел совет-

ских людей гитлеровцы производили на участке, прилегающем с юга к водонапорной башне бывшего военного городка, возле «Гросс-лазарета». Это место ими было избрано с целью устрашения военнопленных, которые являлись невольными свидетелями чудовищных злодеяний.

Последствия варварского режима, установленного в «Гросс-лазарете»

При медицинском освидетельствовании 525 освобождённых из «Гросс-лазарета» Славути советских военнопленных было установлено у 435 крайняя степень истощения, у 59 — осложнённое течение ран, у 31 — нервно-психическое расстройство. Судебно-медицинская экспертиза на основании внутреннего исследования 112 и наружного осмотра 500 эксгумированных трупов пришла к заключению, что администрация и немецкие врачи «лазарета» создали такой режим, при котором была почти поголовная смертность больных и раненых. Основной причиной смерти советских военнопленных судебно-медицинские эксперты считают истощение крайней степени, инфекционные заболевания, нанесение огнестрельных ран из автоматов и холодным оружием. Такой смертности, которая была в «лазарете», не знает ни одно лечебное учреждение. Круглые сутки военнопленные, впряжённые в повозки, вывозили трупы к заранее подготовленным ямам и всё же не успевали. Тогда для ускорения «транспортировки» трупы выбрасывались из «лазарета» прямо из окон и там во дворе складывались штабелями.

Бывший военнопленный Севрюгин Л. В. сообщил: «Люди вокруг меня умирали сотнями. Возле меня ежедневно умирали 9—10 человек. Мёртвых увозили, места занимались новыми больными, а утром повторялась та же картина. Колоссальная смертность доходила до 300 человек в день». За два года оккупации города Славути, при участии немецких врачей Борбе, Штурм и

других медицинских работников, в «Гросс-лазарете» гитлеровцы истребили до 150 тысяч офицеров и бойцов Красной Армии.

Немецкие палачи пытались скрыть следы своих преступлений

Немецко-фашистские палачи всячески старались замести следы своих преступлений. Они тщательно маскировали места захоронения советских военнопленных. Это подтверждается данными расследования и судебно-медицинской экспертизы. Только на территории бывшего военного городка обнаружено до тысячи могил массового захоронения. На кресте могилы № 623 было написано восемь фамилий похороненных. При вскрытии этой могилы в ней оказалось 32 трупа. То же самое выявлено при вскрытии могилы № 624. В других могилах при вскрытии обнаружена грунтовая прослойка между лежащими в ней трупами. При вскрытии могилы № 625 было извлечено 10 трупов, а под слоем грунта толщиной в 30 сантим. ещё два ряда трупов. То же самое выявлено при раскрытии могилы № 624 и могилы № 8. Из последней извлечено 30 трупов, под слоем грунта найдено ещё множество трупов значительно большей давности захоронения.

Гитлеровцы маскировали места захоронения путём посадки на них деревьев, прокладки дорожек, разбивки клумб и т. д. У казармы № 6 под одной из дорожек, выложенной камнями, была обнаружена могила размером 4,5 метра на 3 метра. В северо-западном направлении от этой казармы недалеко от шоссе, ведущего в Шепетовку, обнаружены три замаскированных могилы размером от 6 метров на 2 метра до 6,5 метра на 2,5 метра.

К ответу гитлеровских палачей

На основании показаний свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы и расследования, произведённого специальной комиссией, Чрезвычайная Государ-

ственная Комиссия неопровержимо установила факт преднамеренного истребления охраной и немецкими врачами «Гросс-лазарета» до 150 тысяч советских военнопленных.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за эти преступления правительство и военное командование фашистской Германии, а также непосредственных виновников: штабсарцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурм, Шепетовского гебитскомиссара, правительственного советника доктора Ворбс, майора Павлиски, гауптмана Планк, гауптмана Ное, гауптмана Кронсдорфер, обер-фельдфебеля Ильземан, фельдфебеля Беккер, шефа славутской жандармерии обер-вахмайстера Готовиц и его заместителя вахмайстера Лор.

Все они должны понести суровую кару за свои чудовищные кровавые преступления, выразившиеся в преднамеренном истреблении советских военнопленных бойцов и офицеров Красной Армии.

Опубликовано в газете «Известия» № 183
от 3 августа 1944 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 2 августа 1944 года, Протокол № 36.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ ФИНСКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

На временно оккупированной территории Карело-Финской ССР правительство и верховное военное командование Финляндии, осуществляя свои империалистические планы, стремились поработить советских людей, уничтожить культуру народа и превратить Карело-Финскую ССР в колонию. В наставлении так называемого «Восточно-Карельского просветительного отдела» Финского штаба, захваченном Красной Армией при разгроме штаба 13-го берегового артиллерийского полка в июне 1944 года, указывается воинским частям на необходимость осуществления захвата территории Карело-Финской ССР и других областей Советского Союза. В нём говорится: «...Если в Финляндии теперь недостаёт строительного леса, то *богатые леса Восточной Карелии ждут превращения их в капитал...* Преимущественно в Восточной Карелии лес старый, созрелый, в то время, как в Финляндии он молодой, мало пригодный, как строительный материал. К тому же вывоз леса из Восточной Карелии при наличии такого большого количества рек и озёр стоит малых затрат. Экономическая же выгода от этого очень велика».

Финское правительство с беспримерной наглостью объявило всё советское население на захваченной

территории пленным и заключило мужчин, женщин, стариков и детей в специально созданные концентрационные лагеря, создав в них режим голода, истязаний и непосильного изнурительного труда с целью преднамеренного истребления советских людей.

Комиссия в составе: депутата Верховного Совета Союза ССР, генерал-майора Куприянова Г. Н., председателя Совнаркома Карело-Финской ССР Проконен П. С., полковника Никитина Д. Н., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Макарова В. Н. и судебно-медицинских экспертов расследовала и установила факты беспримерных злодеяний, совершённых финско-фашистскими оккупантами на временно захваченной ими территории Карело-Финской ССР.

Разрушение городов и сёл Советской Карелии

Город Петрозаводск, основанный в 1703 году Петром Первым на западном берегу Онежского озера, за годы Советской власти стал крупным центром промышленности и культуры Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

Финско-фашистские захватчики за время оккупации, и особенно перед отступлением, подвергли столицу Карело-Финской ССР огню, грабежу и разрушениям.

В непримиримой ненависти к советской культуре финны сожгли и разграбили в Петрозаводске университет, научно-исследовательский Институт культуры, Публичную библиотеку, Государственную филармонию, Дворец пионеров, театр, музыкальное училище, 2 педагогических училища, индустриальный техникум, 5 школ, 9 детских садов, кинотеатр, физиотерапевтическую лечебницу, психоневрологический диспансер, разграбили государственный музей, взорвали и сожгли все мосты и свыше 485 жилых домов, в том числе дом, где жил знаменитый поэт XVIII века Г. Р. Державин, варварски разрушили памятники В. И. Ленину и С. М. Кирову.

Они полностью уничтожили промышленность города, разрушили железнодорожный узел, сооружения и флот Беломорско-Онежского государственного пароходства, все предприятия связи. Перед уходом из Петрозаводска финны взорвали, сожгли и разрушили 7 электростанций, 3 плотины, фидерную подстанцию, трансформаторные киоски, вывезли в Финляндию ценное электрооборудование.

Финские захватчики взорвали и уничтожили электростанцию, плотину, жилой фонд, подсобные предприятия старейшего Онежского металлургического и машиностроительного завода, хозяйство которого создавалось на протяжении столетий и особенно за годы Советской власти. При этом захватчики вывезли из завода в Финляндию оборудование всех 20 цехов завода.

Финны разрушили в Петрозаводске крупнейшую в Советском Союзе лыжную фабрику, выпускавшую до войны в год свыше 500 тысяч лыж первоклассного качества, сожгли лесопильные заводы, уничтожили холодильник, типографию, ликёро-водочный и пивоваренный заводы, хлебозаводы, взорвали надводные сооружения и цехи судостроительного завода.

В оккупированных районах Карело-Финской ССР фашистские захватчики уничтожили все механизированные предприятия и сооружения лесозаготовок и лесосплава: сожгли 4 лесопильных завода и мебельную фабрику, Кондопожский целлюлозный завод, взорвали водосброс на Кондопожской Государственной Электростанции, электростанцию в Медвежьегорске, Повенецкий судоремонтный и Кондопожский пегматитовый заводы и много других предприятий. Крупнейшие разрушения финские оккупанты причинили сооружениям Беломорско-Балтийского канала имени Сталина: взорвали 7 шлюзовых ворот, аварийные ворота, эстакадные стенки камер шлюзов, плотины, дамбы, водоспуски, бетонные устои. Такие же разрушения финские погромщики произвели во всех городах и большинстве сёл Карело-Финской ССР.

Финские захватчики пытались превратить мирных советских граждан в своих рабов

Сразу же после вторжения в Карело-Финскую ССР фашистские захватчики объявили советских людей пленными и заключили их в специальные концентрационные лагеря.

В городе Петрозаводске было организовано шесть таких лагерей, в которых содержалось до 25 тысяч человек — женщин, детей и стариков. Концентрационные лагеря для мирных граждан были организованы также в Медвежьегорске, близ города Олонец, в совхозе Ильинском и в других местах Карело-Финской ССР. Во всех лагерях финнами был установлен для заключённых жесточайший режим издевательств, изнурительных непосильных работ, пыток и насилий.

Территория лагерей была обнесена высоким забором и колючей проволокой. С 7 часов утра «пленников», не считаясь ни с полом, ни с возрастом, ни с состоянием здоровья, под конвоем выгоняли на тяжёлые изнурительные работы. «Пленным» советским гражданам в лагерях в качестве питания выдавали в день 100—200 граммов недоброкачественного хлеба и нерегулярно — по 200 граммов мороженого картофеля или гнилую колбасу из конского мяса. Охрана лагеря, которую возглавлял полковник Рольф Шильд, истязала поголовно всех советских людей, заключённых в лагеря. Финские рабовладельцы избивали заключённых за невыполнение норм выработки, за неправильную укладку дров в поленницы, за недостаточную почтительность к чинам охраны, били и истязали без всяких поводов. Одной из мер наказания было также лишение пайка на двое-трое суток и заключение в карцер.

«Пленных» мирных советских людей финские палачи подвергали невероятным истязаниям и пыткам. Один из жителей Петрозаводска, давший свои показания Следственной комиссии, Новиков Б. И. был очевидцем того,

как в лагере № 2 финны отобрали 30 человек, как якобы военнопленных. Их увезли на улицу Льва Толстого, где подвергли мучительным истязаниям. «Пленным» жгли пятки калёным железом, били резиновыми палками, затем 15 человек из них расстреляли. Остальные 15 человек через 25 суток были возвращены в лагерь № 2. Пленный финский солдат 1-й роты 2-го батальона бригады самокатчиков бронетанковой дивизии Лагуса Вилхо Кургила показал: «Когда мы вошли осенью 1941 года в город Петрозаводск, то населения там не нашли: всё оно разбежалось по окрестным лесам. Финские власти издали приказ, которым предлагали населению под угрозой расстрела немедленно вернуться в город. Были созданы отряды для поимки населения и обратного его возвращения в Петрозаводск. Население таким образом собрали и загнали в лагеря. Один лагерь был создан в Куковке, другой — в местечке под названием «Дорога в Соломенчуги», 3-й находился за радиомачтой. Всех — и старых, и молодых под конвоем гоняли на тяжёлые работы. На людей было страшно смотреть — до того у них был несчастный и забитый вид. Очень многие не выдерживали и умирали. В то время, когда жители находились в лагерях, мы, финские солдаты, очень хорошо пожили как в самом Петрозаводске, так и в окрестных деревнях. В домах оставалось всё имущество местного населения и много продуктов. Всё это добро было объявлено безнадзорным, и, разумеется, мы не зевали, брали всё, что нам казалось подходящим. Много добра мы отправили родственникам в Финляндию. Особенно отличались в этих делах солдаты 3-й роты нашего батальона, да и другие не отставали от них».

Финны истязали в лагерях не только взрослых, но и детей, которые также считались «пленными». Пленный финский солдат 13-й роты 20-й пехотной бригады Тойво Арвид Лайне показал: «В первых числах июня 1944 года я был в Петрозаводске. На станции Петрозаводск я видел лагерь для советских детей. В лагере помещались дети от

5 до 15 лет. На детей было жутко смотреть. Это были маленькие живые скелеты, одетые в невообразимое тряпье. Дети были так измучены, что даже разучились плакать и на всё смотрели безразличными глазами».

«Пленных» детей финские рабовладельцы наравне со взрослыми заставляли выполнять непосильную работу. Финский солдат Ахо Суло Иоганнес из 2-го отдельного батальона береговой обороны был очевидцем, как «в течение лета 1943 года было согнано свыше 200 человек, главным образом подростков из ближайших деревень, на строительство дороги в районе Толбуя и пристани Шитики. Все эти люди работали под охраной финских солдат, как заключённые».

В сентябре месяце 1943 года 10-летний мальчик Зуев Лёня, содержащийся в лагере № 2, хотел перелезть через проволочный забор. Финский охранник заметил Зуева, без всякого предупреждения выстрелил в него и ранил мальчика в ногу. Когда Лёня свалился, финн выстрелил в него вторично. Израненный Зуев с трудом дополз до зоны лагеря. Свидетельница Лахина Е. В., содержащаяся в лагере № 5, сообщила Комиссии о жутких жилищно-бытовых условиях заключённых находившихся в лагерях: «В помещениях в 15—20 метров проживало от 6 до 7 семей. Бани и прачечной в лагере не было. Воду брали из канавы, в которой валялись человеческие трупы. Мыла совершенно не выдавали. Среди «пленных» наблюдалась массовая вшивость. Нечеловеческие условия жизни в лагере повлекли за собой развитие эпидемий — цынги, дизентерии, сыпного тифа».

В результате голода и массовых эпидемических заболеваний во всех концлагерях была исключительно высокая смертность: ежедневно умирали десятки людей, трупы которых свозились на кладбище по 2—3 раза в неделю. Вот что рассказали об этом очевидцы. Очевидец Коломенский Алексей Прокофьевич, находившийся в 5-м петрозаводском лагере с 1 декабря 1941 года по 28 июня 1944 года, сообщил: «Работая возчиком, я вывозил

из лагеря умерших на кладбище «Пески», расположенное в 5 километрах от города Петрозаводска. Умерших вывозили во вторник, четверг и субботу каждой недели. По моим записям в мае 1942 года умерло 170 человек, в июне — 171, в июле — 164, в августе — 152. Всего с мая по 31 декабря 1942 года умерло в нашем лагере 1014 человек. В начале 1942 года в этом лагере было около 7,5 тысячи человек, а к моменту освобождения нас Красной Армией оставалось четыре с половиной тысячи».

В комиссию поступило письмо бывших заключённых в петрозаводских концлагерях, в котором они пишут: «Почти 3 года мы были оцеплены двойной колючей проволокой, окружены тюремными вышками и охранялись вооружённым конвоем. Нас морили голодом, избивали нагайками за малейшую провинность. Особенно зверствовали в лагере № 2 комендант лейтенант Салаваара, а также комендант лагеря Вилки Лакоонен... Для «правонарушителей», состоявших преимущественно из детей, молодёжи и женщин, созданы были лагеря специального назначения: в Кутижме, Вилге, Киндосове, по своим условиям не уступавшие средневековым казематам. Здесь советских людей морили голодом, выгоняли на лесные работы зимой в рваных резиновых галошах на босую ногу. Здесь население лагерей питалось мышами, лягушками, дохлыми собаками. Здесь умирали тысячи пленных от кровавого поноса, тифозной горячки, от воспаления лёгких — без всякой врачебной помощи. Врач-зверь Колыхмайнен вместо лечения бил больных палками и кулаками, выгонял сыпнотифозных на мороз». Под этим письмом подписалось 146 советских граждан — бывших заключённых в петрозаводских концентрационных лагерях.

О нечеловеческой жестокости финских негодяев в отношении к советским мирным гражданам, заключённым в концентрационные лагеря, свидетельствует и такой далеко не единичный факт. В руки Комиссии попало письмо бывшего студента университета в Хельсинки ря-

дового 7-го пограничного егерского батальона Салминена, который в этом письме писал буквально следующее: «Вчера расстреляли двух русских, отказавшихся приветствовать нас. Уж мы покажем этим русским!»

В результате каторжного режима, болезней, пыток и расстрелов в петрозаводских лагерях истреблено свыше 7 000 советских граждан.

Комиссия под председательством депутата Верховного Совета СССР Дильденкина, председателя Петрозаводского городского совета Степанова, профессора Петрозаводского университета Базанова, с участием судебно-медицинских экспертов—главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта, майора медицинской службы Петропавловского, главного патолога Карельского фронта, подполковника медицинской службы, доктора медицинских наук Ариэль и других, осмотрев петрозаводское кладбище «Пески», обнаружила 39 групповых могил и установила, что во всех этих могилах захоронено не менее 7 000 трупов. Судебно-медицинской экспертизой эксгумированных трупов установлено, что причиной смерти большинства погребённых являлось истощение. У части трупов имеются сквозные повреждения черепа огнестрельным оружием.

Финские палачи истязают и истребляют голодной смертью советских военнопленных

Фашистское командование в сентябре 1941 года организовало в городе Олонце Карело-Финской ССР пересыльный лагерь № 17, в котором содержались бойцы и младшие командиры Красной Армии, попавшие в плен на Свирском участке фронта. Территория лагеря была обнесена двумя рядами колючей проволоки высотой до 2 метров. Все здания лагеря также были изолированы друг от друга колючей проволокой. Количество содержащихся в лагере военнопленных колебалось всё время от 600 до 1 000 человек одновременно. Комендант лагеря

лейтенант Сойнинен Тойво в пьяном виде приходил в бараки и лично избивал военнопленных, а также приказывал избивать их своим подчинённым. Заместители коменданта Ингман и Салмело, следователь лагеря лейтенант Шепалис и военный чиновник Шмидт систематически, без всякого повода, жестоко избивали советских военнопленных палками и плетью.

Советских военнопленных, которые, по мнению финско-фашистских палачей, плохо работали, ставили с вытянутыми руками на высокий пень и заставляли стоять в таком положении от 30 минут до полутора часов. В зимнее время такие пытки над военнопленными приводили к обмороживанию конечностей и тяжёлым заболеваниям. Администрация и охрана лагеря не только пытали, истязали и морили голодом советских военнопленных, но и расстреливали их за малейшую «провинность». Бывший советский военнопленный Белан Т. показал, что один из финских солдат-охранников очередью из ручного пулемёта застрелил военнопленного за то, что тот близко подошёл к проволочному ограждению. За это убийство комендант лагеря Алапиес присвоил убийце звание капитала. Летом 1943 года военнопленный Быков, как показал свидетель Феклистов М. Е., по дороге с работы стал собирать грибы и отстал от группы. Комендант Сойнинен и охранник Хервонен, встретив Быкова по дороге возвращавшимся в лагерь, застрелили его из пистолетов.

При занятии Олонецкого района Красной Армией в госпитале Олонецкого лагеря военнопленных была найдена регистрационная книга больных военнопленных, которая даёт яркую картину истребления финнами советских военнопленных. По записям книги значится, что только за первые 6 месяцев 1942 года из общего числа зарегистрированных 1 888 больных в госпитале умерло от общей слабости, истощения и отёчности 588 человек. Трупы умерших и замученных военнопленных закапывались в общей траншее, вырытой специально для этого в 100 метрах от лагеря.

Судебно-медицинская экспертная комиссия произвела эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных на кладбище возле Олонецкого лагеря № 17. При судебно-медицинском исследовании трупов установлено, что подкожная жировая клетчатка, а также клетчатка внутренних органов истощена или полностью отсутствует, что свидетельствует о резком истощении, развившемся вследствие длительного голодания. У части трупов обнаружены следы огнестрельных ранений головы и грудной клетки.

На основании исследований трупов, показаний свидетелей установлено, что финско-фашистские палачи морили голодом советских военнопленных, применяли к ним пытки и истязания, а также расстрелы.

Финско-фашистские палачи убивают раненых офицеров и бойцов Красной Армии

Финско-фашистские мерзавцы добивают попавших в плен раненых советских офицеров и бойцов. Ниже приводится часть имеющихся в распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии документов и показаний свидетелей, доказывающих беспримерные факты злодеяний белофиннов над советскими бойцами и командирами Красной Армии:

«АКТ. Мы, нижеподписавшиеся, военврач 3-го ранга Голынский, военврач 3-го ранга Педарян, младший политрук Бестолов, старшина Бочкарёв, санитар Жуков, красноармеец Босенко, военфельдшер Рябов, обследовав трупы зверски замученных белофинскими бандитами бойцов Красной Армии, констатируем следующее: 1) На трупе краснофлотца Кулешова: обрезано правое ухо, в области лица следы ударов прикладом и ряд штыковых ран, правая нога вывернута в колене и тазобедренном суставе. 2) На трупе краснофлотца Зива обожжены кожные покровы лица, усы и борода, в области правого глаза больших размеров кровоподтёк, на левом виске имеется ранение, нанесённое холодным оружием. 3) На трупе красноармейца Кривулина: в области правой сонной

артерии рана холодным оружием — вскрыта сонная артерия, перелом ключицы, ряд ранений на правом плече, верхнее веко левого глаза вырезано, повреждён глаз.

4) На трупе красноармейца Баранова: в области грудной клетки свыше 6 штыковых ран, на обеих пятках крестообразные ранения, нанесённые холодным оружием».

28 июня 1944 года во время боя за деревню Пуско-Сельга финны прорвались к месту, где были сосредоточены более 70 раненых бойцов и офицеров Красной Армии. Фашистские изверги учинили чудовищную расправу над советскими ранеными, добывая их очередями из автоматов и ударами штыков, ножей и прикладов. От этой зверской расправы, притворившись мёртвыми, случайно уцелели 3 человека: сержант Марков И. С. и бойцы Криворучко И. И. и Крючков В. В.

«Когда перестрелка прекратилась,— рассказал сержант Марков,— финские солдаты и офицеры стали обшаривать наших убитых и раненых. В нескольких метрах от меня лежал раненый в ногу сержант Щучка. 4 финна подошли к нему, сорвали с гимнастёрки гвардейский значок и расстреляли. Другая группа финнов исколола штыками и изрубила ножами раненого младшего лейтенанта Баранова. Кругом слышались стоны убиваемых. Некоторые раненые пытались спастись, отползая в сторону, но финские солдаты и офицеры настигали их и зверски расправлялись».

11 и 12 июля 1944 года майор медицинской службы, профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук М. Е. Браул произвёл вскрытие трупов замученных финнами офицеров и бойцов Красной Армии в районе озера Котоярви. В результате вскрытия трупов установлено, что раненые были убиты после боя финскими солдатами и офицерами, из них: одиночными выстрелами и автоматными очередями убито 34 человека, раздроблены кости черепа тяжёлым тупым орудием у 1 человека, выстрелами, с одновременным раздроблением тупым орудием черепа, убито 6 человек.

Сознательное истребление раненых бойцов и командиров Красной Армии финскими воинскими частями подтверждается многочисленными показаниями финских военнопленных. Солдат Хейсканен Юхо из 3-й пехотной бригады показал: «В Петрозаводске навстречу нам шли пленные красноармейцы. Их гнали ударами прикладов. Я видел раненого красноармейца. Один из наших солдат взял автомат и застрелил его на месте». Солдат финской армии Вяйне Неваранта из 21 отдельного батальона сообщил: «Наш батальон повёл наступление севернее Медвежьегорск. Во время этого боя попало к нам в плен около 100 красноармейцев. Их повели в тыл. Лейтенант Ниemi оставил раненых красноармейцев при себе, заявив, что их привезут после на подводах. Когда остальные пленные достаточно удалились от этого места, Ниemi стал из револьвера пристреливать раненых красноармейцев. Лично он застрелил 8 человек, остальных велел прикончить одному из автоматчиков. Очевидцами этого были все солдаты нашего взвода».

Аналогичные показания дал Комиссии связной начальника тыла 27 пехотного полка 18 дивизии солдат Ниemi Леопольд: «Я знаю много случаев, когда финские солдаты и офицеры расстреливали русских военнопленных. В марте 1942 года при занятии острова Гогланд нами было захвачено в плен более 30 русских моряков. Я видел, как солдаты нашего 1 батальона расстреляли около дороги 3-х из них, а после допроса были расстреляны и остальные. Офицеры говорили, что русские матросы — это самые заядлые большевики и их нельзя оставлять в живых. Операцией по захвату острова руководил генерал-майор Пояри».

Секретной инструкцией штаба 7-й финской пехотной дивизии за № 511 частям финской армии предписано самое откровенное мародёрство: «При всех обстоятельствах, как только позволяет обстановка, надо снимать с убитых солдат противника всё обмундирование и снаряжение. В случае надобности к этой работе можно привлекать

военнопленных. (Основание: телеграфное распоряжение штаба финской карельской армии)».

Захваченный в плен Красной Армией бывший заместитель начальника Олонцкого лагеря военнопленных № 17 Пелконен на допросе показал: «Я полностью разделял проводимую финнами фашистскую пропаганду. В лице русской национальности я видел истинных врагов моей страны. С таким мнением я пошёл воевать против русских. В лагере для советских военнопленных № 17 администрация лагеря, в частности мой начальник лейтенант Сойнинен говорил, что русские, даже находясь в плену, продолжают оставаться для финнов врагами и не поддаются воспитанию, а способны соблюдать лагерный режим только после физических мер воздействия. На основании этого я считал советских военнопленных за ничтожество, ощущал своё превосходство над ними и, пользуясь их беспомощностью, при всяком удобном случае вымещал на них злобу»...

Финских палачей к суровому ответу!

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что виновными за все злодеяния, совершённые финско-фашистскими захватчиками на территории Карело-Финской ССР, являются, наряду с финским правительством и командованием армии, следующие лица: начальник Управления Восточной Карелией подполковник Котеляйнен, начальник штаба Управления Восточной Карелией генерал-майор Арраюры, командир 8-й дивизии финской армии генерал-майор Полоярви, командир 4-го финского пехотного полка 8 дивизии полковник Вистора, генерал-майор Пояри, полковник Рольф Шильд, военный комендант города Петрозаводска капитан Лаурикайнен, заместитель коменданта лейтенант Эломоа, коменданты концентрационных лагерей города Петрозаводска: Вилки Лакоонен, лейтенант Салаваара, майор Куурема, лейтенант Каллио, лейтенант Толонен Пентти, лейтенант Нуотто

Юсси, Эррикайнен, Кангас, заместители комендантов лагерей: Ингман, Айрола и Сеппеля, начальник канцелярии лагеря Сарайоки, коменданты Олонецкого лагеря № 17 лейтенант Алапиес, лейтенант Сойнинен Тойво, заместители коменданта лагеря Салмело, Пелконен, следователи: лейтенант Шепалис, военный чиновник Шмидт, переводчики Карпеляйнен и Пистиляйнен, начальник Киндосовской тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники Ковала и Сихвонен, комендант Киндосовского лагеря сержант Вихула, заместитель коменданта лагеря № 2 сержант Линдхольм Вейкко, сержанты: Аллагонен Пенти, Сивонен Эмиль, Юллилуомма Мати, Вуори Арво, Касимяки Тюкио, Ламбер Вейкко, охранник Хервонен, капрал Инкель Койвосала, охранник Юллиманола Эдверд, лейтенант Ниemi.

Все они должны предстать перед судом советского народа и понести суровую кару за совершённые злодеяния.

Опубликовано в газете «Известия» № 196
от 18 августа 1944 года на основании
Постановления Чрезвычайной Государственной
Комиссии от 16 августа 1944 года, Протокол № 37.

О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗЛОДЕЯНИЯХ, СОВЕРШЁННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ВАРВАРАМИ В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

На основании материалов расследования, показаний очевидцев и фото-документов, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что гитлеровские бандиты, по указанию германского военного командования, разрушили и уничтожили культурно-исторические памятники русского народа, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Чрезвычайная Государственная Комиссия ниже публикует акт о разрушениях и злодеяниях, совершённых немецко-фашистскими варварами в Пушкинском Заповеднике Академии Наук СССР.

«А К Т

В целях сохранения культурно-исторических памятников русского народа, связанных с жизнью и творчеством гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, Советское Правительство 17 марта 1922 года объявило усадьбу поэта в Михайловском, его могилу в Святогорском монастыре и близлежащие места—Тригорское, Городище и деревню Воронич Государственным Заповедником.

Пушкинский Заповедник и, особенно, усадьба поэта в Михайловском драгоценны для русского народа; здесь Пушкин закончил третью и создал четвертую, пятую и шестую главы «Евгения Онегина», закончил поэму «Цыганы», написал трагедию «Борис Годунов», большое число поэм и лирических стихотворений.

В июле 1941 года в Пушкинский Заповедник ворвались гитлеровцы. Три года они хозяйничали здесь, разрушая и уничтожая Пушкинские памятники.

Комиссия в составе: председателя Союза советских писателей Н. С. Тихонова, депутата Верховного Совета Союза ССР И. П. Бойцова, писателя Л. М. Леонова, писателя К. А. Федина, члена-корреспондента Академии Наук Союза ССР, профессора П. И. Лебедева-Полянского, доктора филологических наук профессора Д. Д. Благого, доктора филологических наук профессора Н. К. Гудзия, старшего научного сотрудника Б. В. Шапошникова и представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии П. О. Савчука, в течение с 26 июля по 1-е августа 1944 года всесторонне расследовала разрушения и злодеяния немецко-фашистских захватчиков в Пушкинском Заповеднике и установила, что немецко-фашистские захватчики преднамеренно разрушили Пушкинский Заповедник Академии Наук СССР.

Разрушения усадьбы поэта в Михайловском

В начале Отечественной войны часть ценностей Пушкинского музея в Михайловском во время эвакуации была перехвачена немцами в деревне Жарки, Новоржевского района. Вторая часть ценностей была упакована в ящики и зарыта в землю. Вначале немцы, выступая «охранителями культуры», открыли музей для посетителей. Как потом выяснилось, немцы открыли музей для того, чтобы собрать спрятанные от них все музейные ценности, а затем вывезти их в Германию.

Когда музейные ценности были снова собраны, немцы отстранили прежних служащих музея от работы, а некоторых арестовали. Так, в 1942 году был арестован заместитель директора Пушкинского Заповедника Н. И. Аксёнов. В числе 700 человек была угнана в немецкое рабство 25 апреля 1942 года Екатерина Иванова, работавшая в библиотеке музея. Она очутилась в Крейс-Торгау, где её за попытку бежать в Советский Союз посадили в тюрьму. Заведующим музея немцы назначили несведущего в литературе человека—лесовода К. В. Афанасьева. В качестве экскурсовода музея оккупанты прислали немку Шиллер. Расхищение музейных ценностей началось ещё в августе 1941 года.

Представитель немецкой военной комендатуры оберфельдфебель Фоссфинкель неоднократно приезжал в музей и увозил из него всё, что ему нравилось, — картины, мебель, книги.

Осенью 1943 года комендант Пушкинской военной комендатуры Трайбхольц предложил К. В. Афанасьеву подготовить к эвакуации все ценности музея. При этом Трайбхольц заявил, что речь идёт о мерах по охране этих ценностей, ввиду приближения фронта. Все ценности музея были упакованы, немецкие власти погрузили их на машины и вывезли в Германию.

Факт вывоза немцами музейных ценностей удостоверяется показаниями Ф. В. Васильева, Ф. К. Дьяконова, М. А. Ивановой, Т. Н. Бельковой и проживавшей на территории Заповедника Екатерины Григорьевны Шендель, которая сообщила:

«Осенью 1943 года я увидела около музея десять автомашин. На эти машины русские военнопленные под надзором немецких солдат грузили ящики. Шофера на машинах были немцы. Я знала, что в ящиках находятся вещи музея, которые до этого в течение месяца упаковывались под наблюдением немца Зингера и немки Шиллер. Шиллер была прислана в музей немцами и говорила, что она является родственницей немецкого поэта Шиллера».

Гитлеровцы в Пушкинских Горах не ограничивались грабежами ценностей Пушкинского Заповедника. Они также грабили местное население, издевались над русскими людьми и убивали их. Немецкий военный комендант майор Зангер лично вешал и расстреливал советских граждан в Пушкинских Горах. С особенным садизмом и жестокостью был произведён немецкой военной комендатурой расстрел цыган, включая женщин и детей, проживавших в Выборгском, Пушкинском и Новоржевском районах. Их расстреляли только за то, что они цыгане.

Зимой 1943 года в Пушкинские Горы немцы прислали инженера Иосифа Амеля, который приступил к опустошению лесов Пушкинского и Новоржевского районов. Весной 1943 года он начал рубку векового бора Пушкинского Заповедника.

Местное население, возмущившись осквернением Пушкинского Заповедника, в виде протеста сожгло весь заготовленный лес. После этого руководивший порубкой и заготовкой леса инженер Иосиф Амель заявил, что он вырубит весь Заповедник. Всего было вырублено в Пушкинском Заповеднике до 30 тысяч кубометров.

В конце февраля 1944 года Михайловское было превращено немцами в военный объект и один из опорных пунктов немецкой обороны. Территория парка была изрыта траншеями, ходами сообщения, земляными убежищами. «Домик няни» был немцами разобран, а рядом с ним и даже частично на его месте построен большой пятинакатный блиндаж. Другой такой же блиндаж был построен немцами около бывшего здания музея.

Перед отходом из Михайловского немцы завершили разорение и осквернение Пушкинской усадьбы. Дом-музей, выстроенный на фундаменте дома, в котором жил Пушкин, немцы сожгли, и от него осталась только груда развалин. Мраморная плита для памятника Пушкину разбита и брошена возле пепелища. Из двух других домов Пушкинского Заповедника у въезда в Михайловскую

усадьбу один сожжён немцами, а другой сильно разрушен. Немецкие вандалы прострелили в трёх местах большой портрет Пушкина, который висел на арке у входа в Михайловский парк; самая арка уничтожена.

После ухода из Михайловского гитлеровцы обстреляли его миномётами и артиллерийским огнём. Лестничные спуски к реке Сороть разрушены немецкими минами; старые липы на круговой аллее, которая вела к дому, поломаны; центральный вяз перед домом повреждён снарядами и осколками. Самые крупные ели знаменитой Пушкинской аллеи повалены.

Разрушения в Тригорском, Городище и деревне Воронич

С Тригорским — усадьбой друзей Пушкина, Осиповых-Вульф, связано много лет жизни и творчества поэта.

Немецко-фашистские захватчики опустошили и загадили парк в Тригорском, изрыли траншеями, оплели проволочными заграждениями и заминировали.

Под огромным вековым «Пушкинским» дубом, который по преданию сильно любил Пушкин, немцы устроили блиндаж. Красивейшее место парка — склон у берега Сороть, где была расположена так называемая «Скамья Онегина», исковеркано немцами. В парке много деревьев вырублено, большая часть парка заминирована.

Прилегающее селение Воронич, связанное с написанием «Бориса Годунова», в значительной части разрушено. Сожжены «Дом туриста» и ряд других зданий; разрушена школа. Сожжена деревянная церковь, сохранявшаяся со времени Пушкина, в которой он отслужил 7 апреля 1825 года панихиду по великом английском поэте Байроне. Кладбище около церкви, на котором погребены один из родственников Пушкина В. П. Ганнибал и близкий знакомый поэта, священник И. Е. Раевский, заминировано, изрыто траншеями и разорено.

Могила членов семьи Осиповых-Вульф, находящиеся на соседнем с Вороничем холме Городище, также подверглись осквернению со стороны немцев. Мраморная плита над могилой владелицы Тригорского П. А. Осиповой разбита; мраморный крест на могиле её сына, приятеля Пушкина А. Н. Вульфа, повреждён.

Исторический облик Заповедника, в котором русский народ видел пушкинские образы, — немцами искажён до неузнаваемости.

Осквернение могилы Пушкина и разрушение Святогорского монастыря

Кошунственное отношение немцев к национальным святыням русского народа ярче всего обнаруживается в надругательстве и осквернении могилы Пушкина. Стремясь охранить Пушкинский Заповедник от опасности разрушения, части Красной Армии оставили этот район без боёв и отошли к Новоржеву. Несмотря на это, 2-го июля 1941 года немцы подвергли бомбардировке Святогорский монастырь, у стен которого находится могила Пушкина.

В марте 1943 года, задолго до подхода линии фронта к Пушкинским Горам, немцы приступили к систематическому разрушению «охранявшегося» ими Святогорского монастыря. По свидетельству священника И. Д. Дмитриева, немцы дважды подрывали главную церковь монастыря — Успенский собор, построенный в XVI веке по повелению Ивана Грозного. В результате второго взрыва, собор, у стен которого находится могила Пушкина, разрушен: колокольня рухнула, а древний двухсотлетний большой колокол разбит на мелкие куски, валяющиеся в обломках кирпича по склонам горы; крест соборного купола сорван; западная часть купола пробита снарядом; крыша приделов обрушилась. Сожжены и полностью уничтожены Никольская церковь монастыря, трапезная,

кельи монахов, монастырская гостиница и другие монастырские сооружения. Ворота монастыря повреждены артиллерийским снарядом, икона с западных ворот сорвана.

При отступлении немцы сожгли почти все здания в районном центре Пушкинские Горы и довершили дикий и бессмысленный разгром Успенского собора. Вокруг него всё завалецо грудами кирпича, железа, разбитыми досками, иконостас сильно повреждён; все иконы из него вырваны и раскиданы по полу; некоторые прострелены. Так, например, прострелен в нескольких местах пулями из ручного оружия с близкого расстояния большой образ апостола Петра на наружных дверях. Всюду валяются обломки церковной утвари; пол усеян листьями, вырванными из богослужебных церковных книг и подлинных документов, освещающих историю Святогорского монастыря.

Могила поэта была найдена сильно захлавленной. Обе лестницы, ведущие к могиле, разрушены; площадка вокруг могилы Пушкина завалена мусором, щебнем, обломками иконных досок, кусками листового железа. Плиты на могилах дедушки и бабушки поэта (Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибал) совершенно засыпаны мусором и землёй. Дощечки с надписями сломаны и брошены в груду обломков. Железная решётка вокруг памятника в ряде мест повреждена, погнута и промята, металлические наконечники по углам её сбиты. Мраморная баллюстрада вокруг площадки также повреждена в нескольких местах осколками снарядов и пулями.

Сам памятник отклонился в восточную сторону на 10—12 градусов вследствие оползания холма после бомбардировок и взрывов фугасных бомб, заложенных немцами.

В конце февраля 1944 года из Пушкинского Заповедника был выселен и сторож при могиле Пушкина И. Х. Харитонов. Когда через некоторое время ему удалось получить разрешение на один день побывать в Пушкин-

ских Горах, он увидел, что памятник на могиле Пушкина грубо и наспех обшит досками. Установлено, что обшивка памятника произведена немцами с целью скрыть его минирование. Как потом выяснилось, в то время, когда все русские люди были выселены из района Пушкинского Заповедника, немцы подготавливали взрыв могилы Пушкина, Святогорского монастыря и самого холма, на котором находится могила поэта.

Под дорогу, проходящую вдоль северной стены монастыря, был заложен фугас, взрывом которого разрушена монастырская стена на протяжении 20 метров.

Второй фугас огромной силы был заложен на дороге с восточной стороны, у подножья могилы Пушкина: немцы прорыли специальный туннель, протяжением в 20 метров, тщательно замаскированный, в который были заложены специальные мины и 10 авиабомб по 120 килограммов каждая. Взорвать его немцы не успели ввиду стремительного наступления Красной Армии.

Оккупанты хорошо знали, что, войдя в Пушкинские Горы, бойцы и офицеры Красной Армии прежде всего посетят могилу поэта, и потому немцы превратили её в западню для патриотов. На территории монастыря и в близлежащей местности обнаружено и извлечено советскими сапёрами подразделений Смирнова и Сачкевиуса до трёх тысяч мин.

Территория Пушкинского Заповедника сильно заминирована. Проходящие сапёрные части не успели разминировать всех мест, и в момент пребывания комиссии ежедневно на немецких минах подрывались советские граждане. Так, по неполным данным, Комиссии стало известно, что 26 июля подорвалось три человека — Дмитрий Андреев, Анатолий Алексеев, Алексей Васильев; 27 июля подорвались — Пётр Михайлов, Прасковья Богданова, Клавдия Петрова, Сергей Андреев; 28 июля подорвались — Евгений Евстюгин и Иван Прокофьев.

Установленные факты разрушения и опустошения титлеровскими громилами Пушкинского Заповедника

являются новым свидетельством неслыханных злодеяний немецко-фашистских захватчиков».

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает, что за все злодеяния, совершённые немецко-фашистскими захватчиками в Пушкинском Заповеднике, ответственны — германское правительство и его военное командование, а также непосредственные исполнители: комендант Трайбхольц, майор Зангер, капитан Зингер, оберфельдфебель Фоссфинкель, инженер Иосиф Амель и Шиллер.

Все они должны понести суровую кару за свои злодейские преступления.

Опубликовано в газете «Известия» № 205
от 29 августа 1944 года, на основании
Постановления Чрезвычайной Государственной
Комиссии от 28 августа 1944 года, Протокол № 38.

О РАЗРУШЕНИЯХ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ В ГОРОДАХ ПЕТРОДВОРЕЦ, ПУШКИН И ПАВЛОВСК

Всему миру известны величественные памятники искусства и архитектуры городов Петродворец (бывший Петергоф), Пушкин (бывшее Царское Село), Павловск. Лучшие зодчие мировой архитектуры создали в XVIII и XIX веках дворцы, постройки, парки этих городов-музеев.

Петродворец (Петергоф) был основан в 1705 году Петром Первым первоначально как место остановки по пути на остров Котлин, где была начата постройка крепости Кронштадт. Здесь, на берегу Финского залива, были построены пристань и небольшой дом, получивший название «Петров двор». С 1714 года на берегу Финского залива было развёрнуто огромное строительство Петродворца (Петергофа). По замыслу и под наблюдением самого Петра в Петродворце строились дворцы — Монпле-зир, Марли, Эрмитаж, центральная часть Большого дворца, большинство фонтанов, парков, гранильная фабрика самоцветов.

Французский архитектор Леблон построил в Петродворце замечательные дворцы Марли и Эрмитаж, Верхний и Нижний парки; итальянец Растрелли создал

Большой дворец; мастерству Джакомо Кваренги принадлежит Английский дворец; знаменитый русский зодчий Воронихин, вышедший из крепостных, дополнил Нижний парк изящными павильонами. Замечательные дворцы и парки Петродворца получили широкую известность, как исключительные памятники мировой архитектуры XVIII и XIX веков.

Фонтаны Петродворца были известны во всём мире. Большой каскад-водопад фонтанной системы Петродворца вместе с Большим дворцом, фонтаном «Самсон» и каналом, выходящим в море, представлял собой исторический памятник, посвящённый победе русского оружия над шведами под Полтавой. Бронзовая фигура Самсона, разрывающего пасть льва, изображала историческую победу Петра Первого над Швецией (лев — государственный герб Швеции), которая открыла для России широкий выход в европейские страны.

Со времени Октябрьской революции Петродворец стал местом, куда ежегодно приезжали тысячи экскурсий не только со всех концов Советского Союза, но и из многих зарубежных стран. До 150 тысяч ленинградцев выезжало в Петродворец для отдыха в выходные дни.

В течение двух веков создавались художественные архитектурные памятники — дворцы, парки, скульптуры в городе Пушкин (Царское Село), бывшем до 1917 года царской резиденцией. Великие зодчие XVIII и XIX веков: Квасов, Земцов, Растрелли, Кваренги, Ринальди, Воронихин, Фельтен, Нееловы, Камерон, Стасов, скульпторы Гордеев, Мартос, Демут-Малиновский, Козловский, живописцы Скотти, Щедрин, Гонзаго и другие своими произведениями создали Царскому Селу заслуженную славу во всём мире.

Памятники Царского Села тесно связаны с целым рядом крупнейших событий в истории России. В Екатерининский дворец 6 июля 1757 года были привезены ключи и знамёна завоёванного русскими войсками прусского города Мемель. В дворцовых парках были воздвигнуты:

Чесменская колонна в память победы русского флота над турецким в 1770 году при бухте Чесме; Кагульский обелиск — в ознаменование победы в этом же году русских войск над турками при реке Кагуль в Молдавии; Башня-руина — в честь Кучук-Кайнарджикского мира, заключённого Россией с турками в 1774 году; Орловские ворота — в ознаменование побед русских войск под командованием графа Григория Орлова. В Царскосельском адмиралтействе была собрана исключительная по своей исторической ценности коллекция гребных и парусных судов: здесь же в адмиралтействе находился знаменитый Готторпский глобус, сделанный по распоряжению герцога Готторпского в середине XVII века и в 1713 году подаренный Петру Первому. Огромный глобус, внутренняя поверхность которого представляла звёздное небо, вращался в соответствии с движением земного шара; внутри глобуса были помещены стол и скамья на 10 человек.

С Царским Селом связана деятельность лучших представителей русской литературы: Ломоносова, Сумарокова, Жуковского, Карамзина, Лермонтова, Чаадаева, Тютчева, Гоголя. В Царскосельском лицее воспитывался великий русский поэт А. С. Пушкин.

Великолепные Екатерининский дворец, воздвигнутый в городе Пушкин Варфоломеем Растрелли, Александровский дворец, построенный там же Джакомо Кваренги, Камероновы термы и Камеронова галлерея, носящие имя их знаменитого создателя, являлись лучшими образцами мировой архитектуры.

Павловский дворец и парк в городе Павловск являлись выдающимися памятниками архитектурного и садово-паркового искусства. Дворец и парк создавали прославленные мастера архитектуры: Камерон, Росси, Воронихин, Бренна; скульпторы: Мартос, Козловский, Демут-Малиновский, Прокофьев; живописцы: Скотти, Щедрин, Меттенлайтер, Гонзаго. В 1823 году архитектор К. Росси в левом крыле дворца построил и отделал известную всему миру библиотеку.

Советский народ бережно хранил города-музеи — Петродворец, Пушкин и Павловск, в которых были сосредоточены памятники истории России, созданные творчеством и трудом народа. Ежегодно затрачивались огромные средства на благоустройство этих городов и их парков, на работы по ремонту и реставрации дворцов, фонтанов и других построек. Во дворцах были помещены бесценные сокровища русского и мирового искусства, редчайшие образцы мебели, фарфора, живописи, гобеленов и скульптуры русских и иностранных мастеров.

К моменту вторжения немецких захватчиков в Петродворце после эвакуации оставалось ещё 34.214 различных музейных экспонатов (картин, художественных изделий, скульптуры) и 11.700 ценнейших книг дворцовых библиотек. В нижних помещениях Екатерининского и Александровского дворцов города Пушкин были сосредоточены гарнитуры мебели русской и французской работы середины XVIII века, 600 предметов художественного фарфора конца XIX и начала XX веков, большое количество мраморных бюстов, мелкой скульптуры, до 35.000 томов книг дворцовых библиотек.

На основании документальных материалов, заявлений и свидетельских показаний очевидцев, показаний немецких военнопленных и тщательного расследования, проведённого специальной комиссией в составе: председателя Ленинградской городской комиссии генерал-лейтенанта А. А. Кузнецова, председателя Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П. С. Попкова, главного архитектора Ленинграда Н. В. Баранова, митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, вице-президентов Академии Наук СССР: академика А. А. Байкова и академика Л. А. Орбели, председателя Союза советских писателей Н. С. Тихонова, народной артистки СССР В. А. Мичуриной-Самойловой, члена-корреспондента Академии архитектуры СССР А. И. Гегелло, профессора В. А. Мануйлова, начальника Государственной Инспекции по охране памятников Ленин-

града Н. Н. Белехова, директора Государственного Эрмитажа академика И. А. Орбели, доктора искусствоведческих наук профессора М. В. Доброклонского, профессора М. В. Фармаковского, кандидата архитектурных наук В. И. Пилявского, секретаря комиссии Л. И. Куприяновой, а также на основании личного расследования фактов разграбления и разрушения памятников искусства и архитектуры, произведённого яленами Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком А. Н. Толстым и Николаем митрополитом Крутицким, установлено:

Немецкие громилы разграбили и разрушили памятники искусства Петродворца

Ворвавшись в Петродворец 23 сентября 1941 года, немецкие захватчики сразу же приступили к грабежу ценностей дворцов-музеев и вывозили имущество дворцов в течение нескольких месяцев.

Из дворцов — Большого, Марли, Монплеизир и Коттеджа они разграбили и вывезли в Германию около 34.000 предметов музейных экспонатов и среди них 4.950 предметов уникальной мебели — английской, итальянской, французской и русской работы Екатерининского, Александровского и Николаевского времени; много редких сервизов фарфора иностранных и русских заводов XVIII и XIX веков. Немецкие варвары содрали шёлк, гобелены и другие декоративные материалы, украшавшие стены дворцовых зал.

В ноябре 1941 года немцы сняли бронзовую скульптуру Самсона работы скульптора Козловского и увезли её. Жители Петродворца Е. С. Андреева и М. Р. Барабанова сообщили комиссии, что в начале ноября 1941 года они видели машину, увозившую фигуру Самсона, прикрытую брезентом.

На уступах водяной лестницы фонтана «Самсон» были расположены статуи реки Волхов в образе старика и реки Невы в образе женщины. Немцы вывезли и эти

статуи, так же как и большую фонтанную бронзовую фигуру «бога морей» Нептуна, стоявшую в центре композиции большого бассейна в Верхнем парке. Они вывезли в Германию художественные решётки, ограждавшие парки.

Разграбив музейные ценности, немецкие бандиты подожгли Большой дворец — гениальное творение зодчего Варфоломея Растрелли. Во дворце полностью погибли: Танцевальный зал, Аудиенц-зал, парадная лестница и церковь, украшенные деревянной золочёной резьбой, выполненной по рисункам Растрелли; Тронный, Чесмёнский и Столовый залы, созданные Фельтеном, дубовая лестница и дубовый кабинет, отделанные тончайшей резьбой.

При своём отступлении из Петродворца немцы с помощью мин замедленного действия разрушили дворец Марли. Дворец имел тончайшую лепную отделку и резьбу.

Немцы разрушили Петровский Монплеизир. Они уничтожили все деревянные части павильонов и галлерей, внутреннюю отделку кабинета, спальни и китайских комнат; во время оккупации среднюю, наиболее ценную в историко-художественном отношении часть дворца — превратили в ДОТ, в западном павильоне дворца устроили конюшню и уборную. В помещениях Ассамблейного корпуса немцы разобрали полы, выпилили балки, уничтожили двери и оконные рамы, ободрали обшивку потолка.

В парковом павильоне — Эрмитаж гитлеровцы устроили пулемётно-артиллерийскую огневую точку, уничтожив внутреннюю отделку здания и старинный подъёмный механизм обеденного стола.

В северной части парка, так называемой Александрии, они взорвали дачу Николая II, полностью уничтожили деревянный офицерский домик, Александрийские ворота, павильоны фонтана Адама, пилон главных ворот Верхнего парка и Розовый павильон.

Дворец Николая I — Коттедж немцы заняли под медицинский пункт, а в Фермерском дворце разместили

свой штаб. Всё внутреннее убранство этих дворцов уничтожено.

Немцы разрушили знаменитую фонтанную систему петродворцовых парков. Они подорвали питающую фонтаны линию на всём протяжении от плотины у «Розового павильона» до Верхнего парка.

Главная аллея Нижнего парка, идущая параллельно берегу Финского залива, на участке от канала до Александрии полностью вырублена: из деревьев немцы сделали заминированный завал. В центральной части Верхнего парка выкопан противотанковый ров.

После занятия Нового Петродворца части 291 немецкой пехотной дивизии огнём тяжёлых орудий полностью уничтожили знаменитый Английский дворец в Старом Петродворце, построенный по указу Екатерины II архитектором Кваренги. Немцы выпустили по дворцу 9.000 тяжёлых артиллерийских снарядов. Вместе с дворцом уничтожен живописный Английский парк и все парковые павильоны.

316-й пехотный полк 212-й немецкой дивизии артиллерийским огнём уничтожил так называемую «Собственную дачу Александра II», построенную при Николае I.

В Старом Петродворце немцы уничтожили все церкви и в том числе Знаменскую, в которой хранились военно-исторические реликвии эпохи Отечественной войны 1812 года. Разрушен храм-музей Серафимовского монастыря с замечательным иконостасом в стиле древнего северорусского церковного зодчества.

Установлено, что немецкие захватчики преднамеренно, с целью разрушения, включали дворцы и парки, имеющие историческое значение, в систему немецкой обороны.

Об этом свидетельствует найденный в одном из помещений Фермерского дворца макет немецких укреплений Петродворцового района. На макете показаны важнейшие здания, зелёные массивы с их планировкой, водные зеркала, протоки и нанесены узлы сопротивления, минные поля и другие фортификационные сооружения немецких

захватчиков. Макет даёт полное представление системы обороны немцев в Петродворце, в которую включены в качестве опорных узлов все дворцовые постройки береговой полосы: Марли, Эрмитаж, Иллюминационный дворец, Монплеизир и другие.

Гитлеровские бандиты разрушили дворцы города Пушкин

Разграбление и разрушение исторических и художественных дворцов г. Пушкин (Царское Село) производилось преднамеренно, по указаниям высших германских властей.

Захваченный в плен в феврале 1944 года капитан медицинской службы 61 пехотной дивизии Хельмут Антес показал: «Мне известно, что в 1941 году в Германии была создана специальная комиссия «Кунсткомиссион». В функции этой комиссии входило изымать дворцовое имущество в оккупированных районах России и всё изъятое перевозить в Германию. Эта комиссия в 1941 и 1942 годах всё ценное имущество Пушкинских дворцов грузила в эшелоны и вывозила в Германию. Сколько было вывезено ценностей этих дворцов, — я не знаю, но, во всяком случае, брали всё. Как мне известно, в Екатерининском дворце в городе Пушкин имелась комната, стены которой были выложены янтарём. Янтарь был содран и вывезен в Германию».

Значительную часть Екатерининского дворца немцы сожгли. В огне погибла знаменитая Растреллиевская трёхсотметровая амфилада парадных зал. Погибли знаменитые Антикамеры («Залы ожидания»), отделанные Растрелли. Все стены Антикамер были покрыты золочёной резьбой, огромные потолки затянуты великолепными холстами работы художников середины XVIII в.: Валле-риани; Градицци, Бельского и других. Не имея возможности снять эти огромные полотна, немцы изрезали замечательные произведения искусства на куски.

Страшную картину разрушения представляет собой Большой зал — гениальное творение Растрелли. Уничтожены уникальные плафоны работы Торелли, Джордано, Брюллова и других крупнейших итальянских и русских мастеров; содран и похищён старинный расписной китайский шёлк XVIII века со стен китайской гостиной и спальни Александра I и жёлтый шёлк с тканым рисунком лебедей и фазанов русской ручной работы XVIII века, которым были обтянуты стены Малой столовой; погибли наборные паркетные из ценных пород дерева, выполненные по рисункам архитектора Ринальди.

Разгромлена и разграблена изумительная по своей внутренней отделке дворцовая церковь — одно из лучших произведений Растрелли. Иконостас церкви разбит, иконы вывезены, часть плафонов срезана, а часть уничтожена, полы выломаны, лепные золочёные украшения содраны.

Немцы разрушили личные комнаты Екатерины II, отделанные художественным стеклом, бронзой, фарфором, зеркалами, майоликой, миниатюрными фресками и наборным деревом. Они разбили на мелкие куски все пластинки молочного, фиолетового и синего стекла, которыми были покрыты стены «Табакерки» и спальни Екатерины II.

При отступлении в январе 1944 года немецкие захватчики подготовили полное уничтожение того, что ещё оставалось от Екатерининского дворца и примыкающих к нему зданий. С этой целью в нижнем этаже сохранившейся части дворца, а также под Камероновой галлереей было заложено 11 больших авиабомб замедленного действия весом от одной до трёх тонн.

Гитлеровские бандиты разгромили в Пушкине знаменитый Александровский дворец, построенный в конце XVIII века знаменитым зодчим Джакомо Кваренги.

Все помещения дворца, в том числе и центральная амфилада зал, имевшая отделку, выполненную Кваренги, были использованы под казармы. Размещавшиеся во дворце немецкие команды разграбили всё оборудование, мебель и другое дворцовое убранство, хищнически

выломали все двери, вывезли металлические украшения вплоть до дверных ручек и замков, разбили мраморную отделку парадных зал и подорвали правую часть дворца.

Вся музейная мебель, сосредоточенная в подвалах Екатерининского и Александровского дворцов, предметы художественного фарфора, книги из дворцовых библиотек вывезены в Германию.

Знаменитый плафон «Пир богов на Олимпе» в Главном зале павильона Эрмитаж снят и увезён в Германию. Разрезаны на части плафоны русских и итальянских мастеров в боковых галереях и кабинетах. Старинные шлюпки, уникальные памятники истории русского флота, немцы использовали для увеселительных прогулок по прудам. Большинство этих шлюпок погибло. Знаменитая «Турецкая баня», отделанная внутри олонеким мрамором с позолотой, взорвана. Сожжён Турецкий киоск, построенный Кваренги в 1771 — 81 годах.

Большие разрушения произвели гитлеровцы в величественных Пушкинских парках, тысячи вековых деревьев вырублены.

Разрушение Павловского дворца в городе Павловск

Батальоном особого назначения Риббентропа и командами штаба Розенберга из Павловского дворца вывезена в Германию ценнейшая дворцовая мебель, созданная по эскизам Воронихина и крупнейших мастеров XVIII века. Во дворце снят паркет из дорогого дерева художественной ценности. Со стен сорваны барельефы, гобелены, стенные и потолочные плафоны. Сняты даже все ручки и дверные украшения из бронзы и дерева. Варварски изуродованы фрески Гонзаго, представляющие громадную художественную ценность, скульптуры Прокофьева, мраморные вазы Жилле.

Большие разрушения произведены в парке. Сожжён дотла Розовый павильон, построенный Воронихиным. От

Охотничьего домика «Крик», построенного в XVII веке, остался лишь входной тамбур. Уничтожен также Константиновский дворец и примыкающие к нему служебные постройки.

Отступая, фашистские захватчики подожгли Павловский дворец. Большая часть здания дворца совершенно выгорела. Купол, венчавший центральную часть, обрушился. Со стороны фасада огнём уничтожены трельяжи над колоннадами галлерей с деревянной резьбой XVIII века, а также и библиотека К. Росси. Деревянные части художественной отделки дворца сгорели дотла во всех этажах. Погибли живопись и лепка плафонов, скульптурные панно, мраморные каминные и пилястры.

К ответу немецко-фашистских варваров!

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что разрушение памятников искусства в Петродворце, Пушкине и Павловске произведено по прямому указанию германского правительства и верховного военного командования офицерами и солдатами немецкой армии под руководством генерал-фельдмаршалов: фон Лееб, фон Кюхлер; командующего 18-й армией генерал-полковника Линдемана, командующих 50 армейским корпусом генералов пехоты Клеефель и Вегенер, командиров 58-й пехотной дивизии генерал-майора Альприхтер и генерал-майора фон Граффен, командира 10 авиаполевой дивизии генерал-майора Ведель, командира 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Грязс, командира 3 авиаполевого корпуса генерала зенитных войск Оденбрехт; командира 291-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Герцог, командира 504-го пехотного полка 291-й пехотной дивизии полковника Гиммлер, командира 212-й пехотной дивизии генерал-майора Рихман, командира 316-го пехотного полка 212-й пехотной дивизии полковника Бизли, командира 220-го пехотного полка подполковника Гофман, командира 9-го немецкого АПД генерал-майора Эрдман,

командира 17-го егерского полка полковника Рюккес, командира 1-го батальона 17-го егерского полка подполковника Оттенмайер, командира 5-й горно-стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Рингель; командующих 26-м артиллерийским корпусом генерала артиллерии Водриг и генерала пехоты Лайзер, командира 11-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Бурдах, командира полицейской дивизии СС генерал-лейтенанта Крюгер, генерал-майора Вандель, командира 121-го артиллерийского полка подполковника Рихтман, майора фон Дивиц, полковника Ваден, командиров 250-й испанской дивизии генералов Муниос Грандес и Инфантес.

За свои злодеяния все они должны понести суровую кару.

Опубликовано в газете «Известия» № 210
от 3 сентября 1944 года на основании
Постановления Чрезвычайной Государственно-й
Комиссии от 2 сентября 1944 года, Протокол № 39.

КОММЮНИКЕ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЦЕВ, СОВЕРШЁННЫХ В ЛАГЕРЕ УНИЧТОЖЕНИЯ НА МАЙДАНЕКЕ В ГОРОДЕ ЛЮБЛИН

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия по расследованию злодеяний немцев, совершённых в городе Люблин, в составе: заместителя председателя Польского Комитета Национального Освобождения г-на А. Витоса (председатель Комиссии), прелата Люблинского Католического Кафедрального Собора ксёндза доктора Крушинского, члена Польского Комитета Национального Освобождения доктора Зоммерштейна, председателя Люблинского Красного Креста адвоката Христианса, профессора Люблинского Католического Университета Бялковского, профессора Люблинского Университета Поплавского, прокурора Люблинского апелляционного суда Бальцежак, председателя Люблинского окружного суда Щепанского (Польша), Кудрявцева Д. И. (заместитель председателя Комиссии), профессора Прозоровского В. И., профессора Гращенко Н. И. (СССР) — расследовала злодеяния, совершённые в Люблине.

Гитлеровцы создали на территории Польши разветвлённую сеть концентрационных лагерей: в Люблине, Демблине, Освенциме, Холме, Сабибуре, Бялой Подляске, Треблинке и в других местах.

В эти лагеря они свозили для уничтожения из оккупированных стран Европы — Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Чехословакии, Югославии, Греции, Дании, Норвегии и других — сотни тысяч людей.

Гитлеровское преступное правительство организовало в этих лагерях систему массового истребления негодных ему групп населения и в первую очередь интеллигенции оккупированных стран Европы, советских и польских военнопленных и евреев.

Всё то, с чем встретилась Комиссия по расследованию немецких злодеяний в гор. Люблине, по своему зверству и варварству оставляет далеко позади уже известные международному общественному мнению факты чудовищных злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

1. Лагерь уничтожения на Майданеке в Люблине

В Люблине на Майданеке гитлеровские палачи создали огромный комбинат смерти. Немцы его называли «Фернихтунгслагер», т. е. лагерь уничтожения.

Захваченные в плен служившие в этом лагере немцы показали:

Ротенфюрер «СС» Шолен Тео: «Этот лагерь носил название «Лагерь уничтожения» — «Фернихтунгслагер» именно потому, что здесь истреблялось колоссальное количество людей».

Кампфполицай Штальбе Гейнц: «Основная цель этого лагеря было истребление как можно большего количества людей, поэтому он носил название «Фернихтунгслагер», т. е. «лагерь уничтожения».

Лагерь «Майданек» расположен в 2-х километрах от гор. Люблин и занимает площадь в 270 гектаров. Строительство его началось в конце 1940 года.

К началу 1943 года было закончено строительство 6 полей лагеря. На каждом поле было 24 барака, а всего 144 барака (не считая всяких построек под склады, мастерские и проч.), вмещавшие каждый до 300 человек и

более. Лагерь был обнесён двумя рядами колючей проволоки. Сверх этого все 6 полей были отделены внутри лагеря целой системой проволочных заграждений, с отдельным караульным помещением при входе на каждое поле. Через эти проволочные заграждения проходил ток высокого напряжения. По всему лагерю были расположены большие вышки, на которых постоянно находились часовые с пулемётами. Лагерь сильно охранялся войсками «СС». Сверх этого было 200 немецких овчарок, составлявших очень важный элемент в охране лагеря, и вспомогательная полиция, кампфполицай, формируемая из уголовных элементов.

II. Контингент заключённых лагеря

Лагерь одновременно мог вместить от 25 до 40 тысяч заключённых. В отдельные периоды в лагере содержалось до 45 тысяч заключённых.

Контингент заключённых лагеря не был стабильным. Содержавшиеся в этом лагере систематически уничтожались, на их место прибывали новые транспорты с заключёнными, и, таким образом, лагерь для подавляющего большинства лиц, направленных туда, был только временным этапом на пути к смерти.

В лагере содержались военнопленные бывшей польской армии, пленённые ещё в 1939 году, советские военнопленные, граждане Польши, Франции, Бельгии, Италии, Голландии, Чехословакии, Греции, Югославии, Дании, Норвегии и других стран.

Это установлено:

а) обнаруженным на территории лагеря большим количеством паспортов и иных документов граждан различных стран Европы, погибших в лагере.

Так, например: паспорта граждан СССР — Горюновой Марии Тимофеевны, Мазуркевич Николая Францевича и др.; документы граждан Польши — Седлецкого Чеслава, Соничного Владислава, Янкевич Станислава и др.;

документы граждан Франции — Лябруж Габриэль, Молтань Эмиль, Руа Люсьен, Широльт Эгюст, Пренсон Андре и др.; документы граждан Чехословакии — Глюче Йозефа, Фельдингер Рудольфа и др.; документы граждан Италии — Муоле Густава, Мусих Джузеппе, Тинози Пио и др.; документы граждан Голландии — Ван-дер-Пальм Бертус, Ван-дер-Ирими Андертинус, Янсен Петрус и др.; документы граждан Югославии — Степанович Степана, Жунит Рано и др.; документы граждан Бельгии — Базео Леона, Ван-Гаузраан Теофиль и др.; документы граждан Греции — Зурене Еан и другие, а также документы лиц других национальностей;

б) книгой записи умерших в так называемом «лазареете лагеря», а фактически истреблённых, в которой есть указание на значительное количество умерших лиц различных национальностей. Только в течение одного марта месяца 1944 года из умерших 1654 заключённых: 615 чел. русских, 247 — поляков, 108 — французов, 74 — югославов, а остальное количество падает на другие национальности, живущие в странах Западной Европы;

в) показаниями целого ряда свидетелей — бывших заключённых лагеря и военнопленных немцев, служивших ранее в лагере, а также показаниями бывших заключённых лагеря: француза Ле-Дю-Корантен, чеха Томашек, голландца Бенен и других.

Список уничтоженных людей, заключённых в лагере, постоянно пополнялся за счёт советских военнопленных, за счёт различных групп населения, привезённого из оккупированных стран Европы, за счёт лиц различных групп населения, захваченного гестапо на улицах, вокзалах, в домах при систематических облавах и обысках, постоянно проводившихся гитлеровцами в Польше и в других странах Европы, а также за счёт евреев, привозимых из созданных гестапо в Польше и различных городах Западной Европы гетто.

Среди заключённых было много женщин, детей и стариков. В заключении находились иногда целые семьи.

Дети были разных возрастов, в том числе и малолетние.

Таким образом, лагерь был местом массового уничтожения различных народностей Европы.

III. пытки и кровавые расправы в «лагере уничтожения»

Режим в «лагере уничтожения» был подчинён задаче массового истребления заключённых.

Заключённые влачили голодное существование. Один раз в день кофе из жжёной брюквы, два раза суп из травы и от 180 до 270 граммов хлеба наполовину с древесными опилками или каштановой мукой — обычный рацион заключённого, который приводил к полному истощению, широкому распространению туберкулёза и иных болезней и к массовому вымиранию заключённых. За малейшую «провинность» заключённых лишали и этой скудной пищи на несколько дней, что по существу означало голодную смерть.

Бывший заключённый лагеря чех Томашек на заседании Комиссии заявил:

«Люди всё время голодали, наблюдалось массовое истощение заключённых и смертность от истощения. Заключённые ели падаль, кошек, собак. Большинство заключённых представляло собой или ходячие скелеты, обтянутые кожей, или были неестественно толстыми от отёков и опухания на почве голода».

Бывший заключённый лагеря — капрал польской армии Резник показал:

«Я видел, что русских военнопленных почти не кормили, они дошли до крайней степени истощения, опухли и не в состоянии были даже говорить. Они умирали массами».

Режим голода в лагере был одним из существенных факторов в общей системе уничтожения людей.

Рабочий день начинался в 4 часа утра. В бараки врывались немцы и кнутами подымали людей с нар.

Начиналась поверка, на которой должны были быть все здоровые и больные; те, которые ночью умерли, выносились соседями по койке на плац для поверки. Поверка продолжалась два часа и больше и сопровождалась избиениями и издевательствами над заключёнными. Если заключённый впадал в бессознательное состояние и на поверке не отзывался, он заносился в список умерших и его потом добивали палками.

В 6 часов утра заключённых выводили на работу. Работа была исключительно тяжёлой и изнурительной. Она сопровождалась тяжкими избиениями, издевательствами и убийствами. Команды заключённых, возвращавшихся в 11 часов на так называемый обед, приносили с собой избитых, изувеченных людей и трупы убитых.

На вечерней поверке дежурным эсэсовцем зачитывался список заключённых, которые «плохо» работали, и их на специальной скамье били плетью, палками, розгами. Число ударов колебалось от 25 и выше. Людей часто запарывали насмерть.

Доцент Варшавского университета Зелент, содержавшийся в лагере, сообщил:

«Я знал адвоката Носека из Радома, которому дали 100 ударов, от чего он через три дня умер».

В отношении интеллигенции и видных лиц из числа заключённых лагеря применялись особенно утончённые издевательства. Крупнейшего профессора по детским болезням Михаловича — 72 лет, профессора Варшавского политехникума Помировского — 60 лет, члена Верховного Суда Польши Вонсович — 75 лет и многих других немцы заставляли работать на самых тяжёлых работах, всячески над ними издеваясь.

Бывший заключённый лагеря магистр химии поляк Тадеуш Будзынь показал:

«Большую группу профессоров, врачей, инженеров и других специалистов в 1 200 человек, привезённых из Греции, немцы поставили на непосильную работу по переноске тяжёлых камней. Обессилевших и падавших от

этой тяжёлой работы учёных эсэсовцы избивали до смерти. Системой голода, изнурительного труда, избиений и убийств вся эта группа греческих учёных была в течение 5 недель истреблена».

Арсенал истязаний и мучений был необычайно разнообразен. Многие из них носили характер так называемых «шуток», которые очень часто кончались умерщвлением заключённых. К числу их можно отнести мнимый расстрел с оглушением жертвы ударом по голове доской или каким-нибудь тупым предметом, мнимым утоплением в бассейне лагеря, которое часто завершалось настоящим утоплением.

Среди немецких палачей в лагере были специалисты по тем или иным методам истязаний и убийств. Убивали ударом палки по затылку, ударом сапога в живот или в пах и т. д.

Эсэсовские истязатели топили свои жертвы в грязной воде, вытекавшей по небольшой канаве из бани: голова жертвы погружалась в эту грязную воду и прижималась сапогом эсэсовца до тех пор, пока жертва не лишалась жизни.

Излюбленным методом гитлеровских эсэсовцев являлось подвешивание заключённых за связанные назад руки. Француз Ле-Дю-Корантен, испытывавший на себе эту меру наказания, рассказал, что при подвешивании заключённый быстро теряет сознание, после чего подвешивание прекращается, а когда сознание возвращается, подвешивание начинается снова и так происходит много раз.

Немецкие изверги за малейшую провинность, особенно за подозрение в попытке к побегу, вешали заключённых лагеря. В центре каждого поля был столб с вбитым в него на высоте двух метров кронштейном, на котором вешали людей.

«Видел я из своего барака, — говорит свидетель, бывший заключённый лагеря советский военнопленный Домашев, — как на столбе, находившемся среди поля, вешали людей».

Возле прачечной, на межпольи между 1 и 2 полем, был специальный барак с перекладинами у потолка, на которых вешали людей целыми группами.

Не меньшим издевательствам и истязаниям подвергались женщины, заключённые в лагере: те же формы проверок, непосильный труд, избиения и издевательства. Особой жестокостью отличались эсэсовки: главная надзирательница Эрих и надзирательницы Браунштайн, Девид Ани, Вебер, Кноблик, Эллерт и Редли.

Комиссия установила много фактов совершенно неслыханных жестокостей со стороны немецких палачей в лагере.

Немец кампфполицай Штальбе Гейнц на пленарном заседании Комиссии заявил, что он был очевидцем, как шеф крематория обершарфюрер Мусфельд связал по рукам и ногам женщину полку и живую бросил в печь.

Свидетели Елинский и Олех, работавшие в лагере, также рассказывают о сожжении в печах крематория живых людей. «Ребёнка отняли у матери от груди и на глазах её убили о стенку барака», — говорит свидетель Атрохов. «Я видел лично, — говорит свидетель Баран Эдвард, — как у матерей брали маленьких детей и на их глазах убивали: за одну ножку брали рукой, на другую — становились ногой, и таким образом разрывали ребёнка».

Исключительным садизмом отличался заместитель начальника лагеря оберштурмфюрер «СС» Туманн. Он ставил в ряд на колени группы заключённых и ударами палки по голове убивал их, он травил заключённых овчарками; он принимал самое деятельное и активное участие во всех казнях и умерщвлениях заключённых.

Таким образом, голод, непосильный труд, пытки, истязания, издевательства и убийства, сопровождавшиеся неслыханным садизмом, были поставлены на службу массовому истреблению узников лагеря.

IV. Массовые расстрелы военнопленных и гражданского населения в лагере

Массовое истребление гражданского населения стран Европы, в том числе Польши и оккупированных областей СССР, составляло политику гитлеровской Германии, вытекавшую из планов порабощения и уничтожения передовой и активной части славянских народов.

Создание в порабощённой Польше лагерей массового уничтожения европейских народов и военнопленных обуславливалось стремлением гитлеровской правящей клики всячески замаскировать и скрыть эти злодеяния. Эти лагеря, в том числе и «лагерь уничтожения» на Майданеке, явились также местом поголовного уничтожения еврейского населения. Одним из методов истребления огромных масс неугодных гитлеровской Германии людей были массовые расстрелы, которые широко применялись в Люблинском «лагере уничтожения».

Кровавая история этого лагеря начинается с массового расстрела советских военнопленных, организованного эсэсовцами в ноябре—декабре 1941 года. Из партии больше чем в 2.000 человек советских военнопленных осталось всего лишь 80 человек, — все остальные были расстреляны и небольшая часть замучена пытками и истязаниями.

В период с января по апрель 1942 года в лагерь привозили новые партии советских военнопленных, которые расстреливались.

Работавший в лагере по найму грузовым возчиком свидетель поляк Недзялек Ян показал:

«Около 5.000 русских военнопленных немцы зимой 1942 г. уничтожили таким образом: грузовыми автомобилями вывозили из бараков к ямам на бывшей каменоломне и в этих ямах их расстреливали».

Военнопленные бывшей польской армии, пленённые ещё в 1939 году и содержавшиеся в различных лагерях Германии, были уже в 1940 году собраны в Люблинском

лагере на Липовой улице, а затем вскоре по частям привозились в «лагерь уничтожения» на Майданеке и подвергались той же участи: систематическим истязаниям, убийствам, массовым расстрелам, повешению и т. п.

Свидетель Резник показал следующее:

«В январе 1941 года нас — около 4.000 человек евреев военнопленных — погрузили в вагоны и отправили на Восток... Нас привезли в Люблин, здесь выгрузили из эшелонов и сдали эсэсовцам. Примерно в сентябре или октябре 1942 года в лагере на Липовой улице № 7 было решено оставить только людей, имеющих фабрично-заводскую квалификацию и нужных в городе, а все остальные, и я в том числе, были отправлены в лагерь «Майданек». О том, что направление в лагерь «Майданек» означает смерть, мы все уже хорошо знали».

Из этой партии в 4.000 человек военнопленных сохранились лишь отдельные лица, бежавшие с внелагерных работ.

Летом 1943 года в лагерь на Майданек было привезено 300 советских офицеров, из них 2 полковника, 4 майора, все остальные в чине капитанов и старших лейтенантов. Все указанные офицеры были расстреляны в лагере.

В течение всего 1942 года производились массовые расстрелы как заключённых лагеря, так и населения, привозимого извне.

Житель дер. Кремпец (8 км. от Люблина) поляк Дробиш Тадеуш был очевидцем, как в один из дней эсэсовцы на 88 грузовых машинах привезли людей различных национальностей и возрастов — мужчин, женщин и детей. Привозимые в Кремпецкий лес высаживались из машин, у них отбирались все вещи и ценности и затем их над заранее выкопанными ямами расстреливали. Массовые расстрелы в Кремпецком лесу в течение 1942 года немцы проводили систематически.

Весной 1942 года в лагерь были привезены единовременно 6.000 человек и расстреляны в течение двух дней.

3 ноября 1943 года в лагере было расстреляно 18.400 человек. Из самого лагеря было взято 8.400 человек, а 10.000 человек было пригнано из города и из других лагерей. За три дня до этого массового расстрела были вырыты на территории лагеря за крематорием большие рвы. Расстрел начался с утра и закончился поздно вечером. Людей, раздетых догола, эсэсовцы выводили группами по 50 и 100 человек к рвам, укладывали на дно рва лицом вниз и расстреливали из автоматов. На трупы укладывалась новая партия живых людей, которые также расстреливались. И так до тех пор, пока рвы не заполнялись. Трупы затем были присыпаны небольшим слоем земли, а через 2—3 дня были извлечены и были сожжены в крематории и на кострах.

Для того, чтобы заглушить при расстрелах крики жертв и стрельбу, немцы установили возле крематория и на территории лагеря мощные репродукторы, через которые передавали целый день бравурную музыку.

Этот массовый расстрел стал широко известен населению гор. Люблин. Работавший в лагере эсэсовец Фогель Герман показал:

«Помимо тех людей, которых привели из города, было в этот день взято из Люблинского лагеря и расстреляно 8.400 человек. Я точно знаю эту цифру потому, что на следующий день в вещевой склад, где я работал, были поданы официальные сведения об уничтожении 8.400 человек, так как мы должны были списать их одежду».

Работавший в канцелярии лагеря заключённый поляк Станиславский о расстреле 3 ноября 1943 года показал:

«Этот расстрел немцы называли «Зондерсбеандлунг» (специальное мероприятие), и под этим же названием был отправлен доклад в Берлин. В этом докладе говорилось дословно так: «Разница между количеством содержащихся в лагере заключённых утром и вечером возникла в результате специального уничтожения 18.000 человек».

Жители дер. Десента были часто очевидцами массовых расстрелов, в том числе в 1944 году. Начиная с марта месяца до 22 июля включительно, гестаповцы приводили на машинах и на повозках значительное количество польского населения: здесь были мужчины, женщины и дети. Их подводили к крематорию, возле которого раздевали догола и во рвах расстреливали.

«Были дни, — заявляет свидетель Недзялек, очевидец этих массовых расстрелов польского населения, — когда расстреливалось от 200 до 300 и больше человек».

Советский военнопленный Канунников был очевидцем расстрела в июле 1943 года 40 женщин с маленькими детьми на 1-м поле. Рано утром трупы расстрелянных были свезены в крематорий для сжигания.

Во второй половине мая 1943 года эсэсовцы привезли в Кремпецкий лес две платформы трактором и один грузовик с трупами детей поляков.

Свидетель Гангол показал:

«Помню ещё один яркий факт, который видел лично и сегодня его подтверждаю полностью: во второй половине мая 1943 года эсэсовцы привезли в Кремпецкий лес 2 платформы трактором и один грузовой автомобиль только одних детей поляков. Они были совсем голые. Все трупы этих детей были в лесу сложены в штабеля и сожжены».

Свидетель Красовская сообщила Комиссии о факте расстрела в апреле 1943 года 300 женщин, привезённых из Греции.

Приведённые выше эпизоды массовых расстрелов отражают лишь незначительную часть фактов, собранных Комиссией.

Судебно-медицинская экспертиза под председательством профессора судебной медицины Люблинского Католического Университета, профессора Шиллинг-Сингалевича, в составе: старшего врача Городской Управы гор. Люблин доктора медицины Рупневского, главного судебно-медицинского эксперта фронта подполковника

медицинской службы Шкарабского, главного патолога-анатома фронта, доктора медицинских наук, подполковника медицинской службы Краевского, главного токсиколога фронта полковника медицинской службы Блохина, судебно-медицинского эксперта 1-й Польской Армии капитана Графинской установила:

«При исследовании 467 трупов и 266 черепов были обнаружены следы пулевых ранений в количестве 342, что указывает на то, что в лагере широко практиковался расстрел заключённых путём выстрела по преимуществу в затылок на близком расстоянии из оружия калибром в 0,9 см.».

Таким образом, многочисленными свидетельскими показаниями очевидцев, а также рядом других доказательств (последующие раскопки, проведённые судебно-медицинской экспертизой) установлено, что немцы в Люблинском лагере на протяжении всего периода его существования проводили массовые расстрелы заключённых мужчин, женщин и детей, лиц различных национальностей, часть из коих была расстреляна также в Кремпецком лесу, расположенном в 8 километрах от Майданека.

V. Удушение газом

Одним из самых распространённых методов массового истребления людей в лагере на Майданеке было удушение газом.

Судебно-техническая и химическая экспертиза в составе председателя — инженера-архитектора гор. Люблин Келлес-Краузе, инженер-майора доцента Телянера, кандидата технических наук Григорьева, кандидата технических наук Пелькиса — установила, что камеры, построенные на территории лагеря, использовались в основном для массового уничтожения людей. Всего таких камер было 6. Одни из них были приспособлены для умерщвления газом СО, другие для умерщвления посредством химически-ядовитого вещества «Циклон».

На территории лагеря обнаружено 535 банок с препаратом «Циклон-Б» и несколько баллонов, содержащих окись углерода. При химическом анализе установлено:

«Содержимое банок было проверено на наличие синильной кислоты реакцией образования Берлинской лазури, бензидинацинатной индикаторной бумажкой и пикратом натрия. При этом взяты пробы из 18 банок и проведено отдельных 48 реакций. Все пробы дали положительный результат на содержание синильной кислоты с вышеуказанными реактивами... Таким образом, исследованное содержимое банок представляет собой препарат «Циклон-Б», состоящий из специально приготовленного кизельгура в виде гранул размером до 1 см., пропитанных жидкой стабилизированной синильной кислотой. Содержимое банок, обнаруженных в большом количестве в лагере с этикеткой «Циклон», идентично с «Циклоном-Б»... Пробы газа, взятые из 5 баллонов, были проверены на содержание окиси углерода при помощи реакции с пятиокисью иода и хлорпалладиевой индикаторной бумажкой. Всего реакций с пятиокисью иода проведено 16, а с хлорпалладиевой индикаторной бумажкой 10. Все пробы с указанными реактивами дали положительные реакции на окись углерода».

На основании точных расчётов технического исследования газоканер, химического анализа угарного газа и вещества «Циклон», экспертиза установила:

«Технический и санитарно-химический анализ газовых камер концлагеря на Майданеке целиком подтверждает, что все эти камеры, особенно I, II, III и IV, были предназначены и использовались для массового и систематического уничтожения людей путём отравления общеядовитыми газами, как-то: синильной кислотой (препарат «Циклон») и окисью углерода».

При одновременном использовании всех камер, приспособленных для отравления, можно было в один приём умертвить 1.914 человек. Установлено, что в этих газо-

вых камерах отравлялись все истощённые от голода, ослабевшие от изнурительного труда, жестокого режима заключённые, не способные к физическому труду, все заболевшие сыпным тифом и все прочие, которых немцы считали необходимым умертвить.

В процессе расследования собрано значительное количество фактов массового отравления заключённых в газокамерах на Майданеке.

Свидетель Станиславский сообщил Комиссии:

«В марте 1943 года в газовой камере было умерщвлено 300 поляков. 20 июня 1943 года на 1-м поле раздели донага 350 человек и всех голыми повели в баню, а оттуда в газокамеру, где и задушили; 14 октября 1943 года тем же путём умерщвлено 270 человек».

Свидетель Зелент приводит факт удушения газом 87 поляков 15 марта 1944 года.

Свидетель поляк Вольский Ян — бывший заключённый лагеря, по поводу массового отравления газами показал:

«В октябре 1942 г. в лагерь было привезено большое количество женщин и детей. Здоровых отобрали для использования на работе, а всех слабых, больных и детей удушили в газовой камере. В марте 1943 года в той же камере снова были уничтожены газом 250 женщин и детей, а через несколько дней ещё 300 человек различных национальностей. 16 или 17 мая 1943 года на автомашинах было доставлено в лагерь 158 детей в возрасте от 2 до 10 лет. Этих детей умертвили в газовой камере. В июне 1943 года администрация лагеря собрала всех больных военнопленных и заключённых — около 600 человек и всех их умертвила в газокамере».

О массовом удушении людей газами рассказали на заседании Комиссии немцы-эсэсовцы, служившие в лагере:

Ротенфюрер «СС» Генше показал, что 15 сентября 1942 года в газовой камере было умерщвлено 350 человек, в том числе женщины и дети.

Обершарфюрер «СС» Тернес сообщил Комиссии о факте удушения в газокамерах 16 октября 1943 года 500 человек, среди которых было много женщин и детей.

Отбор людей для удушения производили систематически немцы — врачи лагеря Блянке и Риндфляйш.

Тот же Тернес показывает:

«Мне рассказывал врач лагеря унтерштурмфюрер «СС» Риндфляйш вечером 21 октября 1943 года, что в этот день в газовой камере было удушено препаратом «Циклон» 300 детей в возрасте от 3 до 10 лет».

Трупы из газокамер систематически вывозились для сжигания в крематорий и на кострах. Перевозили трупы на машинах, на специальных платформах, буксируемых трактором. Об этом рассказывают много свидетелей-очевидцев.

Немецкий военнопленный ротенфюрер «СС» Шолен Тео, работавший в лагере, показал:

«Я часто видел эту машину с прицепом, курсирующую от газокамеры к крематорию и обратно, причём от газокамеры она шла с трупами, обратно пустая».

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия установила, что, помимо газовых камер, немцы в Люблине умерщвляли людей также в специально приспособленной автомашине, так называемой «душегубке».

Свидетели — бывший солдат польской армии Стетдинер и советский военнопленный Атрохов подробно описывают эту машину, в которой немецкие изверги удушали свои жертвы выхлопными газами от мотора машины.

Обнаружение на территории лагеря некоторого количества трупов с характерными признаками отравления окисью углерода подтверждает, что немцы использовали окись углерода для умерщвления заключённых.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в выше-названном составе считает, что:

«Истребление заключённых в концентрационном лагере производилось различными методами. В начале существования лагеря гитлеровцами в основном практико-

вались массовые расстрелы. Позже, наряду с этим, они применяли также массовое отравление людей в специально выстроенных и оборудованных газокамерах сильно действующими отравляющими веществами — синильной кислотой (препарат «Циклон») и окисью углерода (угарный газ)».

Таким образом, многочисленными показаниями свидетелей-очевидцев, данными судебно-медицинской, технической и химической экспертиз установлено, что гитлеровские палачи систематически на протяжении почти трёх лет производили в лагере на Майданеке массовое удушение газами сотен тысяч ни в чём не повинных людей, в том числе стариков, женщин и детей.

VI. Немецкие палачи заматали следы своих тягчайших преступлений

В первый период существования лагеря на Майданеке немцы трупы всех расстрелянных и замученных ими закапывали. Позже и особенно в 1943—1944 г.г. немцы стали сжигать трупы, эксгумируя их из ям, где трупы расстрелянных были прежде закопаны.

На территории лагеря уже в начале 1942 года были построены две печи для сжигания трупов. Вследствие того, что трупов было очень много, немцы в 1942 году начали строить и к осени 1943 года построили новый мощный крематорий на 5 сжигательных печей. Эти печи горели непрерывно. Температура в этих печах могла подниматься до 1500°C. Для того, чтобы в печь вмещалось возможно больше трупов, они расчленялись, в частности обрубались конечности трупов.

Техническая экспертиза, тщательно исследовавшая конструкцию печей, дала следующее заключение:

«Печи предназначались для сжигания трупов и были рассчитаны на непрерывную работу. В одну печь можно было вложить 4 трупа одновременно с обрубленными конечностями. Время, потребное для сжигания 4-х трупов, составляло 15 минут, что при круглосуточной работе

всех печей давало возможность сжечь 1.920 трупов в сутки. Учитывая большое количество костей, обнаруженных на всей территории лагеря (в ямах, на огородах, в буртах с навозом), экспертная комиссия считает, что недогоревшие кости выгружались из печей раньше срока, необходимого для полного сгорания, вследствие чего в действительности в печах сжигалось значительно больше, чем 1.920 трупов в сутки».

Комиссия установила, что немцы на протяжении длительного времени, особенно за последние 2 года, наряду с сжиганием трупов в специальных печах, широко практиковали сжигание трупов на кострах, как на территории лагеря, так и в Кремпецком лесу.

На рельсы, или на рамы автомобиля, которые выполняли роль колосников, накладывались доски, на доски трупы, затем снова доски и снова трупы. Так укладывалось на костёр от 500 до 1.000 трупов. Всё это обливалось горючей жидкостью и поджигалось. Каждый такой костёр горел 2 суток.

Свидетели жители дер. Десента (возле лагеря Майданека) и дер. Кремпец — Господарек и Матыясек подтвердили, что они видели на территории лагеря и в Кремпецком лесу гигантские костры, на которых сжигались трупы расстрелянных и замученных немцами людей.

На территории «лагеря уничтожения» и в Кремпецком лесу обнаружено большое количество площадок, на которых производилось сжигание трупов. В одном из рвов на территории лагеря обнаружена после раскопки рама автомашины, на которой сжигались трупы.

После разоблачения зверств немцев в Катынском лесу гитлеровцы особенно усиленно принялись за извлечение трупов из ям и рвов и сожжение их. Судебно-медицинская экспертиза вскрыла 20 таких ям, из них 18 ям на территории Майданека и 2 ямы на территории Кремпецкого леса. В некоторых ямах обнаружено значительное количество трупов, которые немцы не успели сжечь.

Так, в результате раскопок в яме № 1 возле крематория обнаружено 42 трупа, в яме № 19 в Кремпецком лесу обнаружено 368 трупов мужчин, женщин и детей; в других ямах обнаружено значительное количество трупов, уже окончательно разложившихся, и скелетов. В ряде ям обнаружено огромное количество костей.

Для того, чтобы скрыть гигантские размеры массового уничтожения людей, гитлеровские изверги зарывали пепел в ямы и рвы, рассыпали его по большой территории лагерных огородов, смешивали пепел с навозом и употребляли для удобрения полей.

На территории «лагеря уничтожения» Комиссия обнаружила свыше 1.350 кубометров компоста, состоящего из навоза, пепла от сожжённых трупов и мелких человеческих костей.

Гитлеровцы прибегали к перемалыванию мелких костей на специальной «мельнице». Об этой мельнице и её устройстве дал подробные показания свидетель Стетдигер, по специальности дизель-механик, которого немцы заставили работать на этой «мельнице».

Бывший военный комендант гор. Люблин генерал-лейтенант германской армии Гильмар Мозер сообщил:

«У меня нет причин умалчивать о тяжких преступлениях Гитлера или их покрывать, поэтому я считаю себя обязанным рассказать всю правду о так называемом «лагере уничтожения», сооружённом гитлеровцами близ гор. Люблин на Холмском шоссе.

Зимой 1943—1944 г.г. там было уничтожено большое количество заключённых, в том числе, к моему большому возмущению, женщины и дети. Число убитых достигало сотен тысяч человек. Несчастные частично были расстреляны, частично умерщвлены газами.

Мне неоднократно рассказывали, что обречённых людей в «лагере уничтожения» заставляли выполнять чрезвычайно тяжёлые работы, превосходящие их силы, и подгоняли их при этом побоями. С возмущением я узнал,

что заключённых в лагере перед тем, как уничтожить, пытали и мучили.

Весной этого года было вновь выкопано бесчисленное количество трупов и сожжено в специально сооружённых печах, видимо, чтобы замести следы преступлений, совершённых по приказу Гитлера.

Массивные печи были построены из кирпича и железа и представляли собой крематорий с большой пропускной способностью. Запах трупов проникал часто в город, по крайней мере, в восточную часть его, поэтому даже менее информированным лицам было ясно, что творится на этом страшном месте...

Подтверждением того, что деятельность «лагеря уничтожения» направлялась гитлеровским правительством, может служить факт посещения лагеря самим Гиммлером, который приезжал в Люблин летом 1943 года».

Комиссия установила, что только в печах крематория было сожжено свыше 600.000 трупов; на гигантских кострах в Кремпецком лесу было сожжено более 300.000 трупов; в 2-х старых печах было сожжено свыше 80.000 трупов; на кострах в самом лагере возле крематория было сожжено не менее 400.000 трупов.

В целях скрытия следов своих преступлений немцы уничтожали обслуживающий персонал газокамер и крематория, состоявший из заключённых.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в выше-названном составе, под руководством профессора судебной медицины Люблинского Католического Университета профессора Шиллинг-Сингалевича, в результате анализа многочисленных судебно-медицинских актов и вещественных доказательств, установила:

«В люблинском концентрационном лагере «Майданек» в течение всего периода его существования на протяжении 4-х лет преднамеренно, в порядке продуманной системы и последовательности, проводилось массовое истребление людей, как содержащихся в лагере, так и специально привозимых в этот лагерь для истребления».

VII. Гитлеровцы грабили ценности и имущество заключённых лагеря

Ограбление заключённых и замученных в лагере гитлеровцы возвели в систему.

Вещественные доказательства, обнаруженные Комиссией в лагере: склад обуви расстрелянных и погибших, склад с различными вещами заключённых, а также склад, принадлежавший гестапо и находившийся по ул. Шопена в г. Люблин, свидетельствуют о том, что все награбленные вещи и имущество заключённых тщательно сортировались и направлялись в Германию.

На огромном складе обуви, обнаруженном в лагере на 6-м поле, имеется обувь с фирменными марками: Парижа, Вены, Брюсселя, Варшавы, Триеста, Праги, Риги, Антверпена, Амстердама, Киева, Кракова, Люблина, Львова и других городов, различных фасонов и размеров, мужская, женская, подростков, детей дошкольного возраста, солдатские сапоги, ботинки и крестьянские сапоги. Наряду с обувью в складе обнаружено большое количество разделанной обуви (отдельно подошвы, стельки, каблуки), расфасованной, уложенной в штабели и подготовленной к отправке в Германию.

Комиссия установила, что только в «лагере уничтожения» разной детской, мужской и женской обуви замученных и погибших заключённых имеется свыше 820.000 пар.

В огромном складе гестапо на улице Шопена в Люблине Комиссия обнаружила большие запасы различного мужского, дамского и детского белья, а также всевозможных предметов личного обихода. Например: несколько полок с клубками шерстяных ниток для вязки, тысячи очков, десятки тысяч пар различной мужской, дамской и детской обуви, десятки тысяч мужских галстуков с марками различных городов — Парижа, Праги, Вены, Берлина, Амстердама, Брюсселя, десятки тысяч дамских поясов, часть из которых расфасована и подготовлена к

отправке, купальные халаты, пижамы, ночные туфли, множество детских игрушек, соски, кисточки для бритья, ножницы, ножи и огромное количество других предметов домашнего обихода. Здесь же обнаружено множество различных чемоданов, принадлежавших советским гражданам, полякам, французам, чехам, бельгийцам, голландцам, грекам, хорватам, итальянцам, норвежцам, датчанам, а также евреям различных стран.

В этом складе Комиссия обнаружила часть делопроизводства склада, из которого видно, что склад по ул. Шопена, являлся базой, где вещи сортировались и подготавливались к отправке в Германию.

В отношении пересылки вещей расстрелянных в лагерях имелось специальное указание следующего содержания:

«СС — ГЛАВНОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ

Д-КОНЦ. ЛАГЕР.»

Д/1 Ащ 14 Д 3 (Ог) И.

Ораниенбург, 11 июля 1942 года.

ВСЕМ КОМЕНДАНТАМ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ

Согласно заявлению Главного Управления Государственной Безопасности, из концентрационных лагерей были высланы пакеты с одеждой, главным образом, в Управление Гестапо гор. Брюнн, причём оказалось в некоторых случаях, что вещи эти были прострелены и покрыты кровью. Часть этих пакетов была повреждена, и, таким образом, посторонние люди имели возможность узнать о содержании пакета.

Ввиду того, что Главное Управление Государственной Безопасности в ближайшем времени издаст устав, регулирующий вопрос об оставшихся после смерти заключённых вещах, немедленно прекратить высылку вещей до окончательного выяснения вопроса, как быть с вещами, оставшимися после казнённых заключённых.

Подписал — Гликс

СС — Командующий бригадой и генерал-майор войск СС».

Свидетельскими показаниями военнопленных эсэсовцев, ранее работавших в «лагере уничтожения», устанавливается, что в нём существовали организованная система грабежа личных вещей и имущества заключённых и использование имущества замученных и расстрелянных людей различными должностными лицами.

Военнопленный немец ротенфюрер Фогель — эсэсовец на пленарном заседании Комиссии заявил:

«Я был заместителем начальника вещевого склада лагеря на Майданеке. Одежда и обувь с истребляемых заключённых здесь сортировались и всё, что было лучшего, отправлялось в Германию. Я лично только в этом 1944 г. отправил в Германию свыше 18 вагонов одежды и обуви. Я не могу точно сказать, сколько было отправлено обуви и одежды, однако, я утверждаю, что одежды и обуви было очень много. То, что я отправил, — это только часть отправленного в Германию. Всё это отправлялось в адрес: «Плетцензее — Берлин. Штраф-ант-штальт».

Военнопленный офицер немецкой армии оберштурмфюрер «СС» Тернес, как бывший финансовый ревизор лагеря, показал:

«Мне лично известно, что деньги и ценности, которые отбирались у заключённых, отправлялись в Берлин. Золото, изъятые у заключённых, отправлялось в Берлин по весу. Всё это по существу ограбленное добро составляло статью дохода немецкого государства. Золота и ценностей было отправлено в Берлин очень много. Мне всё это известно потому, что я работал в этом лагере по линии финансово-ревизионной. Должен подчеркнуть, что много денег и ценностей, которые были отобраны у заключённых, совсем не приходовались, так как они разворовывались теми немцами, которые всё это отбирали».

Таким образом, ограбление замученных в лагере на Майданеке, так же, как и в других лагерях, составляло определённую статью дохода гитлеровских грабителей разного ранга.

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия, на основе документальных материалов, опроса свидетелей и очевидцев злодеяний немцев в гор. Люблин, в концентрационном лагере на Майданеке, в Люблинской тюрьме и в Кремпецком лесу, а также на основе многочисленных вещественных доказательств, обнаруженных Комиссией, и на основе материалов судебно-медицинской, технической и химической экспертиз, — установила:

1. Концентрационный лагерь «Майданек», именуемый немцами «Фернихтунгслагер», т. е. лагерь уничтожения, являлся местом массового уничтожения советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии и мирного гражданского населения различных стран Европы, оккупированных гитлеровской Германией, а также временно оккупированных областей Польши и СССР.

2. В лагере «Майданек» существовал зверский режим в отношении заключённых. Методами массового уничтожения заключённых были: одиночные и массовые расстрелы и убийства, массовое и одиночное умерщвление в газокамерах, повешение, пытки, истязания и организованный голод.

В этом лагере палачи «СС» и гестапо проводили массовое истребление поляков, французов, голландцев, итальянцев, сербов, хорватов и лиц других национальностей, а также советских военнопленных и военнопленных бывшей польской армии, как содержащихся в заключении в этом лагере, так и специально привозимых в этот лагерь из других лагерей и мест для уничтожения.

3. Для заметания следов своей преступной деятельности гитлеровские палачи осуществляли целую систему мер, как то: сжигание трупов заключённых на гигантских кострах в Кремпецком лесу и в лагере, сожжение в специально построенном крематории, перемалывание

мелких костей, рассеивание пепла по полям и огородам, принадлежавшим гитлеровским руководителям этого лагеря, изготовление больших буртов удобрений из человеческого пепла с навозом.

Гитлеровские разбойники осуществляли целую систему ограбления замученных ими людей, обогащая как рядовых эсэсовцев и гестаповцев, так и крупных руководящих деятелей этой разбойничьей банды. Система ограбления узников этого лагеря составляла значительную доходную статью гитлеровского государства.

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия установила, что за 4-летнее существование «лагеря уничтожения» Майданек гитлеровские палачи, по прямому приказу своего преступного правительства, истребили путём массовых расстрелов, массового умерщвления в газокамерах около полутора миллиона человек — советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии, граждан различных национальностей: поляков, французов, итальянцев, бельгийцев, голландцев, чехов, сербов, греков, хорватов и большую массу евреев.

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия по расследованию зверств немцев в Люблине установила, что основными виновниками этих злодеяний являются гитлеровское правительство, обер-палач Гиммлер и их ставленники из СС и СД на территории Люблинского воеводства.

Основными исполнителями этих зверств являются: обер-группенфюрер — руководитель СС и СД в Люблине — Глобочник, бывший губернатор Люблинского воеводства — Вендлер, руководитель СС и СД в Люблине штурмбанфюрер Доминник, начальник лагерей военнопленных в Польше штурмбанфюрер Лиски, начальники лагерей штандартенфюрер Кох, оберштурмфюрер Кегель, заместитель коменданта лагеря гауптштурмфюрер Мельцер, гауптштурмфюрер Клопман, оберштурмфюрер Туманн, обершарфюрер Мусфельд, обершарфюрер Костиаль, врачи лагеря гауптшарфюрер Грюн Эрих,

гауптшарфюрер Риндфляйш, гауптштурмфюрер Бланке, начальник крематория унтер-штурмфюрер Венде и все другие лица, исполнявшие роль палачей, виновные в истреблении ни в чём не повинных людей.

Председатель Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии, заместитель Председателя Польского Комитета Национального Освобождения *Витос*:

Заместитель Председателя Комиссии
Кудрявцев Д. И. (СССР).

Члены Комиссии:

Член Польского Комитета Национального Освобождения *Зоммерштейн*,

профессор *Гращенков Н. И. (СССР)*,

профессор *Прозоровский В. И. (СССР)*;

прелат Люблинского Католического Кафедрального

Собора ксёндз доктор *Крушинский*,

председатель Люблинского Красного Креста

Христианс,

профессор Люблинского Католического

Университета *Бялковский*,

профессор Люблинского университета

Поплавский,

прокурор Люблинского апелляционного суда

Бальцезжак,

председатель Люблинского Окружного суда

Щепанский.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДЕ МИНСКЕ

Ворвавшись в Минск — столицу Белорусской Советской Социалистической Республики, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить культуру белорусского народа и превратить белоруссов в послушных немецких рабов. По прямым директивам германского правительства гитлеровские военные власти беспощадно уничтожали научно-исследовательские институты и школы, театры и клубы, больницы и поликлиники, детские сады и детские ясли; тысячами истребляли мирных советских людей — женщин, детей, стариков, а также военнопленных.

Преступления немецко-фашистских оккупантов в Минске расследовала специальная комиссия в составе: Председателя Совнаркома БССР Пономаренко П. К., генерал-майора Героя Советского Союза Козлова В. И., академика Якуба Колас, члена Президиума Всеславянского Комитета Горбунова Т. С., кандидата медицинских наук Стельмашенок И. М., белорусского писателя Лынькова М. Т., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Табелева В. Ф.

Специальная Комиссия обследовала концентрационные немецкие лагеря, опросила свыше 120 пострадавших и свидетелей зверств гитлеровцев, а также пленных немецких офицеров и солдат, бывших очевидцами или участниками преступлений.

На основании документальных материалов, представленных специальной комиссией, и личного расследования, произведённого членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Бурденко Н. Н., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

Гитлеровские палачи истязали и уничтожали мирных граждан

Немецко-фашистские захватчики ввели в Минске режим кровавого террора и насилия. Это подтверждают в своих показаниях не только советские люди, содержащиеся в тюрьмах и лагерях, но и пленные немцы. Вот что рассказал председатель военного трибунала 267 немецкой стрелковой дивизии капитан Райхоф Юлиус:

«17 июня 1941 года Гитлером был издан приказ, в котором говорилось, что немецкие солдаты имеют право грабить советское население и истреблять его. За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось по приказу Гитлера предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтёт это необходимым. По тому же приказу Гитлера офицер немецкой армии имел более широкие права... Он мог истреблять русское население по своему усмотрению... Командиру было предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведён до сведения рядового состава немецкой армии за день до нападения Германии на

Советский Союз... В соответствии с приказом Гитлера, немецкие солдаты, руководимые офицерами... учиняли различного рода зверства».

Выполняя этот приказ Гитлера, фашистские мерзавцы истязали, грабили и убивали всех тех, кто им попадался под руку. В Минске и его окрестностях они создали для истребления советских людей целую систему концентрационных лагерей.

От рук немецких палачей погибли тысячи советских граждан в концентрационных лагерях. Редко кому удалось выбраться живым из минского лагеря, находившегося на Широкой улице. «За время моего пребывания в лагере на Широкой улице с 21 августа 1943 года по 30 июня 1944 года, — сообщил комиссии Мойсевич Л. А., — немецкие палачи уничтожили около 10 тысяч советских людей. Они убивали стариков, женщин, подростков, не щадили беременных женщин и женщин-матерей с новорождёнными. Я был очевидцем того, как немцы уничтожали людей в «душегубках». В каждую «душегубку» они насильно вталкивали от 70 до 80 человек и увозили в неизвестном направлении. Я видел, как в «душегубку» были посажены содержащиеся в лагере жители города Минска профессора Клумов и Анисимов».

Показания Мойсевича подтвердил также другой свидетель, содержащийся в лагере на Широкой улице, Беляев Г. И. «Мне известно, — сообщил он, — что много людей было уничтожено в специальной автомашине — «душегубке». Я неоднократно присутствовал во время промывки такой машины и видел, что кузов её обит оцинкованным железом, двери закрываются плотно, от выхлопной трубы мотора в кузов проведена труба, через которую поступают отработанные газы, на полу положена деревянная решётка. 3—4 раза в день в «душегубке» увозили заключённых из лагеря. С 17 по 26 февраля 1943 года гитлеровцы вывезли в «душегубке» 3000 советских граждан, доставленных из города Полоцка. Мне известно также, что немецкие палачи —

комендант лагеря Вакс и его помощники вешали и расстреливали людей в самом лагере».

Для массового истребления людей гитлеровские изверги использовали также обычные бани, в которые загоняли советских людей и отравляли окисью углерода. В сентябре 1941 года таким способом они уничтожили 200 больных, находившихся в загородной больнице Новинки. Служащие этой больницы Колоницкая Е. К. и Науменко В. И. сообщили комиссии: «Фашисты загоняли больных в баню, запирали их там, а затем через специальные отверстия в двери, по шлангам, соединённым с автомашинами, пускали газы. Через несколько минут они вытаскивали оттуда умерших и загоняли новую партию больных».

В специальном лагере-гетто, находившемся в западной части города Минска, немцы содержали до 100 тысяч евреев. Свидетели Бруднер М. И., Божко Ф. Ф., Нестерович Р. А., Ермоленко В. Ф., Чертова Р. А. и другие сообщили, что комендант лагеря Риддер и его помощники Готтенбах и Бенцке глумились над заключёнными, пытали и убивали их без всякого повода. Заключённых травили собаками, кололи штыками и кинжалами, расстреливали, бросали живыми в огонь. Помощник начальника лагеря-гетто Готтенбах под музыку провозглашал тосты за уничтожение евреев, заставлял обречённых петь песни, плясать и сам лично расстреливал заключённых.

Лагерь немецкой тайной полиции в Малом Тростинце

В 10 километрах от Минска, у деревни Малый Тростинец, немецко-фашистские захватчики организовали концентрационный лагерь немецкой тайной полиции, в котором содержались обречённые на смерть мирные граждане. В урочище Благовщина, расположенном в 1,5 километра от лагеря, они расстреливали заключённых.

ных в лагере и трупы закапывали в траншеях. Осенью 1943 года, с тем, чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы приступили к раскопке ям-могил, извлекли из них трупы расстрелянных и стали сжигать их. Житель деревни Тростинец Головач П. Н. видел, что «в лесу Благовщина немецкие палачи убивали мужчин, женщин, стариков и детей; видел, как трупы убитых они складывали в заранее приготовленные траншеи... утрамбовывали их гусеничным трактором, затем снова клали слой убитых и опять утрамбовывали. Осенью 1943 года немцы раскопали траншеи в Благовщине и стали сжигать выкопанные трупы. На подвозку дров для сжигания трупов они мобилизовали все подводы из окрестных деревень».

Для уничтожения трупов замученных советских людей оккупанты осенью 1943 года построили специальную кремационную печь в урочище Шашковка в полукилометре от концентрационного лагеря Малый Тростинец. Работавшие при концентрационном лагере Коваленко К. Е. и Карета А. С. сообщили, что в этой печи сжигались трупы расстрелянных и умерщвлённых в «душегубках». Ежедневно сюда прибывало 3—5 автомашин, набитых людьми.

«Я ежедневно видел, — говорит житель деревни Малый Тростинец Башко В. А., — как немецкие бандиты, во главе с комендантом лагеря-гетто палачом Риддер, убивали мирных граждан в лесу Шашковка и трупы убитых сжигали в печи. Недалеко от этой печи я пас скот и часто слышал плач и мольбу людей о пощаде. Я слышал автоматные очереди, после которых прекращались вопли несчастных».

Следственная комиссия подробно ознакомилась с кремационной печью. В момент осмотра печи в ней обнаружены рельсы, на рельсах — листы железа с отверстиями и масса мелких перегоревших человеческих костей. К печи устроен специальный спуск для автомашин. У входа в печь обнаружены бочка и черпак с

остатками смолы. Тут же разбросаны вещи расстрелянных: обувь, одежда, женские кофточки, головные уборы, детские носки, пуговицы, гребёнки, перочинные ножи. Судя по огромному количеству стрелянных гильз и остаткам взорванных гранат, немцы расстреливали обречённых у входа в печь и в самой печи. Трупы поливались смолой и перекладывались дровами. Для повышения температуры в печь закладывались зажигательные бомбы.

В связи с быстрым продвижением на запад Красной Армии в конце июня 1944 года гитлеровские палачи придумали новый способ массового истребления советских мирных жителей. 29—30 июня они стали вывозить заключённых из концентрационных лагерей, а также трупы расстрелянных в деревню Малый Тростинец. Трупы складывали штабелем в сарае, там же немцы расстреливали советских людей и сараи поджигали.

Спасшаяся от смерти Савинская С. И. показала следственной комиссии: «Проживая на оккупированной территории в городе Минске, я 29 февраля 1944 года вместе с мужем, Савинским Яковом Владиславовичем, была арестована немецко-фашистскими захватчиками и посажена в минскую тюрьму за связь с партизанами. После длительных и мучительных пыток, когда мы не признались в своих связях с партизанами, нас с мужем, в середине мая, перевели в концлагерь «СС», расположенный по Широкой улице, где мы содержались до 30 июня 1944 года. В этот день вместе с другими женщинами в количестве 50 человек меня погрузили в автомашину и повезли в неизвестном направлении. Отъехав примерно 10 километров от города Минска, возле деревни Малый Тростинец, автомашина остановилась у одного из сараев. Здесь мы все поняли, что нас привезли на расстрел... По команде немецких палачей заключённые женщины по четыре выходили из машины. Вскоре очередь дошла и до меня. Я, совместно с Голубович Анной, Семашко Юлей и ещё одной женщиной, фамилии которой не знаю, влезла на верх уложенных

трупов. Послышались выстрелы, я была легко ранена в голову и упала. Будучи раненой, я продолжала лежать среди трупов до позднего вечера. Потом я стала выбираться из сарая, увидела раненых двух мужчин и мы все трое решили бежать. Заметив это, немецкий конвой открыл стрельбу, мужчины были убиты, а мне удалось скрыться в болоте. Там я пробыла 15 дней, не зная, что Минск уже освобождён Красной Армией».

При осмотре сарая в деревне Малый Тростинец, сожжённого немцами, следственная комиссия обнаружила огромное количество пепла, костей, а также частично сохранившиеся трупы. Рядом на штабеле брёвен находилось 127 не полностью обгоревших трупов мужчин, женщин и детей. Вблизи пожарища найдены вещи личного пользования.

Судебно-медицинской экспертизой обнаружены на трупах огнестрельные ранения в области головы и шеи. В сарае и на штабелях брёвен немцы расстреляли и сожгли 6,5 тысячи человек.

Гитлеровские убийцы пытались скрыть следы своих преступлений

В 5 километрах от города, у железной дороги Минск — Молодечно, вблизи деревни Глинище следственная комиссия обнаружила 197 могил расстрелянных немцами советских людей. Трупы в могилах свалены в беспорядке, без верхней одежды, голые или в нижнем белье. Здесь были похоронены советские военнопленные, содержавшиеся в лагере «Шталаг № 352», истреблённые охраной лагеря, во главе с немецким комендантом, капитаном Липп.

Судебно-медицинской экспертизой установлено наличие на некоторых трупах повреждений черепа и головного мозга, нанесённых тупым твёрдым предметом со значительной силой. В двух случаях обнаружено размятие грудной клетки с обширными прижизненными

повреждениями позвонков и множественными переломами рёбер. На кладбище вблизи деревни Глинище похоронено около 80 тысяч советских военнопленных.

В урочище Благовщина обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветвями. Некоторые могилы достигают в длину 50 метров. При частичном вскрытии пяти могил, в них, на глубине 3 метров, найдены обуглившиеся трупы и слой пепла толщиной от половины до одного метра. Вблизи ям комиссия нашла множество мелких человеческих костей, волосы, зубные протезы и массу всевозможных мелких вещей личного обихода. Следствием установлено, что здесь фашисты истребили до 150 тысяч человек.

В 450 метрах от бывшего хутора Петрашкевичи обнаружены 8 ям-могил, размерами 21 метр в длину, 4 метра в ширину и 5 метров в глубину. Перед каждой ямой-могилкой имеются огромные залежи пепла, оставшегося от сжигания трупов. Среди пепла найдены остатки обгоревших и обуглившихся костей, пучки волос, мелкие металлические вещи, обгоревшая женская и детская обувь. Следствием установлено, что на бывшем хуторе Петрашкевичи немцы сожгли до 25 тысяч расстрелянных мирных жителей города Минска.

На 9-м километре по автомагистрали Минск — Москва в урочище Уручье обнаружены 10 ям-могил. Из них: 8 могил — размером 21 на 5 метров, одна — 35 на 6 метров и другая — 20 на 6 метров, все ямы глубиной от 3 до 5 метров. В могилах комиссией обнаружены три продольных ряда трупов, в семь слоёв каждый. Все трупы лежали вниз лицом, многие одеты в красноармейскую форму частей танковых войск. В карманах одежды некоторых трупов найдены документы, часы, советские деньги и различные предметы личного пользования. Преобладающий возраст погибших от 20 до 30 лет. В могилах обнаружено также несколько трупов женщин в гражданской одежде. У могил и в могилах найдено большое количество стрелянных немецких гильз.

При судебно-медицинском исследовании 120 эксгумированных в выборочном порядке трупов установлено, что причиной смерти советских людей почти во всех случаях были сквозные огнестрельные, пулевые ранения головы, сопровождавшиеся значительными разрушениями костей свода и основания черепа. Всё это указывает на расстрелы военнопленных из винтовок или карабинов на близком расстоянии, в упор. Общее количество расстрелянных и похороненных на территории в урочище Уручье, по свидетельским показаниям и данным экспертизы, превышает 30 тысяч человек.

Северо-восточнее концентрационного лагеря, находившегося на территории посёлка Дрозды, обнаружена траншея-канавка 400 метров в длину, 2,5 метра в ширину и 2,5 метра в глубину. При раскопках в нескольких местах траншеи на глубине 0,5 метра найдены остатки трупов (черепа, кости) и истлевшая одежда. Следствием установлено, что в этой траншее-канаве похоронены около 10.000 расстрелянных немцами советских граждан.

Массовые могилы замученных немцами советских людей обнаружены также на Минском еврейском кладбище, в Тучинке, на Кальварийском кладбище, в парке культуры и отдыха и других местах.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: члена Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Бурденко Н. Н., доктора медицинских наук, профессора Смольянинова В. М., доктора медицинских наук, профессора судебной медицины Червакова В. Ф. установила, что немецко-фашистские мерзавцы истребляли мирных жителей и советских военнопленных голодом, непосильным трудом, отравляли окисью углерода и расстреливали.

Следствием установлено, что в Минске и его окрестностях гитлеровцы истребили около 300 тысяч советских граждан, не считая сожжённых в кремационной печи.

Разрушение города Минска

В течение трёх лет немецко-фашистские захватчики планомерно разрушали в Минске научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, библиотеки, музеи, учреждения Академии Наук, театры и клубы.

Более двадцати лет создавалась в Минске библиотека имени В. И. Ленина. В 1932 году было закончено постройкой специальное здание с большим оборудованным книгохранилищем. Немцы вывезли из библиотеки в Берлин и Кенигсберг 1,5 миллиона ценнейших книг по истории Белоруссии, в том числе собрание старопечатных изданий Георгия Скорины, первое издание Литовского статута, коллекции рукописи Янки Купалы, Максима Богдановича, Змитрака Бядули.

Немецко-фашистские захватчики, пытаясь искоренить культуру белорусского народа, разрушали в Минске все культурно-просветительные учреждения. Представители немецкого генерального комиссариата: шеф по так называемым культурным делам доктор Сивица, доктор Рахель, доктор Мюллер, доктор Кох, доктор Мах вывезли в Германию библиотеки Академии Наук с фондом в 300 тысяч томов, Государственного университета, Политехнического института, научную медицинскую библиотеку, городскую Публичную библиотеку имени А. С. Пушкина.

Гитлеровцы разрушили Белорусский Государственный университет вместе с зоологическим, геолого-минералогическим и историко-археологическим музеями, разрушили медицинский институт со всеми его клиниками; разгромили Академию Наук с 9 институтами, зоологическим и геологическим музеями, ботаническим садом; уничтожили Минский политехнический институт, в котором обучалось до 9 тысяч студентов; разрушили Государственные филармонию и консерваторию.

Они уничтожили Государственную картинную галерею, а картины и скульптуру русских и белорусских

мастеров: Репина, Айвазовского, Перова, Боголюбова, Козловского, Бразера, Асгура, Керзина вывезли в Германию; разграбили Государственный белорусский театр оперы и балета, 1-й белорусский драматический театр, Дом народного творчества, дома союзов писателей, художников и композиторов. Из оперного театра немцы вывезли в Германию театральные декорации, мебель, люстры, зеркала, картины, ковры, ткани.

Фашисты уничтожили в Минске 47 школ, 24 детских сада, дворец пионеров, 2 родильных дома, 3 детских больницы, 5 городских поликлиник, 27 детских ясель, 4 детских консультации, превратили в руины институт охраны материнства и младенчества.

Немецко-фашистские захватчики сожгли и взорвали в Минске 23 крупнейших предприятия: вагоноремонтный завод, станкостроительный завод, стекольный завод «Пролетарий», два кирпичных завода, весовой завод «Ударник»; уничтожили 11 хлебозаводов, кондитерскую бисквитную и трикотажную фабрики, мясокомбинат, швейные фабрики «Октябрь» и имени Крупской; разрушили в городе 4 гостиницы; привели в негодность водопровод, канализацию, телефонно-телеграфную сеть.

Немецкие генеральные комиссары Кубе и Беккер разместили на предприятиях города Минска немецкие фирмы: «Борман», «Шорова-Верк», «Требец», «Шлахтхоф», «Троль». Они вывезли в Германию оборудование всех предприятий и подвесную контактную сеть городского трамвая; заставляли советских граждан работать на немецких захватчиков, морили их голодом, истязали, принуждали выполнять непосильные работы. Технический руководитель мастерской по производству военных повозок фирмы «Требец» Райтцук Феликс, уроженец города Алленштайн Восточной Пруссии, допрошенный следственной комиссией, показал: «Я, как представитель фирмы «Требец» в Минске, утверждаю, что советских граждан... оккупационные власти направляли работать в принудительном порядке... Представители фирм

жестоко эксплуатировали советских граждан, заставляли даже стариков работать по 10—12 часов в сутки за малую плату, били и плохо кормили. Хозяин фирмы—Борман лично избивал советских людей, работавших у него. Рабочих кормил очень плохо и только один раз в сутки. Обед состоял из 80 граммов хлеба и жидкого картофельного супа. Ужинов и завтраков не было. На заработанные деньги, говорит он, рабочие покупать ничего не могли, а поэтому жили, как и рабочие других фирм, впроголодь, ходили оборванными».

Ввиду неоспоримых улик и доказательств Райтцук вынужден был признать себя перед следственной комиссией виновным в указанных выше преступлениях.

К ответу фашистских мерзавцев!

За все злодеяния, совершённые немецкими захватчиками в городе Минске, за разрушение культурных и материальных ценностей, истязания и убийство мирных граждан и военнопленных несут ответственность гитлеровское правительство, верховное военное командование, а также следующие организаторы и непосредственные исполнители злодеяний: комендант города Минска генерал-лейтенант Шперлинг, начальник СД (тайной полевой полиции) Шлегель и Штраух, заместитель начальника СД Кайзер, начальник войск СС Готберг, генеральные комиссары Белоруссии Кубе и Беккер, командир 18 моторизованной дивизии генерал-лейтенант Цутаверн, командир 25 моторизованной дивизии генерал-лейтенант Ширман, командир 31 пехотной дивизии генерал-лейтенант Окснер, командир 78 пехотной дивизии генерал-лейтенант Траут, командир 256 пехотной дивизии генерал-лейтенант Вюстенгаген, командир 260 пехотной дивизии генерал-майор Кляммит, командиры 5 танковой дивизии генерал-майор Деккер и генерал-майор Хаузен, командир 20 танковой дивизии генерал-майор Кассель Пауль, командир 2-го велополка подпол-

ковник Шмаль, председатель военного трибунала 267 немецкой стрелковой дивизии капитан Райхоф Юлиус, комендант «Шталаг № 352» капитан Липп, комендант лагеря-гетто Риддер, помощники коменданта лагеря Готтенбах, Рихтер, Бенцке, комендант лагеря Вакс, представители генерального комиссариата: шеф по культурным делам доктор Сивица, доктор Рахель, доктор Кох, доктор Мюллер, доктор Мах, предприниматели фирм «Борман», «Требец», «Шорова-Верк», «Шлахтхоф», «Троль» и технический руководитель фирмы «Требец» в Минске Райтцук Феликс.

Опубликовано в газете «Известия» № 223
от 19 сентября 1944 года на основании
Постановления Чрезвычайной Государственной
Комиссии от 18 сентября 1944 года, Про-
токол № 40.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЭСТОНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

С первых дней оккупации Эстонской Советской Социалистической Республики немцы и их сообщники упразднили государственную самостоятельность эстонского народа, начали вводить «новый порядок», искоренять культуру, искусство и науку, истреблять и угонять на каторжный труд в Германию мирное население, опустошать и грабить города, деревни и хутора.

Специальная комиссия в составе: Н. Г. Каротамм, Председателя Совнаркома Эстонской ССР А. Т. Веймер, профессора Х. Х. Круус, прокурора Эстонской ССР К. М. Паас, депутата Верховного Совета Эстонской ССР А. В. Иоэр, генерал-лейтенанта Д. И. Холостова, представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Б. Т. Готцева, при участии экспертов генерал-майора юстиции Ф. Л. Петровского и государственного советника юстиции Э. Я. Удрас, расследовала злодеяния немецко-фашистских захватчиков. Комиссия осмотрела разрушения, произведённые гитлеровцами, изучила обнаруженные в Таллине и других городах документы оккупационных властей и командования немецкой армии.

На основании расследования, произведённого специальной комиссией, заключения судебно-медицинской экспертизы, а также заключения экспертов по промышленности, сельскому и коммунальному хозяйству, по историческим и художественным ценностям, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

Гитлеровцы пытались превратить Советскую Эстонию в немецкую колонию

Оккупировав Эстонию, немцы полностью ликвидировали её самостоятельность и независимость, лишили эстонский народ всех политических и экономических прав.

17 июля 1941 года Гитлер своим декретом передал законодательную власть на территории Эстонии рейхсминистру Розенбергу. Последний в свою очередь передал законодательную власть окружным немецким комиссарам.

В Эстонии был введён произвол, стал свирепствовать террор над мирным населением. Рейхсминистр Розенберг, рейхскомиссар Прибалтики Лозе и генеральный комиссар Эстонии Лицман полностью лишили эстонский народ каких бы то ни было политических прав. На основании декрета Гитлера от 17 июля 1941 года, рейхсминистр Розенберг издал 17 февраля 1942 года закон, специально для лиц, не принадлежащих к немецкой национальности, и установил для них смертную казнь за малейшие выступления против германизации и за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности.

Для рабочих и служащих эстонцев оккупанты ввели телесное наказание. 20 февраля 1942 года чиновник Управления железных дорог в Риге Валк направил в управление железных дорог Эстонии телеграмму следующего содержания: «Каждое нарушение служебной дисциплины со стороны служащего, принадлежащего к местной национальности, в особенности неявка на работу, опоздание на службу, появление на службу в

пьяном виде, невыполнение служебного приказа и т. д., отныне должно караться со всей строгостью:

а) в первый раз 15 ударами палкой по обнажённому телу,

б) в повторных случаях 20 ударами палкой по обнажённому телу».

12 января 1942 года рейхсминистр Розенберг создал «чрезвычайные суды», которые состояли из председательствующего — полицейского офицера и двух подведомственных ему полицейских. Процессуальные порядки определял суд по своему усмотрению. «Суды» эти всегда выносили смертные приговоры и конфисковывали имущество. Другого наказания «суды» не определяли. Обжалование приговоров не допускалось. Кроме «судов», созданных Розенбергом, смертные приговоры выносила немецкая политическая полиция и в тот же день приводила их в исполнение.

Для рассмотрения гражданских и уголовных дел генеральный комиссар Лицман ввёл местные суды. Судей, прокуроров, следователей, тюремщиков, нотариусов и адвокатов, всех без исключения, утверждал лично сам Лицман.

Постановлением рейхскомиссара Лозе от 18 августа 1941 года государственным языком в Эстонии был установлен немецкий.

Чтобы добиться более эффективной эксплуатации и закабаления эстонского народа, оккупанты создали так называемое «Эстонское самоуправление» во главе с изменником родины Мяэ. 22 декабря 1942 года генеральный комиссар Лицман разрешил главному директору «Эстонского самоуправления» Мяэ издавать постановления и инструкции к ним. Но это было уловкой, нужной фашистам для обмана народа, фактически же все постановления исходили от немецких властей Берлина, Риги и Таллина. Даже самые незначительные постановления главного директора так называемого «Эстонского самоуправления» Мяэ должны были согласовываться

с соответствующими немецкими органами. Это «самоуправление» являлось по существу подотделом немецкого генерального комиссариата, и «директора» «самоуправления» фактически являлись немецкими чиновниками.

В секретном годовом отчёте немецкой политической полиции и СД Эстонии за время с июля 1941 года по 30 июня 1942 года подробно описывается, как «Эстонское самоуправление» было в личном, административном и экономическом отношениях подчинено немецкому генеральному комиссариату Эстонии.

О взаимоотношениях немецкого генерального комиссара Эстонии Лицмана и директора «Эстонского самоуправления» Мяэ в этом секретном отчёте в разделе: «Политическое бесправие» говорится дословно следующее: «Отношения между Лицманом и Мяэ характеризуются безусловным внешним и внутренним авторитетом Лицмана, его взглядов и решений, безусловным внешним и внутренним подчинением Мяэ».

В другом разделе отчёта: «Принципиальные вопросы политики на Востоке» личное подчинение Мяэ генеральному комиссару Лицману разъясняется как необходимость закабаления эстонского народа. Там говорится, что в Прибалтийских государствах немцы должны стараться завоевать симпатии народов. Поэтому нужно было создать видимость того, будто немцы лишь руководят, а эстонцы через «местное самоуправление» управляют страной. «Эстонцы не желают, чтобы их эксплуатировали немцы, но они согласны эксплуатировать сами себя под их собственным режимом».

Фашистский генеральный комиссар Лицман создавал видимость самостоятельности эстонского народа и его государства, на деле же в своих выступлениях открыто говорил, что «Самостоятельное эстонское государство» никогда больше не будет существовать.

Немецкое правительство, оккупировав Эстонию, Латвию и Литву, пыталось поработить народы советских

социалистических республик и утвердить своё господство в Балтийском море.

В приказе от 15 августа 1944 года командир 2-го немецкого армейского корпуса генерал-лейтенант Гассе писал: «Прибалтийский плацдарм, находящийся непосредственно у ворот нашей родины, представляет собой связующее звено с Финляндией и образует фундамент, на котором зиждется оборона северного фланга Европы. Он является залогом германского господства в Балтийском море».

Немецкие оккупанты уничтожали культуру и исторические памятники эстонского народа

Превратив Эстонию в колонию Германии, фашистские поработители не могли оставить эстонскому народу его культуру.

В первую очередь оккупанты приступили к чистке библиотек. Секретным циркуляром «директора просвещения» от 9 декабря 1941 года приказано было изъять из библиотек: все светские произведения за время с 1917 по 1941 год, эстонскую литературу за 1940 и 1941 года. Кроме того, изымались все без исключения литературные произведения следующих поэтов и писателей: Алле, Антсон, Барбарус, Хийр, Хинт, Якобсон, Юрна, Киппель, Кярнер, Рауд, Семпер, Таммлаан.

На площадях эстонских городов запылали костры, превращая в пепел сокровища эстонского национального творчества и лучшие произведения литературы народов Европы. Писателям и поэтам, оказавшимся в фашистской неволе, не разрешали печатать свои произведения. Многих из них: Таммлаан, Сирге, Сютисте, Паульсон, Антсон, Саар, Кангро-Пооль, Адамс, Руммо и Р. Тийтус фашисты заключили в концлагери. Зверски замучены в тюрьме талантливый новеллист Йоган Рувен и молодой писатель Отт Кыдали.

Такая же судьба постигла талантливых художников, не пожелавших работать на немцев. Сидели в тюрьмах: Гори, Куммитс, Ныммик, убиты фашистскими палачами Юхани, Лийманд, Лайго.

В Эстонии почти не осталось картин и скульптур национальных художников и скульпторов. Немцы вывезли в Германию более 10.000 произведений искусств. Они сожгли национальный музей Эстонии, находившийся в имении Раади около Тарту.

В театре «Эстония» немцы разрешали ставить оперы и оперетты лишь на немецком языке.

В концентрационных лагерях и тюрьмах были заключены артисты Мюрк, Сахк, Рейнинг, Тюрк Э. и Тюрк М., Хелль и другие; не перенесли лишений и умерли Триллярв, Сяллик, Сави, дирижёр-композитор Куль, режиссёр П. Сепп; умерщвлены: Аумере, Парис с женой; покончили самоубийством артист и драматург Муржак, Закк.

Перед отступлением немцы подожгли театры в городах Тарту («Ванемуйне»), Нарва («Выйтлея»), Вильянди («Угала»), Пярну («Эндла»). Они разрушили исторические памятники архитектуры Эстонии: центральную часть города Нарвы с домами кладки XVII века, красивейший ансамбль ратушной площади с историческими зданиями и двумя церквями, Нарвский дом Петра Великого; немцы подорвали две исторические крепости в Нарве—Шведскую крепость и «Ивангород»; в Тарту разрушили башню св. Иоанна, построенную в XIV веке; в Пярну — выдающийся исторический памятник XIV века Николаевскую церковь.

Гитлеровцы разграбили и частично разрушили Тартуский университет, имеющий более чем 300-летнее славное прошлое и являющийся старейшим высшим учебным заведением. Они расстреляли лучших представителей профессорско-преподавательского состава, среди них профессора А. Климан и П. Рубель.

Гитлеровцами разрушены в Эстонии промышленные предприятия

В последний довоенный год в Эстонии бурно развивалась промышленность. Громадное народнохозяйственное значение имела сланцевая промышленность. Добыча сланца в 1941 году по плану должна была достигнуть нескольких млн. тонн. Сланцевая промышленность являлась базой для развивающейся химической промышленности Эстонии.

Немецкие варвары почти полностью уничтожили предприятия сланцевой промышленности. Так, на перегонном заводе в Силламяэ немцы сняли всё оборудование, а здание большею частью разрушили. Полностью разрушены завод в Кохтла, завод Кивиэли.

Гитлеровцы разрушили предприятия металлообрабатывающей промышленности: в Тарту — машиностроительный и металлообрабатывающий заводы, в Нарве — литейный завод, в Пярну — моторостроительный завод «Эсти Мотор».

В Таллине на крупном машиностроительном заводе «Ильмарине» гитлеровцы разрушили сталелитейный цех. В Тарту они разграбили оборудование телефонной фабрики, а здания её разрушили.

Из крупных предприятий промышленности стройматериалов серьёзные повреждения гитлеровцы причинили цементному заводу «Пунане Кунда». На кирпичном заводе «Пунане Киви» в уезде Вирума они полностью разрушили оборудование и большую часть зданий, разрушили также завод высококачественных термоизоляционных материалов «Эсти Диатомит».

На фанерно-мебельном комбинате в Таллине гитлеровцы полностью разрушили: фанерный, сушильный, пластинный, столярный, красильный цехи и лесопилку, а запасы сырья, полуфабрикатов и готовую продукцию сожгли. Они полностью разрушили бумажную фабрику в городе Тюри.

Фашисты превратили в развалины хлопчатобумажную Нарвскую фабрику «Кренгольмская Мануфактура». Это был гигант текстильной промышленности, ещё до первой мировой войны он имел около полумиллиона веретён. Немцы полностью разрушили другие текстильные предприятия Нарвы: льняную, суконную и шёлкоткацкую фабрики.

Из предприятий пищевой промышленности фашисты полностью уничтожили в Таллине крупный зернокомбинат «Пыхья Вески» и конфетную фабрику «Квалитет».

Разрушение коммунального хозяйства городов

Немецко-фашистские захватчики в городах Эстонии сожгли и разрушили 9.200 домов. Особенно большие разрушения были произведены в Нарве по приказу командира 4 танково-гренадерской бригады «Нидерланд» генерал-лейтенанта Вагнер. Из 3.500 домов в Нарве осталось только 114 и те требуют значительного ремонта. В Тарту из 5.083 домов разрушено 2.432 дома. В Таллине немцы разрушили 1.885 домов.

Немецко-фашистские захватчики намеревались превратить столицу Эстонии в груды развалин. После освобождения Таллина было обнаружено 75 заминированных мест и извлечено свыше 100 тонн взрывчатых веществ и фугасов. Под Вышгородом были обнаружены минные галлерей, в одной из которых находилось 12 тонн взрывчатых веществ.

Большой ущерб гитлеровцы причинили коммунальным предприятиям городов. Они разрушили 60 из 120 гостиниц и заезжих домов. В Тарту, например, сохранилось лишь 2 из 11 гостиниц. Из прежней мощности 71 тыс. квт. электростанций осталось всего около 11 тыс. квт.

При бегстве из Эстонии гитлеровцы намеревались разрушить все электростанции. Однако этого им не удалось сделать. При приближении Красной Армии рабочие некоторых электростанций с оружием в руках встали на

охрану общественной собственности. На электростанцию Таллина немецкие подрывные команды приходили четыре раза, но, встретив вооружённую охрану из рабочих, уходили обратно. Тогда гитлеровцы открыли огонь по электростанции с военных судов, находившихся в порту. С оружием в руках рабочим удалось отстоять также таллинский водопровод и газовую фабрику.

Разрушение гитлеровцами лечебно-профилактических учреждений

Цветущую Эстонию гитлеровцы превратили в рассадник инфекционных заболеваний. Среди населения в небывалых размерах распространялись сыпной тиф, дизентерия, дифтерит и другие заболевания. По немецким официальным данным за шесть месяцев 1943 и 1944 годов было зарегистрировано 3.476 случаев сыпного тифа, 7.950 случаев дифтерита. При немецкой оккупации в невиданных размерах среди населения распространилась также чесотка и вшивость.

Оккупационные власти не госпитализировали инфекционных больных и не оказывали медицинской помощи населению. Они отменили охрану источников водоснабжения городов, больше того, нарушая самые элементарные требования по водоохране, они устроили на берегу озера «Юлемисте», являющемся источником водоснабжения Таллина, конюшни и открытые полевые типа уборные для рабочего батальона.

Здания лечебно-профилактических учреждений немецко-фашистские захватчики приспособили под склады и солдатские казармы или сожгли и разрушили. В Таллине они уничтожили детскую больницу, детскую поликлинику, аптечный склад, три аптеки и три санитарно-гигиенических магазина, три детских и женских консультации; в городской центральной больнице разрушили шесть корпусов, в инфекционной больнице — один корпус. Оборудование, инвентарь, медикаменты, аппаратуру

всех лечебно-профилактических учреждений Таллина гитлеровцы разграбили.

В Тарту немцы разрушили первую и вторую городские больницы, 6 аптек, водолечебницу и детскую поликлинику. В Пярну они разрушили поликлинику, тубдиспансер и родильный дом; в Нарве — все лечебно-профилактические учреждения, среди них 8 аптек, поликлинику, санитарно-эпидемиологическую станцию.

Ограбление гитлеровцами сельского населения

Немецкие захватчики безудержно грабили сельское население Эстонии. Ограбление проводилось в форме взиманий с крестьян различного вида принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов.

Нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, установленные немцами, были огромны. Крестьянин уезда Харьюма, волости Хагари, Петр Ребане сообщил, что за 1942—1943 годы на его хозяйство была наложена поставка — 900 килограммов мяса. За невыполнение поставки мяса у Петра Ребане были отобраны две коровы. За просрочку в выполнении поставки на крестьян накладывались также денежные штрафы или арест.

Землю, переданную Советской властью в 1940 году крестьянам-беднякам, общей площадью в 404.000 га, немцы отобрали. Они заставили крестьян выплачивать не только старые земельные долги, но и погашать те ссуды, которые были выданы крестьянам Советской властью.

В результате хищнического хозяйничания немцев и бешеной эксплуатации ими эстонского крестьянства сельское хозяйство Эстонии непрерывно падало. Площадь под посевами зерновых в 1944 году по сравнению с 1941 годом сократилась на 35 процентов, площадь под посевом картофеля уменьшилась за это же время на 31 процент, под посевом льна — на 64 процента.

Уменьшение посевных площадей и понижение урожайности наблюдаются по всем зерновым, техническим и

кормовым культурам. Общее уменьшение посевной площади в 1943 году по сравнению с посевной площадью 1939 года составляет 170.234 га.

За годы немецкой оккупации уничтожено 35.000 га леса, что составляет в переводе на древесину около 3.500.000 кубометров.

Немцы отобрали у крестьян и угнали в Германию лошадей 107.000 голов, коров 31.000 голов, свиней 214.000 голов, домашней птицы 790.000 голов. Они разграбили около 50.000 пчелосемей.

При Советской власти в Эстонии было организовано 25 МТС с общим парком в 350 гусеничных тракторов. Немцы разрушили и разграбили эти станции. Они увезли в Германию 236 тракторов, 151 пятикорпусный плуг, 22 плуга для поднятия целины, 30 плугов для раскорчёвки пней и свыше 500 других сельскохозяйственных машин. Большой ущерб гитлеровцы причинили станциям по аренде сельскохозяйственных машин. Они угнали со станций 1.700 лошадей, разрушили и похитили 2.474 разных сельскохозяйственных машины.

Гитлеровцы отобрали лично принадлежавшие крестьянству 1.000 молотилок, 600 молотильных моторов, 700 локомотивов, 350 тракторов и 24.781 других сельскохозяйственных машин.

Наиболее сильный ущерб фашисты причинили сельскому хозяйству уезда Вирума. В этом уезде они сожгли 2.566 жилых домов и сельскохозяйственных построек. Полностью уничтожили сельское хозяйство в Нарвской, Пириской, Раяской, Алутагуской, Вайварской и Васк-Нарвской волостях.

Уничтожение гитлеровцами мирных советских граждан и военнопленных

Немецко-фашистские захватчики покрыли захваченную ими территорию Эстонии густой сетью концентрационных лагерей, тюрем и гестаповских застенков. Они беспощадно уничтожали мирных граждан и военнопленных.

Согласно ежемесячным отчётам главного врача лагерей оберштурмфюрера СС фон-Бодман, на 1 февраля 1944 года в Эстонии было более 20 лагерей. Только в четырёх лагерях—Эреда-Асундус, Кивиэли, Вайвара и Клога — в феврале 1944 года содержалось более 6.000 заключённых.

Заключённым советским гражданам в лагерях присваивали номера и лишали фамилий, их избивали нагайками, железными палками, использовали на непосильной работе. Руководила работами организация «Тодт». Рабочий день длился 16—18 часов. За невыполнение норм заключённых лишали пищи, жестоко избивали и расстреливали. Чтобы скрыть следы своих злодеяний, немцы сжигали трупы убитых на кострах, а несгоревшие кости размельчали и вместе с пеплом разбрасывали по полям.

Отступая под натиском Красной Армии, немцы поспешно ликвидировали концентрационные лагеря, причём большую часть заключённых расстреляли.

В 44 клм. юго-западнее Таллина, в дачном местечке Клога-Аэдлин, в сентябре 1943 года немецкие оккупанты создали концентрационный рабочий лагерь организации «Тодт». Независимо от пола и возраста, заключённые в лагере подвергались каторжному режиму. Каждому заключённому присваивался номер. Для предотвращения побегов женщинам сбрасывали волосы на голове, а мужчинам пробрасывали полосу, идущую от лба к затылку. Заключённых, в том числе и детей, принуждали работать по 12—15 часов в сутки.

Ежедневно в лагере производились публичные порки заключённых на специально оборудованном для этого станке. Кроме того, за малейшую провинность оставляли без пищи на двое суток, привязывали в сильные морозы на 2—3 часа к столбу. Издевательствами над заключёнными занимались не только охранники-эсэсовцы, но и администрация лагеря и немецкие врачи. Немецкий доктор Ботман лично избил двух заключённых: врача Залкинсона и врача Гецова. Кроме того, Ботман систематически отравлял заболевших заключённых, впрыскивая

под кожу яд (эвипан). Санитар лагеря унтершарфюрер Гент топором зарубил 23 престарелых заключённых. Свидетель Ратнер И. М. показал: «В феврале 1944 года в лагере Клога родилось двое детей, оба эти ребёнка были живыми брошены в топку кочегарки и сожжены. Я сам видел, как сжигали детей. В мае 1944 года в лагере родился третий ребёнок, его сразу же удушил унтершарфюрер Бар».

19 сентября 1944 года немцы приступили к ликвидации лагеря Клога. Унтершарфюрер лагеря Шварце и начальник канцелярии гауптшарфюрер Макс Дальман отобрали из заключённых 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы, немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключённых. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и строители костров, а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы — из полицейских команд СД силой оружия заставляли заключённых ложиться вниз лицом и расстреливали их из автоматов и пистолетов. Расстрелянных сжигали на кострах. В лагере Клога 19 сентября 1944 года было уничтожено около 2.000 человек.

В августе 1944 года в районе Таллинского лесного кладбища немцы расстреливали мирных граждан, которых привозили на автомашинах по 25—30 человек. Трупы расстрелянных они также сжигали на кострах. Местному населению категорически запрещалось приближаться к этому месту под предлогом того, что здесь производятся опыты «с новой военной техникой». С 8 августа 1944 года по 19 сентября 1944 года на Таллинском лесном кладбище было расстреляно и сожжено более тысячи человек.

Одним из мест массового уничтожения людей немцы избрали лощину между холмами в Калеви-Лийва, расположенную в 5 километрах от деревни Кабернеме, в волости Кусалу, уезда Харьюма. В 1942 году немцы объявили

местному населению, что в районе этих холмов производятся оборонительные работы и появление граждан в этом районе категорически воспрещается.

В июле 1942 года двумя железнодорожными эшелонами на станцию Расику гитлеровцы доставили 3.000 человек, затем автобусами перевезли их к холмам Калевийи и там расстреляли. В дальнейшем на протяжении 1943 и 1944 годов к этим холмам на автобусах гитлеровцы привозили новые группы мирных граждан и расстреливали.

Следствием установлено, что в районе холмов Калевийи фашисты уничтожили около 5.000 человек. Чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы с начала 1944 года начали выкапывать и сжигать трупы расстрелянных, а несгоревшие кости размельчать и вместе с пеплом зарывать в землю или разбрасывать по полям.

На сланцевых разработках, в рабочем посёлке Кивиели, уезда Вирума, немцы создали 3 концлагеря. В этих лагерях содержалось до 9.000 заключённых мирных граждан. Все они использовались на работах по добыче сланцев. За невыполнение норм заключённых избивали резиновыми шлангами, лишали пищи на 5—6 дней, бросали в колодцы шахт, наполненные водой. За малейшую провинность заключённых расстреливали.

Свидетель Вихула М. Ф. показала: «Мой муж, Вихула Юган, в течение 15 лет работал шахтёром на сланцах Кивиели. Как только к нам пришли немцы, его арестовали, а 27 августа 1941 года расстреляли. С ним вместе были расстреляны ещё 70 шахтёров, среди них: Салусоо, Клампе, Коосе, Коппель, Нормак, Алфёров, Мяги».

В городе Нарва немецко-фашистские захватчики создали 7 лагерей для мирных граждан и военнопленных. Под лагеря немцы приспособили эстонскую начальную школу, корпуса льнопрядильной фабрики, русский клуб и «Красные амбары». В лагерях находились постоянно десятки тысяч людей. В одном только лагере для советских военнопленных, размещённом в «Красных амба-

рах», постоянно находилось 15—20 тысяч человек. Гитлеровцы систематически расстреливали заключённых. Трупы замученных, а иногда и живых людей они сжигали в топках печей котельной льнопрядильной фабрики, зарывали в землю в лесу за деревней Поповка и в траншеях за «Красными амбарами».

Специальная Комиссия установила, что за три года в Нарве гитлеровцы уничтожили около 30.000 мирных граждан и советских военнопленных, 8.000 советских людей они уничтожили в лагерях уезда Вирума: Куремая, Вивиконна, Аувере, Иыхви, Кохтла-Ярве, Кукресе, Перм, Гольфильдс, Эреда-Асундус, Сонда, Азери и Кунда.

Находившийся в одном из лагерей Эреда-Асундус бывший заключённый Гордон М. С. показал: «В апреле 1944 года меня, в числе 150 человек, заключили в лагерь Эреда. Начальником лагеря тогда был немец Шнибель. Этот лагерь был разбит на две части. В одной из них находились здоровые, а во второй больные, смертность в лагере доходила до 20—30 человек в сутки. Больным медпомощи не оказывали. Немец санитар Глингер избивал до смерти больных тростью».

Особой жестокостью в лагерях отличался ефрейтор войск СС немец Шарфетер. Бывший заключённый лагеря Иыхви Гамбург Д. Ш. показал: «По прибытии к нам в лагерь ефрейтор Шарфетер в декабре 1943 года заявил, что у него больных не будет, и в первый же день он расстрелял двух больных, а трупы их сжёг в печи лесопильного завода. Немного позже Шарфетер застрелил ещё двух больных тифом».

К ответу немецких палачей

Чрезвычайная Государственная Комиссия за все злодеяния, разрушения культурных и материальных ценностей и грабежи считает ответственными гитлеровское правительство, немецкое военное командование, а также конкретных организаторов и исполнителей злодеяний: ге-

нерал-фельдмаршала фон-Лееб, генерал-фельдмаршала фон-Кюхлер, генерал-полковника Модель, генерал-полковника Линдеман, генерала пехоты Фриснер, генерал-полковника Шернер, немецкого генерального комиссара обергруппенфюрера Карла Лицман, командующего армейской группой «Нарва» генерала пехоты Грассер, командира 3 германского танкового корпуса СС генерала пехоты Штайнер, командира 4 танково-гренадерской бригады «Нидерланд» генерал-лейтенанта Вагнер, командира 11 танково-гренадерской дивизии «Нидерланд» генерал-майора Циглер, группенфюрера Астер, штандартенфюрера Менцель, штандартенфюрера принца фон-Хогенлое, начальника немецкой полиции безопасности СД — оберштурмбанфюрера доктора Зандбергер, его заместителя штурмбанфюрера Гейсслер, штандартенфюрера Бекинг, штандартенфюрера Лотар Бомбе, комиссара Тартуского округа фон-Менен, руководителя всеми работами лагерей Эстонии — гауптштурмбанфюрера Шварце, главного врача лагерей доктора Бодман, начальника лагеря Клога Верлее и других лиц, упомянутых в настоящем сообщении.

Опубликовано в газете «Известия» № 280
от 26 ноября 1944 года на основании
Постановления Чрезвычайной Государственной
Комиссии от 25 ноября 1944 года, Протокол № 43.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЛИТОВСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Оккупировав Литовскую Советскую Социалистическую Республику, немецкие фашисты пытались превратить Литву в германскую колонию и поработить литовский народ. Эта преступная цель гитлеровского правительства нашла своё полное выражение в повсеместном грабеже, всеобщем разорении, насилиях и издевательствах над литовским населением, в массовых убийствах стариков, женщин, детей и военнопленных. Фашисты лишили литовское крестьянство земли, разгромили и закрыли университеты и школы, разрушили промышленность и культурные ценности. Под руководством рейхсминистра Розенберга оккупанты пытались онемечить литовский народ, искоренить национальную культуру. Литва была объявлена частью немецкой провинции «Остланд».

После освобождения Красной Армией Литовской ССР, специальная комиссия в составе: депутата Верховного Совета СССР Снечкус А. Ю., Председателя Совета Народных Комиссаров Литовской ССР Гедвилас М. А.,

Народного Комиссара Внутренних Дел Литовской ССР Барташунас И. М., профессора Пуренас А., литовского писателя Юргинис И. М., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Зурабова В. С. произвела расследование совершённых гитлеровцами в Литве преступлений. Чрезвычайная Государственная Комиссия на основании материалов расследования этой комиссии, раскопок могил замученных фашистами жертв, показаний свидетелей установила факты злодеяний и разрушений, совершённых немецко-фашистскими бандитами за время оккупации ими Литовской Советской Социалистической Республики.

Гитлеровцы пытались уничтожить литовскую культуру

За год существования в Литве Советской власти литовская культура получила все условия для своего широкого развития. Были открыты новые учебные заведения, развёрнута сеть новых школ, созданы Государственная филармония, Дом народного творчества, открыты Художественная академия в Вильнюсе и Институт прикладного искусства в Каунасе. Организовались союзы литовских писателей, художников, композиторов.

Немецкие оккупанты сразу же после своего вторжения разгромили литовские культурные учреждения. Они закрыли Филармонию, Каунасскую консерваторию, Академию искусств в Вильнюсе, Институт прикладного искусства, ликвидировали все художественные учебные заведения, разогнали союзы творческих работников.

17 марта 1943 года гестаповцы оцепили здание старейшего Вильнюсского университета, разбили в нём статуи и орнаменты, изорвали картины, разграбили экспонаты, ценные учебные пособия, научную литературу, эпидиоскопы, электромоторы, станки и другое научно-вспомогательное оборудование; увезли в Германию

1743 грамма платины. В разгроме университета принимали активное участие немецкие «учёные» доктора Мюллер и Вульп.

Такая же участь постигла и другой крупнейший литовский Государственный университет и Химический институт. Немцы разрушили в Вильнюсе и Каунасе 14 гимназий и 46 начальных школ, а также учебные заведения в Шауляе, Мариамполе, Паневежисе, Укмерге, взорвали и уничтожили Сельскохозяйственную академию, Высшую сельскохозяйственную школу и 7 низших сельскохозяйственных школ.

Гебитскомиссар города Вильнюс Хингст присвоил и вывез из Вильнюсского Государственного художественного музея ценные коллекции мебели, старинный фарфор, ковры, картины, гравюры и другое музейное имущество. Из этого же музея немцы похитили 40 ценных картин XIX и XX веков, 130 матриц очень редких гравюр на меди (XVII, XVIII, XIX веков), конкурсную модель проекта памятника Петру Великому скульптора Т. Крюгера. Генерал Рунау украл ценные картины «Святое семейство» (мастерской Рубенса) и «Пейзаж» (Тенирса). Из библиотеки Академии искусств были похищены немцами 743 книги наиболее старинных и редких изданий, коллекции исторических золотых и серебряных медалей. Полному разгрому подверглись широко известные еврейские культурные учреждения: 1) библиотека им. М. Страшуна, 2) еврейский научный институт Академии Наук Литовской ССР, 3) Историко-этнографический музей. 10 тысяч экземпляров старинных изданий XV, XVI, XVII веков были направлены в Берлин (Бисмаркштрассе, 1). Немецкие захватчики отправили во Франкфурт на Майне ценные картины Репина, Левитана, Марка Шагала, скульптуры М. Антокольского, Гинцбурга, Аронсона, Н. Трегера, рукописи и письма Максима Горького, Льва Толстого, Ромен Роллана, Шолом-Алейхема и др. При отступлении гитлеровцы сожгли в Литве старейшую библиотеку евангелическо-реформатского синода, основан-

ную в 1611 году и состоявшую из 20.000 томов уникальных книг XVI, XVII и XVIII веков.

В городе Каунас немцы разграбили дом-музей известного литовского поэта Майрониса и театры: оперный, драмы и оперетты. В городе Шауляй сожгли самый крупный из периферийных литовских театров и Краеведческий музей со всеми уникальными этнографическими, археологическими и историческими коллекциями. Немцы разграбили театры в городах Паневежис и Мариамполь.

Представители литовской интеллигенции подвергались жесточайшим преследованиям и репрессиям. Немцы расстреляли известного мастера многих произведений скульптуры Грибаса, поэта Монтвила, дирижёров Гофмеклерис и Дурмашкинас, режиссёра и художественного руководителя польского театра музыкальной комедии в Вильнюсе Вырвич-Вихровского. От тяжёлых условий фашистского режима погибли: академик, хирург Кузьма, поэт и драматург Бинкис, профессор Альбинас Римка, художники Диджиокас, Менчинскис, Самуолис, заслуженные композиторы Шимкус и Карнавичюс. Заведующий кафедрой истории театра Вильнюсского университета и драматург Балис Сруога заключён в один из концентрационных лагерей в Германии.

Чудовищные злодеяния гитлеровцев на территории Литовской ССР

За время оккупации Литовской ССР гитлеровские мерзавцы установили режим кровавого террора. Стремясь подавить всякое сопротивление со стороны населения фашистской колонизаторской политике, немцы планомерно и методически истребляли советских людей, подвергали их всевозможным издевательствам, пыткам и насилиям. По далеко не полным данным, они истребили в концентрационных лагерях на территории Литвы 165 тысяч военнопленных, расстреляли, сожгли и замучили свыше 300 тысяч человек мирного населения.

Массовые убийства советских людей в местечке Панеряй

Сразу же после захвата столицы Литовской ССР — Вильнюс немецкие оккупанты начали массовое истребление его населения. В местечке Панеряй (Понары), в 8 километрах от Вильнюса, был организован специальный лагерь. Массовые убийства в этом лагере начались с июля 1941 года и продолжались до июля 1944 года.

«Начиная с июля 1941 года, — сообщил свидетель Сенюц Станислав Степанович, проживающий на станции Панеряй, — в этот лагерь ежедневно пригонялись и расстреливались группы в несколько сот человек. Когда привозили людей на машинах, я уже издали слышал их громкие крики. Расстрелы совершались почти ежедневно, с утра и до вечера, и продолжались до самого освобождения города Вильнюс Красной Армией».

С конца 1943 года гитлеровские палачи особенно тщательно старались замести следы своих кровавых преступлений. С этой целью они организовали в местечке Панеряй сожжение трупов расстрелянных людей.

«В декабре 1943 года, — сообщил свидетель Зайдель Матвей Фёдорович, — нас заставили выкапывать и сжигать трупы. Вначале клали дрова, затем трупы в ряд по сто человек, обливали их горючей жидкостью и опять накладывали трупы. Таким образом на каждый костёр мы укладывали около 3000 трупов, заливали их нефтью, с четырёх сторон клали зажигательные бомбы и поджигали».

Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 года до июня 1944 года. За это время из девяти ям с общим объёмом 21.179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тысяч трупов.

Последние дни перед отступлением гитлеровцы не успевали сжигать трупы расстреливаемых, сбрасывали их в ямы и слегка засыпали сверху песком. По документам, обнаруженным в одежде убитых, и на основании

свидетельских показаний установлено, что среди погибших были учёные и рабочие, инженеры и студенты, ксёндзы и православные священники — жители не только Вильнюса, но и других городов, местечек и деревень Литовской ССР.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: главного судебно-медицинского эксперта фронта подполковника медицинской службы Никольского В. П., главного патолога-анатома фронта доктора медицинских наук подполковника мед. службы Молоткова В. Г., профессора патологической анатомии Марбурга С. Б., городского судебно-медицинского эксперта гор. Вильнюс Буткевича И. Ю. и других установила:

«Исследованные трупы относятся преимущественно к гражданскому населению. Небольшое количество трупов обнаружено в одежде военнослужащих. На некоторых трупах найдены предметы религиозного культа католической и православной церкви. На основании обнаруженных предметов и документов установлено, что среди расстрелянных были: врачи, инженеры, студенты, шофёры, слесаря, железнодорожники, портнихи, часовщики, торговцы и другие.

В большинстве случаев причина смерти — сквозное огнестрельное ранение в голову от одиночных выстрелов с разрушением мозгового вещества. В некоторых случаях обнаружены двойные и множественные входные отверстия.

Типичный размер входных пулевых отверстий 0,8 сантиметра — соответствует пулям немецкого образца. По характеру входного отверстия можно считать, что выстрелы производились в упор.

Состояние исследованных трупов и обнаруженные в одежде документы показывают, что расстрелы производились с осени 1941 года и до июля 1944 года».

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецко-фашистские палачи расстреляли и сожгли в Панеряй не менее 100 тысяч человек.

Форт № 9 жители Каунаса называли «Фортом смерти». Форт расположен в 6 километрах северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри его имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключённых. Со всех сторон форт обнесён железобетонной стеной и колючей проволокой.

Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас согнали в форт № 9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью больше 5 гектаров, у западной стены форта. В течение июля — августа 1941 года было открыто 14 рвов, каждый шириной около 3 метров, длиной свыше 200 метров и глубиной больше 2 метров. Все, кто попадал в форт № 9, в живых не оставались. Колоннами в несколько тысяч человек гитлеровцы гнали сюда женщин, детей, подростков, мужчин и стариков на расстрел и сжигание.

Свидетель Михайловский Станислав Никодимович из деревни Кумпйя сообщил комиссии: «Я сам видел, как немцы осенью 1941 года гнали колонной советских граждан в форт № 9. Один раз я наблюдал колонну людей длиной от форта до города Каунас. Кроме того, немцы возили людей в закрытых машинах. Согнанных на казнь и мучения советских граждан немцы раздевали догола в саду форта, затем партиями по 300 человек сгоняли в вырытые рвы и там расстреливали из автоматов и винтовок. Обречённых людей было так много, что они по несколько часов стояли голыми на холоде в ожидании смерти».

Свидетель Счестно В. А. из деревни Гедрайц показал комиссии: «Когда были приготовлены рвы, немцы стали пригонять в форт № 9 большое количество мирных советских граждан из Каунаса и других районов и здесь их расстреливали».

Только за два дня в ноябре 1941 года в форте № 9 было расстреляно 7 тысяч мирных советских граждан,

а за два дня в декабре 1941 года — около 22 тысяч человек.

В форте № 9 были расстреляны люди различных национальностей: русские, украинцы, белоруссы, литовцы, поляки, евреи. В этом форте расстреляны: депутат Верховного Совета Союза ССР Буджинскиене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Зибертас, каунасский рабочий-стахановец Щербаков со своей женой и новорождённым ребёнком и многие другие.

Кроме советских людей, гитлеровцы уничтожали в форте № 9 граждан из Франции, Австрии, Чехословакии. Бывший надзиратель форта № 9 Науджюнас Ю. Ю. показал: «Первая группа иностранцев в количестве 4000 человек поступила в форт в декабре 1941 года. Я разговаривал с одной женщиной, которая сказала, что их везли в Россию якобы на работу. 10 декабря 1941 года началось уничтожение иностранцев. Им было предложено выходить из форта группами по 100 человек как бы для проведения прививок. Вышедшие на «прививку» больше не возвращались: все четыре тысячи иностранцев были расстреляны. 15 декабря 1941 года прибыла ещё одна группа численностью около 3000 человек, которая также была уничтожена».

К октябрю 1943 года все рвы западнее форта № 9 были заполнены трупами расстрелянных. В каждом из таких рвов находилось от 3 до 4 тысяч трупов. Всего здесь гитлеровцы уничтожили до октября 1943 года свыше 50 тысяч человек, из которых больше 40 тысяч советских граждан и около 10 тысяч иностранцев. Чтобы скрыть следы своих преступлений, гитлеровцы с октября 1943 года начали сжигать трупы убитых ими людей на специальных кострах.

Бывший заключённый форта Гельтрук Михаил Ильич, которого немцы заставили вместе с другими в течение 6 недель раскапывать и сжигать трупы, рассказал комиссии следующее:

«В день мы откапывали и сжигали по 600 трупов. Это была норма, установленная немцами. Ежедневно горело

по два больших костра, в каждом из которых помещалось по 300 трупов. После сжигания трупов кости раздроблялись металлическими предметами и зарывались в землю. За 6 недель нами было раскопано три с половиной рва, из которых было извлечено и сожжено 12 тысяч трупов; ещё оставались неразрытыми девять с половиной рвов и много мелких ям, в них находилось не менее 40 тысяч трупов».

Гитлеровцы привозили в форт № 9 для сжигания трупы и из других мест. На этих же кострах немцы сжигали и живых людей. Так, по показаниям свидетеля Гельтрук, 16 декабря 1943 года в форте № 9 была заживо сожжена семья доцента Шапиро, состоявшая из 5 человек. Свидетель, гражданин деревни Гедрайц, Корольков Н. Ф. рассказал: «Я видел, как днём подъезжали к костру крытые машины, из которых выбрасывали людей в огонь. Нередко раздавались крики и выстрелы».

После того, как все трупы были сожжены, гитлеровцы засыпали рвы, вспахали и засеяли поле. С апреля 1943 года истребление советских людей производилось уже во дворе форта, во рву, у западной стены, где также постоянно горел костёр. В этом рву обнаружены остатки дров, 8 бочек с горючей смесью и следы большого костра.

Комиссия по расследованию преступлений фашистских негодяев в городе Каунас, в составе: депутата Верховного Совета Литовской ССР Григолавичиус И., председателя Исполкома Каунасского совета депутатов трудящихся Руткаускас, профессора Мажилис, докторов Тикниус, Гураускас, Лашиене, Гуревичиус, Вуйвидайте-Куторгене, писательницы Фелиции Борткевичиене, художника Михась Пранцунас, студента Ажукайтис, майора Франчук и майора Румянцева — установила, что гитлеровцы уничтожили в форте № 9 более 70 тысяч мирных жителей.

Зверства немецких фашистов над мирным населением в лагере близ города Алитус и в других местах Литовской ССР

На территории Литовской ССР гитлеровцы истребили в огромном количестве не только местное население, но и согнанных сюда жителей Орловской, Смоленской, Витебской и Ленинградской областей. Через лагерь для эвакуированного населения близ города Алитус (бывший лагерь № 133 для советских военнопленных) с лета 1943 года по июнь 1944 года прошло до 200 тысяч человек. Все бараки были оплетены колючей проволокой в два ряда. За самовольный выход за проволоку каждого «виновного» наказывали заключением в карцер и жестокой поркой. Заключённые должны были работать на тяжёлых физических работах, их морили голодом: в день давали 150—200 граммов хлеба с опилками и поллитра супа-баланды из испорченной чечевицы или гороха. Наиболее здоровых и молодых отправляли на работу в Германию.

Тяжёлые антисанитарные условия, невероятная скученность, отсутствие воды, голод и болезни, а также массовые расстрелы привели к тому, что за 14 месяцев в этом лагере погибло до 60 тысяч мирных советских людей, что подтверждается документами и показаниями свидетелей, жителей города Алитус: Гашкерис Ст. Вл., Гашкерис Максимильяна Германовича, Петрова, доктора Рыбкина, Новаковского, Стрембовского и других.

К концу 1943 года в бывший лагерь для военнопленных возле аэродрома в городе Каунас были пригнаны мирные жители, мужчины и женщины разных возрастов, а также дети. Количество заключённых в этом лагере всё время колебалось от 1200 до 1500 человек. Из строевой записи, обнаруженной в канцелярии лагеря, видно, что на 3-е января 1944 года в лагере числилось: мужчин трудоспособных — 433, нетрудоспособных — 26, женщин трудоспособных — 737, нетрудоспособных — 42, детей — 253, а всего на этот день в лагере числилось 1491 человек.

В начале 1944 года немцы в этом лагере насильно отобрали детей в возрасте от 6 до 12 лет и увезли. Житель города Каунас Владислав Блюм показал: «На моих глазах происходили душераздирающие сцены: у матерей немцы отбирали детей и отправляли неизвестно куда, а многие дети погибли при расстреле вместе с матерями».

Внутри лагеря на стенах здания обнаружены надписи о злодеяниях фашистских извергов. Вот некоторые из них: «Отомстите за нас! Пускай весь мир знает и поймёт, как зверски уничтожали наших детей. Наши дни уже сочтены, прощайте!». «Пусть весь мир знает и не забудет отомстить за наших невинных детей. Женщины всего мира! Вспомните и поймите все зверства, которые произошли в XX-м веке с нашими невинными детьми. Моего ребёнка уже нет, и я ко всему безразлична».

Для семей военнослужащих Красной Армии на территории Литовской ССР немцами были созданы специальные концентрационные лагеря.

В этих лагерях был вывешен приказ: «За высказывание недовольства германскими властями и нарушение лагерного режима советских граждан без суда расстреливать, подвергать тюремному заключению, отправлять на вечную каторгу в Германию». В лагерях нередко производились публичные расстрелы.

О фактах истязаний и большой смертности в лагерях для семей советских военнослужащих рассказали свидетели, жёны командиров Красной Армии: Козлова В. М., Шабаетова А. М., Выглова М. Ф., Паньшина Н. С., Лапочкина В. В. и другие.

Начальник четырёх таких лагерей немка Елизавета Зеелинг неоднократно заявляла заключённым: «Вы мои рабы, я буду вас наказывать, как хочу». Она применяла в лагерях жестокие пытки, избивала и даже лично расстреливала заключённых.

Зеелинг на допросе показала, что сотрудник гестапо шеф лагерей Яцке и оберштурмфюрер Мюллер дали на инструктивном совещании следующие указания: «За

женщинами, находящимися в лагерях, строго следить, так как они являются жёнами советских командиров. Если кто будет отказываться от работы, немедленно отправлять их в лагеря для расстрела без следствия. Из лагерей никого не выпускать. Установить строгую дисциплину. Жестоко пресекать всякую малейшую попытку к неповиновению или враждебные действия».

В урочище «Лысая Гора», на восток от села Лозники, Вильнюсского уезда, комиссией обнаружены две площадки — 30 на 12 метров и 10 на 6 метров, где сжигались трупы расстрелянных немцами жителей Науиои Вильня, Мицкунай, Лаворишкис, Шумскас, Медниникай, Тоторкаймис и других пунктов. По заявлениям граждан села Лозники Андрушковича, Нагановича и Петрулевича, немцы осенью 1941 года сгоняли сюда советских людей на расстрел. С 1-го по 18 июня 1944 года немцы произвели вскрытие ям и сожжение трупов. Пепел закапывали в ямы. Насильственно пригнанных для раскопок и сожжения трупов советских людей немцы расстреляли. В урочище «Лысая Гора» немцы расстреляли 10 тыс. человек.

В сентябре 1941 года, в местечке Эйшишкис были расстреляны из пулемёта 800 человек. В городе Пренай немецкие палачи во главе с комендантом города капитаном войск СС Рейнартом замучили и убили свыше 3000 граждан, в том числе Степанавичюс Юозас, Марцынкевичене Маре, Штукшене Мацеле и других. В предместье города Каунас Вильямполь немцы сожгли около 8000 советских граждан.

3 июня 1944 года в деревню Перчюпе, Тракайского уезда, ворвались гитлеровцы; окружив деревню, они произвели повальный грабёж, после чего, загнав всех мужчин в один дом, а женщин и детей в три других дома, зажгли эти дома. Пытавшихся вырваться и бежать фашистские изверги ловили и снова бросали в горевшие дома. Так было сожжено всё население деревни — 119 человек, из них 21 мужчина, 29 женщин и 69 детей. Здесь погибли: Ялкомас с женой и четырьмя детьми,

Валькишюс Юозас с женой и семьёю детьми, Коваляускене Стасе с тремя детьми, Уждавинене Ева с тремя детьми, Имбалейкис с ребёнком, Уждавинене Марьяна с четырьмя детьми, Уждавинис Стасис с двумя детьми, Маркевичюс Юозас с матерью, Маркевичюс Юозас с тремя детьми, Бразаускас с ребёнком и другие.

Зверское массовое истребление мирных жителей немецкие оккупанты произвели в районе города Мариамполь, где было уничтожено 7700 человек. В местечке Сейрияй, Алитусского уезда, было расстреляно немцами 1900 человек, в Пильвишкяй было расстреляно свыше тысячи жителей. В Шауляйском уезде, по неполным данным, было уничтожено 3830 человек. В городах Тракай, Паневежис, Укмерге, Кедайняй и Биржай немцы истребили 37 640 человек мирного населения.

Истребление советских военнопленных

В Каунасе, в форте № 6, находился лагерь № 336 для советских военнопленных. В лагере к военнопленным применялись жестокие пытки и издевательства в строгом соответствии с найденным там «Указанием для руководителей и конвоиров при рабочих командах», подписанным комендантом лагеря № 336 полковником Эргардт. В этом указании говорится: «Каждый военнопленный рассматривается в качестве врага». На основе этой директивы, немецкие солдаты и конвоиры распоряжались жизнью военнопленных по своему усмотрению.

Военнопленные в форте № 6 были обречены на истощение и голодную смерть. Голод, холод и тяжёлый непосильный труд быстро истощали организм пленных. Свидетельница, гражданка деревни Петрушаны Мидешевская Розалия, сообщила комиссии: «Военнопленные ужасно голодали. Я видела, как они рвали траву и ели её». Житель города Каунас учитель Интересов Дмитрий рассказал: «Проживая с 24 декабря 1943 года близ форта № 6, я имел возможность несколько раз разговаривать с русскими военнопленными. Они рассказывали, что

живут в сырых и мрачных подземельях крепости, но так как и этих помещений далеко недостаточно, то многие валяются прямо в крепостной канаве под открытым небом. Пища их состоит из сырой свёклы, картофельной шелухи и других овощных отбросов, а о хлебе, соли и других продуктах и думать не приходится.

Местному населению под угрозой смерти запрещалось оказывать какую-либо помощь военнопленным. При входе в лагерь № 336 сохранилась доска со следующим объявлением на немецком, литовском и русском языках: «Кто с военнопленными будет поддерживать связь, особенно, кто будет им давать съестные припасы, папиросы, штатскую одежду, сейчас же будет арестован. В случае бегства будет расстрелян».

В лагере форта № 6 был «лазарет» для военнопленных, который в действительности служил как бы пересыльным пунктом из лагеря в могилу. Военнопленные, брошенные в этот лазарет, были обречены на смерть. Из месячных немецких сводок заболеваемости военнопленных в форте № 6 видно, что только с сентября 1941 года по июль 1942 года, т. е. за 11 месяцев, в «лазарете» умерло 13 936 советских военнопленных.

В лагерном дворе комиссия обнаружила 67 стандартных могил размером 5 на 2,5 метра каждая. При вскрытии могил обнаружены сложенные штабелями скелеты. В канцелярии лагеря найден план кладбища № 5 с точным нанесением могил и указанием количества трупов в них. Из этого плана видно, что на одном только кладбище № 5 похоронено 7708 человек, всего же, как свидетельствуют лагерные документы, здесь похоронено около 35 тысяч военнопленных.

В Каунасе также был лагерь для военнопленных без номера, расположенный на юго-западной окраине каунасского аэродрома. Так же, как и в форте № 6, здесь свирепствовали голод, плеть и палки. Истощённых военнопленных, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в

заранее вырытые ямы и засыпали землёй. Это подтверждают свидетели, местные жители — Гутавкина И. В., Гедрис И. И., Ионайтис Б. К. Близ лагеря были обнаружены: 13 могил размером 25 на 2 метра, 5 могил размером 12 на 2 метра и 1 могила размером 15 на 15 метров. При раскопках этих могил на глубине $\frac{3}{4}$ метра найдены трупы людей, одетых в серые шинели и защитного цвета обмундирование. На основании раскопок, документов и показаний свидетелей комиссия установила, что здесь, в районе аэродрома, замучено и погребено около 10 тысяч советских военнопленных.

Близ города Алитус немцами в июле 1941 года был организован лагерь № 133 для советских военнопленных, который просуществовал до начала апреля 1943 года. Ещё по пути в этот лагерь пленных морили голодом и многих из них привозили мёртвыми или в состоянии сильного истощения. Как показали свидетели, литовский партизан Маргялис и жители города Алитус, при выгрузке военнопленных из вагонов немцы расстреливали на месте всех неспособных дальше двигаться. Военнопленные были размещены в конюшнях, где они зачастую замерзали, так как у них было отобрано всё обмундирование. Гитлеровцы открывали по пленным стрельбу из пулемётов и автоматов. В этом лагере № 133 погибло от расстрелов, голода, холода и сыпного тифа не менее 35 тысяч человек. Особо зверской жестокостью отличались начальник лагеря майор Розенкранц, его помощник Эверт, доктор СС Ганке, зондерфюрер Мамат.

Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики организовали лагерь для советских военнопленных на территории военного городка города Науиои Вильня. Одновременная загрузка этого лагеря составляла не менее 20 тысяч человек. Свидетель Туманов А. А. рассказал комиссии об истязаниях, которым подвергали немцы заключённых в этом лагере: «Пленных пытали до потери сознания, подвешивая их на цепях за ноги, затем снимали, обливали водой и снова повторяли то же самое».

Смертность военнопленных здесь никогда не была ниже 150 человек в сутки. Умерших закапывали на кладбище в 200 метрах от лагеря.

На основании многочисленных показаний свидетелей, жителей местечка Науиои Вильня: Галевского Л. И., Галевской Р. Н., Козловского К. А., Туманович А. И., Бублевича С. Н., Гульбинского А. А., Кондратович К. О. комиссия установила преднамеренное систематическое массовое истребление в этом лагере советских военнопленных путём голодного режима, изнурительного и непосильного труда, истязаний и расстрелов. Общее число жертв, истреблённых гитлеровцами в этом лагере, составляет свыше 60 тысяч человек.

В 5 километрах от станции Безданы, Неменчинской волости, Вильнюсского уезда, также был организован лагерь для советских военнопленных. По показаниям очевидцев, жителей села Безданы, Ластовского И. М., Мацкевича А. В., Родзевича И. В., Брыжука Ф. Ю., Букшанского Л. И. и других, тяжёлые условия, в которых находились военнопленные: систематический голод, массовые избиения, расстрелы, порождали среди них огромную смертность. На территории данного лагеря обнаружено 18 больших могил. Лагерь был немцами полностью сожжён в августе 1943 года. Общее количество погибших здесь военнопленных, согласно документов и показаний свидетелей, достигает 25 тысяч человек.

Установлено, что во всех перечисленных лагерях на территории Литовской ССР немцы уничтожили не менее 165 тысяч советских военнопленных.

Разорение сельского хозяйства и закрепощение литовских крестьян

В 1940—1941 годах в Литве свыше 75 000 сельскохозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян были наделены земельными участками. Среди них было распределено около 400 тысяч га земли. Все получившие землю обеспечены кредитом на строительство,

сельскохозяйственным инвентарём, оборудованием, семьями. Таким образом в Литовской ССР были заложены основы расцвета сельского хозяйства.

Фашистские колонизаторы сразу же отобрали у трудового крестьянства полученную ими землю. Гитлеровский министр земледелия Дарре откровенно заявил:

«...Мелкие местные крестьяне должны быть удалены со своих земель и превращены в безземельных пролетариев, чтобы было сокращено их размножение. Культивируемые земли должны перейти в руки класса немецких господ. На всём восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, заселённая чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных слуг и промышленных работников».

Генеральный комиссар Литвы фон Рентельн в приказе от 18 сентября 1941 года распорядился:

«Новосёлы и малоземельные крестьяне, получившие в пользование землю согласно постановлению большевистского Совета Министров от 5 августа 1940 года, считаются потерявшими это право. Настоящее применяется также к лицам не немецкого происхождения, переселившимся из Германии. Земельные участки, предоставленные новосёлам и переселившимся из Германии, передаются в управление тем, кому они принадлежали до отчуждения».

Сгоняя трудовое литовское крестьянство с земли, гитлеровцы грабили у него весь живой и мёртвый сельскохозяйственный инвентарь и оборудование, отнимали даже тот лес, который у него был заготовлен для строительства жилых построек. Рейхскомиссар Остланда Лозе в приказе от 13 сентября 1941 года дал следующее указание: «Весь принадлежащий сельскому хозяйству живой и мёртвый инвентарь переходит в пользование старых владельцев или соответственно назначенных управляющих, которые несут ответственность за всё ведение хозяйства».

Отобрав у литовских крестьян землю, оккупанты закрепили их и превратили в рабов немецких колонистов. В приказе Лозе от 13 сентября 1941 года говорилось: «Новосёлы считаются наёмниками хозяев, которым возвращается земля». В развитие этого приказа генеральный комиссар Литвы Рентельн 18 сентября 1941 года указал: «... строго наказуемы сельскохозяйственные рабочие и бывшие новосёлы, которые откажутся занять указанное им место работы, оставят его или будут мешать утверждённому управляющему принять управление хозяйством».

В январе 1942 года в Риге было создано общество по управлению землёй «Остланд», в задачу которого входила организация хозяйств немецких колонистов. По неполным данным, только до осени 1942 года в Литву было завезено из Германии 16 300 немецких семейств, не считая многочисленных владельцев различного рода сельских и городских торговых и промышленных предприятий.

В продолжение всей оккупации немцы беспощадно изгоняли из своих хозяйств литовских крестьян и грабили их имущество. Так, в течение осени 1942 года в Мариампольском, Таурагском, Кедайнском и Вилкавишкском уездах были лишены земли 2 057 семей. Вместе с землёй у них было отобрано всё движимое имущество: 2475 лошадей, 2267 коров, 2973 свиньи, 2386 овец, 1426 плугов, 1318 борон, 859 повозок. Все эти семьи были обязаны без всякого возмещения оставить немцам следующие запасы сельскохозяйственных продуктов (в центнерах): ржи — 22 166, пшеницы — 16 307, ячменя — 13 114, овса — 22 914, картофеля — 57 052.

В результате хозяйничанья гитлеровских захватчиков, по неполным данным, лишь по 14 уездам Литовской ССР поголовье скота и птицы по сравнению с 1940—1941 г.г. сократилось: по лошадям — на 136 140 голов, по крупному рогатому скоту — на 565 995 голов, по свиньям — на 463 340 голов, по овцам — на 594 492 головы, по курам — на 996 000 голов, по гусям и уткам — на 424 178 голов.

Разрушение промышленности, коммунального хозяйства и транспорта Литовской ССР

Гитлеровские захватчики нанесли огромные разрушения промышленности Литовской ССР. Они взорвали крупные электростанции республики: Вильнюсскую, мощностью в 9 тыс. киловатт, и Каунасскую, мощностью в 16 тыс. киловатт. Они разрушили, сожгли и разграбили в городах Литвы все основные промышленные предприятия.

В гор. Каунас немцы уничтожили металлургический завод «Металас», оптическую фабрику «Спектрас», резиновую фабрику «Гума», мяскокомбинат, стекольный завод, 3 мельничных комбината, 2 мыловаренных фабрики. Вывезли в Германию оборудование лесозаводов, фабрики шерстяных и бумажных тканей, фабрики «Рамуна».

В гор. Вильнюс захватчики разрушили завод радиоаппаратуры «Электрит», лесопильные и фанерные заводы. В гор. Шауляй сожгли и уничтожили первоклассный кожевенный завод № 6, обувную фабрику «Ватас», выпускавшую до 2 тысяч пар обуви в день, 3 кондитерских фабрики, пивоваренные заводы, маслобойный завод.

В гор. Науоис Вильне немцы уничтожили странкостроительный завод и бумажную фабрику, в местечке Швентупе сожгли спиртовой завод. С табачных фабрик республики оккупанты вывезли все электромоторы, сожгли много известковых и кирпичных заводов. В Паневежисе взорвали 7 мельниц и хлебозавод. С бумажной фабрики в Петрушанах захватчики из 300 имевшихся там электромоторов вывезли 244. По всей территории республики немцы разрушили большое количество мелких промышленных и кустарных предприятий.

Немецко-фашистские захватчики варварски уничтожили в городах Литвы коммунальное хозяйство. Помимо электростанций, они разрушили в Вильнюсе газовый завод, водонасосную станцию со всеми агрегатами, Кау-

наский водопровод в Эйгулях с резервуаром на Жальякальнис. Городское население было оставлено без света и воды. В Вильнюсе немцы взорвали новые мосты через реку Нерис (Вилию): Жверинасский, длиной в 82 метра, Зелёный, длиной в 86 метров, Антокольский, длиной в 110 метров, в Каунасе уничтожили 3 моста: 2 через реку Немунас и один через реку Нерис (Вилию).

Перед своим отступлением из Литвы, начиная с 6 июля 1944 года, в течение 7 дней, немецко-фашистские захватчики взрывали и сжигали наиболее благоустроенные дома и общественные здания в городах, уничтожали целые кварталы и улицы. Одна из центральных улиц города Вильнюс, Вокечу, центр торговых предприятий, после ухода немцев представляет собой сплошные руины. В гор. Каунас сожжено немцами, вместе с населением, предместье Вильямполе, уничтожена улица Бирштоно. Всего в городах Вильнюс и Каунас разрушено 4612 домов с кубатурой в 8414 тыс. куб. метров. Взорваны и сожжены уездные города Вилкавишкис и Расейняй.

Огромные разрушения фашистские громилы причинили учреждениям связи. Сожжены здания городской и междугородной телефонных станций, радиостанций и почтамтов. Приведены в негодность и уничтожены линия связи и кабельные сооружения. Значительную часть оборудования автоматической и междугородной телефонных станций, центрального телеграфа, радиостанций, радиозула и мастерских немцы вывезли в Германию.

Под руководством гитлеровского начальника литовских железных дорог Доллинга, его заместителей Гофмана и Гиркенса, начальника полиции литовских железных дорог Краузе, немецкие захватчики произвели разгром железнодорожного хозяйства в Литве. Они взорвали, сожгли и разрушили железнодорожные электростанции, здания депо и паровозоремонтных мастерских, насосные станции, водонапорные башни, разрушили тоннель близ гор. Каунас, взорвали железнодорожные мосты через реку Немунас длиной в 332 метра, через реку Нерис

длиной в 301 метр и 49 других мостов, уничтожили 330 километров главных и 46 километров станционных путей, взорвали вокзалы на станциях: Каунас, Турмонтас, Дукштас, Жасляй, Кайшадорис, Варена, разрушили вокзалы на станциях Вильнюс, Швенченелай, Пабраде и других, уничтожили или подорвали 4283 товарных, 257 пассажирских вагонов и 183 паровоза; вывезли в Германию механическое оборудование многих депо и паровозоремонтных мастерских, аппаратуры телефонных и телеграфных станций.

Фашистские захватчики проводили массовый грабёж литовского городского населения. Все лучшие дома и квартиры были отняты у жителей и переданы немецким гражданским и военным чиновникам и переселившимся из Германии «колонизаторам». У населения городов гитлеровцы отбирали вещи и продукты.

Ценные вещи и товары были собраны гитлеровцами в специальные магазины с надписью «Только для немцев» и продавались немцам по баснословно низким ценам.

Погромщики и убийцы мирного населения и созетских военнопленных должны предстать перед судом советского народа

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что виновниками чудовищных преступлений, совершённых на территории Литовской Советской Социалистической Республики, являются: рейхскомиссар Лозе, заместители рейхскомиссара: Эше, Матиссен и Фреундт, генеральный комиссар Литвы д-р фон Рентельн, его заместители — обергегбитс-фюрер Наберсберг, доктор Пензе, капитан Шененбек и доктор Дексгеймер, командующий войсками генерал кавалерии Бремен, начальник полиции Остланд обергруппенфюрер СС Иекельн, начальник полиции Литвы бригаденфюрер СС генерал-майор Гарм, начальник СС и полиции Литвы бригаденфюрер СС, гене-

рал-майор Высоцкий, начальник полиции безопасности и СД Литвы оберфюрер доктор Фукс, начальник СС и полиции доктор Музиль, начальник бригады СС Гинтце и генерал-майор Вансе, представитель генерального комиссара доктор Вреде, секретари генерального комиссара фон Фрик и Веер, адъютант генерального комиссара Мейзе, военный комендант Литовского генерального округа генерал-майор Юст, начальник охранной полиции Коссман, руководители гитлеровской молодёжи в Литве обербанфюрер Кортманн и штурмбанфюрер СА Вестер, руководитель общества по колонизации доктор Кобе, руководитель штаба по переселению штурмбанфюрер СС Дукарт, высший государственный советник штандартфюрер СА Лют, начальник судебного отдела генерального комиссариата Фризе, начальник управления по распределению рабочей силы, правительственный советник доктор Дюнбир, чиновник по вопросам сельского хозяйства на Востоке профессор доктор Касниц, советники военного управления: доктор Гауль, доктор Фридрих, Росс, Фрелих и Эльсман, начальник Литовской железной дороги Доллинг, его заместители Гофман и Гиркенс, начальник полиции по Литовской железной дороге Краузе, советник по железной дороге Лангнер, шефы концентрационных лагерей Яцке и оберштурмфюрер Мюллер, оберейнзацфюрер штаба Розенберга доктор Мюллер, руководитель «исследовательского музея восточных народов» во Франкфурте-на-Майне доктор Поль, директор банка Вильгельм Шпильгер, комендант гор. Вильнюс генерал-майор Дитфурт и фон Остманн, начальник СС и полиции в гор. Вильнюс оберштурмбанфюрер Криг, главный окружной руководитель по труду Мюллер, окружной руководитель по сельскому хозяйству Бекманн, гебитскомиссары: Хингст, оберфюрер СА Крамер, Ленцен, Вульф, Гевеке, фон Штаден, оберштурмбанфюрер СС Вальтер Неум, заместители: Аппенродт, Лакнер, ректор Браун, Мурер, начальник охранной полиции в Каунасе капитан Бюнгер, обершарфюрер Ланге, командиры охранной полиции и

полевой комендатуры в Каунасе капитан Моргерд, капитан Пабст, капитан Кейдель, лейтенанты Тиль, Вейс и Тильман, командир гарнизона в Каунасе Гюс, комендант города Пренай, капитан войск СС Рейнерт, судьи Гафакен и Лукас, прокурор Лихтенштейн, начальники политических отделов: штурмфюрер СА барон фон Штаден, барон фон Ропп, Реке, криминальный советник Шмитц, главный областной руководитель по труду Рихтер, руководитель народного образования в Каунасе штандартфюрер доктор Эрих Майер, оберштурмбанфюрер СС Шмолл, фрауенфюрер Эллерброк, гестаповцы: оберфюрер СА Вагнер, оберштурмбанфюрер Гекке, гауптштурмфюрер Ринк, унтершарфюрер Пильграм, обершарфюрер Ауэр, обершарфюрер Финигер, обершарфюрер Киттель, Гротт, шеф гестапо Вульф из Берлина, капитан Герт из Кёнигсберга, оберштурмфюрер Нойгебауер, оберштурмфюрер Артшвагер из Клайпеды, оберштурмфюрер Рихтер из Берлина, обершарфюрер Майер Герман из Вены, Швейнбергер из Берлина, начальник тюрем г. Вильнюс, гауптшарфюрер Мартин Вайсс из Карлсруэ, начальник концентрационных лагерей Елизавета Зеелинг, комендант концентрационного лагеря № 336 полковник Эргардт, начальник концентрационного лагеря № 133 майор Розенкранц, его помощник Эверт, врач того же лагеря доктор СС Ганке, зондерфюрер Мамат, старший командир штурмовиков СС Сонс, командир штурмовиков СА Лют, начальник отдела комендатуры Бранд, начальник отдела пропаганды Велема, руководитель службы связи в Каунасе Гарш, командир роты штурмовиков Мюллер, обершарфюрер Фаульгарбер, шеф района Панеряй Пэрр, начальник охраны района Панеряй Бинке, шеф штаба Розенберга в гор. Вильнюс Шпоркет, руководитель Каунасского отделения штаба Розенберга доктор Вульп, зондерфюрер Ганс Луц, командир окружной жандармерии в гор. Каунас лейтенант Мюллер, комендант лагеря в Вилиямполе оберштурмфюрер Иордан, управляющий делами общества «Остланд» доктор Гартманн, главные

о́кружные руководители по труду Габерман и Мюллер, доктор фон Берг из Берлина, Шпинклер из Берлина, Вилли Шеффер из Касселя, директора заводов: спиртового Кирхгеер и пивоваренного Гилланд.

Все они должны предстать перед судом и понести суровое наказание за свои кровавые злодеяния.

Опубликовано в газете «Известия» № 298
от 19 декабря 1944 года на основании
постановления Чрезвычайной Государственной
Комиссии от 18 декабря 1944 года, Протокол № 45.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ворвавшись в город Львов 30 июня 1941 года, немецкие захватчики объявили Львовскую область «дистриктом Галиции» и ввели в ней так называемый «новый порядок» безудержного грабежа, насилий, пыток, массовых расстрелов и убийств мирного населения.

Убийства советских граждан совершались не случайными бандитскими группами немецких офицеров и солдат, а преднамеренно немецкими воинскими соединениями, полицией и СС, организованно, по заранее разработанным планам германского правительства. Для массового истребления советских людей был создан особый аппарат и организована целая сеть лагерей для уничтожения людей.

Главным вдохновителем и организатором системы истребления людей являлся рейхсминистр Германии Гиммлер, неоднократно приезжавший в Львов для инспектирования и проверки деятельности учреждённых по его воле «предприятий смерти».

Для расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков Чрезвычайная Государственная Комиссия назначила специальную комиссию в составе депутатов Верховного Совета Союза ССР генерал-майора И. С. Гру-

шецкого, Н. В. Козырева и В. Г. Садового, доктора И. М. Трегуба, Е. С. Грушко, председателя исполкома Львовского городского Совета П. В. Бойко, П. С. Турченко, А. А. Вишневского, представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии С. Т. Кузьмина, при участии главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии доктора медицинских наук М. И. Авдеева, помощника главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии В. И. Пухнаревича, судебно-медицинского эксперта Д. А. Голаева, эксперта-криминалиста Н. И. Герасимова, прокурора Львовской области И. П. Корнетова и начальника следственного отдела Львовской областной прокуратуры П. З. Крыжановского.

На основании материалов расследования, произведённого специальной комиссией, заключения судебно-медицинской экспертизы, а также многочисленных свидетельских показаний советских граждан и граждан иностранных государств, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в Львове, Рава-Русской, Золочеве, Сокале, Яворове, Жолкве, Городке, Бродах, в Подкаменском, Ново-Ярычевском, Ивано-Франковском и других районах Львовской области немецкие захватчики истребили около 700 тысяч советских людей — мужчин, женщин, детей, а также подданных Чехословакии, Югославии, Голландии, Великобритании, Соединённых Штатов Америки, привезённых в Львов из концентрационных лагерей Германии.

Немецкие захватчики убили в Львове виднейших деятелей науки и искусства

Отряды гестаповцев ещё до захвата Львова имели составленные по указанию германского правительства списки виднейших представителей интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после захвата города Львова начались массовые аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали: члена Союза советских писателей,

автора многочисленных литературных произведений, профессора Тадеуш Бой-Желенского, профессора мединститута Романа Ренцкого, ректора университета профессора судебной медицины Владимира Серадского, доктора юридических наук Романа Лонгшамю-де-Берье вместе с тремя его сыновьями, профессора Тадеуша Островского, профессора Яна Грека, профессора-хирурга Генрика Гиляровича, профессора-стоматолога Антона Тешинского, профессора Францишека Гроэра, профессора патологической анатомии Витольда Новицкого, докторов физико-математических наук Владимира Стожека и Антона Ломницкого, академика Соловий, почётного члена многих академий наук Казимира Бартель, доктора химических наук Станислава Пилат, доктора технических наук Каспара Вайгеля, доктора технических наук Романа Виткевича, доктора технических наук Владимира Круковского, профессора Станислава Прогульского, профессора Менчевского, этнографа Адама Фишера, доктора технических наук Казимира Ветуляни, известного юриста, члена Кодификационной Комиссии Польши, профессора Мауриция Арерханда, львовскую писательницу Галину Гурскую, критика Остапа Ортвина, доцентов Ауэрбаха, Пясецкого, физика Вандера, инженера Шимона Блюменталья, хирурга Руффа, доцента Чортковера и других профессоров и преподавателей учебных заведений.

Профессор Львовского медицинского института Ф. В. Гроэр, которому случайно удалось избежать смерти, сообщил комиссии:

«Когда 3 июля 1941 года, в 12 часов ночи, меня арестовали и посадили на грузовую машину, в ней уже находились профессора: Грек, Бой-Желенский и другие. Нас повезли в дом «Бурса Абрагамовичев». Ведя нас по коридору, гестаповцы глумились над нами, подталкивали прикладами винтовок, дёргали за волосы и били по голове... Позже я видел, как из общежития «Бурса Абрагамовичев» немцы вывели под конвоем 5 профессоров, чет-

веро из них несли окровавленный труп убитого немцами при допросе сына известного хирурга Руфф. Молодой Руфф был также специалистом. Вся эта группа профессоров под конвоем проследовала по направлению к Кадетской горе. Спустя 15—20 минут я услышал залп из винтовок в том направлении, куда повели профессоров».

Чтобы унижить человеческое достоинство, немцы прибегали к самым изощрённым истязаниям арестованных учёных, а затем расстреливали их.

Житель города Львова Гольцман Б. О. показал перед специальной комиссией, что он сам видел, как во двор дома № 8 на улице Артишевского в июле 1941 года эсэсовцы «привели 20 человек, среди них 4 профессора, адвокаты, врачи. Одного из них я знаю по фамилии — доктор юстиции Крепс. Среди приведённых было 5—6 женщин. Эсэсовцы заставили их языком и губами мыть лестницы в 7-ми подъездах 4-этажного дома. После того, как все лестницы были вымыты, этих же людей заставили собирать на дворе губами мусор... Весь собранный мусор нужно было перенести в одно место двора... Всё это вместе со мной видел также дворник дома № 8 по улице Артишевского Гира Леопольд. После окончания работы гестаповцы выбрали из этой группы 5 человек, вывели их за город и расстреляли».

Фашистские захватчики тщательно скрывали факты истребления интеллигенции. На неоднократные просьбы родственников и близких сообщить, какая судьба постигла учёных, немцы отделывались «незнанием».

По приказу рейхсминистра Германии Гиммлера, осенью 1943 года гестаповцы сожгли трупы расстрелянных профессоров. Производившие раскопки трупов бывшие заключённые Яновского лагеря Мандель и Корн сообщили комиссии следующее:

«5 октября 1943 года ночью между улицами Кадетской и Вулецкой, по приказу одного из гестаповцев, при свете прожекторов нами была отрыта яма, из которой мы извлекли 36 трупов. Все эти трупы нами были сожжены.

Во время извлечения трупов из ямы мы обнаружили документы на имя профессора Островского, доктора физико-математических наук Стожека и профессора политехнического института Казимира Бартеля».

Расследованием установлено, что в первые же месяцы оккупации немцы арестовали и убили в Львове свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства.

Массовое истребление немецко-фашистскими захватчиками мирного населения и советских военнопленных

Немецкий губернатор «дистрикта Галиции», в который входила Львовская область, — доктор Вехтер и генерал-майор СС Кацман в ноябре 1941 года, в Львове, на Яновской улице создали так называемый «лагерь принудительных работ». Он был огорожен кирпичной стеной и обнесён колючей проволокой. Сюда немцы сгоняли мирных граждан и военнопленных. Заключённых в лагере морили голодом, заставляли выполнять непосильные работы, зверски избивали палками, заражали тифом и дизентерией. Рацион дневного довольствия состоял из 2 стаканов «чёрного кофе», приготовленного из древесных опилок, 100 граммов хлеба с примесью тех же опилок, тарелки супа из картофельных очисток и не обеспечивал даже голодного существования. Заключённые тысячами умирали от голода, тифа, дизентерии и расстреливались.

Гауптштурмфюрер СС Гебауэр установил в Яновском лагере систему зверского истребления людей, которую потом, после его перевода на новую должность, «совершенствовали» коменданты лагеря оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок.

«Я лично видел, — сообщил комиссии бывший заключённый лагеря Аш, — как гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил женщин и детей, а мужчин зимой замо-

раживал в бочках с водой. Бочки наполнялись водой, жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду. Обречённые находились в бочке до полного замерзания».

По показаниям многочисленных свидетелей советских военнопленных, а также французских подданных, находившихся в немецких лагерях, установлено, что немецкие бандиты «изобретали» самые изощрённые методы истребления людей, причём всё это считалось у них делом особой чести и поощрялось главным военным командованием и правительством.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, например, любил подвешивать заключённых за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал заключённым животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключённых палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал их за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени».

Комендант Яновского лагеря, оберштурмфюрер Вильгауз, ради спорта и для удовольствия жены и дочери, систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключённых, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей 9-летней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух 2—4-летних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, ещё, папа, ещё!», и он стрелял.

Заключённые в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор. Свидетельница Киршнер Р. С. сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Вепке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разрубит мальчика. Те ему не поверили. Тогда он поймал на улице 10-летнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разрубил его вдоль

туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Вепке, крепко пожимали ему руки, хвалили.

В 1943 году в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключённых 54 человека и лично расстрелял их.

При лагере для заключённых была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждого 1-го и 15-го числа проводили проверку больных и, если устанавливали, что среди них имеются такие больные, которые находятся в больнице более 2 недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливались от 6 до 10 человек.

Пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключённых. Оркестром заставили руководить профессора Штрикс и известного дирижёра Мунд. Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую называли «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов.

В Яновском лагере фашисты расстреляли более 200 тысяч мирных советских людей. Бывший заключённый этого лагеря Мандель показал: «За два месяца моего пребывания в лагере немцы убили до 60 тысяч заключённых и в том числе 8 тысяч детей».

Основным местом массовых расстрелов в Яновском лагере был овраг, названный заключёнными «Долиной смерти», который находился на расстоянии полкилометра от лагеря.

На территории Яновского лагеря комиссия обнаружила 3 ямы с трупами расстрелянных во второй половине июля 1944 года советских граждан. Как показали свидетели и родственники убитых, немцы расстреляли здесь советских людей, привезённых из разных тюрем гестапо. Нарушив обычный порядок, гитлеровцы на этот раз не обыскивали одежды убитых. В карманах одежды замученных комиссия обнаружила документы. По этим докумен-

там установлено, что в числе убитых и замученных были: Рыбин Василий, 1910 года рождения, Панасюк Василий, Окунь Михаил, Сорока Егор, 1921 года рождения, уроженец г. Львова, Рыбаковский Рудольф, 1913 года рождения, уроженец г. Львова, Говалевич Леон, Лакрайх, 1913 года рождения, уроженец с. Седлиска, Львовской области, Цыганик Варфоломей, 1904 года рождения, уроженец с. Комарно, улица Садовая, № 66, Вансович Михаил, 1905 года рождения, Табак Василий, Гаврилов Михаил, 1904 года рождения, Белый Чеслав, 1914 года рождения, проживавший в г. Львове, Синерухин Александр, 1916 года рождения, Табино Василий, 1919 года рождения.

Судебно-медицинская экспертная комиссия, обследовав «Долину смерти» в Яновском лагере и изучив показания свидетелей, установила:

1. «В Яновском лагере производились массовые убийства мирного гражданского населения.

2. Убийства производились в основном путём расстрела типичным немецким приёмом—выстрелом в затылочную область головы. Часть расстрелянных убита выстрелами в теменную область черепа.

3. На территории, прилегающей к Яновскому лагерю, немцы производили массовое захоронение и впоследствии сожжение трупов. Сожжение трупов производилось длительное время и в разных местах территории лагеря, но большую часть трупов немцы сжигали в балке-выемке.

4. Земля в этой балке на значительной глубине оказалась пропитанной трупными жидкостями и жирами с гнилостным запахом и запахом гари.

5. Характер обнаруженного пепла, состоящего из мелких кусочков костей, хрупкость более крупных обломков костей свидетельствуют о том, что сожжение трупов производилось при высокой температуре. Оставшийся при сожжении трупов пепел зарывался в различных местах на территории лагеря на глубине до 2 метров. Таких мест обнаружено 59. Кроме того, пепел с костями был

обнаружен на поверхности почвы почти на всей осмотренной территории лагеря.

Учитывая общую площадь закапывания и рассеивания пепла и костей, достигающую 2 квадратных километров, экспертная комиссия считает, что в Яновском лагере истреблено более 200 тысяч советских граждан».

В июле 1941 года немецкое военное командование создало в центре города Львов, на территории крепости, именуемой «Цитадель», концентрационный лагерь для военнопленных. Под угрозой расстрела немцы заставляли заключённых работать с утра до поздней ночи. Помещения лагеря не отапливались. Заключённые десятками тысяч умирали от голода, побоев, болезней и расстреливались.

На основе свидетельских показаний установлено, что в лагере «Цитадель» за время его существования содержалось более 280 тыс. военнопленных, из которых от голода, болезней, истязаний и расстрелов погибло свыше 140 тыс. человек.

Свидетель Никифор Григорьевич Голюк, находившийся в этом лагере с 8 июля 1941 года по апрель 1942 года, сообщил комиссии:

«Как медфельдшер, работавший в этом лагере, я знаю, что за 4 месяца — с августа по ноябрь 1941 года в лагере умерло только от дизентерии около 3 тысяч военнопленных. Никаких мер борьбы с болезнями немецкое командование не принимало. Наоборот, немцы умышленно привезли в этот лагерь из лагеря № 385 в Рава-Русская больных сыпным тифом и разместили их в казармах группами по 10 человек среди здоровых военнопленных. После этого неизбежно в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, от которой с ноября 1941 года по март 1942 года умерло около 5 тысяч военнопленных».

При осмотре лагеря «Цитадель» комиссия обнаружила в камерах надписи замученных военнопленных:

«Здесь умирали с голоду русские пленные тысячами. 22 января 1944 года».

«Доблестная русская армия, вас ждут с нетерпением не только народы, но и военнопленные, которые обречены на голодную смерть. Как тяжело умирать».

Массовые расстрелы мирного населения и военнопленных немцы производили также и в Лисеницком лесу, находящемся на окраине Львова по направлению к Тернополю. В этот лес немцы ежедневно пригоняли и привозили на автомашинах большие партии советских военнопленных из лагеря «Цитадель», заключённых из Яновского лагеря, Львовской тюрьмы, а также мирных советских людей, задержанных на площадях и улицах города Львова во время многочисленных облав.

Судебно-медицинская экспертная комиссия, обследовав место расстрелов советских военнопленных, обнаружила на поверхности земли и в разных ямах пепел и целые кости человеческих скелетов, искусственные зубы, предметы личного обихода, человеческие волосы. «Остатки мозгового вещества, волосы, предметы личного обихода и резкий трупный запах в ямах свидетельствуют о том, что в них первоначально продолжительное время были зарыты трупы, которые потом были вырыты и сожжены».

На основании расследования установлено, что немцы расстреляли в Лисеницком лесу свыше 200 тысяч человек.

В сентябре 1941 года, по указанию генерал-майора полиции СС Кацман, в Львове было организовано гетто, названное немцами «Юденлаг» — еврейский лагерь. Гетто было размещено на окраине города. Территория лагеря была обнесена забором и проволокой. Выходить из гетто никому не разрешалось. На работу и с работы евреев водили только под конвоем. В лагере находилось 136 тысяч человек. Население подвергалось грабежу. Условия жизни в гетто были ужасающими—люди спали на голом полу и под открытым небом, с евреями обращались хуже, чем со скотом. Немцы проводили в городе массовые облавы на евреев. Они не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых они просто убивали,

детей отдавали командам гитлеровской молодёжи в качестве мишеней при стрельбе.

Вот что сообщила по этому поводу в своём письменном заявлении французская подданная Ида Вассо, директорисса существовавшего в Львове ещё задолго до войны специального убежища для престарелых и нетрудоспособных французов:

«...С приходом немецких властей мы были постоянно уверены, что будут убийства. И, действительно, не прошло и 2—3 дней, как мы услышали стрельбу из автомата, которая уверила нас в расстреле евреев — этих несчастных людей. Я имела возможность посетить гетто. Гигиенические условия там были ужасны. Люди жили по 15—20 человек в одной комнате, без воды и электричества. Дороговизна была ужасная, и, как всегда, сила денег играла свою роль. Несчастные были обречены на голод. Один раз в неделю их посещало гестапо, которое одних увозило в Бельзец (Польша), других к песчаному рву, чтобы расстрелять. Приговорённых увозили в одних сорочках, так как немецкие бандиты имели наглость отбирать их одежду и награбленное отправлять в Германию. Маленькие дети были мучениками. Их отдавали в распоряжение гитлеровской молодёжи, которая из этих детей делала живую мишень, учась стрелять. Никакой жалости к другим, всё для себя, таков девиз немцев. Надо, чтобы весь мир знал об их методе. Мы, которые были беспомощными свидетелями этих возмутительных сцен, мы должны рассказать об этих ужасах, чтобы все знали о них, а, главное, не забыть их, так как возмездие не вернёт жизнь миллионам людей.

Забвение было бы изменой человечеству. Страдания советских, французских, английских, американских пленных должны быть отомщены. Запомните на всю жизнь. Ида Вассо Том».

За время существования гетто с 7 сентября 1941 года по 6 июня 1943 года немцы истребили свыше 130 тысяч человек, часть из них была расстреляна в самом гетто,

часть в Яновском лагере, остальных немцы отправили для уничтожения в лагерь смерти в Бельзец (Польша).

Немцы производили массовое уничтожение советских людей и в других городах Львовской области. В городе Рава-Русская немцы организовали лагерь военнопленных. С июня 1941 года по апрель 1942 года в этом лагере находилось свыше 18 тысяч советских военнопленных. Все они к концу этого периода были уничтожены. Военнопленных, поступивших в лагерь, немцы раздевали, оставляли на них только одно бельё, в зимнее время водили на работу раздетыми и разутыми. Лишённые сил, военнопленные падали. Немцы их добивали из автоматов и просто кололи штыками.

Житель села Яныче, Магеровского района, Кочак Василий Степанович показал перед следственной комиссией:

«Я работал в лагере советских военнопленных с декабря месяца 1941 года по апрель 1942 года. За это время немцы уничтожили голодом, холодом и расстреляли около 15 тысяч военнопленных. Трупы умерших и расстрелянных увозили на тракторных прицепах в Волковицкий лес. Голодные и истощённые военнопленные, когда их проводили по территории лагеря, набрасывались на кучи гнилой и мёрзлой картошки, но конвоиры их тут же расстреливали. Я видел, как выводили совершенно голых военнопленных, привязывали верёвками к стене или столбу и в зимнее время держали их так, пока они не замерзали».

Массовое истребление советских людей немцы производили повсеместно, особенно в городах: Золочеве, Сокале, Яворове, Жолкве, Городке, Бродах.

**Немцы истребили в лагерях Львовской области
тысячи подданных иностранных государств**

Чрезвычайной Государственной Комиссией установлено, что немецкое правительство систематически направляло в лагеря Львовской области военнопленных и мир-

ных граждан иностранных государств из концентрационных лагерей, расположенных на территории Германии. Здесь немцы подвергали их истязаниям и убивали.

Житель города Львова Бичь З. Е. сообщил комиссии: «Когда я находился в заключении в Яновском лагере, там были, кроме украинцев, поляков и евреев — подданные Франции, Чехословакии, Италии и других государств».

Военнопленных иностранных государств немцы принуждали к непосильной работе, избивали, морили голодом, преднамеренно истребляли. Всё это подтверждается многочисленными показаниями советских граждан, а также показаниями освобождённых Красной Армией в Львове французских военнопленных, находившихся в заключении в «Цидатели» и Яновском немецких лагерях.

Уроженец города Ангулем департамента Шаранта (Франция) Эмиль Леже, взятый немцами в плен 13 июня 1940 года в Шампани (Франция), сообщил: «С первых же минут моего плена мне пришлось испытать на себе жестокие методы, применяемые немцами... Под страхом смерти нас заставляли работать без отдыха, без достаточного количества пищи; мы были истощены, изнурены, покрыты вшами, без обуви, наше обмундирование было в лохмотьях. Когда мы жаловались на подобный режим, нам отвечали: «Это ещё слишком хорошо для французских свиней и собак».

В течение этого времени мы не имели известий от наших родных. Когда мы просили разрешения написать им, то немцы отвечали нам: «Зачем? Ваши родные, без сомнения, убиты, а с вашими жёнами спят немецкие солдаты»...

...В 1941 году я присутствовал при первом прибытии русских военнопленных в «Шталаг» Нейбранденбург. Это было ужасно. Русские были настоящими скелетами, в которых ещё теплились остатки жизни. У многих из них были штыковые раны на ягодицах и спине. Некоторых немцы убивали, некоторые сами падали мёртвыми от ис-

тощения при малейшем передвижении. Мёртвых раздвигали, складывали на телегу и везли в общую могилу, находившуюся в окрестностях «Шталага». Телега возвращалась в «Шталаг», нагружённая хлебом и овощами для кухни. На телеге были кровавые пятна. Это было отвратительно! В эти минуты мы поняли, на какую утончённую жестокость способны немцы. Каждое утро немецкие офицеры и унтер-офицеры посещали лагерь русских военнопленных. Они говорили: «Мы идём упражняться в тире по живой мишени».

Приблизительно 200 человек русских солдат умирали ежедневно. Их убивали, или они умирали от болезней и голода. Среди многих убийств я лично видел ужасный способ убийства русских военнопленных немецкими солдатами. Ударами палки или ударами сапога они разбивали им головы, говоря: «Русские собаки не стоят ружейной пули». Доведённые до высшей степени утончённости подлость, варварство и жестокость являются отличительными чертами «бошей» в лагерях.

В январе 1943 года я был отправлен в «дисциплинарный лагерь 325» в Галицию (Рава-Русская—Тернополь—Львов). Здесь был ещё более жестокий режим. Много французов было убито в этом «Шталаге». Это был террор. Один просвет, одна мысль — смерть. Во время моего тюремного заключения в Львове мне приходилось ходить на работы по мощению улиц, что позволило быть свидетелем убийств немцами десятков тысяч людей. Улицы были завалены горами трупов женщин, детей, мужчин, убитых ночью».

Лооф Клеман сообщил следственной комиссии об ужасах немецких лагерей, которые ему пришлось пережить, будучи пленником: «Воинскую повинность я отбывал в Сент-Авольд, близ Меца, в 18-м кавалерийском полку. Попал в плен к немцам 4 июня 1940 года в Сент-Клере (департамент Сена)... Рава-Русский лагерь военнопленных, куда я прибыл 3 сентября 1942 года, англичане называли «медленной смертью». В этом лагере был

один водопроводный кран на 12 тысяч человек. Пользоваться им разрешалось только в течение 4—5 часов в день... Немецкая охрана нас терроризировала. За малейшую провинность грозила смерть. Нам не разрешалось пить воду. Мы голодали. Утром во время переключки мы с трудом стояли на ногах; нам давали на день 200 гр. хлеба, по утрам мы получали горячую воду с сосновыми иглами, днём пол-литра супа. Часто суп был только водой. Мы спали на полу. Повсюду были блохи и вши. Русские военнопленные тысячами умирали в лагере от голода и тифа... По ночам в Рава-Русской происходили убийства еврейских женщин и мужчин. Всю ночь работал пулемёт. Утром, идя на работу, я сам видел большое количество трупов. Немцы даже не зарывали их и не давали себе труда увезти их».

Бывший французский военнопленный № 18057, XII. Д. Марсель Риветт о зверствах немцев сообщил следующее: ...«Я отбывал воинскую повинность в Саарбурге (Мозель) в 59-м пехотном полку. Во время всеобщей мобилизации был направлен в 60-й армейский моторизованный полк. 24 июня 1940 года я попал к немцам в плен в Вогезах...

В Трире я впервые встретился с русскими военнопленными. К ним относились очень плохо. Среди военнопленных были и поляки. Русские жили отдельно в своих камерах, и им давали в пищу картофельную шелуху.

В Лимбурге в «Шталаге XII.A.» обращение с военнопленными было ещё более суровым. В 6 часов утра нас выгоняли из барака ударами дубины... В полдень давали суп, который русские должны были есть стоя. Если кто-либо из них присаживался, тут же щёлкала винтовка или стрелял пулемёт. Французский товарищ подымал упавшего и нёс его в госпиталь, где врачу оставалось только констатировать смерть. Ежедневно умирало 15—20 русских. Причиной смерти были: голод, болезни или убийство. Французский доктор, который делал вскрытие, находил в кишках умерших траву, земляных червей, которых ели умиравшие от голода военнопленные...

...Начальник «Шталага XII.A.», барон фон Бок, нашёл, что сборы в бараках происходят слишком медленно (нас было 1200 человек в двух бараках №№ 7, 8). Последовал приказ быть готовым в 4 минуты, опоздавших разрешалось колоть штыками. В этом находил себе удовольствие унтер-офицер Шрейнер, коловший нас. Нас перевели в Рава-Русскую. Там мы обратили внимание на плохой вид русских военнопленных. Было 10 января, и термометр показывал 10—15 градусов ниже нуля, а многие были только в сорочках, кальсонах, босые, без шапок и все страшно похудевшие, почти скелеты. У всех у них были штыковые раны на спине и ягодицах. Нам удалось поговорить с русскими и узнать, что они военнопленные и работают непосредственно на линии фронта. И когда их спросили, почему они раздеты, то получили ответ, что немцы раздели их, чтобы защитить себя самих от холода. После двухдневной проверки и вызовов нас поместили в подвале без света. Мы ничего не ели. Было 20 градусов ниже нуля, среди нас были солдаты Северной Африки, которые невыносимо страдали от холода.

1-го июня 1943 года произошла кровавая бойня, во время которой было убито 10 тысяч человек. Некоторые куда-то были увезены. На следующий день, когда мы шли утром на работы, мы видели много трупов женщин, детей, мужчин, лежавших в лужах крови. Немцы убивали без разбора всех евреев, где бы они их ни встретили. Это было невообразимо! Убийства продолжались около месяца.

Советская армия вступила в Львов. И с тех пор мы свободны, ожидаем скорого возвращения во Францию. Я надеюсь, что немцы сполна заплатят за пролитую ими кровь и будут наказаны за всё ими содеянное. Марсель Риветт, военнопленный № 18057, XII.D.»

Ле Фуль Жорж сообщил комиссии:

«После пяти тяжёлых суток мы ночью прибыли в Рава-Русскую. Нас тащили, так как большинство военнопленных совершенно ослабели. Немецкий унтер-офицер

крикнул нам: «Вот вы и приехали в страну солнца». Но какой ужас этот лагерь!..

Немец-адъютант сказал нам, что в лагере Рава-Русская умерло более 3000 русских военнопленных от тифа. Мы зарываем их тут. Случается, что среди них попадают ещё не умершие, но их всё равно бросают в ямы и засыпают негашёной известью, от которой они задыхаются. Еженедельно в лагерь прибывало 1000 французов, бежавших из Германии. Это были те, кто не хотел работать для победы Германии»...

Вблизи г. Рава-Русская, в 200 метрах от городской больницы и метрах 50 от шоссе, на опушке леса, комиссия обнаружила 22 могильных холма. На некоторых из них сохранились кресты с французскими надписями.

Судебно-медицинской экспертной комиссией были вскрыты 2 могильных холма. В одном из них был обнаружен труп мужчины в форменной одежде французской армии. На отворотах воротника имелась цифра «24». Документов при трупе не обнаружено. В другом комиссия обнаружила два мужских трупа без одежды, со следами обугливания по всей поверхности трупов. По сохранившимся надписям на крестах могильных холмов установлено, что в них захоронены французы, замученные немцами: Бонэ Рожер, рождения 1911 года, Годи Пьер, рождения 1915 года, Дастю Пьер, Леплей Жозеф, 30 лет, Самье Арман, Блонди Рожер, 29 лет, Посэ Поль, 34 лет, Гюйон Андрэ, 30 лет, Рейно Шарль, 29 лет, Витто Эйжен, 34 лет, Сирг Камиль, Боннуа Альфонс, Котье Рожер и другие.

Немецкие захватчики, лишённые всякой морали, истребляли всех неугодных им людей: русских, украинцев, евреев, поляков, французов, чехов и даже вчерашних своих друзей по оружию — итальянцев.

Работавшая в период немецкой оккупации переводчицей в команде «Ретрово-Итальяно» Петрушковна Нина Здиславовна, по национальности полька, сообщила:

«После падения Муссолини фашисты потребовали от итальянских солдат, находившихся в городе Львове, при-

сяги на верность гитлеровской Германии. Многие из них отказались дать присягу. Всех, кто отказывался от присяги, фашисты арестовывали. Так было арестовано 2000 человек итальянцев, и всех их немцы расстреляли.

Среди расстрелянных было 5 генералов и 45 офицеров итальянской армии, которых я знала. В числе расстрелянных находились следующие генералы и офицеры итальянской армии: генерал-майоры Манджанини Энрико, Форнароли Альфред, Джанноти Джузеппе, полковники: Манджонини Луиджи, Ашенцо, Стефанини Карло, офицеры: Джино Каруссо, Фузаролли Луиджи, Томмасо Серафини, Форнаролли Энрико, Нино Манто, Эдуард Монджианнини, Альфред Ломбарди, Ливно Корсини, Джиованни Джакомини, Луиджи Стефанини, Персини Клено, Кастеляни Ришардо, Персианини Тулио, Дельниери Марино, Моросси Альфредо, Кастори Джиорджио, Бастианини Альфредо, Сторелли Эдуардо, Биньями Джиованни, Валентини Джино, Саво Луиджи, Сабо Ришардо, Винченци Эмануэло, Лоренцо Веранини, Тоскано Альфонсо, Родоканакши Массимо, Либери Марселло, Кристианини Роберто, Цитрини Джиозеппе, Паулин Емилио, Бискезе Донато, Джиантини Луиджи, Джиатони Тулио, Джакотто Тулио, Тороссе Эвальд, Кристианини Серджио, Кедрианнини Лоренцо, Валентино Альфредо, Каусуро Ришардо, Руссини Бенито, Тиорсини Тулио, Кристаллини Марино, Фарино Антонио, Кальниери, Марино, Массони Луиджи, Кальцари Марино».

Гражданка Французской республики Ида Вассо также подтвердила факт расстрела немцами итальянских генералов, офицеров и солдат: «После отставки Муссолини, — говорит она, — немцы арестовали всех итальянцев, которые не хотели примкнуть к фашистской партии, и уничтожили их. Трупы их исчезли. Без сомнения, они были сожжены или залиты негашёной известью».

Специальные мероприятия немецких захватчиков по скрытию следов своих преступлений

В связи с успешным наступлением Красной Армии и паническим отступлением немецко-фашистских войск, гитлеровское правительство и военное командование приступили к скрытию своих чудовищных преступлений по истреблению мирного населения, советских военнопленных и подданных Франции, Чехословакии, Югославии, Польши, Голландии, Бельгии, Соединённых Штатов Америки, Великобритании, находившихся в немецких концентрационных лагерях Львовской области.

По указанию рейхсминистра Германии Гиммлера и генерал-майора полиции СС Кацман в июне месяце 1943 года были проведены специальные мероприятия по выкапыванию и сжиганию трупов замученных и расстрелянных мирных жителей, советских военнопленных и подданных иностранных государств.

В Львове немцами была создана особая зондеркоманда № 1005, состоявшая из 126 человек. Шефом этой команды был гауптштурмбанфюрер Шерляк, его заместителем — гауптштурмбанфюрер Раух. В обязанности зондеркоманды входило выкапывание из земли трупов убитых немцами мирных жителей и военнопленных и сжигание их. Раскопкой и сжиганием трупов руководили шарфюрер СД Раух и обервахмейстер СД Кепик.

Извлечённые из ям трупы укладывались на специальных площадках в штабели, от 1200 до 1600 трупов в каждом. Трупы обливались смолой, бензином и сжигались. Пепел и остатки костей просеивались через специальное решето с целью сбора золотых предметов — коронок, зубов, колец, часов. Свидетели Величкер, Хамайдес и другие в своих показаниях сообщили, что за пять месяцев их работы в «бригаде смерти» из пепла сожжённых ими трупов было высеяно и отправлено немцами в Германию 110 килограммов золота.

Пепел рассеивался по полям, а также закапывался в землю, крупные кости собирались отдельно и перемалы-

вались в машине-костедробилке, которая была сконструирована для ускорения «работы». Костедробилку немцы не успели уничтожить, она осталась на территории бывшего Яновского лагеря вещественным доказательством кровавых преступлений гитлеровских палачей. Руководителем по перемалыванию костей замученных был немец, шарфюрер СД Елитко.

Бывший заключённый Яновского лагеря Величкер Л. А., которого немцы заставили работать в бригаде по раскопке и сожжению трупов, показал: «В «бригаде смерти» по сожжению трупов я работал с 6 июня 1943 года по 20 ноября 1943 года. За это время бригадой было сожжено свыше 310 тыс. трупов, из них около 170 тыс. на песчанике Яновского лагеря, свыше 140 тыс. в Лисеницком лесу. В это число входят как те трупы, которые бригадой выкапывались из могил, так и те, которые не закапывались в землю, а сразу после расстрела сжигались. 20 ноября 1943 года вся наша бригада сбежала. Только немногие остались в живых, остальные при побеге были убиты. Немецкие палачи организовали другую бригаду из заключённых, которые продолжали сожжение трупов. Какое количество трупов было сожжено после моего побега, я не знаю, но знаю, что сожжение трупов в Лисеницком лесу продолжалось до января 1944 года».

Свидетель Манусевич Д. Ш., также работавший в «бригаде смерти», показал следующее: «После сжигания трупов в яру возле Яновского лагеря нас ночью автомашинами повезли в Лисеницкий лес, где мы отрыли 45 ям с трупами расстрелянных граждан. По форме одежды, по знакам различия, пуговицам, медалям и орденам мы опознали среди трупов расстрелянных красноармейцев, а также французских, бельгийских и итальянских военнопленных, среди них были также и трупы мирных граждан».

Судебно-медицинская экспертная комиссия, во главе с главным экспертом Красной Армии, профессором Авдеевым М. И., провела обследование мест захоронения и сжигания трупов в Лисеницах и установила: «Симмет-

ричное расположение на поверхности площадок, где были обнаружены ямы с пеплом, молодых побегов деревьев, из которых часть засохла или слабо развивается, указывает на то, что деревья посажены на этих площадках искусственно, с целью маскировки площадок. Для этой же цели производилось вкапывание по поверхности площадок пней деревьев. Эти факты свидетельствуют о том, что немецко-фашистские власти всемерно стремились скрыть следы своих преступлений. Выбор места для своеобразных «фабрик смерти» в глубине котловины, скрытой почти со всех сторон от постороннего взора высокими холмами и деревьями, также помогал немцам орудовать скрытно. Естественные условия местности, применявшаяся маскировка и сильная охрана позволяли палачам творить своё страшное дело в глубокой тайне».

Таким образом гитлеровские убийцы на территории Львовской области придерживались той же методики скрытия своих преступлений, которую они начали раньше, убив польских офицеров в лесу под Катынью. Экспертная комиссия установила полную идентичность маскировки расположенных в Лисеницах могил с такой же маскировкой могил убитых немцами польских офицеров в Катыни.

Для распространения опыта по истреблению людей, сжиганию трупов, маскировке преступлений немцы создали в Львове при Яновском лагере специальную школу по подготовке «квалифицированных кадров».

В эту школу приезжали коменданты лагерей из Люблина, Варшавы, Кракова и других городов. Руководитель зондеркоманды № 1005 Шерляк у «рабочего места» учил комендантов, как производить извлечение трупов из земли, как складывать их в штабели, сжигать, высевать пепел, перемалывать кости, засыпать ямы, производить на них маскировочную посадку деревьев и кустарника.

Немецких палачей к суровому ответу!

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за массовое зверское уничтожение

в гор. Львове и Львовской области мирных советских граждан, военнопленных и подданных иностранных государств гитлеровское правительство, особенно рейхсминистра Германии Гиммлера, неоднократно приезжавшего в г. Львов для инспектирования немецких убийц и палачей.

Наряду с главными вдохновителями и организаторами массовых убийств ни в чём не повинных людей виновниками их являются следующие лица: глава генерал-губернаторства доктор Франк, генерал-губернатор «дистрикта Галиции» бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции доктор Ляш, губернатор «дистрикта Галиции» доктор Вехтер, начальник полиции генерал-майор СС Кацман, начальник «Шталага XII.A.» в Германии барон фон Бок, унтер-офицер в этом же лагере Шрейнер, организатор Яновского лагеря гауптштурмфюрер Гебауэр, коменданты Яновского лагеря гауптштурмфюрер СС Варцок Франц и оберштурмфюрер СС Вильгауз Густав, помощники и заместители коменданта Яновского лагеря: лейтенант СС Шейнбах, обер-лейтенант СС Силлер, штурмфюрер СС Райс, штурмфюрер Веске Вилли, оберштурмфюрер СС Рокита, оберштурмфюрер СС Урман, оберштурмфюрер СС Шульц, обер-лейтенант СС Венке, шеф Яновского лагеря оберштурмфюрер Манвингер, шарфюрер СС Колянюк, начальник следственной части шарфюрер СС Гайне, шефы «гетто»: унтерштурмбанфюрер Гайниш, шарфюрер Мансфельд, гауптштурмбанфюрер Гжимик, шеф зондеркоманды СД № 1005 гауптштурмбанфюрер Шерляк, его заместитель гауптштурмбанфюрер Раух, руководитель группы по перемалыванию костей шарфюрер СД Елитко, руководитель группы по выкапыванию трупов шарфюрер СД Прайс, руководитель «бригады смерти» гауптшарфюрер Эйдель, шарфюреры СД Райс и Маер, руководитель группы по сжиганию трупов обервахмейстер СД Кепик, обервахмейстер Вольф, оберштурмбанфюрер Савицкий, коменданты лагеря «Цитадель»: капитан Блют, майор Сидорен, майор Рох, оберфельдфебель 328 полка Миллер Фриц, оберфельдфебель Пер,

комиссары по делам евреев: Энгель, Зейс Икварт, Ленард, директора заводов в Яновском лагере Бляйнес, Кауфман, шарфюреры СС: Рерих, Чекаля, Хан, Блюм, Вурет, Биттерман, Мельхиор, Боэр, Коллер, Бирман, Битнер, Ульман, Браумбауэр, рядовые команды СС Фокс, Гайнер, Раузер, Поляпис, Ган, Лейдкрман, Кроп, оберштурмфюрер СС Гишвентнер, заместитель коменданта «гетто» Циллер, комиссар гестапо Вепке, комендант города Сокаль Миллер, гестаповцы Цейман, Гартман Риман, Гайзагов, Лекер, Крамаер, Сушес, Кроммер, Бельц, Шнар, Бенер, помощник коменданта лагеря в городе Золочёв Галимак, комендант лагеря в селе Ляцки обер-лейтенант Зоммбарен Иоган, начальник полиции города Золочёв майор Людвиг, начальник жандармерии города Золочёв Мура, жандарм Гильзенкар, штурмовики отряда СС в городе Золочёв Преизнер, Людвиг, Монс, начальник гестапо города Жолква капитан Папен, начальник полиции обермайстер Кетер, оберштурмфюрер СС Гильденбрант, крайсгауптман города Каменка-Бугская Неринг, комендант лагеря Липник, комендант города Городок Штаер, комендант жандармерии Кремлер, комендант «гетто» Шитт, крайсгауптман в городе Рава-Русская Хагер, штатткомиссар Ляске, начальник гестапо Шпейт, шеф жандармерии — комендант города Кляйн, офицеры жандармерии: Тригнер, Маерт, Фрейнтонк, комиссары по делам евреев Гольц и Штрух, коменданты лагеря военнопленных майор Фишер, майор Гассинер, майор Флекер, заместитель коменданта лагеря майор Бем, начальник гестапо Новарро, офицер Броер, врач лагеря лейтенант Найман, ортскомендант города Яворов капитан Енке, оберштурмфюрер СС Лейбмаер, ландкомиссар Штаер, полицейские Голлоб, Нойце, Вольф.

Все они должны понести суровую ответственность за свои чудовищные злодеяния.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Захватив Латвийскую Советскую Социалистическую Республику, немецко-фашистские оккупанты ликвидировали её самостоятельность и стремились поработить латышский народ. Они объявили Ригу главным городом «Остланд» («Восточная территория») и резиденцией штаба рейхсминистра Розенберга, рейхскомиссара Прибалтики Лозе и генерального комиссара Латвии Дрекслера.

В своей преступной деятельности немецкие захватчики руководствовались директивой рейхсфюрера СС Г. Гиммлера не просто колонизировать, а превратить «Восточную территорию» в немецкие области и заселить их немцами.

В центральном берлинском органе эсэсовцев «Дас шварце Кор» в августе 1942 года была помещена передовая статья: «Германизировать ли?». В ней говорилось следующее:

«Для одного из номеров журнала «Дейче Арбайт», посвящённого заданиям по заселению Востока, рейхсфюрер СС написал следующий лозунг: «Наша задача

не германизировать Восток в прежнем смысле этого слова..., а способствовать тому, чтобы Восток населяли люди только немецкой, германской крови»...

И далее:

«...Мы должны создать почву для того, чтобы поселенцы, которых наш народ посылает на Восток... развивали бы биологическую силу, которая в будущем пропитает собой область и станет управлять ею и формировать её».

«...В широте пространств, приобретаемых им (немецким солдатом) для своего народа, в том изобилии, которое они ему открывают, не будет больше ни понижения рождаемости, ни забот о пропитании, ни ограничений в жилплощади, ни чахлах городских детей, ни ухода от естественного развития в мучительные узкие рамки цивилизации. В естественных условиях немецкие матери снова будут в состоянии рожать своим мужьям детей в большом количестве...».

Захватывая землю латышских крестьян для баронов и помещиков, немцы беспощадно истребляли мирное население — мужчин, женщин и детей.

Комиссия в составе: депутата Верховного Совета СССР Калнберзина Я. Э., председателя СНК Латвийской ССР Лациса В. Т., писателей Рокпельниса Ф. Я., Судрабкалнса Я. К., председателя Рижского городского исполкома Деглава А. Ф. и представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Дымова Н. Н., с участием судебно-медицинской экспертизы в составе: начальника санитарной службы армии Асатурияна А. А., армейского судебно-медицинского эксперта Кривцова С. Н., начальника армейского судебно-медицинского диагностического отделения Кузема В. А. и патолого-анатома Ильинского С. П., расследовала факты злодеяний немцев.

На основании данных расследования и многочисленных показаний свидетелей, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что немецкие захватчики причинили городам Рига, Даугавпилс, Резекне огромные разрушения, разгромили научные и культурные учрежде-

ния Латвийской ССР, разорили сельское хозяйство, преднамеренно истребили свыше 250 тысяч мирных жителей, 327 тысяч советских военнопленных и угнали в немецкое рабство 175 тысяч граждан Латвийской ССР.

Немецкие захватчики разрушили в Латвии города, разгромили учреждения науки, культуры и искусства

В течение более трёх лет немецкие захватчики разрушали предприятия, коммунальное хозяйство, библиотеки, музеи, жилые дома в городах Латвии. Гитлеровцы пытались уничтожить всё, что связано с национальными традициями латышского народа. Улицы, бульвары в городе Рига, носившие имена латышских писателей и общественных деятелей — Райниса, Вальдемара и других, были заменены немецкими названиями. Улица Бривибас (Свободы) была переименована в улицу Адольфа Гитлера. Государственным языком был объявлен немецкий язык.

В Латвии немецкие захватчики разграбили ценнейшие библиотеки. Они разрушили в Риге 8 зданий государственной библиотеки, а здание по Англиканской улице — выдающийся памятник архитектуры XIII—XIV веков — превратили в казарму. Штабом Розенберга увезено в Германию 100 тысяч томов книг и 70 ящиков старинной периодической литературы и ценных монографий.

Немцы сожгли Рижскую городскую библиотеку, основанную в 1524 году, в которой хранились редчайшие книги и рукописи. В этой библиотеке погибло около 800 тысяч библиографических единиц, чем нанесён латышскому народу огромный ущерб в области национальной культуры.

Картинную галерею Рижского городского музея гитлеровцы превратили в склад и казарму, картины же известных латышских, русских и иностранных художников увезли в Германию. Многие картины латышских художников — Розенталя, Страля и других, были расхищены представителями немецких оккупационных властей. Ге-

неральный комиссар Дрекслер украл 10 картин, генерал полиции Шредер — 4 картины, гебитскомиссар Медем — 6 картин, доктор Беннер — 9 картин, доктор Циммерман — 4 картины.

Немцы разграбили Академию Художеств, Государственную консерваторию, Музыкальное училище и превратили их в казармы; взорвали здание бывшего Ремесленного общества с крупнейшим концертным залом; разрушили в Риге 65 школ. Экспонаты музеев Государственно-исторического, Рижского Думского и Военно-исторического немцы вывезли в Германию.

Многих представителей латышской интеллигенции немцы заключили в тюрьмы и концентрационные лагеря, замучили в застенках гестапо и расстреляли; многих насильно угнали в Германию. Немецкие палачи расстреляли одного из крупнейших деятелей народного образования, депутата Верховного Совета Латвийской ССР Лиекниса Я., художника Айженс Яниса, писателя-драматурга Лукса Роберта, артиста Перова Б. К., известного историка профессора Дубнова С. М., инженера Полонского Г., врача Гинзбурга, учителя Лат М., депутата Верховного Совета Латвийской ССР Струповича Т. Молодому писателю Лею Ф. немцы произвели насильственное выкачивание крови, после чего он заболел острой формой туберкулёза.

Немецкие захватчики разрушили в Риге крупнейшие предприятия: государственный электротехнический завод «ВЭФ», государственный вагоностроительный завод «Вайрогс», завод резиновых изделий «Квадрат», 13 гостиниц; привели в негодность водопроводную и телеграфно-телефонную сеть. Они взорвали Кегумскую гидроэлектростанцию мощностью в 55 тысяч киловатт, разрушили Рижский порт и железнодорожный узел, уничтожили 300 километров железнодорожных и 6 километров трамвайных путей, 100 километров воздушной электросети, повредили 330 трамвайных вагонов, вывезли в Германию 200 автобусов.

Немцы разрушили в Риге 2.789 жилых домов; уничтожили целые кварталы с домами, построенными в XV—XVII столетиях.

В Даугавпилсе (Двинске) гитлеровцы взорвали Народный дом, вокзал, вагоноремонтные мастерские, депо, электростанцию; уничтожили 40 предприятий местной промышленности, городскую библиотеку со всеми книгами; разрушили 32 школы, 4 гостиницы, 15 бань, телефонно-телеграфную сеть, 2.896 жилых домов. В своей звериной ненависти к латышскому народу немецкие захватчики при своём отступлении жгли, взрывали, разрушали школы, библиотеки, больницы, жилые дома и промышленные предприятия.

Немецкие захватчики разорили сельское хозяйство Латвийской республики

Сразу же после оккупации Латвийской Советской республики немецкие захватчики разорили сельское хозяйство. Они отобрали от сельскохозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян около 600 тысяч гектаров земли, которой они были наделены советским правительством Латвии. Немцы отобрали у крестьян скот, весь сельскохозяйственный инвентарь, на обзаведение которым советским правительством Латвии был выделен крестьянам кредит в сумме 27.179 тысяч рублей. Немецкие захватчики стали восстанавливать помещичьи и кулацкие хозяйства, заселять Латвию людьми «только немецкой, германской крови». Более 75 тысяч семей латышских крестьян немцы лишили земли и прикрепили их к немецким баронам и латышским помещикам и кулакам.

Немцы разграбили в Латвии все машинно-тракторные станции и, по далеко не полным данным, вывезли в Германию 700 тракторов, 180 автомашин, 4.057 плугов, 2.815 культиваторов, 3.532 бороны, 10.600 жаток и сенокосилок, 506 молотилок и другой инвентарь; отобрали у крестьян 628.329 тонн разных сельскохозяйственных продуктов,

уничтожили 3 млн. голов домашней птицы. В результате разорения немецкими захватчиками сельского хозяйства в Латвии уменьшилось поголовье скота: на 127.300 лошадей, на 443.700 голов крупного рогатого скота, на 318.200 свиней, на 593.800 овец.

Немецкие душегубы истребили 250 тысяч мирных граждан Латвии

Следуя своей неизменной политике массового истребления свободолюбивых народов, немецкие палачи убили в Риге более 170 тысяч мирных граждан — мужчин, женщин, детей, стариков. Вокруг города Рига немцами были организованы концентрационные лагеря для мирных граждан: в Саласпилсе, Межапарке, в Страдумуйже, Бишу-Муйже, Мильгравис и других местах. Тысячи граждан были арестованы и заключены в тюрьмы: Центральную, Срочную, «Цитадель» и другие.

В лагерях и тюрьмах немецкие палачи подвергали заключённых истязаниям, пыткам и расстрелам. В Центральной тюрьме заключённых били и пытали. В течение круглых суток в камерах были слышны крики и стоны. Ежедневно от истязаний умирали 30—35 человек. Кто оставался в живых после истязаний и пыток, возвращался в камеру неузнаваемым: в крови, обожжённый, с изорванными частями тела. Медицинской помощи истязуемым не оказывали. Об истязаниях сообщили комиссии очевидцы, содержащиеся в заключении в Центральной тюрьме: Глудзе А. Ю., Заранкин С. Е., Лаукс Р., Якобсон М. Я., Ванаг В., Трифонов Я. Я., адвокат Мункевич К. Г. и многие другие.

Истязаниям и пыткам гитлеровцы подвергали советских людей во всех городах Латвийской ССР.

Свидетель Осипов Г. М., содержащийся немцами в тюрьме в городе Даугавпилс (Двинск), показал: «Немецкие палачи избивали меня резиновой трубкой, пытали при помощи электрического тока. Избиениям и пыткам подвергались все заключённые, подозреваемые в сочув-

ствии Советской власти. Многим во время допросов скручивали на руках узлом колючую проволоку».

Немецкие изверги не щадили никого. Они убивали мужчин и женщин, здоровых и больных, детей и стариков. В Центральной тюрьме в Риге они убили более 2.000 детей, отобранных от родителей, и в Саласпилском лагере — более 3.000 детей. В Первой и Второй рижских психиатрических больницах они убили всех душевнобольных.

Как показал врач Второй психиатрической больницы Херманис Салтупс, немцы вывезли из больницы 29 января 1942 года свыше 350 душевнобольных и истребили их. Врач Первой психиатрической больницы Дриkitис В. И. показала: «14 апреля 1942 года в больницу прибыли эсэсовцы и увезли более 200 больных. По указанию администрации, на историях болезни я сделала отметки: «Эвакуированы СС полицией». В октябре 1942 года немцы вывезли ещё около 100 душевнобольных». Все душевнобольные были расстреляны немцами в Бикернекском лесу.

Ниже публикуются немецкие документы, найденные в помещении «Департамента командующего полицией безопасности и СД», которые подтверждают кровавую расправу гитлеровцев с душевнобольными.

Рига, 19/V — 1942 г. Секретно

КОМАНДУЮЩИЙ ПОЛИЦИЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И СД ЛАТВИЯ,

ОТД. П. ДВ № 109/42 г.

В БЮРО ГРАЖДАНСКИХ ЗАПИСЕЙ г. РИГА.

ОТН.: ИЗВЕЩЕНИЕ

О СМЕРТНЫХ СЛУЧАЯХ.

Ссылка: —

Приложений: 10.

Сим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 368 неизлечимых душевнобольных умерли 29.1.1942 года.

Исполняющий обязанности Кирсте
СС штурмбанфюрер».

К этому рапорту приложен поименный список расстрелянных больных.

И ещё два точно таких же документа со списками за подписью того же Кирсте: от 28 мая 1942 года — о «смерти» 14 апреля 1942 года 243 душевнобольных и от 15 марта 1943 года — о «смерти» 22 октября 1942 года 98 душевнобольных.

22 августа 1941 года в местечке Аглонь были расстреляны душевнобольные из Даугавпилской психиатрической больницы — около 700 взрослых и 60 детей, в том числе 20 здоровых детей, на время переведённых в помещения больницы из детского дома.

Арестованный советскими органами соучастник расстрела душевнобольных полицейский Мотисан А. А. на допросе показал: «Во время расстрела я с лопатой стоял у ямы. Расстрел длился около 6 часов. Люди кричали и плакали, но пощады не было. После расстрела для палачей привезли две бочки пива, началась попойка».

В 1942 году на территории старого гарнизонного стрельбища, в 18 километрах от Риги, немцы организовали Саласпилский лагерь для мирных граждан. Режим этого лагеря представлял продуманную систему умерщвления людей. В бараках, рассчитанных на 100—150 человек, содержалось по 500—600 мужчин, женщин и детей. Бараки не отапливались. Из-за отсутствия места часть заключённых находилась летом и зимой под открытым небом.

Заключённых мучили непосильной работой. Рабочий день длился 12—14 часов. Больных направляли к врачу, и если врач находил, что по состоянию здоровья они работать не могут, заключённых расстреливали.

В начале 1943 года немцы пригнали в Саласпилский лагерь граждан из Ленинградской, Калининской, Витебской, Орловской областей. Скученность в лагере достигала ужасающих размеров, люди умирали каждый день сотнями. Для борьбы с эпидемическими заболе-

ваниями немцы организовали так называемый «карантин». Свидетели Лаугалайтис К. А., Яскевич А. Н. и другие сообщили, что немцы, в целях соблюдения этого «карантина», заставили «всех заключённых в лагере раздеться, потом голых, по грязи и снегу, погнали в баню, находившуюся на расстоянии 600 — 800 метров от бараков. Во дворе бани у женщин ножницами стригли волосы, причём издевательски оставляли клочёя волос, а местами до кожи выстригали. Стригли, как овец... В бане заставляли мыться холодной водой. После мытья всех заключённых пригнали обратно в бараки, где была оставлена одежда. Однако одежды уже не было. Раздетых людей продержали в бараках с выбитыми окнами в течение 4-х суток, после чего выдали разное тряпье». В результате такого истязания в Саласпилском лагере погибли сотни советских людей.

Заключённых в лагере подвергали всевозможным пыткам. Бывшая заключённая Виба Э. сообщила комиссии, что комендант лагеря Краузе «независимо от времени года, заставлял заключённых ложиться на землю и моментально вставать и прыгать на корточках. Раздавалась команда: «ложись», «вставай», «прыгай», а в это время собака коменданта лагеря Краузе нападала на заключённого и рвала его. Краузе и другие фашисты наблюдали сцену наказания и потешались над жертвой. Часто после такого истязания заключённый уже не мог подняться с земли, тогда полицейские били его резиновыми палками...»

Расстрелянных и погибших в Саласпилском лагере от голода, болезней, пыток и избиений гитлеровские палачи зарывали на старом гарнизонном кладбище, недалеко от лагеря. Там комиссией обнаружено 9 огромных могил-рвов общей площадью в 3.043 кв. метра.

Судебно-медицинской экспертизой исследованы места захоронения, произведены обмер могил и эксгумация трупов. На основании данных экспертизы, а также многочисленных показаний свидетелей, в том числе бывших

заклѳчѳнных лагеря Бакшс Я. А., Зекунде В. М., Кузьмина Ф. Л., Трифонова Я. Я., Крониш И. И. и других, комиссия установила, что в Саласпилском лагере немцы замучили более 56 тысяч мирных граждан.

Жителей города Рига и его окрестностей немцы истребляли также в Бикернекском лесу, Дрейлинском лесу и Румбульском лесу.

В Бикернекском лесу, расположенном на окраине города Рига, гитлеровцы расстреляли 46.500 мирных граждан. Свидетельница Стабульnek М., проживающая недалеко от этого леса, рассказала: «В пятницу и в субботу перед пасхой 1942 года автобусы с людьми круглые сутки курсировали из города в лес. Я насчитала, что в пятницу с утра до полудня мимо моего дома прошѳл 41 автобус. В первый день пасхи многие жители, и я в том числе, пошли в лес к месту расстрела. Мы там увидели одну открытую большую яму, в которой были расстрелянные — женщины и дети, голые и в нижнем белье. На трупах женщин и детей были следы пыток и издевательств — у многих на лицах кровавые подтѳки, на головах ссадины, у некоторых отрублены руки, пальцы, выбиты глаза, распороты животы».

Факты массовых расстрелов в Бикернекском лесу подтвердили свидетели, проживающие вблизи мест расстрелов: Карклыныш М. Я., Алекснис З., Циемгалс М. Т., Шапочка А. И., Берзиньш Ю. А., Дзедулыс З. Ф. и многие другие.

На месте расстрелов комиссия обнаружила 55 могил общей площадью в 2.885 квадратных метров.

В Дрейлинском лесу, находящемся в 5—7 километрах восточнее города Рига, по Лубанскому шоссе, немцы расстреляли свыше 13 тысяч мирных граждан и военнопленных. Свидетель Ганус В. З. показал: «Начиная с августа 1944 года, немцы организовали раскопки могил и жгли трупы в течение недели. Лес был оцеплен немецкими часовыми, вооружѳнными пулемѳтами. В 20 числах августа из Риги стали приходить

чёрные закрытые автомашины с гражданами, среди которых были женщины, дети, так называемые «беженцы», их расстреливали, а трупы сразу же сжигали... Я, спрятавшись в кустах, видел эту страшную картину. Люди ужасно кричали. Я слышал крики: «Убийцы, палачи!» Дети кричали: «Мамочка, не оставляй». Пули убийц прерывали крики.

Массовые расстрелы мирных жителей гор. Рига немцы производили также в Румбульском лесу.

На основании произведённого комиссией расследования и показаний свидетелей: Круминыш Ц. И., Лутрын М. С., Спуль Е. А., Калсонс Л. С., Приеда И. Я., Цейрулис Ф. А., Калсонс М. М. и многих других, установлено, что в этом лесу немцы расстреляли 38 тысяч мирных жителей.

В Даугавпилсе (Двинске) немцы ежедневно расстреливали сотни советских людей, заключённых в тюрьмы и лагеря. На территории «Золотая Горка», между дер. Погулянка и дачей Будревича, возле тюрьмы немцы расстреляли свыше 40 тысяч мужчин, женщин и детей.

Участник немецких зверств в Даугавпилсе, могильщик Вильцан П. А., показал: «Массовые расстрелы мирных граждан в Даугавпилсе начались в конце июля 1941 года. Мне, как могильщику, пришлось работать на средней Погулянке. Мы приготовили могилу длиной 100, шириной 3 и глубиной $2\frac{1}{2}$ метра на 800—1.000 человек. К рассвету к этой могиле немцы пригнали обречённых, в том числе женщин с детьми различных возрастов. Началось раздевание и ограбление обречённых граждан. Раздавались крики, стоны, плач детей. Матери вели своих детей к могилам за руки. Расстреливали группами по 10—12 человек в затылок. Я видел окровавленную массу людей с разmozжёнными головами. Потом полицейские принялись за делёжку одежды, обуви и прочих вещей расстрелянных. Мне, как могильщику, выдали несколько пар ботинок, брюки, френч и головной-дамский платок».

Немецкие бандиты сожгли деревню Аудрины и уничтожили всех её жителей

В январе 1942 года в Резекнеском (Режицком) уезде немцами была уничтожена деревня Аудрины со всем населением якобы за помощь красноармейцам. В городах Латвии по этому поводу было вывешено следующее извещение на немецком, латышском и русском языках:

«Командир германской полиции государственной безопасности Латвии сим извещает следующее:

.....
2. Жители деревни Аудрины, Режицкого уезда, более четверти года скрывали у себя красноармейцев, прятали их, давали им оружие и всячески способствовали им в противогосударственной деятельности.

В борьбе с такими элементами были расстреляны латышские полицейские.

3. Как наказание я назначил следующее:

а) Смести с лица земли деревню Аудрины.

б) Жителей деревни Аудрины арестовать.

с) 30 жителей мужского пола деревни Аудрины 4.I—42 г. публично расстрелять на базарной площади гор. Режицы.

И впредь приму строжайшие меры как против лиц, которые думают настоящий порядок саботировать, также против лиц, которые этим элементам оказывают какую-либо помощь.

Командир германской полиции
государственной безопасности Латвии

Штраух, СС оберштурмбанфюрер».

Деревня Аудрины, в которой имелось 41 хозяйство, была подвергнута ограблению и полностью сожжена. Все её жители в количестве 194 человек, в том числе женщины, старики, дети, были арестованы и заключены в Резекнескую тюрьму. Из них 30 человек мужского пола были публично расстреляны на базарной площади в городе Резекне (Режице), в том числе мальчик 12 лет. Все остальные арестованные были вывезены в Анчупанские горы и там расстреляны.

Всего в городе Резекне и в уезде немцы истребили 15.200 мирных граждан, в том числе свыше 2 тысяч детей.

Кровавая расправа немцев с еврейским населением Латвийской ССР

С первых же дней оккупации немцы приступили к кровавой расправе с еврейским населением Латвийской республики. Евреев истязали, подвергали издевательствам и пыткам, расстреливали в тюрьмах, на улицах городов, в собственных квартирах. Евреи обязаны были носить жёлтую звезду на груди и спине, не имели права показываться в общественных местах, производить покупки в магазинах «для арийцев», ходить по тротуарам. Немцы загоняли евреев в синагоги, наглухо запирали все выходы и затем сжигали здания вместе с людьми. Так были сожжены вместе с 2.000 евреев синагоги: на Столбовой и Гоголевской улицах, на Старом еврейском кладбище и в Юеке.

В октябре 1941 года в Риге было организовано «гетто», куда гитлеровцы загнали 35 тысяч евреев. «Гетто» было оцеплено двумя рядами проволочных заграждений, и доступ туда был закрыт. Заключённых из «гетто» выпускали в город только в рабочих колоннах, под охраной полиции. Скученность в «гетто» была ужасающая, вызывала эпидемические заболевания и огромную смертность.

Свидетель Баринбаум Г. Л. сообщил: «На работу нас водили в колоннах под надзором полиции. После работы полицейские у входа в «гетто» всех нас обыскивали и при этом избивали резиновыми дубинками или просто кулаками. Специально избивались те лица, у которых немцы находили куски хлеба или папиросы. По ночам в «гетто» приезжали эсэсовцы. Они грабили и избивали людей, глумились над девушками».

В ноябре 1941 года немцы отобрали в «гетто» 4.500 работоспособных мужчин и 300 женщин, а остальных 30 ноября и 8 декабря 1941 года расстреляли.

Свидетельница Долгицер Л. следующим образом описывает картину расстрела евреев из «гетто»: «Люди с

маленькими детьми, старики и старухи высыпали на улицу, где их выстроили в ряды. Отправка совершалась в автобусах, но большей частью людей гнали пешком. По улицам тянулись бесконечные колонны евреев. Отправка продолжалась с субботы, с 5 часов дня, всю ночь и закончилась в воскресенье к вечеру. На улице была гололедица, люди падали, и их тут же на месте расстреливали. Улицы «гетто» окрасились кровью. Беспощадно расстреливались дети, матери. Люди совершали свой последний, смертный путь... Маленьких детей немецкие звери вырывали из рук матерей, хватали за ноги и разбивали о столбы и заборы...»

Евреи были расстреляны в Румбульском лесу, расположенном в 12 километрах от Риги.

О расстрелах евреев в Румбульском лесу случайно спасшаяся от смерти Фриде Ф. З. рассказала следующее: «Я попала к яме первого декабря 1941 года. Перед рассветом нас заставили раздеться до нижнего белья. Пытавшихся сопротивляться беспощадно избивали резиновыми палками. Одежду надо было класть отдельно от обуви. Не доходя до ямы, я умышленно упала; охрана приняла меня за убитую, а обречённые на расстрел, проходя мимо, забросали обувью. В течение всего дня до вечера мне пришлось слышать душераздирающие крики и вопли расстреливаемых. Пролежав до ночи, я незаметно для охраны подползла к одежде, оделась и, пользуясь темнотой, убежала в лес...»

В Даугавпилсе (Двинске), как показали свидетели Бляхман А. С., Рожанский В. В., Ляк С. Г., Яковлев В. В., Гравец И. Л. и другие, в июне и июле 1941 года немцы арестовали около 3.000 евреев и расстреляли их возле тюрьмы в железнодорожном садике. Всех остальных евреев — стариков, женщин и детей гитлеровцы заключили в «гетто». Сюда же были помещены евреи из близлежащих городов и местечек — Вышки, Краслава, Догда и др.

В Даугавпилском «гетто» немецкие палачи организовали 5 массовых расстрелов евреев. Последний массовый расстрел был произведён 1 и 2 мая 1942 года. Из 30 тысяч в «гетто» осталось только 400 человек, которые были переведены в крепость.

Комсомолец Шпунгин С. И. показал комиссии: «Всё, что творили немецко-фашистские изверги, не поддаётся описанию. Людей избивали и живыми бросали в яму. Детей разрывали пополам на глазах матерей. Трудно описать трагедию 1 мая 1942 года. «Гетто» представляло ужаснейшую картину. На полу валялись изуродованные трупы детей, всюду была застывшая кровь убитых людей. 30 человек, которые отказались направиться в грузовик, были расстреляны во дворе «гетто».

Изобретательность немцев в издевательствах над людьми не имела границ. Немецкий комиссар города Рига Виттрок обязал всех женщин еврейской национальности, состоящих в смешанных браках, произвести стерилизацию (обеспложение). Стерилизация производилась в Первой рижской городской больнице докторами: Крастиныш, Эйкен, Легздиныш, Петерсон и Олоф. Мужчины, имевшие жёнами евреек, вызывались в гестапо и им ставился ультиматум: или согласиться на стерилизацию жён, или их жёны будут расстреляны.

Подвергшаяся стерилизации гражданка Г. показала: «По распоряжению немецких властей города Рига, я, как еврейка, состоящая в смешанном браке, подверглась стерилизации в конце мая 1942 года».

Аналогичные заявления в комиссию о насильственной стерилизации были сделаны свидетелями Левикиной Б. М., врачом Первой городской рижской больницы Бриедис К. К., подвергшейся стерилизации гражданкой Я. и другими.

Для советских военнопленных немецкие захватчики организовали в Риге, в помещениях бывших казарм, расположенных по улицам Пернавской и Рудольфа, «Шталаг 350», который просуществовал с июля 1941 до октября 1944 года. Советские военнопленные содержались в нечеловеческих условиях. Здания, где они помещались, были без окон и не отапливались. Несмотря на тяжёлую каторжную работу по 12—14 часов в сутки, паёк военнопленных состоял из 150—200 граммов хлеба и так называемого супа из травы, порченого картофеля, листьев деревьев и разных отбросов.

Бывший военнопленный Яковенко П. Ф., содержавшийся в «Шталаге 350», показал: «Нам давали 180 граммов хлеба, наполовину из опилок и соломы, и один литр супа без соли, сваренного из нечищенного гнилого картофеля. Спали прямо на земле; нас заедали вши. От голода, холода, избиений, сыпного тифа и расстрелов с декабря 1941 года по май 1942 года в лагере погибли 30 тысяч военнопленных».

Немцы ежедневно расстреливали военнопленных, которые не могли по слабости или болезни отправиться на работу, издевались над ними, избивали без всякого повода.

Новицкис Г. Б., работавшая старшей сестрой в госпитале для советских военнопленных по Гимнастической улице, дом 1, сообщила, что она постоянно видела, как больные, чтобы ослабить мучения голода, ели траву и листья деревьев.

В отделениях «Шталага 350» на территории бывшего пивоваренного завода и в Панцерских казармах от голода, истязаний и эпидемических заболеваний только с сентября месяца 1941 года по апрель 1942 года погибло более 19 тысяч человек. Немцы расстреливали и раненых военнопленных. «В августе 1944 года, — сообщила

свидетельница Зекунде В. М., — в Саласпилский лагерь доставили 370 раненых советских военнопленных; в конце этого месяца днём на глазах у всех их расстреляли. 25 сентября 1944 года из больницы Саласпилского лагеря забрали всех больных и расстреляли в лесу, недалеко от лагерей».

Советские военнопленные погибали и в пути следования в лагерь, так как их немцы оставляли без пищи и воды. Свидетельница Таукулис А. В. показала: «Осенью 1941 года на станцию Саласпилс прибыл эшелон с советскими военнопленными в составе 50—60 вагонов. Когда открыли вагоны, на далёкое расстояние разнёсся трупный запах. Половина людей были мертвы; многие были при смерти. Люди, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана открыла по ним огонь и расстреляла несколько десятков человек».

Железнодорожный мастер станции Шкиротава (Сортировочной) Коктс А. Ю. рассказал комиссии, что «немцы заставляли советских военнопленных при 35-градусном морозе голыми руками перетаскивать рельсы. Больных и падавших от истощения немцы укладывали на снег в ряд по 20 человек, а после, замёрзших, тут же закапывали». С 1941 по 1943 г. на территории железнодорожной станции Шкиротава немцы уничтожили более 2.000 человек. Всё это подтвердили свидетели Чуктс А. Р., железнодорожный рабочий Фолкман Б. А., стрелочник Квач С. П., составитель поездов Шереметьев А. В. и другие.

В «Шталаге 350» и в его отделениях немцы замучили и расстреляли более 130.000 советских военнопленных. Комиссия обнаружила в Риге и её окрестностях 12 мест массового захоронения трупов замученных советских военнопленных, из них наиболее крупные — в Саласпилсе, Зиепниеку-Калнс, на территории Панцерских казарм, на новом еврейском кладбище.

В Даугавпилсе (Двинске) существовал лагерь для советских военнопленных — «Шталаг 340», который

среди узников лагеря и жителей города был известен под именем «лагеря смерти» и в котором за 3 года погибло от голода, истязаний и расстрелов свыше 124.000 советских военнопленных.

Расправу с военнопленными немецкие палачи обычно начинали в пути следования в лагерь. Летом пленных отправляли в наглухо закрытых вагонах, зимой — в полувагонах и на открытых площадках. Люди массами погибали от жажды и голода, летом задыхались от духоты, зимой замерзали. Свидетель, путевой сторож Орбидан С. Ю., сообщил комиссии: «В июле 1941 года на разъезд «214 километр» прибыл первый эшелон с советскими военнопленными. Второй эшелон прибыл вслед за первым. В каждом вагоне было по 70—80 человек. Вагоны были закрыты наглухо. Когда открыли вагоны, военнопленные жадно глотали воздух открытыми ртами. Многие, выйдя из вагонов, падали от истощения. Тех, кто не мог идти, немцы тут же у моей будки расстреливали. Из каждого эшелона выбрасывали по 400—500 трупов. Пленные рассказывали, что они по 5—6 суток не получали в дороге ни пищи, ни воды».

Свидетель Усенко Т. К. рассказал: «В ноябре 1941 года я дежурил на станции Мост в качестве стрелочника и видел, как на «217 километр» подали эшелон, в котором было более 30 вагонов. В вагонах ни одного живого человека не оказалось. Не менее 1.500 мёртвых были выгружены из этого эшелона, все они были в одном нижнем белье. Трупы пролежали у железнодорожного полотна около недели».

Коменданты Даугавпилского лагеря Хуго Маер, Нисин, Зимсон и другие так же, как и в других немецких лагерях, морили советских военнопленных голодом, истязали, подвергали мучительным пыткам и издевательствам, массами расстреливали.

Существовавший при лагере госпиталь также был подчинён задаче уничтожения военнопленных. Работавшая в госпитале свидетельница Ефимова В. А. рассказа-

ла комиссии: «Редко кто выходил живым из этого госпиталя. При госпитале работало 5 групп могильщиков из военнопленных, которые на тележках вывозили умерших на кладбище. Бывали часто случаи, когда на тележку бросали ещё живого человека, сверху накладывали ещё 6—7 трупов умерших и расстрелянных. Живых закапывали вместе с мёртвыми; больных, которые метались в бреду, убивали в госпитале палками».

Зимой 1942—1943 годов в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа. В качестве меры борьбы с тифом, сообщил бывший военнопленный Дараган Д. М., фашистские мерзавцы организовали массовые расстрелы: достаточно было заболеть 3—4 военнопленным, как всех остальных, находившихся в этом бараке, немцы выводили к ямам на крепостной эспланаде и расстреливали. Так фашистские мерзавцы истребили на крепостной эспланаде у разъезда «214 километр» около 45 тысяч советских военнопленных.

К суровому ответу фашистских преступников

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что кровавые злодеяния на территории Латвийской ССР, разгром городов и сельского хозяйства произведены по прямому указанию гитлеровского правительства и германского верховного командования. Виновниками всех этих чудовищных злодеяний, помимо гитлеровского правительства, являются: командующие северной группой немецкой армии генерал-полковники Модель и Шернер, генерал полиции Шредер, начальник полиции «Остланд» обергруппенфюрер СС Иекельн, рейхскомиссар Лозе, генеральный комиссар Латвии Дрекслер, генеральный директор Латвии Данкерс, командир германской полиции государственной безопасности Латвии обер-

штурмбанфюрер СС Штраух, начальник гестапо штурмбанфюрер доктор Ланге, заместитель командира полиции безопасности СС штурмбанфюрер Кирсте, комендант города Рига генерал-майор Брамберг, начальник полиции города Рига майор Колбе, префект полиции Штиглиц, начальник центральной тюрьмы Виркхан, начальник «гетто» и комендант Саласпилского лагеря Краузе, начальник концлагеря Межапарк штурмбанфюрер Зауер, его помощник обершарфюрер Бруннер, командир полиции СС Тидеман, комиссар города Рига Виттрок, штурмбанфюрер Микке, офицер гестапо Гимлер, организатор «гетто» унтерштурмфюрер СС Шульц, начальник малого «гетто» Ткель, коменданты «гетто»: унтершарфюрер Рошман, обершарфюрер Мигге, лейтенант гестапо Хесис, начальник «гетто» Гесфер, редактор фашистской газеты «Дейче Цейтунг ин Остланд» Микел, руководитель отдела прессы при рейхскомиссаре доктор Циммерман, военный комендант города Рига Нахтигаль, помощник коменданта «гетто» унтершарфюрер Гимлих, помощник начальника гестапо штурмфюрер Мерсе, руководитель отрядов СС Зелингер, помощник начальника концлагеря Межапарк врач штурмбанфюрер Кребсбах, обершарфюрер СС Бухгольц Ганс, врач СС доктор Блудау, обершарфюрер СС Кнабе, унтершарфюрер СС Клеченс Герман, унтершарфюрер СС Хонис, штурмбанфюрер СС Зайтлер, лейтенант войск СС Руйслер, комендант города Даугавпилс майор Ниссель, начальник полиции безопасности СД Шилле, окружной комиссар Швунк, начальник штаба окружного комиссара Гайнель, начальник Даугавпилского отделения гестапо Таборт, его помощники Беку, Мауриц, коменданты «Шталага № 340» капитан Хуго Маер, Нисин, Зимсон, офицеры штаба «Шталага № 340» капитаны: Петер, Паулин, Мориц, Паулзин, заведующий рабочей силой капитан Мартин, заведующий кухней Роанз, переводчик и палач Миллер Якоб, заведующий хозяйством Ойген Дейле, начальник строительства лагеря Лауперт, коменданты концлагеря в городе Резекне

майор Риттер фон Келиандер и капитан Данцензейн, начальник 3-го отделения гестапо лейтенант Клепфман, офицер 3-го отделения гестапо Штайнер, начальник политической полиции Резекнеского уезда майор войск СС Алберт, унтер-офицеры Пийтсамер, Ульман, фельдфебели Брик, Бахман, вахмистры полиции СС Кок, Миллер, Крепш, Маер, Тухель, Ганс Коп, Нейман, ефрейторы Айзеле Карл, Штрикле Карл, солдаты Фрай Оган, Вольф Андре и переводчики Пирог и Хейлиш.

Преступников постигнет суровая кара за совершённые ими злодеяния.

Опубликовано в газете «Известия» № 80
от 5 апреля 1945 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 4 апреля 1945 года, Протокол № 54.

О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ

Ещё до освобождения Красной Армией польской территории Верхней Силезии в Чрезвычайную Государственную Комиссию поступали многочисленные сведения о существовании вокруг гор. Освенцима огромного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения пленённых советских людей. После освобождения советскими войсками польской Силезии частями Красной Армии был обнаружен этот лагерь.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Прокуратурой 1-го Украинского фронта, совместно с представителями Чрезвычайной Государственной Комиссии товарищами Кудрявцевым Д. И. и Кузьминым С. Т. в течение февраля—марта 1945 года было произведено тщательное расследование злодеяний немцев в Освенцимском лагере.

В расследовании принимали участие специальные экспертные комиссии: судебно-медицинская, в составе главного судебно-медицинского эксперта 1-го Украинского фронта Брыжина Ф. Ф., судебно-медицинского эксперта армии Чурсанова М. Г., эксперта-терапевта Перцова И. И., начальника патолого-анатомической лаборатории армии Лебедева Н. А., гинеколога армии Колегаева Г. А., эксперта-психиатра Ванновского Н. Р., эксперта-крими-

налиста Герасимова Н. И., бывших заключённых лагеря: профессора-педиатра, директора клиники Пражского университета Эпштейн Б. В., профессора патологической анатомии и экспериментальной медицины из гор. Клермон-Ферран (Франция) Лимузен Г. Г., доцента медицинского факультета в Загребе (Югославия) Гроссмана М. Я., и техническая, в составе профессоров из Кракова—Давидовского Романа и Долинского Ярослава, кандидата химических наук инженера Лаврушина В. Ф. и инженера Шуера А. М.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 2819 спасённых Красной Армией узников Освенцимского лагеря и изучения обнаруженных в нём немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найдённых на территории лагеря трупов, вещей и документов истреблённых немцами людей различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках лагеря, установлено:

1. Путём расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше 4 миллионов граждан Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

2. Немецкие профессора и врачи производили в лагере так называемые «медицинские» эксперименты над живыми людьми—мужчинами, женщинами и детьми.

3. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие «лагери смерти».

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории — всё это было предназначено для чудовищного уничтожения людей. Газовые камеры немцы называли «баними особого назначения». На входной двери этой «бани» было написано «Для дезинфекции», а на выходной «Вход в баню». Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение «Для дезинфекции», раздевались и оттуда загонялись в «баню особого назначения» — то-есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом «циклоном».

В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ.

Рейхсфюрер СС Гиммлер — организатор Освенцимского лагеря уничтожения людей

Освенцимский лагерь был построен в 1939 году по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера специально для уничтожения поработощенных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь расположен на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял из себя целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовиц, Нейдахс, Блехамер и другие. Основные из них — Аушвиц и Биркенау — были расположены на территории в 467,5 гектара и имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях

Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключённых. Все лагеря были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения.

В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвлённых людей первый крематорий с 3-мя печами. При крематории была так называемая «баня особого назначения», то-есть газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года. Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвёл инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать. Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау 4 мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующие письма:

I.

И. А. ТОПФ И СЫНОВЬЯ.

Эрфурт, 12 февраля 1943 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ СС И ПОЛИЦИИ

*Аушвиц
(Освенцим)*

Касается: крематории 2 и 3 лагеря военнопленных.

Подтверждаем получение Вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: «Ещё раз подтверждаем получение Вашего заказа на 5 штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъёма трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи

угля и приспособления для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 года.

И. А. Топф и сыновья»

II.

№ 12115/42/Ер/На

ПУНКТ 2.

В отношении установки 2-х трёхмуфельных печей у каждой из «бань особого назначения» инженером Прюфером было предложено изъять их из заготовленных для отправки в Могилёв печей. Руководитель служебной части, находившейся в СС-Хозяйственном Управлении Главного Отдела в Берлине, был немедленно об этом осведомлён и его попросили распорядиться о дальнейшем.

СС унтерштурмфюрер (С)

Освенцим, 21 августа 1942 года».

В четырёх новых крематориях находилось 12 печей с 46-ю ретортами; в каждую реторту можно было поместить от 3 до 5 трупов, процесс сжигания которых продолжался около 20—30 минут.

При крематориях были построены «бани особого назначения» — газовые камеры для умерщвления людей, помещавшихся или в подвалах, или в особых пристройках к крематориям. Кроме того, в лагере имелись ещё две отдельные «бани», трупы из которых сжигались на особых кострах. Предназначенных для умерщвления людей загоняли в «бани» ударами палок, ружейных прикладов, собаками. Двери камер герметически закрывались, и люди, находившиеся в них, отравлялись «циклоном». Смерть наступала через 3—5 минут; спустя 20—30 минут трупы выгружались и направлялись к печам крематориев. Перед сжиганием дантисты вырывали у трупов золотые зубы и коронки.

«Производительность» «бань» — газовых камер значительно превышала пропускную способность печей крема-

ториев, и потому для сжигания трупов немцы применяли ещё огромные костры. Для этих костров были вырыты специальные рвы длиной от 25 до 30 метров, шириной от 4 до 6 метров и глубиной в 2 метра. На дне рвов проходили особые канавы в качестве поддувал. Трупы подвозились к кострам по узкоколейкам, укладывались в рвы послойно с дровами, обливались нефтью и таким образом сжигались. Пепел зарывался в больших ямах или сбрасывался в реки Сола и Висла. С 1943 года немцы, с целью промышленного использования несгоревших костей, стали дробить кости и продавать фирме «Штрём» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы «Штрём» 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения.

В Освенцимском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали от 10 до 12 тысяч людей, из них 8—10 тысяч из прибывавших эшелонов и 2—3 тысячи из числа узников лагеря.

Допрошенные в качестве свидетелей, ранее работавшие в специальной команде по обслуживанию газовых камер и крематориев, бывшие заключённые Драгон Шлема, житель местечка Жировнин, Варшавского воеводства, и Таубер Генрих из города Кжанув (Польша), показали следующее: «...В начале работы лагеря немцы имели две газовые камеры, находившиеся друг от друга в трёх километрах. При них имелось по два деревянных барака. Прибывающих из эшелонов людей приводили в бараки, раздевали, а затем вели в газовую камеру... В газовые камеры загоняли по 1.500—1.700 человек, а затем через люки эсэсовцы в противогазах забрасывали «циклон». Газирование продолжалось от 15 до 20 минут, после чего трупы выгружались и на вагонетках вывозились в рвы, где сжигались... Позже на территории лагеря в Биркенау работали 4 крематория, при каждом

из них имелась газовая камера. Крематории №№ 2 и 3 были одинаковой конструкции и имели по 15 печей, а крематории №№ 4 и 5 были другой конструкции, по размерам и техническому усовершенствованию менее удобные, и имели по 8 печей каждый. Все эти крематории в течение суток сжигали по 10—12 тысяч трупов».

Немецко-фашистские профессора и врачи — убийцы пленников Освенцима

В Освенцимском лагере немецко-фашистские профессора и врачи широко проводили «медицинские» опыты над живыми людьми, проявляя при этом чудовищную изобретательность.

Бывшие заключённые, спасённые Красной Армией врачи: Штейнберг из Парижа, Гордон из Вильнюса, профессор Гроссман из Югославии, доктор медицины Валентин Эрвин из Берлина, Кеппих Анна из Венгрии, Де-Винд Эдуард из Голландии, Флехнер Альберт из Парижа, сообщили, что они были очевидцами огромного количества «медицинских» экспериментов немецко-фашистских профессоров и врачей над заключёнными лагеря.

Хирургические операции производились по произволу немецких врачей, практиковавшихся в освоении оперативной техники. Молодой немецкий врач Кениг отбирал заключённых с воспалительными процессами конечностей и практиковался в ампутации последних. Немецкие врачи Тилло и Фишер собирали большие массы заключённых и без всяких показаний производили грыжесечения. Главный врач больницы Эндерс при малейшей жалобе на боли в животе производил чревосечения, практикуясь на операциях по поводу язвы желудка.

В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами. В 10 блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключённых женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путём облучения рентгеном и последующего удале-

ния яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки. В блоке № 28 производились опыты над заключёнными по искусственным поражениям кожи керосином, различными солями, пастами, пудрами. Здесь же применяли акрихин с целью изучения искусственно вызванной желтухи. Этими опытами занимался немецкий врач Эмиль Кошуб. В блоке № 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования.

Все эти факты подтверждены также показаниями бывших узников лагеря: Кляйн Юдитой, Аусен Кларой, Гарбман Минной, Зондерс Нонной, Скурник Яковом, Сурес Давидом и многими другими, над которыми немецкие врачи производили те или иные эксперименты.

По приказу главного немецкого врача Эндерс, с 1941 по 1944 год в больницах лагеря производилось умерщвление заключённых путём вливания фенола в сердце. Первые вливания делал врач Деринг, а затем они производились санитарями. Особенно отличался в этом бывший сапожник немец Клер, умертвивший таким способом тысячи жертв. Заключённый из поляков, некий Панщик, впрыскиванием фенола умертвил 12 тысяч человек (впоследствии он был убит самими поляками-заключёнными). Немец Штесс уничтожил такими уколами 10 тысяч человек.

Факты нечеловеческих опытов над заключёнными подтверждаются также рядом документов, найденных в канцеляриях лагеря. В отчёте хирургического отделения лагерного госпиталя значится, что за 3 месяца—октябрь—декабрь 1943 года—хирургами отделения среди

прочих операций произведено: 89 ампутаций яичек (кастрация), 5 стерилизаций, 5 удалений яичников. В телеграмме № 2678 от 28.IV—1943 года оберштурмфюрер СС полковник Зоммер даёт предписание комендатуре лагеря отнести по отчёту 128 женщин в графу «Заключённых для опытов». В обнаруженном «Статистическом обозрении коменданта лагеря числа и распределения заключённых женщин по различным категориям», за подписью заместителя коменданта лагеря Селла, имеется постоянная графа: «Заключённые, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится «подопытных женщин»: за 15.V—1944 г.—400 чел., за 5.VI—1944 г.—413 чел., за 19.VI—1944 г.—348 чел., за 30.VII—1944 г.—349 чел. и т. д.

Немецкие врачи играли руководящую роль и в так называемых «селекциях», то-есть в отборе заключённых на газирование и кремацию. «Селекцию» они производили всюду: около крематориев, в больницах, в бараках. Людей истощённых, больных, непригодных для работы немецкие врачи отправляли в газовые камеры. Отбором заключённых для умерщвления занимались следующие немецкие врачи: Виртс, Менгеле, Родэ, Фишер, Тилло, Китт, Кениг, Клейн и многие другие.

По приказу главного немецкого врача Освенцимского лагерного объединения Виртс, при эпидемиях сыпного тифа производилось умерщвление людей целыми бараками путём отравления газами.

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми:

1. Массовое иссечение тканей шейки матки, или даже полную ампутацию последней.

2. Испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.

3. Стерилизация женщин путём облучения рентгеновскими лучами тазовой области, с последующим чревосечением и изъятием яичников. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.

4. Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвин, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер из Кенигсгютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.

5. Стерилизация мужчин путём рентгеновского облучения.

6. Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмон.

7. Ряд других опытов—искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д.

Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключённых. После окончательного использования заключённых для экспериментов их убивали и сжигали. Этим путём немцы стремились уничтожить свидетелей своих бесчеловечных опытов.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заключённый Штерн Самуил Абрамович, житель гор. Бухареста, показал:

«...В лагере Аушвиц я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию оберфельдфебеля Кошуб я делал уколы и другие манипуляции заключённым. Хорошо знаю, что многим заключённым впрыскивался керосин под кожу в голень... 2-й метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80% раствор уксусно-кислого алюминия (алюминь-ацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование...

Кошуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков».

Подвергавшийся экспериментам Валигура М. сообщил: «...спустя несколько дней после того, как меня привезли в Биркенау, кажется в первых числах декабря 1942 года, всю молодёжь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путём просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, т. е. 1 ноября 1943 года, я был подвергнут кастрации... Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек...»

Свидетель Сурес Давид из гор. Салоники (Греция) дал следующее показание: «...Примерно в июле 1943 года меня и со мной ещё 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через один месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, где всем стерилизованным была произведена операция — кастрация...»

Бывшая заключённая Хаузер М. (Париж, Ситэ Мильтон, 9) сообщила: «...В Аушвице нас поместили в 10-й блок. Для чего нас забрали в 10-й блок—мы не знали. В этом блоке было больничное отделение, хотя все мы были совершенно здоровые женщины... В 10-м блоке у меня сначала взяли один шприц крови; для чего брали кровь—мне неизвестно. В конце августа 1943 года меня взяли в операционную комнату, дали наркоз и под наркозом сделали операцию в половых органах. Операцию делал заключённый врач Самуэль под руководством и по указаниям немецкого врача Вирц. После этой операции я пролежала в 10-м блоке больной 11 месяцев. Из числа подвергавшихся стерилизации была одна еврейка из Греции по имени Бела, фамилии её не знаю. После рентгеновских лучей ей была сделана операция: разрез вдоль живота. После операции она поправилась и рана

на животе зажила. Приехал в 10-й блок немецкий врач Шуман и в порядке контрольной проверки взял Белу в 28-й блок и там сделал вторичный разрез живота поперёк. Поперечный разрез живота у неё я сама видела. Через несколько дней после вторичной «операции» Бела умерла».

Немецкие палачи убивали в Освенцимском лагере граждан всех стран Европы

Как установлено следствием, в Освенцим ежедневно прибывало от 3 до 5 железнодорожных эшелонов, предназначенных для умерщвления людей, по 1500—3000 чел. в каждом эшелоне. Обречённые привозились из всех стран Европы. Среди освидетельствованных судебно-медицинской комиссией 2.819 освобождённых узников Освенцимского лагеря имелись подданные: Польши — 745 чел., Венгрии — 542 чел., Франции — 346 чел., Чехословакии — 315 чел., СССР — 180 чел., Голландии — 159 чел., Югославии — 143 чел., Италии — 91 чел., Греции — 76 чел., Румынии — 52 чел., Бельгии — 41 чел. и др. стран.

Из каждого прибывавшего эшелона немцы отбирали от 200 до 500 чел. наиболее трудоспособных для работы в лагерях, остальных направляли прямо к газовым камерам и к крематориям в лагери Аушвиц и Биркенау.

Диспетчер службы движения станции Освенцим, Станек Францишек, показал: «...Эшелоны прибывали с заключёнными в 1942, 1943, 1944 годах из Чехословакии, Бельгии, Франции, Голландии, Норвегии, Греции, Польши и других стран».

Свидетель Де-Винд Эдуард показал: «...После оккупации немцами Голландии в ноябре 1940 года была произведена чистка государственного аппарата, учреждений и учебных заведений Голландии. Нас, троих ассистентов университета, выгнали. Я переехал в Амстердам. В одном из кварталов Амстердама был найден убитым фашист-голландец. В ответ на это немцы арестовали 400

заложников, в числе которых попал и я. Схватили меня на улице и отвезли сюда в лагерь».

Свидетель Гордон Яков, уроженец города Вильнюс, показал: «...В лагерь Освенцим меня привезли 22 января 1943 года. Всего в нашем эшелоне было 3.650 чел., из них вошли в лагерь 265 мужчин и около 80 женщин, всех остальных сейчас же отправили в крематорий — газировали и сожгли, в том числе сожгли мою жену Матильду, по специальности врача, сына четырёх с половиной лет, отца 73 лет и мать 64 лет».

Свидетельница Дессанти Эмили, по национальности итальянка, показала: «...12 сентября 1944 года гитлеровцы вывезли нас из Италии и привезли в лагерь Освенцим. Всего в лагерь нас, итальянцев, привезли 500 чел., из них осталось в живых только 30 чел., остальные зверски замучены и уничтожены в лагере».

Свидетель Сурес Давид показал: «...В лагерь Освенцим я прибыл с эшеленом из Греции 3 апреля 1943 года. В эшелоне было больше 2.500 чел., в числе которых была моя мать 53 лет, сестра с ребёнком и я. Из 2.500 чел. приблизительно 300 чел. отправили в лагерь, остальных, в том числе мою мать и сестру с пятилетним ребёнком, прямо из эшелона повели в крематорий на сожжение».

Свидетель Китман Георг, из Румынии, показал: «...В июне 1944 года я и мои родители, вместе с другими в числе 3.000 чел. мужчин, стариков, женщин и детей, эшеленом были привезены в лагерь Освенцим. При выгрузке всех стариков, матерей с маленькими детьми отделили от здоровых, отправили в крематорий и сожгли. Среди сожжённых был мой отец 52 лет и мать 48 лет. Из 3.000 чел. в лагерь направили не больше 350 чел.».

Свидетельница Шпетер Зиска показала: «...В феврале месяце 1943 года я прибыла из Франции в числе 1.100 чел. Из них в этот же день было отобрано 205 трудоспособных, которые были направлены в бараки, а остальных 895 чел. — стариков, женщин и детей — от-

вели в газовую камеру, где они были удушены газами».

Бывшая заключённая Кеппих Анна, венгерка из города Клуж, показала: «...Я прибыла в Освенцимский лагерь в июне месяце 1944 года в числе 3.000 венгерских заключённых, из них, по прибытии в лагерь, 500 чел. трудоспособных были оставлены в лагере для работы, а остальные 2.500 чел. направлены в газовую камеру для уничтожения».

Доктор медицины Пражского университета, профессор Бертольд Эпштейн рассказал комиссии: «...Отобранных заключённых направляли в газовые камеры для умерщвления. В течение нескольких месяцев мы видели длинные вереницы идущих на смерть в крематорий людей, особенно большие группы уничтожались в мае — июне — июле 1944 года. В это время в крематориях сжигали днём и ночью, что было видно по выступавшему из труб крематориев пламени. Нередко мы чувствовали запах горелого мяса, волос или ногтей. В это время мы, кроме огня из труб крематориев, видели два больших костра, которые ночью горели огромным пламенем. Всю ночь в лагере были слышны вопли и крики, а также лай караульных собак эсэсовцев. Несчастные жертвы, которых, вследствие переполнения крематориев, по очереди вели к кострам на смерть, при виде костров догадывались, какая участь их ожидала... Я знал, что и моих близких родственников постигла та же участь и что мне её также не избежать. Примерно каждые две недели врачом лагеря доктором Менгеле производился отбор, после чего отобранные жертвы направлялись в крематорий на уничтожение. Так в один из дней уничтожили 500 детей. При отправке этих детей разыгрались потрясающие сцены, так как уже все знали, куда их ведут. Эсэсовцы и их помощники при этом отличались особенной жестокостью... Когда мы прибыли в Освенцим, нас с женой разлучили, я её уже больше не видел. В последствии я узнал, что её в лагерь не приняли. Нет сомнения,

что мою жену убили обычным способом. В марте 1944 года эсэсовцы уничтожили так же мою свояченицу с двумя детьми и мою племянницу 38 лет. В июле 1944 года погибла так же моя сестра».

Лагери Освенцима — конвейеры смерти

Как установлено расследованием, в Освенцимских лагерях, кроме людей, предназначенных для опытов, постоянно содержалось около 200 тысяч узников для эксплуатации на самых изнурительных каторжных работах. На этих работах люди доводились до крайнего истощения, после чего, как негодные, истреблялись. Каждую неделю немецкие врачи производили среди заключённых отбор («селекцию»), в результате которого всех больных и потерявших трудоспособность умерщвляли в газовых камерах. Вместо них общий состав заключённых постоянно пополнялся отобранными из приходящих эшелонов. Это была организованная система страшного конвейера смерти: одни умерщвлялись, другие ставились на их место, беспощадной эксплуатацией доводились до истощения и болезней и в свою очередь направлялись в газовые камеры.

В 1941 году немцы близ Освенцима развернули строительство крупного военного химического завода И. Г. Фарбениндустри, а также военного завода взрывателей и запалов для бомб и снарядов. Строительство проводили фирмы Крупп, затем Унион и другие. Десятки тысяч освенцимских узников разных национальностей — русские, украинцы, белоруссы, поляки, французы, чехи, югославы, греки, бельгийцы, голландцы, итальянцы, изнемогая от свирепой эксплуатации, работали на этих строительствах, а также на осушке болот, в шахтах, на строительстве дорог.

От барачных концлагерей к местам работы было 7—8 километров. Эсэсовцы выстраивали людей в тысячные колонны и под вооружённой охраной, окружённых

надсмотрщиками с палками и собаками, гнали на работы. В процессе работ эсэсовцы, надсмотрщики и мастера зверски избивали каждого: одного за то, что разогнул спину, другого за то, что мало земли забрал лопатой, третьего за медленную работу, четвертого побоями заставляли возить тачку с породой бегом. Мастера приговаривали: «Фирма платит за тебя четыре марки, ты должен работать, как лошадь».

Тех, кто падал от изнеможения, здесь же на месте расстреливали. Места работ были одновременно местами массовых убийств заключённых. Убийства всячески поощрялись начальством. Оберштурмбанфюрер Либгеншель издал приказ о выплате эсэсовцам 60 марок за каждого убитого заключённого «при покушении последнего на побег». В погоне за этой премией охранники безнаказанно убивали людей.

Об истреблении заключённых на строительных участках Освенцима рассказал бывший заключённый бельгиец Штазмай Морис: «...В августе 1943 года я работал на площадке строительства завода И. Г. Фарбен-индустри. В один из дней эсэсовцы привели на эту площадку 400 заключённых, среди которых были югославы, греки, французы и бельгийцы, завели их в выкопанный ров и начали живыми закапывать. Погибающие на разных языках просили о помощи, а рядом эсэсовцы обращались к нам: «Смотрите да лучше работайте, а то и с вами будет то же». Спустя две недели нас перебросили подготовить площадку для одного из строений лагеря Аушвиц. Эсэсовец Лосман с группой других эсэсовцев отобрали из нас 30 чел., завели их в выкопанную яму и закопали по плечи. Затем сели на лошадей и начали скакать по площадке, задавив всех 30 человек».

Огромная площадь освенцимских болот стала могилой многих тысяч людей разных национальностей. Здесь работало свыше 300 команд — от 50 до 1 200 чел. в каждой. Бесчеловечные условия труда в болотах, во все времена года, избиения, убийства и насилия приво-

дили к тому, что никто из работавших не выживал больше 2—3 месяцев. Люди умерщвлялись на самих болотах или после потери трудоспособности их убивали вливаниями фенола в сердце, либо в газовых камерах.

60-летний инженер-мелиоратор из Венгрии Кениг Яков, работавший на болотах в качестве простого землекопа, показал: «...Я был в команде по осушке болот, в которой насчитывалось 400 чел... Надсмотрщики из числа немецких уголовников избивали людей палками и лопатами до потери сознания. В нашей команде работали мужчины и женщины всех возрастов. Много было людей интеллигентного труда — врачей, педагогов, профессоров. Из одной только Югославии простыми землекопами работали 14 инженеров».

Бывший заключённый, бельгиец Майзелье Симон, сообщил: «Из нашей команды в 1 200 чел. в течение 3 месяцев 1944 года ежедневно приносили по 100 и 200 трупов замученных на работе людей, вместо которых команды пополнялись новыми жертвами».

Особенно свирепствовали немецкие палачи над советскими пленниками, которые, как правило, по прибытии в лагерь сразу же уничтожались и только в виде исключения из них оставляли наиболее трудоспособных.

В канцелярии лагеря найден следующий приказ о советских гражданах:

«Ораниенбург, 15 ноября 1941 года

Секретно

РЕЙХСФЮРЕР СС
ИНСПЕКТОР КОНЦЛАГЕРЕЙ ПОЛИЦИЯ
(ОСВЕНЦИМ: 14 ф 14 л) ОТ

Касается: казни русских военнопленных.

Лагерным комендантом концентрационных лагерей.

Копии: лагерным врачам, лагерфюреру заключенных под надзором, управлениям.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции дал своё принципиальное согласие откладывать казнь для тех из общего количества русских военнопленных, направленных для казни в концлагери (особенно комиссаров), если они по своему физическому состоянию

способны работать на каменоломне. Для этого мероприятия необходимо получить согласие начальника полиции безопасности и полиции СД. Поэтому приказываю:

По прибытии эшелонов для казни в лагеря, физически здоровые русские, годные для работы на каменоломнях, отбираются начальником лагеря (Е) и главным лагерным врачом. Именной список отобранных русских в двух экземплярах должен быть нам направлен. На этом списке лагерный врач должен отметить, что не возражает против привлечения этих лиц на работы с медицинской точки зрения.

После получения согласия со стороны начальника полиции безопасности и полиции СД, пересылка соответствующих русских в каменоломни будет отсюда оформлена приказом.

Подпись Глюкс
фюрер бригады СС и генерал-майор».

На основании этого приказа часть советских пленников оставляли для самых тяжёлых изнурительных работ, при этом отношение к ним со стороны эсэсовцев и надсмотрщиков было наиболее жестоким и бесчеловечным.

Житель города Освенцим Гандзлик Мариан показал: «...Зимой 1941 года, в 35-градусные морозы, по дороге из лагеря Освенцим в село Бабице ежедневно в течение двух недель, как скот, гнали плетью и палками русских военнопленных. Многие из них были без шапок, в одних гимнастёрках, в одних кальсонах, с изорванной обувью. Вечером из села Бабице направлялось несколько подвод, полные трупами этих русских военнопленных. На каждой подводе наверху сидели по два-три их товарища, с обмороженными лицами, руками и ногами, до крайности измученные».

Гитлеровцы беспрестанно требовали от своих подчинённых новых и новых убийств. 14 февраля 1944 года начальник гарнизона Освенцим оберштурмбанфюрер Либегеншель издал приказ, в котором говорилось следующее:

«...Продолжительными личными наблюдениями я установил, что на всех рабочих местах, кроме военных заводов, работает слишком

много заключённых, рабочая сила которых не использована. Они лентяйничают... Мы знаем, что для повышения производительности труда заключённых необходимо усилить надзор со стороны младшего командного состава СС, но мы также знаем, что такого состава добавочного в нашем распоряжении нет, так как он или находится на фронте, или несёт службу на других важных участках. Мы сами себе поможем... Ясно, что тут следует действовать быстро, и я надеюсь, что каждый от себя сделает то, что необходимо...»

В результате этого приказа каждый вечер со всех концов Освенцимских лагерей — с заводов, из болот, из шахт — тянулись к баракам страшные процессии: окровавленные, измученные узники, окружённые эсэсовцами и надсмотрщиками с огромными сворами собак, несли на деревянных носилках трупы своих товарищей. Во время вечернего смотра заключённые становились в строй, перед ними в ряды складывались трупы замученных за день, и надсмотрщики докладывали начальникам о выполнении приказа Либегеншеля. Начальство благодарило тех из них, команды которых приносили наибольшее количество трупов. Здесь же перед строем били палками провинившихся заключённых.

К страшным условиям каторжной работы прибавлялись кошмарные условия жизни в бараках. В бараках, рассчитанных на 400—500 чел., немцы помещали по 1000—1500 заключённых. Голод, болезни, истязания, антисанитарные условия — всё создавалось с определённой, продуманной целью быстреего истребления заключённых.

Судебно-медицинская комиссия, освидетельствовав 2.819 спасённых Красной Армией узников Освенцима, установила, что 2.189 человек, или 91 %, больны от крайнего истощения и 223 человека больны туберкулёзом лёгких. Экспертизой также установлено, что немцы подвергали заключённых истязаниям, в результате которых у обследованных комиссией людей обнаружены переломы рёбер, конечностей, позвонков, костей лица, различные ранения, язвы, обморожения кистей и стоп.

Очень многие из освобождённых страдают тяжёлыми нервно-психическими заболеваниями.

Судебно-медицинской комиссией произведено вскрытие 536 трупов заключённых, найденных в разных местах на территории лагерей. Установлено, что в 474 случаях (88,3%) смерть последовала от истощения.

Убийцы детей

Сотни тысяч детей в возрасте от грудного ребёнка до 16 лет истребили гитлеровские изверги в Освенцимском лагере. Как правило, прибывавших в эшелонах детей немцы сразу же направляли в газовые камеры и там истребляли. Только небольшую часть здоровых подростков оставляли для лагерных работ.

Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуляли на тяжёлых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребёнка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключённый Гордон Яков, врач из города Вильнюс, показал: «...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключённая Бакаш Вельдтраут, из города Дюссельдорф (Германия), показала: «В 1943 году, в то время, когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Вот что рассказывают сами дети, спасённые Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Мальчик Мудианов Самий, 1930 года рождения, житель города Род (Италия): «...Нас, детей, заставляли работать по 15—20 человек — на лямках возить гружёные повозки с разным грузом, но больше отвозили трупы

умерших к специальному блоку, где они складывались и оттуда увозились в крематорий. Работали мы с 4 часов утра до вечера. В конце октября 1944 года производивший проверку немец дал нам «кару» за то, что не было чисто в блоке. Нас 150 чел. построили на улице около блока и отвели в купальню, где раздели донага, облили холодной водой, голых повели по улице в свой блок, после чего многие из детей заболели».

9-летний мальчик Леринциакош Андраш, уроженец города Клез (Венгрия), показал: «...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре месяце 1944 года всех детей переводили в лагерь «А», в «Цыганский» лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и её помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...»

Детей, родившихся в лагере, эсэсовцы отбирали от матерей и умерщвляли. При выявлении у прибывших женщин беременности, их немедленно выделяли в особый барак, где вызывали у них преждевременные роды. В случае сопротивления беременных женщин направляли в газовую камеру.

Бывшая заключённая Флякс София Исааковна, из города Краков, показала: «...У многих женщин, прибывших в августе 1944 года в лагерь, имелись дети в возрасте от 5 до 12 лет. Все они, по прибытии в лагерь, вместе с матерями были отправлены в крематорий. Я прибыла с семимесячной беременностью. При осмотре врач СС Кениг обнаружил у меня беременность и направил в барак В-3 (Биркенау). Там было 65 таких же женщин. Через 3 дня мне сделали укол в область бедра с целью вызвать преждевременные роды. Такие уколы проделывали четыре дня. На пятый день я родила ребёнка, которого у меня забрали. В бараке за моё пребы-

вание таких случаев я видела 14. Новорождённые или преждевременно рождённые увозились неизвестно куда».

Среди освидетельствованных врачами освобождённых узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до 8 лет — 52 чел., от 8 до 15—128 чел. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, т. е. находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребёнка больны лёгочно-желёзистым туберкулёзом, 49 детей — алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребёнок имеет обморожения и т. д.

Уничтожение интеллигенции

В Освенцимском лагере немцы уничтожили десятки тысяч видных учёных и представителей интеллигенции разных стран.

Фудри Андрэ, уроженец города Сомот Дипуэн, рассказал комиссии следующее: «...Из 600 французов, прибывших в лагерь вместе со мной, через несколько месяцев большинство погибло. Среди них: экономист Бюро Эмиль, профессор лицей гор. Компьен Жаан, депутат департамента Лоди Гарон Филиппо, бургомистр гор. Вильвифе Лебигу, педагоги — Годо и Бру, инженер-архитектор Молине и др.».

Профессор Клермон-ферранского университета Лимузен Анри сообщил: «...В ноябре 1944 года меня из лагеря в Дахау отправили в Освенцим, как специалиста по патологии. Здесь я пробыл приблизительно месяц в карантинном блоке, где должен был чистить уборные, полы и носить обеды тем заключённым, которые находились в тюрьме».

В Освенцимском лагере были убиты: известный голландский профессор-экономист Фрейда, доктор Лавослав,

инженер Кимар, доктор-инженер Эндоклян — из Югославии, польский инженер Висневский, магистр фармации гор. Варшавы Тайхерт, польские профессора: Гешчикевич и Рюбарский, чехословацкие профессора: невропатолог Отто Ситик, психиатр Лео Таусик, хирург Ян Левит, знаменитый адвокат из Вены Краус, генерал-врач французской армии, доктор Жоб и многие, многие другие. Все они были замучены на непосильных работах или задушены в газовых камерах.

В Чрезвычайную Государственную Комиссию поступило «Обращение к международной общественности» на трёх языках — немецком, венгерском и французском, — за подписями 27 бывших заключённых Освенцимского лагеря — профессоров, докторов, инженеров, адвокатов, студентов и других представителей интеллигенции разных стран. Обращение начинается следующими словами: «Мы, нижеподписавшиеся, освобождённые великой Красной Армией от кровавого нацистского господства, обвиняем перед международной общественностью германское правительство под руководством Адольфа Гитлера в проведении величайших в истории человечества массовых убийств, зверств и увода в немецкое рабство...»

Кончается это «Обращение» следующими словами: «Мы обращаемся к международной общественности с просьбой выяснить судьбу миллионов исчезнувших людей всех национальностей и принять все меры для спасения миллионов заключённых всех народов, ещё томящихся в гитлеровской Германии. Чудом спаслись мы во время отступления нацистов из лагеря Освенцима. Хотя гитлеровцы отступали в панике, они увели с собой около 58 тысяч заключённых из лагеря Освенцима и филиалов. Люди эти, истощённые от голода, должны были идти пешком, но вряд ли большинство из них могло пройти больше, чем несколько километров. Мы полагаем, что при дальнейшем продвижении фронта в глубь Германии та же судьба ожидает всех людей, ещё находящихся во

власти кровавых нацистов. Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к международной общественности воюющих и нейтральных государств и к их правительствам и во имя гуманности просим сделать всё возможное, чтобы зверства и преступления нацистов в будущем не повторялись, чтобы кровь миллионов невинных жертв не была пролита напрасно.

Мы просим, и вместе с нами просят около 10 тысяч спасённых заключённых всех национальностей, чтобы преступления и невероятные зверства гитлеровцев не остались безнаказанными.

Спасённые бывшие заключённые обязаны своей жизнью доблестной Красной Армии и просят международную общественность и все правительства принять это к сведению и выразить благодарность от нашего имени...»

Гитлеровцы — грабители

В Освенцимском лагере гитлеровцы разоблачили себя перед всем миром не только как кровавые убийцы беззащитных людей, но и как жадные грабители своих жертв. Миллионы людей, привозимых из разных стран в концлагерь Освенцима, в первый же час их пребывания подвергались организованному ограблению. Все вещи: чемоданы, одежда, постельные принадлежности, вплоть до нательного белья и обуви, забирались эсэсовцами в специально построенные и оборудованные склады и направлялись в Германию. Часть трудоспособных людей, которая оставалась на каторжных работах, вместо своих вещей получала арестантскую полосатую одежду.

На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с

Осмотром вещей, обнаруженных в складах, комиссия установила, что все они принадлежали замученным и убитым людям различных национальностей. На одежде, обуви и других вещах обнаружены фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других государств. На чемоданах сохранились ярлыки различных гостиниц европейских городов.

Всего 514843 комплекта

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря 7 марта 1945 года комиссией были обнаружены 293 тюка запак-
ванных женских волос общим весом 7 тысяч килограм-
мов. Экспертная комиссия установила, что волосы сре-
заны со 140 тысяч женщин.

Гитлеровские бандиты убили в Освенциме более 4 миллионов человек

Тщательно заматая следы своих чудовищных престу-
плений в Освенциме, немцы перед своим отступлением
старательно уничтожали все документы, могущие пока-
зать всему миру точное количество людей, уничтоженных
ими в Освенцимском лагере. Но сооружённая немцами в
лагере мощная техника человекоубийства, показания
освобождённых Красной Армией узников Освенцима,
показания 200 опрошенных свидетелей, отдельные най-
денные документы и другие вещественные доказы-
тельства достаточно изобличают немецких палачей в том,
что в Освенциме ими уничтожены, отравлены и сож-
жены миллионы людей. Только по пяти крематориям
(52 реторты) за время их существования немцы могли
уничтожить:

Номера крематори- ев	Продолжительность существования крематория (в месяцах)	Пропускная способ- ность крематория по сжиганию трупов (в один месяц)	Пропускная способ- ность за весь период существования
№ 1	24	9 000	216 000
№ 2	19	90 000	1 710 000
№ 3	18	90 000	1 620 000
№ 4	17	45 000	765 000
№ 5	18	45 000	810 000
Всего . . .		279 000	5 121 000

Учитывая применение немцами в широких масштабах костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружений для убийства людей в Освенциме должна быть значительно повышена.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нём не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран.

К суровому ответу немецко-фашистских мерзавцев!

Чудовищные преступления, совершённые немцами в концлагерях Освенцима, проводились по директивам гитлеровского правительства и под руководством палача рейхсфюрера СС и полиции Гиммлера. Непосредственными исполнителями злодеяний являлись: начальник лагерей Германии генерал-лейтенант СС и полиции Глюкс, начальник Главного Санитарного Управления концлагерей генерал СС и полиции Польш, начальник строительства концлагерей генерал-майор СС Каммлер, представитель фирмы «Топф и сыновья» старший инженер Прюфер, начальники лагерей: обер-штурмфюрер Поллячек, штурмбанфюреры Гесс, Бер и Шварц; коменданты лагерей: оберштурмбанфюрер Либегеншель (он же начальник гарнизона), штурмбанфюрер Краус, гауптштурмфюрер Аумеер, оберштурмфюрер Гофман, оберштурмфюрер Гесслер, оберштурмфюрер Иостен, оберштурмфюрер Шварцубер; начальники крематориев Освенцима: обершарфюрер Молль, обершарфюрер Бо-гер, унтершарфюрер Шетер, ротенфюрер Шульц; начальник рабочих команд оберштурмфюрер Селл; начальник строительного бюро штурмбанфюрер Бишоф;

унтершарфюрер Шумахер, обершарфюрер Клерман, унтершарфюрер Лахман, обершарфюрер Эмерих, унтершарфюрер Штибиц, обершарфюрер Клаузен, обершарфюрер Хартвик, унтершарфюрер Кадук, обершарфюрер Палич, оберштурмфюрер СС Зоммер; врачи лагеря: руководитель отдела испытаний, майор — доктор Шмит, оберштурмфюрер — доктор Менгеле, унтерштурмфюрер Кениг, ротенфюрер Роде, оберштурмфюрер — доктор Фишер, оберштурмфюрер — доктор Клейн, доктор Деринг, гауптштурмфюрер — доктор Вирц, оберштурмфюрер — доктор Тилло, штурмбанфюрер — доктор Клауберг, профессор Шуман, доктор Вабер, оберфельдфебель Эмиль Кошуб, оберштурмфюрер Эндрес, гауптштурмфюрер — доктор Геотмерман, гауптштурмфюрер — доктор Китт, гауптштурмфюрер — доктор Горстман, гауптштурмфюрер — доктор Краус.

Все они так же, как и все те немцы, которые принимали личное участие в убийстве и истязаниях узников Освенцима, должны предстать перед судом народов и понести заслуженную суровую кару.

Опубликовано в газете «Правда» № 109
от 7 мая 1945 года на основании Постановления
Чрезвычайной Государственной Комиссии
от 6 мая 1945 года, Протокол № 56.

О МАТЕРИАЛЬНОМ УЩЕРБЕ, ПРИЧИНЁННОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ГРАЖДАНАМ СССР

Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года Чрезвычайная Государственная Комиссия произвела учёт ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, и установила, что на территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации, враг причинил огромный ущерб народному хозяйству и населению.

Немецкие армии и оккупационные власти, выполняя директивы преступного гитлеровского правительства и верховного военного командования, разрушали и грабили захваченные ими советские города и сёла, промышленные предприятия и колхозы, разрушали памятники искусства, уничтожали, расхищали и вывозили в Германию оборудование, запасы сырья, материалов и готовой продукции, художественные и исторические ценности, производили всеобщее ограбление городского и сельского населения.

На территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации, проживало до войны 88 миллионов человек, валовой выпуск промышленной продукции составлял 46 миллиардов рублей (в неизменных государственных ценах 1926—27 гг.), было 109 миллионов голов скота, в том числе 31 миллион голов крупного рогатого скота и 12 миллионов лошадей, 71 миллион гектаров посевов сельскохозяйственных культур, 122 тысячи километров железнодорожной колеи.

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1.710 городов и более 70 тысяч сёл и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов — крупнейшие промышленные и культурные центры: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орёл, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 31.850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих; уничтожили или вывезли 239 тысяч электромоторов, 175 тысяч металлорежущих станков.

Разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи, 4.100 железнодорожных станций, 36 тысяч почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи.

Уничтожили или разгромили 40 тысяч больниц и других лечебных учреждений, 84 тысячи школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тысячи библиотек общественного пользования.

Разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, 1.876 совхозов и 2.890 машинно-тракторных станций; зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов голов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы.

Преступные действия немецких военных и гражданских властей неопровержимо доказаны и описаны в тех миллионах актов об ущербе, причинённом немецко-фашистскими захватчиками гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям, которые к настоящему времени уже поступили в Чрезвычайную Государственную Комиссию. К составлению актов и установлению ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками, было привлечено огромное количество представителей советской общественности. В работе по составлению актов приняли участие свыше 7 миллионов человек рабочих, колхозников, инженеров, техников, людей науки и других общественных деятелей.

На основании этих актов Чрезвычайная Государственная Комиссия определила ущерб, причинённый народному хозяйству СССР и отдельным сельским и городским жителям в сумме 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941 года, из них:

1. Государственным предприятиям и учреждениям	287	миллиардов	рублей
2. Колхозам	181	»	»
3. Сельским и городским жителям	192	»	»
4. Кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям	19	»	»

По союзным республикам ущерб распределяется следующим образом:

1. Российской СФСР	249	миллиардов	рублей
2. Украинской ССР	285	»	»
3. Белорусской ССР	75	»	»
4. Латвийской ССР	20	»	»
5. Литовской ССР	17	»	»
6. Эстонской ССР	16	»	»
7. Молдавской ССР	11	»	»
8. Карело-Финской ССР	6	»	»

Приведённые цифры далеко не исчерпывают всего ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками Советскому Союзу. Они охватывают только потери от прямого уничтожения имущества

граждан, колхозов, общественных организаций, государственных предприятий и учреждений.

В сумму ущерба не включены такие потери, как снижение народного дохода от прекращения или сокращения работы государственных предприятий, колхозов и граждан, стоимость конфискованного германскими оккупационными войсками продовольствия и снабжения, военные расходы СССР, а также потери от замедления темпов общего хозяйственного развития страны в результате действий врага на протяжении 1941—1945 годов.

В сумму ущерба не включены неоценимые потери нашего народа, которые связаны с гибелью миллионов советских людей, истреблённых немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной ими советской территории.

Разрушение промышленности, транспорта и связи

Гитлеровское правительство и германский генеральный штаб ещё до начала войны разработали подробный план нападения и разгрома Советского Союза, а также организованного ограбления его народного хозяйства.

В секретном немецком документе «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» (Берлин, июнь 1941 года), подписанном «рейхсмаршалом германской империи» Герингом, были даны детальные указания германской армии и немецким хозяйственным учреждениям о порядке планомерного расхищения имущества Советского Союза и вывоза в Германию промышленного оборудования, сырья, готовой продукции и полуфабрикатов.

Эти пресловутые «директивы» в дальнейшем дополнялись и уточнялись многочисленными инструкциями и распоряжениями различных государственных и военных инстанций. В качестве примера можно привести следующий приказ того же Геринга:

РЕЙХСМАРШАЛ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ЧЕТЫРЁХЛЕТНЕМУ ПЛАНУ.

ШТАБ ПО РУКОВОДСТВУ
ХОЗЯЙСТВОМ НА ВОСТОКЕ.

У. Р. 110[83]1

Берлин, 6 сентября

1941 г.

Лейпцигерштрассе, 3.

...Хозяйственный штаб Востока (Виртшафтсштаб ОСТ) несёт ответственность передо мной за захват и вывоз запасов сырья из областей с военными органами власти. Также и в областях с гражданскими органами власти (как я уже отдал распоряжение в моём приказе от 18 июня 1941 г. У. Р. — 11604).

3. ...назначаю генерал-лейтенанта Виттинга генеральным инспектором по захвату и использованию сырья в оккупированных Восточных областях.

Область деятельности генерального инспектора распространяется на все оккупированные области Советского Союза, независимо от того, существуют ли там военные или гражданские органы власти...

(Подпись) Геринг»

Выполнение этого преступного плана ограбления народного хозяйства Советского Союза гитлеровским правительством было возложено на рейхсминистра СС (гитлеровских штурмовых отрядов), на имперских министров и представителей немецких фирм, которым были подчинены различного рода хозяйственные группы, технические батальоны, экономические штабы и хозяйственные инспекции. Особенно активно расхищали имущество Советского Союза немецкие фирмы: «Фридрих Крупп и К°», «Герман Геринг», «Сименс Шуккерт», Горнометаллургическое общество «Восток», Акционерное общество группа «Север», «Генрих Ланц», «Ландмашиненбауиндустри», «И. Г. Фарбениндустри» и многие другие.

Стремясь в полной мере осуществить свой преступный план ограбления промышленности Советского Союза, гитлеровское правительство и военное командование не останавливались перед беспощадным уничтожением шахт, нефтеносных скважин, заводов, машин и всего про-

мышленного оборудования в тех случаях, когда немецкие войска вынуждены были отступать под ударами Красной Армии и не имели возможности увезти с собой это оборудование с оставляемой ими территории. Уничтожение и разрушение заводов, машин, станков, шахт и нефтеносных скважин в таких случаях принимали массовый характер и причинили громадные потери советскому народному хозяйству. От такой преступной деятельности немецко-фашистских орд наибольшие потери понесли следующие отрасли советской промышленности.

Угольная промышленность. В Донецком и Подмосковном угольных бассейнах немецко-фашистские захватчики разрушили 1.135 шахт, на которых было занято 337 тысяч рабочих и добывалось свыше 100 миллионов тонн угля в год. Они разграбили и вывезли в Германию: 2.400 рудничных электровозов и мотовозов, 2.700 врубовых машин, 15 тысяч отбойных молотков, 5 тысяч насосов, 2.800 компрессоров и вентиляторов, 160 тысяч вагонеток; разрушили и разграбили электрические станции, обслуживающие угольные шахты.

Нефтяная промышленность. Фашистская Германия придавала исключительно важное значение захвату нефтяных районов Советского Союза. В вышецитированных «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» указывалось:

«3. б) В промышленном сырье главным продуктом является нефть. Среди мероприятий, не относящихся к продовольственному снабжению, все вопросы, связанные с добычей и вывозом нефти, должны при всех случаях стоять на первом месте».

Во исполнение этих указаний германские армии прилагали все усилия к захвату нефтеносных районов Кавказа.

Вместе с тем, во всех случаях, когда немецким фашистским оккупантам не удавалось закрепиться в захваченных ими нефтяных районах и когда они вынуждены были

оставлять эти районы, они не останавливались перед разрушением и уничтожением нефтяных скважин, оборудования, мастерских, складов и т. п.

На нефтяных промыслах Грозного и в Краснодарском крае немецко-фашистские захватчики с помощью воздушных бомбардировок и иными способами разрушили и уничтожили свыше 3 тысяч нефтяных скважин с добычей до 5 миллионов тонн нефти в год.

Они взорвали в Грозном атмосферно-вакуумную установку с годовой производительностью 660 тысяч тонн нефтепродуктов и крекинг-установку с годовой переработкой 227 тысяч тонн нефти, а также Одесский и Харьковский крекинговые заводы; разрушили Краснодарский нефтеперегонный завод; вывели из строя керосинопровод «Грозный—Трудовая» и уничтожили металлические резервуары ёмкостью свыше 2 миллионов кубометров на 720 нефтяных базах.

Электростанции. За время оккупации и особенно при своём отступлении, немцы разрушили мощные энергосистемы Днепра, Донбасса, Ленинграда, Харькова, Краснодарского края, Киева, Воронежа, Крыма, Белорусской ССР и Кольского полуострова, а наиболее ценное оборудование электрических станций вывезли в Германию.

Они взорвали, сожгли и частично разрушили 61 крупнейшую и большое количество мелких электрических станций, с общей мощностью около 5 миллионов киловатт, вывели из строя около 10 тысяч километров магистральных высоковольтных линий электропередач, уничтожили более 12 тысяч зданий электростанций и подстанций и вывезли в Германию 14 тысяч паровых котлов, 1.400 турбин, 11.300 электрогенераторов.

Чёрная и цветная металлургия. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 37 заводов чёрной металлургии, на которых работало 168 тысяч человек. На этих заводах ежегодно производилось 11 миллионов тонн чугуна, 10 миллионов тонн

стали, 8 миллионов тонн проката. Немцы уничтожили и частично разрушили 62 домны, 213 мартеновских печей, 248 прокатных станов, 4.740 коксовых печей с годовой производительностью в 19 миллионов тонн кокса. Они уничтожили 29 заводов огнеупорных изделий и 18 рудных предприятий с годовой добычей свыше 20 миллионов тонн железной руды. В числе разрушенных заводов находятся: «Запорожсталь» с 12 тысячами рабочих, Мариупольский завод с 26 тысячами рабочих, «Азовсталь» с 9 тысячами рабочих, Макеевский завод имени Кирова с 18 тысячами рабочих, «Красный Октябрь» с 13 тысячами рабочих, Криворожский коксохимический с 2 тысячами рабочих, Мариупольский коксохимический с 3 тысячами рабочих, Семилукский огнеупорный с 2 тысячами рабочих, Часов-Ярские огнеупорные с 6 тысячами рабочих.

Немецко-фашистские захватчики разрушили и вывели из строя 12 крупнейших предприятий цветной металлургии, в том числе: Днепровские — алюминиевый, магниевый и электродный заводы, Тихвинские — глинозёмный завод и бокситовые рудники.

Химическая промышленность. Немцы разрушили 66 азотно-туковых и химических заводов, выпускавших химические продукты и туковые удобрения для сельского хозяйства, а также комбинаты по выработке каучука, резиновых и асбестовых изделий, в том числе: Сталиногорский и Рубежанский химкомбинаты, Константиновский, Перекопский, Сакский и Харьковский химические заводы; Днепродзержинский, Горловский, Лисичанский, Сталинский азотно-туковые заводы; Одесский, Винницкий суперфосфатные заводы.

Машиностроение. Огромный ущерб немецко-фашистские захватчики нанесли машиностроительной промышленности.

Они разрушили 749 заводов тяжёлого и среднего машиностроения, на которых было занято 919 тысяч рабочих, инженеров, техников и служащих. Особенно пострадали крупнейшие заводы: Краматорский

с 25 тысячами рабочих, Ворошиловградский с 23 тысячами рабочих, Бежецкий с 20 тысячами рабочих, Харьковский с 5 тысячами рабочих, Таганрогский с 4 тысячами рабочих, Людиновский с 6 тысячами рабочих, Ленинградский «Русский дизель» с 3 тысячами рабочих.

Большой ущерб гитлеровцы причинили предприятиям, производящим тракторы, автомобили, железнодорожные вагоны, мотоциклы, велосипеды. Они полностью уничтожили 21 и частично разрушили 27 таких заводов; в частности, превратили в груды развалин крупнейшие Сталинградский и Харьковский тракторные заводы; разрушили Харьковский, Гомельский, Ростовский ремонтно-подшипниковые заводы; Калининский, Крюковский и Бежецкий вагоностроительные заводы с общим годовым выпуском 23 тысячи товарных вагонов; уничтожили Лодейнопольский и Бельский заводы автоприцепов, Харьковский велосипедный и Ленинградский мотоциклетный заводы.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 64 станкостроительных и абразивных завода, в том числе: Харьковский, Краматорский, Краснодарский, Киевский, Одесский, Минский, Ленинградский и другие.

Они полностью уничтожили 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения и среди них заводы: имени Коминтерна, «Красный Аксай», «Ростсельмаш», «Коммунар», «Большевик», «Красная звезда», «Серп и Молот», «Октябрьская Революция».

Заводам электротехнической промышленности, выпускавшим электрогенераторы, электромоторы, трансформаторы, электровозы и другое оборудование, немцы причинили большой ущерб. Они разрушили 41 завод, в том числе: Харьковский электромеханический (ХЭМЗ) и Ленинградские — «Электросила», «Электропровод», «Красная заря».

С заводов машиностроительной промышленности немецкие фирмы вывезли в Германию: 47 тысяч комплек-

тов подъёмного оборудования, 34 тысячи молотов с механическим приводом, прессов и другое кузнечно-прессовое и литейное оборудование.

Лесная и бумажная промышленность. Немецко-фашистские захватчики разрушили большое число лесозаготовительных предприятий с годовой производительностью в 64 миллиона кубических метров древесины, 260 лесопильных и деревообрабатывающих предприятий производительностью в 12 миллионов кубических метров пиломатериалов в год, 28 фанерных заводов с выпуском 380 тысяч кубических метров фанеры в год.

Они уничтожили также 14 спичечных фабрик с годовым выпуском около 4 миллионов ящиков спичек и 77 бумажно-целлюлозных предприятий с годовой производительностью в 300 тысяч тонн бумаги.

Текстильная и лёгкая промышленность. В текстильной и лёгкой промышленности оккупанты разрушили 120 фабрик хлопчатобумажных тканей, 75 трикотажно-текстильных, 69 льняных, 125 пенькоджутовых, 36 фабрик шерсти, 12 меховых, 8 искусственного волокна, 160 предприятий кожевенно-обувной промышленности, свыше 100 стекольных заводов.

В результате разрушений текстильная промышленность лишилась 3 миллионов прядильных веретён и свыше 45 тысяч ткацких станков.

Пищевая и мясо-молочная промышленность. В пищевой и мясо-молочной промышленности немецко-фашистские захватчики полностью уничтожили и разрушили 204 сахарных, 649 спирто-водочных заводов, 47 консервных, 29 масложировых заводов, 43 табачных фабрики и ферментационных заводов, 157 хлебопекарен, 4.490 мясоколбасных, сыромолочных и маслодельных предприятий.

Промышленность строительных материалов. В промышленности строительных материалов немецко-фашистские захватчики разрушили 409 предприятий. В том числе полностью уничтожены крупнейшие

цементные заводы: Енакиевский, Кричевский, Брянский и Новороссийские — «Пролетарий» и «Октябрь».

Т р а н с п о р т. В период оккупации части территории Советского Союза и в особенности при своём отступлении немецко-фашистские захватчики причинили большой ущерб железным дорогам, водному и речному транспорту.

Специальными путеразрушительными машинами они вывели из строя 26 и частично повредили 8 магистральных железных дорог, разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи и 500 тысяч километrov автоблокировки и линий железнодорожной связи. Они взорвали 13 тысяч железнодорожных мостов общей протяжённостью около 300 километров, 4.100 станций, 1.200 насосных станций, 1.600 водонапорных башен, 3.200 гидроколонок. Они уничтожили 317 паровозных депо и 129 паровозоремонтных и вагоноремонтных заводов, а также заводов железнодорожного машиностроения.

Они разрушили, повредили и увезли 15.800 паровозов и мотовозов и 428 тысяч вагонов.

Враги причинили большой ущерб сооружениям, предприятиям, учреждениям и судам морского транспорта Северного Ледовитого океана, Белого, Балтийского, Чёрного и Каспийского морей. Они потопили и частично повредили свыше 1.400 пассажирских, грузовых и специальных судов.

Сильно пострадали оснащённые передовой техникой морские порты — Севастопольский, Мариупольский, Керченский, Новороссийский, Одесский, Николаевский, Ленинградский, Мурманский, Лепая, Таллинский и другие.

Оккупанты потопили и захватили 4.280 пассажирских, грузовых и буксирных пароходов речного транспорта и технического служебно-вспомогательного флота, 4.029 несамоходных судов; разрушили 479 портово-пристанских хозяйств, в том числе Ленинградский, Сталинградский, Киевский порты; сооружения Беломорско-Бал-

тийского канала и канала Москва — Волга; 89 судостроительных верфей, механических заводов и предприятий.

Отступая под натиском Красной Армии, немецкие войска подорвали и разрушили 91 тыс. клм. шоссе и 90 тысяч дорожных мостов общей протяжённостью 930 километров.

Разрушение колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций

Немецко-фашистские захватчики по заранее разработанному плану проводили на оккупированной территории Советского Союза политику уничтожения колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций.

Для управления сельским хозяйством в так называемых «восточных областях» немецким правительством были созданы специальные отделы, руководство которыми было поручено рейхсминистру земледелия Дарре, рейхскомиссару Эрих Кох, рейхскомиссару «Остланд» Лозе.

Гитлеровский министр земледелия Дарре с циничной откровенностью заявил: «На всём восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, населённая чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных слуг и промышленных работников».

На занятой территории СССР немецкие захватчики отбирали землю, переданную советским государством в вечное и бесплатное пользование колхозам или принадлежавшую совхозам, и раздавали её немецким генералам и офицерам, помещикам и кулакам.

Так, например, совхоз «Металлист» Амвросиевского района Сталинской области был передан комендантам Боссе и Гамблех, конезавод № 72 Олыкского района Волынской области передан барону фон Пепке и Ришарду Тимлер, совхоз имени Фрунзе в Чистяковском районе

Сталинской области передан комендантам Баэр, Айгоф и Зельде, колхозы — имени Ильича и имени Политотдела со всеми постройками, скотом и инвентарём были переданы комендантам Вельке и Крайеру. Число подобных примеров можно во много раз увеличить.

На основании «Земельного закона», изданного в конце февраля 1942 года имперским министром оккупированных восточных областей Альфредом Розенбергом, немецко-фашистские захватчики вместо колхозов на оккупированной территории стали создавать так называемые «общинные хозяйства», являвшиеся наиболее удобной формой для ограбления крестьян. В «общинных хозяйствах» они вводили крепостнический труд, принуждая колхозников работать бесплатно на немецких господ. За отказ или невыход на работу немцы объявляли каждого преступником против германского государства и подвергали побоям, тюремному заключению или расстрелу.

Колхозные крестьяне оказывали сопротивление осуществлению этой фашистской «земельной реформы». В ответ немецкие захватчики выжигали целые деревни, уничтожали посевы, в самых широких размерах применяли кровавые расправы с населением, истребляли ни в чём не повинных советских людей.

Так, например, в Псковской области немецкие солдаты согнали жителей деревень Замошье, Красуха, Чухонские Заходцы, Ланева Гора, Голованово в несколько домов, закрыли двери и сожгли дома вместе с людьми. Тех, кто пытался выскочить из огня, они расстреливали из автоматов. Так погибли 350 человек, среди них женщины, дети и старики. Подобным же образом в Псковской области было уничтожено свыше 500 сёл и деревень.

В Калининской области гитлеровцы сожгли и уничтожили все населённые пункты в Митьковском, Коростельском, Крятинском, Антоновском, Раменском, Зеленинском, Павловском, Гришенском сельсоветах Ржев-

ского района. В Емельяновском районе они сожгли около 80 процентов, в Тургиновском 60 процентов домов. В Погорельском районе из 7 тысяч домов, принадлежавших колхозникам, сожгли свыше 5 тысяч домов.

Сжигая сёла и деревни, немецкие фашисты производили всеобщее ограбление граждан этих деревень. Крестьян, сопротивлявшихся ограблению, они зверски убивали.

В деревне Еремкино Высоковского района колхозница Перлова пыталась скрыть от фашистов свою последнюю корову. Разозлённые гитлеровцы выкололи Перловой глаза, отрезали нос, отрубили руки.

В Рогачевском районе той же области не осталось ни одной деревни, ни одного посёлка, где бы оккупанты не производили ограбления колхозников и жестокой расправы с ними. Отдельные деревни подвергались полному уничтожению. Так, были разграблены и сожжены дотла деревни: Селец, Фалеево, Мортково, Толчково.

В Каменец-Подольской области немецкие захватчики сожгли 33 села и 530 населённых пунктов. В 1.600 колхозах они уничтожили более 16 тысяч колхозных строений; зарезали или угнали в Германию 176 тысяч голов крупного рогатого скота, 235 тысяч свиней, 158 тысяч овец и коз, 687 тысяч голов разной птицы, 198 тысяч лошадей, отняли у колхозов 142 тысячи тонн зерна и муки.

В Курской области немцы разрушили 5.220 колхозов; сожгли и уничтожили в них 80 тысяч строений; отобрали 280 тысяч голов крупного рогатого скота, 320 тысяч лошадей, 250 тысяч свиней, 420 тысяч овец и коз, зарезали 1.300 тысяч голов разной домашней птицы.

В колхозе имени Будённого, Ставропольского края, немецко-фашистские захватчики разрушили и повредили все сельскохозяйственные постройки и сооружения, разграбили или поломали сельскохозяйственный инвентарь, уничтожили посевы. Они угнали из колхоза 160 лошадей, 200 голов крупного рогатого скота, 270 свиней, уничтожили 16 гектаров тутовых насаждений, 5 гектаров фрук-

товых садов и 12 гектаров виноградников, причинив колхозу ущерб в сумме 15 миллионов рублей.

Колхозу «За мир и труд» Краснодарского края оккупанты причинили ущерб в сумме 18 миллионов рублей. Они разрушили и уничтожили в колхозе 70 построек, угнали 70 голов крупного рогатого скота, 340 свиней, 240 лошадей, отобрали и вывезли 2 тысячи тонн зерна, 140 тонн подсолнуха и т. д.

В колхозе «За темпы» Сталинской области, по распоряжению коменданта города Лиман Пекка, немецкий офицер Шварц, возглавлявший специальный отряд, отобрал у колхоза 450 голов крупного рогатого скота, 205 свиней, 350 овец, 208 лошадей.

В октябре 1943 года перед отступлением немцев под натиском Красной Армии отряд СС по распоряжению немецкого сельскохозяйственного коменданта Ганненкампа поджёг все строения колхоза имени «Ильича» Киевской области и уничтожил запасы сельскохозяйственных продуктов, скот, сельскохозяйственные орудия, причинив колхозу ущерб в сумме свыше 4 миллионов рублей.

В Могилёвской области Белорусской ССР немецко-фашистские захватчики разрушили 2.100 колхозов, уничтожили в них около 40 тысяч строений.

В Житомирской области оккупанты отобрали в 1.920 колхозах свыше 240 тысяч голов крупного рогатого скота, 195 тысяч лошадей, 200 тысяч свиней, 230 тысяч овец и коз, 460 тысяч голов разной птицы, 55 тысяч тонн зерна; разрушили и уничтожили свыше 20 тысяч колхозных строений.

Подобные разрушения и ограбления колхозов немецко-фашистские захватчики производили повсеместно на оккупированной территории СССР. Они уничтожали постройки, сжигали и травили посевы, вырубали сады; грабили и увозили в Германию скот, запасы продуктов и всякое иное колхозное имущество.

Немецко-фашистские захватчики причинили огромный ущерб совхозам СССР. Они вывезли из них запасы

сельскохозяйственной продукции, разрушили хозяйственные и другие совхозные постройки.

В период оккупации части территории Советского Союза особенно пострадал зерносовхоз «Гигант» Ростовской области, располагавший 28 тысячами гектаров уборочной площади и широко развитым животноводством.

Немцы причинили большой ущерб семеноводческому совхозу «Кубань», Краснодарского края, с уборочной площадью в 10 тысяч гектаров.

Конный завод № 62 Полтавской области в результате немецкой оккупации лишился племенного маточного поголовья русско-американских рысаков. До войны в этом конном заводе было 670 племенных лошадей. Так немцы поступили и с другими племенными совхозами.

В зерновых и животноводческих совхозах немцы истребили или угнали более 180 тысяч голов крупного рогатого скота, 290 тысяч свиней, 680 тысяч овец, 57 тысяч лошадей, уничтожили более одного миллиона двести тысяч гектаров посевов всех культур.

Разрушая колхозы и совхозы, немецко-фашистские захватчики уничтожали также их техническую базу — машинно-тракторные станции.

В оккупированных областях РСФСР они уничтожили свыше 1.000 машинно-тракторных станций, разрушили или вывезли из них 46 тысяч тракторов, 18 тысяч комбайнов, 23 тысячи сеялок. На Украине немцы уничтожили, разрушили и сожгли 1.300 машинно-тракторных станций и вывезли из них 56 тысяч тракторов и 24 тысячи комбайнов. В Беллорусской ССР они полностью уничтожили 316 машинно-тракторных станций, из которых вывезли в Германию 8 тысяч тракторов, одну тысячу комбайнов и другие машины и сельскохозяйственные орудия.

В Латвийской, Литовской, Эстонской республиках немецкие захватчики уничтожили полностью все машинно-тракторные станции.

Во всех колхозах, совхозах и машинно-тракторных станциях оккупанты разрушили, захватили и вывезли в Германию 137 тысяч тракторов, 49 тысяч комбайнов, около 4 миллионов плугов, борон и других почвообрабатывающих сельскохозяйственных орудий, 265 тысяч посевных и посадочных машин и 885 тысяч уборочных и сортировочных машин.

Разрушая колхозы, совхозы и машинно-тракторные станции, гитлеровцы уничтожали также научно-производственную базу сельского хозяйства. Они полностью разрушили 137 научно-исследовательских сельскохозяйственных институтов; уничтожили 176 инкубаторных птицеводческих станций и 14 селекционных станций, снабжавших колхозы высококачественными семенами сельскохозяйственных культур.

Разрушение школ, научных учреждений и учреждений здравоохранения

Немецко-фашистские захватчики причинили огромный ущерб культурным учреждениям советского народа. Они разрушили школы, высшие учебные заведения, научные институты, библиотеки, больницы, санатории, дома отдыха.

На территории Советского Союза, подвергавшейся немецкой оккупации, к началу 1941 года было 82 тыс. начальных и средних школ с 15 миллионами учащихся. Все средние школы имели библиотеки, насчитывавшие от 2 до 25 тысяч томов книг каждая, те или другие оборудованные физические, химические, биологические и другие кабинеты. Для размещения детей, живущих далеко, при многих средних школах существовали общежития.

Немецко-фашистские захватчики сожгли, разрушили и разграбили эти школы со всем имуществом и оборудованием. Миллионы советских детей вынуждены были прекратить учение, а после изгнания оккупантов возобновить его в неприспособленных школах, лишённых необходимого оборудования, книг и наглядных пособий.

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 334 высших учебных заведения, в которых обучалось 233 тысячи студентов, а оборудование лабораторий и кабинетов, уникальные экспонаты университетских и институтских коллекций и библиотеки вывезли в Германию.

В результате разрушений сильно пострадал Киевский Государственный университет, в котором уничтожены учебное и научное оборудование, сотни лабораторий и ценнейшие коллекции.

В Ленинградском университете артиллерийским обстрелом повреждено главное здание, а также здания физического и химического институтов.

Большой ущерб причинён медицинским высшим учебным заведениям. В Ленинграде от вражеских обстрелов пострадали известный Медицинский институт имени Павлова и институт усовершенствования врачей имени С. М. Кирова, на Украине первый и второй Харьковские, Киевский, Днепропетровский и Сталинский медицинские институты. В Воронежском медицинском институте разрушены 22 здания, в Смоленском медицинском институте разрушено 17 зданий.

Оккупанты разрушили и ограбили 137 педагогических и учительских институтов — в Пскове, Новгороде, Смоленске, Феодосии, Орле, Ростове-на-Дону, Симферополе, Харькове, Киеве, Ворошиловграде, Минске, Могилёве, Гомеле и других городах.

Они вывезли из специальных библиотек историко-архивные материалы и старинные рукописи; расхитили и уничтожили в массовых библиотеках свыше 100 миллионов томов книг.

Немецко-фашистские захватчики преднамеренно разрушали учреждения науки, сжигали и разоряли лаборатории, библиотеки, расхищали ценнейшее имущество и оборудование. Всего ими было уничтожено 605 научно-исследовательских институтов.

Воздушными бомбардировками и артиллерийскими обстрелами во время блокады Ленинграда было разрушено 8 зданий научных учреждений и 32 оранжереи Ботанического сада Академии наук с редчайшей коллекцией тропических и субтропических растений.

Немцы уничтожили близ Ленинграда Главную астрономическую обсерваторию в Пулкове. Она была снабжена редчайшими инструментами, изготовленными выдающимися мировыми и советскими мастерами. В обсерватории находился первоклассный солнечный телескоп оригинальной конструкции лауреата Сталинской премии И. Пономарёва.

В Крыму немецко-фашистские захватчики разрушили Симеизскую астрономическую обсерваторию, основанную в 1908 году, а оборудование её — 40-дюймовый большой отражательный телескоп, измерительные приборы, библиотеку, насчитывавшую свыше 9 тысяч негативов со снимками неба и спектрами звёзд,—вывезли в Германию.

Огромный ущерб немцы причинили лечебным учреждениям СССР. Они разрушили и разграбили 6 тысяч больниц, 33 тысячи поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 976 санаториев, 656 домов отдыха. Они уничтожили также 60 фабрик и заводов химико-фармацевтической и медико-инструментальной промышленности и среди них: Витебскую очковую фабрику, Полтавскую фабрику термометров, Харьковский, Киевский и Одесский химико-фармацевтические и другие заводы.

Особенно пострадали от преступных действий фашистов и превращены в развалины многочисленные санаторно-курортные учреждения всесоюзной здравницы на Южном берегу Крыма, на Кавказских Минеральных Водах, в Одессе и других местах, где ежегодно лечились и отдыхали несколько миллионов трудящихся.

В Севастополе немцы разрушили Научно-исследовательский институт имени Сеченова, являвшийся всесоюзным центром по разработке и применению в курортной практике физических методов лечения.

В помещениях любимого советскими детьми всесоюзного пионерского лагеря «Артек» немцы разрушили главный корпус, дачу «Орлиное гнездо», дворец Суук-Су и многие другие постройки.

Они вырубili в Крыму леса и парки, выращенные вблизи санаториев и на Ай-Петринской Яйле, а также уничтожили питомники с посадочным материалом для лесокультурных работ.

Разрушение музеев и исторических памятников

Немецко-фашистские захватчики разрушили на оккупированной территории 427 музеев из общего числа 992 музеев, имевшихся в Советском Союзе, в том числе: в Российской СФСР — 173, в Украинской ССР — 151, в Белорусской ССР — 26, в Литовской ССР — 15, в Эстонской ССР — 26, в Латвийской ССР — 30, в Карело-Финской ССР — 2 и в Молдавской ССР — 4 музея.

Погибли богатейшие музеи Смоленска, Сталинграда, Ленинграда, Новгорода, Полтавы, Чернигова и других городов.

В Херсонесском историко-археологическом музее немецкие захватчики разрушили свыше 150 тысяч предметов и коллекций, освещавших историю народов Черноморья.

В порту Керчи немцы уничтожили панораму «Штурм Перекопа», выполненную советскими художниками. Большие повреждения причинены знаменитой панораме «Оборона Севастополя» академика Рубо. В Сталинградской картинной галлее они уничтожили все экспонаты — работы кисти Репина, Шишкина, Айвазовского, Серова, Маковского, Иванова и других. Пострадали все художественные музеи Крыма, разграблены коллекции Бахчисарайского дворца-музея, включая Большой коран Бахчисарайской ханской мечети со множеством орнаментальных украшений.

Немецко-фашистские захватчики причинили большой ущерб бывшим царским дворцам в Пушкине, Павловске, Гатчине, превращённым после Октябрьской Социалистической революции в музеи. Из этих дворцов-музеев они вывезли в Германию гарнитуры старинной художественной русской и французской мебели, ценные книги дворцовых библиотек, предметы изобразительного искусства, художественный фарфор и другие экспонаты.

С особой ненавистью немцы отнеслись к наиболее дорогим советскому народу памятникам культуры.

Они осквернили Пушкинский заповедник и усадьбу в Михайловском, где великий поэт писал «Евгений Онегин», «Цыганы», «Борис Годунов»; сожгли дом-музей и разрушили могилу А. С. Пушкина в Святогорском монастыре, вырубili вековые деревья в парке. Мебель, предметы домашнего обихода и библиотеку поэта вывезли в Германию.

Такое же варварство немцы проявили и в отношении заповедника «Ясная Поляна», где родился, жил и творил гениальный русский писатель Л. Н. Толстой. Заняв «Ясную Поляну» 30 октября 1941 года, они разорили, изгадили и подожгли её. Редчайшие рукописи, книги и картины разорвали, выбросили или уничтожили, а могилу писателя осквернили. Мебелью и книгами отапливали дом. В ответ на протесты сотрудников музея против этих бесчинств германский офицер Шварц заявил: «Мы сожжём всё, что связано с именем вашего Толстого».

В Клину немецко-фашистские захватчики разрушили дом гениального русского композитора П. И. Чайковского, в котором он создал всемирно известные оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и много других прославленных музыкальных произведений. В самом здании музея немецкие офицеры и солдаты устроили гараж для мотоциклетов и отапливали этот гараж нотами, книгами, мебелью и другими экспонатами, находившимися в музее.

Немцы уничтожили также музей крестьянского поэта С. Д. Дрожжина — в селе Завидове, музей народного

поэта И. С. Никитина — в Воронеже и музей знаменитого польского поэта Адама Мицкевича — в Новогрудке Белорусской ССР. В Алагире они сожгли материалы народного певца Осетии Коста Хетагурова.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 44 тысячи зданий театров, клубов, красных уголков. В результате воздушных налётов и артиллерийского обстрела пострадали: в Ленинграде — академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова, академический театр имени А. С. Пушкина и малый оперный театр; в Москве — Государственный академический Большой театр и театр имени Вахтангова. Немцы подожгли театры Эстонской ССР, разрушили в Киеве драматический театр Красной Армии и Театр юного зрителя им. Горького, а также уничтожили городские театры в Петрозаводске, Новгороде, Макеевке. Из Смоленского и Одесских театров они вывезли костюмы, нотный материал, реквизит и библиотеки.

Разрушение и ограбление монастырей, церквей, костёлов, синагог и других учреждений религиозного культа

За время Отечественной войны немецко-фашистские захватчики уничтожили и повредили на территории СССР, подвергавшейся оккупации, 1.670 церквей, 237 римско-католических костёлов, 69 часовен, 532 синагоги и 258 других зданий, принадлежащих учреждениям религиозных культов.

Они разрушили в Чернигове: древний Борисоглебский собор, построенный в начале XII века, церковь Параскевы-Пятницы-на Торгу — ценнейший памятник русской архитектуры XII века и собор Полоцкого Ефросиниева монастыря, построенного в 1160 году.

В Новгороде немецко-фашистские захватчики разрушили Антониев, Хутынский, Зверин, Деревяницкий и другие древние монастыри; художественный памятник —

знаменитую церковь Спаса Нередицы постройки XII века превратили в развалины; повредили здания Новгородского Кремля, в том числе: церковь святого Андрея Стратилата, Покровскую церковь, звонницу Софийского собора постройки XIV—XVI веков. В окрестностях Новгорода от вражеского обстрела погибли собор Кириллова монастыря и церкви: Николы «на Липке», Благовещения «на Городище», Спаса «на Ковалёве», Успения «на Болотовом поле», Михаила архангела в Сковородинском монастыре, св. Андрея «на Ситке» — все постройки XII—XIV веков.

В груды кирпича превращена Успенская церковь Киево-Печерской лавры, построенная в 1073 году, а вместе с ней и 8 монастырских корпусов.

Разрушая монастыри, храмы, мечети и синагоги, расхищая их утварь, немецкие захватчики глумились над религиозным чувством людей. Солдаты и офицеры приходили в храмы в шапках, курили здесь, надевали на себя церковное облачение, держали в церквях лошадей и собак, из икон устраивали нары для спанья.

Разрушение культурно-бытовых учреждений, общественных организаций и кооперации

В потребительской и промысловой кооперации, в профессиональных союзах и в других общественных организациях немецкие захватчики разрушали на территории СССР, подвергавшейся оккупации, предприятия, магазины и лавки, клубы, стадионы, дома отдыха, санатории.

У кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций они уничтожили свыше 87 тыс. зданий хозяйственного назначения, в том числе: 27 тыс. магазинов; лавок и ларьков, 26 тыс. складов и торговых баз, 10 тыс. жилых зданий и 1.839 культурно-бытовых учреждений. Они утащили в Германию 700 паровых котлов, 636 локомотивов, 16 тысяч электромоторов, 12 тысяч

металлорежущих, 9 тысяч деревообделывающих и 8 тысяч ткацких станков, 7 тысяч автомашин, 70 тысяч швейных и специальных машин, около 8 миллионов томов книг, а также отобрали много скота, обуви, тканей и других материальных ценностей. В результате было разрушено свыше 40 процентов всей торговой сети потребкооперации СССР и ликвидировано свыше 17 тысяч потребительских обществ и 1.600 районных союзов. Из владений профессиональных союзов немецкие захватчики полностью уничтожили 120 санаториев и 150 домов отдыха, которыми ежегодно обслуживалось более 3 миллионов рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Из этого общего числа в Крыму они разрушили 59 санаториев и домов отдыха на 11.900 мест, на Кавказских Минеральных Водах — 32 санатория и дома отдыха на 5.400 мест, в Ленинградской области — 33 санатория и дома отдыха на 7.700 мест, на Украине — 88 санаториев и домов отдыха на 18.700 мест.

От разрушения пострадали такие известные санатории и дома отдыха, как: Горный санаторий по лечению туберкулёза «Долоссы» в Симеизе, Институт физических методов лечения в Феодосии, Алуштинский дом отдыха, Одесский нервносоматический санаторий, Пушкинский туберкулёзный санаторий в Ленинграде и многие другие.

Немецко-фашистские захватчики разрушили здания 46 пионерских лагерей и детских оздоровительных учреждений, принадлежащих профсоюзам.

Они уничтожили 189 клубов и дворцов культуры, в том числе: в Ленинграде — Дом учителя профсоюза работников начальной и средней школы; в городе Красный Луч — Дворец культуры профсоюза рабочих каменно-угольной промышленности Донбасса; одновременно обслуживавший 4.000 человек; в Ростове-на-Дону — Дворец культуры профсоюза рабочих железных дорог Юга на 3 тысячи человек; дворцы культуры и клубы в Сталинграде, Краматорске, Сталино, Горловке, Енакиеве, Харькове и во многих других местах.

Массовое ограбление немцами советских граждан

Во всех республиках, краях и областях Советского Союза, подвергавшихся оккупации, немецко-фашистские захватчики грабили сельское и городское население, отбирали имущество, ценные вещи, одежду, предметы домашнего обихода, облагали мирных жителей штрафами, налогами, контрибуциями.

Повсеместный грабёж населения являлся частью общей продуманной программы гитлеровского правительства — разорить Советскую страну, подорвать её благосостояние, превратить советских граждан в нищих.

Секретной инструкцией германского командования от 17 июля 1941 года, обнаруженной при разгроме штаба 68-й немецкой дивизии, указывалось на необходимость «воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне»...

Германское правительство сознательно развязывало самые низменные и зверские инстинкты у офицеров и солдат немецкой армии.

В распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии имеется огромное количество материалов и документов, которые изобличают немецко-фашистских захватчиков, как грабителей и варваров, производивших расхищение имущества не только государственных, колхозных и общественных организаций, но и личного имущества колхозников, рабочих, интеллигенции и служащих.

В Смоленской области оккупанты отобрали у городского и сельского населения лично им принадлежавшие 136 тысяч голов крупного рогатого скота, 107 тысяч свиней, 240 тысяч овец и коз, 180 тысяч тонн зернопродуктов, около 400 тысяч тонн картофеля и овощей. Фашистские захватчики сожгли в 2.265 сёлах и деревнях 129 тысяч жилых домов и 278 тысяч надворных построек, составлявших личную собственность граждан.

В Орловской области гитлеровцы сожгли и разрушили у граждан 173 тысячи домов и 197 тысяч надворных построек. Они отобрали у населения 15 тысяч лошадей, 200 тысяч голов крупного рогатого скота, 112 тысяч свиней, 312 тысяч овец и коз, около 3 миллионов голов домашней птицы, 96 тысяч тонн зерна, 14 тысяч тонн муки, 133 тысячи тонн картофеля.

Только в 10 районах Ленинградской области фашисты уничтожили 25.600 домов, принадлежавших рабочим, колхозникам и служащим. Всё личное имущество жителей в этих районах было немцами разграблено.

В Демянском и Лычковском районах они отняли у населения 4.800 пар валенок, 2.900 шуб и полушубков, 23 тысячи овчин, 40 тысяч килограммов шерсти.

В Днепропетровской области немецкие захватчики отобрали у граждан лично им принадлежавших 137 тысяч голов крупного рогатого скота, 3 тысячи лошадей, 67 тысяч свиней, 16 тысяч овец и коз, свыше миллиона голов разной домашней птицы, 36 тысяч тонн зерна и муки, 35 тысяч тонн картофеля и овощей; сожгли и разрушили 57 тысяч жилых домов и 33 тысячи надворных построек.

В Сумской области гитлеровцы сожгли и разрушили 130 тысяч жилых и надворных построек, принадлежавших гражданам; отобрали у них 106 тысяч голов крупного рогатого скота, 5 тысяч лошадей, 29 тысяч овец и коз, 52 тысячи свиней, 67 тысяч тонн зерна и муки, 47 тысяч тонн картофеля.

Проводя организованное ограбление рабочих, колхозников и служащих в Черниговской области, немецкий карательный отряд 18 апреля 1943 года окружил село Загребальная Слобода и открыл пулемётный огонь. Жители, оставив всё имущество, бежали в лес, после чего их имущество было полностью разграблено, а село сожжено.

Таким способом немцы уничтожили близ города Чернигова сёла Бобровицу и Ярцево, районный центр Крюковку, рабочий посёлок Алексеевку, сёла Елено, Кувечино, Козары, Пески, Клубовку и другие. Они сожгли

здесь у граждан 30 тысяч жилых домов, 70 тысяч надворных построек, отобрали у них 140 тысяч голов крупного рогатого скота, 790 тысяч голов птицы, уничтожили сады с 330 тысячами плодовых деревьев.

У граждан Полоцкой области немецкие захватчики отобрали 70 тысяч голов крупного рогатого скота, 17 тысяч лошадей, 51 тысячу свиней, 148 тысяч овец и коз, 178 тысяч тонн зерна и муки. Они сожгли у них 94 тысячи жилых домов и надворных построек; уничтожили сады с 36 тысячами деревьев многолетних насаждений. Лишь немногим из пострадавших удалось спасти своё домашнее имущество, носильные вещи и одежду.

В Витебской области немцы отобрали у граждан 109 тысяч голов крупного рогатого скота, 189 тысяч овец и коз, 820 тысяч голов разной домашней птицы, 39 тысяч тонн зерна, 156 тысяч тонн картофеля и овощей.

Немецко-фашистские захватчики отобрали у крестьян Латвийской, Литовской и Эстонской Советских республик землю, которой их наделила Советская власть, и передали её немецким баронам и кулакам.

Рейхскомиссар «Остланд» (Прибалтики) Лозе в приказе от 13 сентября 1941 года объявил: «Весь принадлежащий сельскому хозяйству живой и мёртвый инвентарь переходит в пользование старых владельцев или соответственно назначенных управляющих, которые несут ответственность за всё ведение хозяйства».

Под предлогом исполнения этого приказа гитлеровцы сгоняли трудовое крестьянство Прибалтики с земли, отбирали у него сельскохозяйственный инвентарь и оборудование, отняли даже лес, заготовленный крестьянами для строительства жилых построек.

В Латвийской ССР немецкие захватчики отобрали у бывших батраков, безземельных и малоземельных крестьян 600 тысяч гектаров земли, весь скот и сельскохозяйственный инвентарь, на приобретение которого Латвийское Советское правительство выдало им ссуду в размере 27 миллионов рублей.

Немцы отобрали у латышских крестьян и вывезли в Германию 320 тысяч единиц сельскохозяйственного оборудования и инвентаря, около 2 миллионов голов скота; уничтожили 500 тысяч плодовых деревьев, отобрали, разграбили или вывезли свыше 9 миллионов тонн сельскохозяйственных продуктов.

У литовских граждан немецкие захватчики отобрали 620 тысяч голов крупного рогатого скота, 220 тысяч лошадей, 770 тысяч свиней, 270 тысяч овец и коз, 760 тысяч тонн зерна, 485 тысяч тонн прочих сельскохозяйственных продуктов.

С целью грабежа и кровавой расправы с населением фашистские захватчики совершали налёты карательных отрядов на сёла и деревни.

В сентябре 1942 года офицеры и солдаты 15 полицейского полка на территории Белорусской ССР ограбили и расстреляли поголовно всех жителей деревень Борисовки, Борок и Заболочье, после чего деревни сожгли дотла.

Командир роты этого полка обер-лейтенант Мюллер после уничтожения деревни Борки с исключительным цинизмом рапортовал своему начальнику: «...Конфискация зерна и инвентаря происходила, если не считать сдвига во времени, планомерно. Число телег оказалось достаточным, так как количество зерна было невелико и место, куда складывалось необмолоченное зерно, недалеко.

Погонщики скота собрались быстро; работали они ловко и усердно. Неблагоприятным оказалось то обстоятельство, что в поместье Мокраны не было сделано никаких приготовлений, так что с кормёжкой и доением скота натолкнулись на большие трудности. Следует обсудить вопрос, не явится ли целесообразным в будущем производить заранее нужные приготовления под каким-нибудь другим предлогом.

Домашняя утварь и сельскохозяйственный инвентарь были увезены вместе с подводами с хлебом.

Привожу численный итог расстрелов. Расстреляны 705 лиц, из них мужчин 203, женщин 372, детей 130.

Число собранного скота может быть определено лишь примерно, так как на месте пригона учёта не производилось: лошадей 45, рогатого скота 250, телят 65, свиней и поросят 450 и овец 308.

При действиях в Борках было израсходовано: винтовочных патронов 786 штук, патронов для автоматов 2.496 штук.

Обер-лейтенант и исполняющий обязанности
командира роты *Мюллер*.

Таких озверевших немецких грабителей, как этот Мюллер, было много на оккупированной немцами советской земле.

Немецкие оккупанты всюду и безгранично грабили жителей советских городов.

В Киеве 6 октября 1942 года оберштумбанфюрер Шпацель обязал население сдать всё золото, серебро, все ценные вещи. Не рассчитывая на добровольное выполнение населением этого приказа, гитлеровцы разбили город на так называемые «боевые зоны», из которых все жители выселялись, и в покинутых домах производился повальный грабёж.

После занятия города Артёмовска Сталинской области немецкие солдаты и офицеры врываются в дома граждан, производили обыски и грабежи, отбирали у населения всё имущество.

В Новороссийске оккупанты отбирали у граждан под угрозой расстрела тёплую одежду, бельё, постельные принадлежности, часы, ковры, картины, ценную мебель. Награбленное имущество гитлеровцы отправляли в Германию.

В Сталинграде по приказу начальника комендатуры генерал-майора Ленинга Пауля немецкие солдаты и офицеры врываются в подвалы, в которых укрывались от бомбардировок мирные граждане, и отбирали у них все ценные вещи.

В Кисловодске в августе 1942 г. военный комендант Польша и начальник гестапо Вельден потребовали от еврейского населения города сдать все ценные вещи. Во исполнение этого приказа в немецкую комендатуру было внесено 100 тысяч рублей деньгами, 530 штук золотых и серебряных колец, портсигаров и часов, 105 дюжин серебряных ложек, 230 пар обуви, кроме того, большое количество пальто, костюмов, ковров. Всё это немцы забрали, после чего всех евреев расстреляли.

Ограбление советского населения немецкие захватчики производили на всей территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации.

Чрезвычайная Государственная Комиссия произвела учёт ущерба, причинённого оккупационными властями советским гражданам, и установила, что немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили около 4 миллионов жилых домов, составлявших личную собственность колхозников, рабочих и служащих, конфисковали у них 1,5 миллиона лошадей, 9 миллионов голов крупного рогатого скота, 12 миллионов свиней, 13 миллионов овец и коз, а также отобрали огромное количество всякого домашнего имущества.

* * *

Немецкие оккупанты, виновные в организации и осуществлении на территории Советского Союза разрушений городов и сёл, фабрик и заводов, колхозов и совхозов и в ограблении личного имущества граждан, должны нести полную ответственность за свои преступные деяния, а ущерб, причинённый немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству СССР и советским гражданам, должен быть возмещён Германией.

Опубликовано в газете «Известия» № 216
от 13 сентября 1945 года на основании
Постановления Чрезвычайной Государственной
Комиссии от 12 сентября 1945 года,
Протокол № 66.

СОДЕРЖАНИЕ

Немецко-фашистские захватчики — убийцы, насильники, души- тели культуры, цивилизации и прогресса	5
О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и в гор. Ржеве Калининской области	11
О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ростовской и Курской областях	23
О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Краснодаре и Краснодарском крае	31
О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставрополь- ском крае	33
О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области	46
О разрушении гор. Смоленска и злодеяниях, совершённых не- мецко-фашистскими захватчиками над советскими граж- данами	58
О разрушениях, причинённых немецко-фашистскими захват- чиками промышленности, городскому хозяйству, культурно- просветительным учреждениям Сталинской области	78
О зверствах немецко-фашистских захватчиков в гор. Харькове и Харьковской области	99
Сообщение Специальной Комиссии по установлению и рас- следованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров	101
О разрушениях и зверствах, совершённых немецко-фашист- скими захватчиками в городе Киеве	151
Директивы и приказы гитлеровского правительства и герман- ского военного командования об истреблении советских воен- нопленных и мирных граждан	166

Истребление гитлеровцами советских людей путём заражения сыпным тифом	183
О разрушениях и злодеяниях, произведённых немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и в Новгородском районе Ленинградской области	194
О разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Ровно и Ровенской области	204
О злодеяниях, совершённых немецко-румынскими захватчиками в городе Одессе и районах Одесской области	216
Истребление гитлеровцами советских военнопленных в «гросс-лазарете» Славута Каменец-Подольской области	231
О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР	242
О разрушениях и злодеяниях, совершённых немецко-фашистскими варварами в Пушкинском заповеднике Академии Наук СССР	256
О разрушениях памятников искусства и архитектуры в городах Петродворец, Пушкин и Павловск	265
Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершённых в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблин	277
О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске	303
О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской Советской Социалистической Республике	316
О преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской Советской Социалистической Республике	332
О злодеяниях немцев на территории Львовской области	356
О преступлениях немецких захватчиков на территории Латвийской Советской Социалистической Республики	379
О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме	400
О материальном ущербе, причинённом немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР	428

Редактор С. Мурадь

Подписано в печать 12 января 1946 г. А 00005.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» при СНК
РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

